ЖИЗНЬ

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО

И

ЕГО ПАСТЫРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

ОРШАНСКИХЪ ПОКРОВСКАГО И БОГОЯВЛЕНСКАГО МОНАСТЫРЕЙ

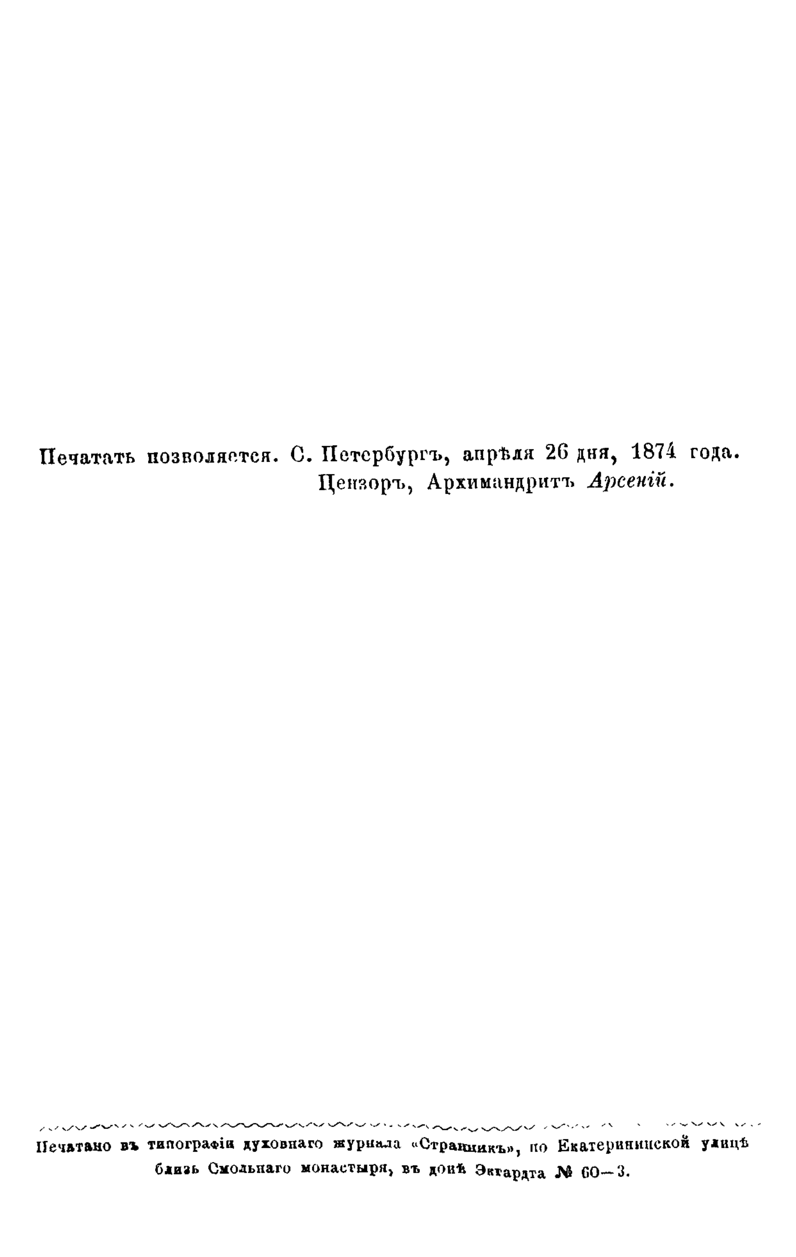
НАСТОЯТЕЛЯ, АРХИМАНДРИТА

Агапита.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, апрѣля 26 дня, 1874 года.
Цензоръ, Архимандритъ *Арсеній*.



Печатано въ типографіи духовнаго журнала «Странникъ», по Екатерининской улицѣ близь Смольнаго монастыря, въ домѣ Экгардта № 60—3.

ЖИЗНЬ
СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,
АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО
и
ЕГО ПАСТЫРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ГЛАВА I.

Четвертый вѣкъ христіанства былъ вѣкомъ необыкновеннымъ. Впродолженіе этого вѣка горизонтъ церковной жизни непрестанно озарялся великими свѣтилами, получившими наименованія великихъ вселенскихъ Отцевъ и Учителей Церкви. Едва одно свѣтило начинало склоняться къ западу, другое приближалось къ полудню, а третье уже появлялось на востокѣ. Когда Антоній Великій, озарявшій путь къ небу тысячамъ пустынножителей своимъ благодатнымъ словомъ и примѣромъ своей святой жизни, склонялся уже къ западу, святый Аѳанасій Александрійскій стоялъ на самой высотѣ полудня, украшенный уже вѣнцомъ исповѣдника, и съ этой высоты, разгоняя мракъ аріанскихъ заблужденій, озарялъ свѣтомъ праваго ученія всю Восточную Церковь. Въ тоже самое время (въ 347 г.) два другихъ великихъ свѣтила

церковныхъ, св. Григорій Богословъ и св. Василій Великій, довольно высоко уже стояли на горизонтѣ церковной жизни—будучи 17-ти лѣтъ обучались уже въ Кесарійской школѣ, и подавали большія надежды своими необыкновенными дарованіями и своимъ стремленіемъ къ христіанскому благочестію. Глава святой Православной Церкви, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, видѣвшій, сколько эти восходящія свѣтила должны просуществовать на землѣ, чтобы небо церковное не оставалось во мракѣ, вывелъ на горизонтъ въ томъже году новое свѣтило, святаго Іоанна.

Этотъ вселенскій учитель, котораго за удивительную силу и неотразимое дѣйствіе краснорѣчія называли Златоустымъ, устами Христа и устами Божіими,—родился въ Антіохіи, столичномъ городѣ Сиріи и всего востока, въ 347 году по Р. Х.

Родители св. Іоанна были христіане, и принадлежали къ лучшему антіохійскому обществу. Секундъ, отецъ его, занималъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ вѣдомствѣ главнаго начальника всѣхъ войскъ, находившихся въ Сиріи. Анѳуса, мать Златоуста, отличалась превосходными качествами души и сердца, особенно живою вѣрою, крѣпкою любовію и удивительнымъ благочестіемъ.

Кажется ни въ чемъ не было недостатка къ счастію этого семейства. Окруженное богатствомъ и почестями, отличавшееся богобоязненностію и благочестіемъ, оно могло надѣяться на ненарушимое спокойствіе и благоденствіе; но счастіе человѣческое никогда не бываетъ совершенно и прочно. Секундъ въ то самое время, какъ счастіе особенно ему благопріятствовало, внезапно сраженъ былъ смертію, и оставляя

землю, оставилъ на ней юную вдову, двадцати лѣтъ отъ роду, съ малолѣтнею дочерью и сыномъ, покоившимся въ колыбели.

Оставленная съ двумя юными дѣтьми среди людей по большой части несправедливыхъ и развращенныхъ, обремененная заботами по управленію домомъ и воспитаніемъ дѣтей, Анѳуса живо чувствовала несчастіе, поразившее ее. Не смотря на свою живую вѣру и искреннее благочестіе, не могла однако же удержаться отъ слезъ,—и горько и долго оплакивала Секунда, супруга своего: но вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйно чтила неисповѣдимыя судьбы Промысла Божія и съ дѣтскою покорностію предавалась въ святую волю Его.

Въ несчастіяхъ, постигающихъ насъ, мы не рѣдко ропщемъ на Провидѣніе, но нашъ ропотъ всегда обнаруживаетъ или нашу слѣпоту, или несправедливость. И это все происходитъ отъ того, что мы часто не хотимъ и не можемъ сообразить встрѣчающихъ насъ печальныхъ обстоятельствъ съ ихъ благотворными слѣдствіями, и еще чаще не хотимъ понять того, что всякое событіе любящимъ Господа поспѣшествуетъ во благое.

Столь благія вѣрованія не отступали отъ Анѳусы и укрѣпляли ее въ столь страшномъ испытаніи. Въ полномъ цвѣтѣ юности и красоты, щедро надѣленная всѣми дарами счастія, и въ тоже время украшенная превосходными качествами ума и сердца, она, безъ сомнѣнія, могла вступить въ новое супружество; но послѣ несчастія, поразившаго ее, ничто уже въ мірѣ не плѣняло ее. Анѳуса хорошо понимала пустоту мірскихъ удовольствій и не колебалась въ выборѣ состоянія. Подкрѣпляемая ученіемъ Апостола, утѣшае-

мая въ своемъ несчастіи сыномъ, въ чертахъ котораго находила большое сходство съ благородными выраженіями лица покойнаго супруга, и еще болѣе хранимая и руководимая невидимою рукою Промысла, она рѣшилась навсегда остаться въ своемъ вдовствѣ, и по благодати Божіей, пребыла непоколебимою среди всѣхъ бурь и тревогъ міра.

Проникнутая важностію священныхъ обязанностей матери, возлагаемыхъ на нее Промысломъ Божіимъ, Анѳуса всѣ силы свои устремила къ тщательному исполненію ихъ. Слѣдствіемъ такой рѣшимости было то, что первые годы св. Іоаннъ провелъ подъ надзоромъ своей богобоязненой матери, и отъ нея получилъ первые спасительные уроки въ христіанскихъ истинахъ и въ христіанскомъ благочестіи. Конечно она, по примѣру многихъ, могла возложить обязанности воспитанія дѣтей на другихъ, но никто не могъ-бы такъ хорошо исполнить сихъ обязанностей, сколько естественныхъ, столько и пріятныхъ для матери, отъ внимательности и невнимательности исполненія коихъ, по большой части, зависитъ счастливая или несчастливая будущность дѣтей. Анѳуса хорошо понимала это, и потому обязанностію воспитанія дѣтей занялась съ такою ревностію, и исполнила съ такимъ успѣхомъ, что сдѣлалась предметомъ удивленія не только для христіанъ, но даже и для самыхъ язычниковъ. Знаменитый въ свое время язычникъ, Ливаній, выслушавъ разсказъ св. Іоанна о его родителяхъ, воскликнулъ: «какія удивительныя жены у христіанъ»! [1]

Св. Іоаннъ съ такимъ усердіемъ слѣдовалъ спа-

[1] Хр. Чт. 1850 г. сл. Злат. т. 3. къ молод. вдовѣ § 3, стр. 406.

сительнымъ наставленіямъ и примѣру благочестивой жизни своей матери, что, въ самомъ нѣжномъ возрастѣ первой юности, онъ уже былъ для нея величайшею радостію и утѣшеніемъ. Сила и постоянство были основными свойствами его характера. Живое сѣмя евангельской вѣры, насажденное въ душѣ Іоанна съ первыхъ лѣтъ его дѣтства, съ каждымъ годомъ возрастая въ немъ при дѣйствіи благодати, благочестивыхъ наставленій матери и прилежнаго чтенія св. Писанія, уже проявляли въ немъ тѣ рѣдкія и превосходныя качества ума и сердца, которыя впослѣдствіи сдѣлали его великимъ и святымъ Іерархомъ Церкви. Счастливы дѣти, у которыхъ такія матери! Счастливы и матери, имѣющія такихъ дѣтей!

Впрочемъ, занимаясь первоначальнымъ воспитаніемъ дѣтей, Анѳуса не упускала изъ вниманія и дѣлъ домашнихъ, слѣдствіемъ чего было то, что она не только сохранила въ цѣлости все имущество, оставшееся послѣ смерти Секунда, но и пріумножила его, употребляя на воспитаніе сына то, что она получила отъ своихъ родителей при вступленіи въ замужество.

Если-бы св. Іоаннъ не предъявлялъ особой склонности и особыхъ способностей къ научному образованію, то мать его, Анѳуса, конечно могла-бы закончить его образованіе домашнимъ воспитаніемъ, котораго достаточно было, что бы сдѣлать его добрымъ и разумнымъ христіаниномъ. Но такъ какъ св. отрокъ проявлялъ необыкновенныя дарованія и рвеніе къ наукамъ, то любящая и попечительная мать озаботилась доставить ему лучшихъ наставниковъ; и этого ей не трудно было достигнуть, какъ

потому, что въ Антіохіи собраны были самые ученые наставники по всѣмъ отраслямъ наукъ, такъ и потому, что богатое наслѣдство, оставшееся послѣ отца и собственно принадлежащее ей, давали полную возможность къ тому.

Прежде устроенныя христіанскія школы были закрыты богоотступникомъ Юліаномъ, а новыхъ еще не образовалось, поэтому Анѳуса вынуждена была отдать своего сына для дальнѣйшаго образованія въ языческія школы. Впрочемъ это обстоятельство не внушало благочестивой матери никакихъ опасеній за отрока. Въ сердцѣ св. Іоанна довольно уже крѣпко насаждена была вѣра въ Бога съ любовію къ Нему; кромѣ того онъ нѣжно любилъ свою мать и, такъ какъ обладалъ еще чистою душею, незапятнанною никакою грѣховною склонностію или привычкою, обращался къ ней съ дѣтскою откровенностію. А эта откровенность давала матери полную возможность слѣдить за движеніями воли сына и его сердечными влеченіями, чтобы давать имъ лучшее направленіе.

Въ школахъ св. Іоаннъ съ полнымъ усердіемъ занимался всѣми науками школьнаго образованія; но преимущественно вниманіе обращалъ на краснорѣчіе. И успѣхи, дѣланные имъ въ наукахъ и особенно въ краснорѣчіи, были такъ велики, что ему удивлялись не только товарищи, но и опытнѣйшіе учители и судьи словеснаго искуства. Самъ Ливаній, знаменитѣйшій въ то время софистъ, счастливый и гордый тѣмъ, что имѣетъ такого ученика, желая дать нѣкоторымъ софистамъ, своимъ друзьямъ, понятіе о необыкновенныхъ его дарованіяхъ, прочелъ въ присутствіи

ихъ рѣчь, писанную св. Іоанномъ въ похвалу императоровъ [1]. По *окончаніи* чтенія всѣ единодушно рукоплескали, а Ливаній въ восторгѣ воскликнулъ: «счастливъ писатель, умѣющій такъ прославлять императоровъ!—Но также счастливы императоры тѣмъ, что царствуютъ въ такое время, когда міръ владѣетъ такимъ удивительнымъ писателемъ!»—Этотъ софистъ оставилъ еще и другое доказательство того высокаго *понятія*, какое онъ имѣлъ о познаніяхъ и краснорѣчіи св. Іоанна. Предъ смертію своею, на вопросъ друзей: кого-бы онъ желалъ имѣть своимъ преемникомъ? отвѣчалъ, что онъ избралъ бы Іоанна, если бы его не похитили христіане [2].

По окончаніи ученія словеснымъ наукамъ, св. Іоаннъ, для довершенія своего образованія во внѣшнихъ наукахъ, перешелъ къ извѣстному въ то время философу Андрагаѳію и слушалъ у него уроки философіи [3]. Наставленія Андрагаѳія въ философіи много способствовали раскрытію и усовершенствованію въ Іоаннѣ наблюдательности ума, яснаго и вѣрнаго взгляда на предметы, которыми отличаются его сочиненія. Но какъ трудно молодому человѣку, богатому, ученому, краснорѣчивому, искренно и глубоко почитаемому наставниками, товарищами, и цѣлымъ обществомъ, окруженному непрестанными похвалами,—сохранить свое сердце отъ обольщенія обманчивымъ блескомъ суетности и тщеславія! Непрестаннымъ страхомъ душа стѣсняется за него, чтобы

---

[1] Эта рѣчь была прислана св. Іоанномъ послѣ по выходѣ изъ училища.

[2] Созоменъ 8, 2.

[3] Сократъ 6, 3.

онъ, подобно кораблю, пущенному въ море безъ парусовъ, безъ кормчаго, безъ матросовъ, не разбился о подводные камни плѣнительныхъ для юности страстей. Но Іоаннъ умѣлъ, при помощи Божіей, всего этого избѣгнуть. Руководимый наставленіемъ и примѣромъ благочестивой жизни своей матери, не смотря на блистательный успѣхъ во всемъ, всегда былъ смиренъ, простъ и скроменъ. Его одежда всегда была чистая и приличная его состоянію, но безъ роскоши и безъ всякой изысканности; никогда нельзя было замѣтить въ его движеніяхъ, въ его походкѣ и обращеніи съ другими, изысканности и желанія выказать себя, которыя всегда служатъ признакомъ ума легкаго и человѣка не разумнаго. Тогда какъ нѣкоторые изъ его товарищей, вмѣстѣ съ нимъ учившихся, одни являлись въ училище верхомъ на лошади богато убранной, другіе въ великолѣпныхъ колесницахъ, или окруженные толпою слугъ или рабовъ, сынъ Секунда приходилъ туда иногда одинъ, или въ сопровожденіи только одного слуги. Напрасно друзья его отца убѣждали его пріобрѣсть экипажъ, приличный его рожденію и соотвѣтствующій его состоянію. «Я не хочу подчиняться предубѣжденіямъ другихъ», отвѣчалъ онъ,—«я могу обойтись и безъ этихъ излишествъ, я не люблю ни блеска ни роскоши, которой не можетъ одобрить ни разумъ, ни ученіе богодухновенныхъ писателей. Слово Божіе говоритъ: *всякъ возносяйся смирится, а смиряяйся вознесется*».

Во время своего пребыванія въ школахъ, онъ соединился тѣсными узами дружбы съ нѣкоторыми изъ школьныхъ товарищей; болѣе извѣстные изъ нихъ были: Ѳеодоръ, въ послѣдствіи епископъ мопсует-

скій, Максимъ, потомъ епископъ Селевкіи Исаврійской, и особенно Василій, который былъ посвященъ въ епископа Раѳанейскаго въ Сирію. Эти новые друзья, изучавшіе одни и тѣже науки, сходные по характерамъ и по намѣреніямъ, другъ друга поддерживали въ стремленіи къ добродѣтели. Живя среди міра языческаго, они главнымъ занятіемъ для себя имѣли Господа Іисуса и изученіе Его божественныхъ правилъ, заключенныхъ въ Евангеліи [1]. Они постоянно упражнялись въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Св. Іоаннъ особенно отличался скромностію и постоянствомъ любви. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ столько заключалось мудрости, снисходительности и благочестія, что всѣ знавшіе его искренно его любили.

Но вотъ, наконецъ, сынъ Анѳусы достигъ осьмнадцатилѣтняго возраста, курсъ ученія кончился, и онъ своимъ краснорѣчіемъ и необыкновенными талантами пріобрѣлъ уже себѣ извѣстность. Настало для него время избранія общественной службы, время чрезвычайно важное въ жизни человѣка; потому что отъ этого не рѣдко зависитъ вся будущность его, счастіе или несчастіе цѣлой жизни. По собственному-ли влеченію, или по совѣту учителей, или кого либо изъ друзей своихъ, св. Іоаннъ сначала обратилъ свой взоръ на судебныя мѣста, и избралъ для себя званіе адвоката. Дѣйствительно, никто не могъ съ такимъ успѣхомъ упражняться на этомъ поприщѣ, какъ онъ. Счастливая память, необыкновенная прямота и честность характера, живое воображеніе, благородство въ обращеніи, свободное выраженіе

---

[1] Созоменъ 8, 2.

мыслей, въ особенности любовь къ справедливости, могли обѣщать ему впереди блистательный успѣхъ. И онъ со всѣмъ усердіемъ занялся этимъ дѣломъ, и въ немногое время пріобрѣлъ себѣ извѣстность между адвокатами.

Но къ чему послужитъ человѣческая слава, если будетъ потеряна душа? А какъ трудно, живя среди міра, не плѣниться обманчивымъ блескомъ разнообразныхъ удовольствій свѣта, или неувлечься потокомъ суетныхъ обычаевъ и дурныхъ примѣровъ! Люди большею частію слѣпо слѣдуютъ примѣру другихъ; сначала съ отвращеніемъ, какъ бы сражаясь съ упреками совѣсти, потомъ дѣлаютъ тоже изъ уваженія къ лицамъ окружающимъ ихъ, далѣе мало по малу сближаются со всякимъ зломъ, и наконецъ доходятъ до того, что совершенно безъ страха и безъ упрековъ совѣсти рѣшаются на то, что считали для себя прежде величайшимъ преступленіемъ. Нѣчто подобное случилось и съ Іоанномъ. Новыя связи съ нѣкоторыми лицами, успѣхъ въ дѣлахъ, предубѣжденія въ пользу обычаевъ того общества, къ которому принадлежалъ, до того разсѣяли его душу, доселѣ мирную и сосредоточенную, что сынъ Анѳусы вскорѣ потерялъ прежнее сердечное влеченіе къ чтенію св. Писанія, въ которомъ съ дѣтства находилъ величайшее утѣшеніе; дѣла благочестія и упражненіе въ нихъ уже не такъ услаждали его, какъ прежде,—онъ искалъ въ другомъ мѣстѣ радостей и наслажденій. Слѣдуя общему обычаю, посѣщалъ зрѣлища и другія мѣста, коихъ вредное вліяніе на нравственность изображалъ въ послѣдствіи съ такою силою. Но выслушаемъ его собственный разсказъ о своихъ несчастіяхъ.

«Много было у меня друзей искреннихъ и вѣрныхъ, знавшихъ и строго соблюдавшихъ законы дружества. Но изъ числа многихъ одинъ превосходилъ всѣхъ другихъ любовію ко мнѣ, и столько отличался передъ ними расположеніемъ ко мнѣ, сколько сіи послѣдніе въ сравненіи съ людьми, не имѣвшими особливой ко мнѣ привязанности. Онъ всегда былъ неразлучнымъ спутникомъ моимъ, мы учились однимъ наукамъ, слушали однихъ учителей, съ одинаковою охотою и ревностію занимались краснорѣчіемъ и другими науками, одинаковыя имѣли желанія и изъ одного источника проистекавшія. И не только въ то время, когда ходили къ учителямъ, но и по выходѣ изъ училища, когда надлежало совѣтоваться, какъ лучше избрать намъ путь жизни, и въ семъ случаѣ мы оказались согласными въ нашихъ мысляхъ. Кромѣ того и другія причины сохранили союзъ нашъ неразрывнымъ и твердымъ. Ибо мы не могли превозноситься одинъ передъ другимъ преимущественною славою отечества, не случилось такъ же и того, чтобы я изобиловалъ богатствомъ, а онъ жилъ въ крайней бѣдности; но и мѣра нашего имущества столь-же была равна, какъ и наши чувствованія. Но когда другъ мой, поистинѣ блаженный, рѣшился посвятить себя иноческой жизни и истинной философіи, тогда на вѣсахъ жизни нашей потерялось равновѣсіе. Его жребій, по причинѣ легкости своей, возвысился, а я, все еще увлекаемый желаніями мірскими, унизилъ мою участь, клонилъ ее долу, отяготивъ юношескими мечтами. Хотя дружба наша оставалась и послѣ того крѣпкою по прежнему, но союзъ общежитія растор-

гнулся. Ибо не возможно было жить вмѣстѣ тѣмъ, у которыхъ различны были желанія» [1].

Но, къ счастію, ослѣпленіе не долго продолжалось. Благодать Божія часто возбуждала въ немъ внутреннее недовольство своею жизнію и стремленіе къ жизни тихой, посвященной духовнымъ подвигамъ и размышленію о предметахъ Божественныхъ. Это благочестивое расположеніе было поддерживаемо и укрѣпляемо въ душѣ св. Іоанна другомъ его Василіемъ. Чуждый мірскихъ развлеченій, посвятившій все время чтенію священныхъ книгъ и нравственному самоусовершенствованію, Василій въ бесѣдахъ съ Іоанномъ убѣждалъ его перемѣнить образъ жизни и занятій, и искренно радовался, когда замѣчалъ въ своемъ другѣ стремленіе освободиться отъ оковъ міра.

«Когда я освободился отъ житейской бури», продолжаетъ Златоустъ, «онъ принялъ меня съ распростертыми руками. Впрочемъ и тогда мы не могли соблюсти прежняго равенства. Съ великою ревностію проходя подвигъ свой, къ тому-же упредивъ меня и самымъ временемъ, онъ достигъ великой высоты и далеко оставилъ меня за собою. Но будучи снисходителенъ, и дорого цѣня дружбу мою, тогда какъ онъ отказался отъ обращенія со всѣми другими, со мною раздѣлялъ все время» [2]. Чтобъ сравниться въ нравственныхъ совершенствахъ съ своимъ другомъ Василіемъ, Златоустъ съ этого времени сталъ употреблять чрезвычайныя усилія надъ собою. Приходя въ ужасъ при мысли объ опасности, въ которой находилась

---

[1] Злат. о священ. сл. 1-е.

[2] Тамъ же стр. 129.

душа его, онъ оплакивалъ слѣпоту свою и никогда не забывалъ того, какою онъ былъ обязанъ благодарностію Богу, исторгшему его изъ опасности вѣчной погибели.

Обращеніе его къ Богу было совершенное, онъ рѣшился всецѣло посвятить себя Богу. Съ сей минуты онъ снялъ съ себя свѣтскія богатыя одежды и, чтобы лучше укрыться отъ докучливости друзей, онъ одѣлся въ иную бѣдную одежду [1] чернаго цвѣта. Такая одежда носима была тѣми изъ христіанъ первыхъ вѣковъ, которые, оставивъ все мірское, хотѣли проводить жизнь совершеннѣйшую, жизнь аскетическую. Такимъ образомъ св. Златоустъ торжественно отрекся отъ всякой суеты мірской и совершенно предался самоумерщвленію и оплакиванію своихъ грѣховъ. Онъ заключился въ домѣ своей матери, и съ сихъ поръ его почти никогда не видали въ общественныхъ собраніяхъ. Все время онъ всецѣло посвящалъ молитвѣ, чтенію св. Писаніи и размышленію о предметахъ Божественныхъ [2]; умерщвлялъ плоть свою постомъ и бдѣніемъ, и на краткое время предавался сну на голой землѣ, чтобъ воздать долгъ природѣ послѣ многотруднаго и продолжительнаго бодрствованія. Напрасно прежніе друзья его и почитатели роптали на него за его уединеніе, напрасно смѣялись надъ его поведеніемъ; св. Златоустъ, совершенно равнодушный къ ихъ похваламъ и насмѣшкамъ, оставался вѣрнымъ своему намѣренію.

Жизнь, столь сосредоточенная въ самомъ себѣ,

---

[1] Сократъ кн. 6, гл. 3.

[2] Тамъ же.

столь многотрудная и столь святая въ такія лѣта, когда люди предаются всѣмъ развлеченіямъ и удовольствіямъ, содѣлала его достойнымъ принять св. крещеніе; но святые всегда сами себя гораздо строже судятъ, и Златоустъ еще не почиталъ себя достойнымъ того. Чтобъ лучше себя приготовить къ воспріятію благодати сего таинства, онъ посѣщалъ иногда епископа Мелетія. Сей знаменитый предстоятель антіохійской церкви, привлекавшій сердца всѣхъ своею кротостію и смиренномудріемъ, узнавъ Іоанна и примѣтивъ прекрасныя качества его души, самъ часто приглашалъ его къ себѣ для духовной бесѣды, и на третьемъ году послѣ того, какъ узналъ и приблизилъ его къ себѣ, совершилъ надъ нимъ св. крещеніе [1]. Предвидя же пророческимъ духомъ служеніе сего юноши, [2] онъ съ особеннымъ стараніемъ заботился раскрыть въ немъ познаніе и утвердить вѣру въ догматы православной вѣры и утвердить его сердце на камени заповѣдей Божіихъ, и такимъ образомъ приготовить его къ достойному служенію въ званіи пастыря стада Христова [3]. Благодать, сообщенная чрезъ таинство крещенія, не оставалась безплодною въ его сердцѣ. Съ сего времени, почти безвыходно живя въ домѣ матери, онъ еще болѣе употреблялъ бдительности и внимательности къ себѣ, непрестанно упражняясь въ чтеніи Божественныхъ книгъ, въ молитвѣ и подвигахъ самоумерщвленія. По увѣренію Палладія, по принятіи таинства крещенія, св. Іоаннъ

---

[1] Палладій и жизнь Злат. гл. 3, стр. 16.

[2] Тамъ же.

[3] Св. Іоан. Дамаск. похвальн. слово св. Іоан. Злат. 1, 8.

никогда не употреблялъ клятвы, не говорилъ неправды, не злословилъ, не зложелательствовалъ и не дозволялъ себѣ насмѣшекъ и даже шутокъ надъ ближними [1]. Спустя три года послѣ крещенія (въ 370 году) онъ поставленъ былъ въ чтеца.

Но не смотря на глубокое уединеніе, въ которомъ жилъ св. Іоаннъ, онъ не прекращалъ своихъ дружественныхъ отношеній съ своими прежними друзьями, Максимомъ, Ѳедоромъ и Василіемъ. Сей послѣдній былъ такъ къ нему привязанъ, что не могъ жить безъ него; онъ готовъ былъ даже пожертвовать жизнію для него. Когда его упрекали за то, что онъ жертвовалъ своею честію для спасенія несправедливо оскорбленной чести Златоуста; Василій отвѣчалъ злословившимъ: «чтожъ дѣлать?—Иначе не умѣю любить, какъ развѣ жертвуя и жизнію своею тамъ, гдѣ должно спасти погибающаго друга» [2]. Эти два юные подвижника, соединенные между собою узами самой тѣсной дружбы, сообщали другъ другу свои мысли, чувства и желанія, поучались вмѣстѣ истинному любомудрію; часто разсуждали о предметахъ Божественныхъ, объ опасности мірской жизни для спасенія души, о суетности того, что люди называютъ богатствомъ и величіемъ, и въ особенности о томъ внутреннемъ блаженствѣ, которое вкушаютъ люди, проводящіе жизнь истинно благочестивую по правиламъ монашескаго житія. Въ этихъ сердечныхъ бесѣдахъ, Василій, по чувству искренней дружественной любви не желавшій разлучаться съ св. Іоанномъ, сильно

[1] Паллад. тамъ же стр. 73.

[2] О священствѣ Злат. сл. 2.

убѣждалъ его къ тому, чтобы, оставивъ отдѣльныя жилища, обоимъ поселиться вмѣстѣ, и въ уединеніи предаться подвигамъ монашескаго житія. Св. Іоаннъ, давно жаждавшій высшаго нравственнаго житія, легко склонился на убѣжденія своего друга [1]. Но, уважая попечительную и нѣжную любовь матери, и высоко цѣня родительское благословеніе, какъ весьма важное пособіе во всякомъ благомъ предпріятіи, онъ не хотѣлъ рѣшиться на этотъ подвигъ безъ ея согласія. Но когда Анѳуса, мать его, узнала о его намѣреніи оставить домъ ея, для иноческой жизни, то залилась слезами, начала говорить ему: «за всѣ мои попеченія прошу одной благодарности — не дѣлать меня во второй разъ вдовицею, и скорби уже угасшей не воспламенять снова. Потерпи до моей кончины; можетъ быть, жизнь моя не долго продолжится. Цвѣтущіе юностію надѣются достигнуть глубокой старости, а мы состарѣвшіеся ничего не можемъ ожидать, кромѣ смерти. Когда предашь тѣло мое землѣ, и прахъ мой соединишь съ прахомъ отца твоего, тогда предпринимай далекія путешествія, преплывай моря, какія хочешь. Тогда никто не будетъ препятствовать. Но доколѣ я дышу, не разлучайся со мною. Не навлекай на себя напрасно гнѣва Божія, оставляя меня на жертву толикимъ бѣдствіямъ, тогда какъ я ни въ чемъ не виновата предъ тобою. Если я подала тебѣ причину винить меня въ томъ, что вовлекаю тебя въ житейскія суеты, и заставляю тебя заботиться о твоихъ и моихъ нуждахъ, то бѣги отъ меня, какъ бѣгутъ отъ недоброжелателей, какъ отъ враговъ, за-

[1] О священствѣ Злат. сл. І.

бывъ законы природы и труды воспитанія и навыкъ неразлучнаго доселѣ обращенія, и все другое. Но ежели я дѣлаю съ своей стороны все, чтобы удалить отъ тебя малѣйшее попеченіе о нуждахъ жизни, то если ничто другое, по крайней мѣрѣ сіи узы пусть привяжутъ тебя ко мнѣ. Хотя ты и говоришь, что у тебя много друзей, но никто изъ нихъ не можетъ доставить тебѣ большаго спокойствія. Поелику нѣтъ никого, кто бы заботился о твоемъ благополучіи столько, сколько я» [1]. Слова матери, соединенныя съ слезами, удержали св. Іоанна въ домѣ отеческомъ. Удаляясь отъ праздныхъ обществъ и растлѣвающихъ душу собесѣдованій, св. Іоаннъ не уклонился отъ поучительныхъ бесѣдъ съ немногими своими друзьями, и въ особенности съ Василіемъ, нравственное настроеніе котораго согласовалось съ настроеніемъ души Іоанновой.

Но между тѣмъ какъ эти юные ревнители высшаго духовнаго совершенства въ тишинѣ уединенія предавались изученію истинной мудрости, заключенной въ писаніяхъ богодухновенныхъ писателей, и всѣми силами устремлялись къ высшему совершенству евангельской чистоты,—церковь антіохійская, давно уже раздѣленная на части расколомъ и ересями, испытала новую скорбь отъ преслѣдованія, воздвигнутаго противъ Мелетія, законнаго ея пастыреначальника. Валентъ, нечестивый ревнитель аріанской ереси, прибывъ въ Антіохію, началъ преслѣдовать православныхъ христіанъ [2], принуждая всѣхъ принять аріанское ученіе. Но видя безуспѣшность своихъ преслѣ-

[1] О священствѣ Злат. сл. 2.

[2] Сократъ, 4, 2.

дованій, онъ, въ жару ослѣпленной ненависти, осудилъ на изгнаніе и заточеніе Мелетія [1], который, не смотря ни на какія угрозы, оставался вѣрнымъ православію и неустрашимымъ защитникомъ своей бѣдствующей паствы. Народъ, раздраженный похищеніемъ отъ нихъ глубоко чтимаго и любимаго пастыря, возмутился такимъ звѣрскимъ поступкомъ, и началъ во множествѣ бросать камнями въ чиновника, увозившаго его. Посланный отъ императора могъ подвергнуться большой опасности, если бы великій святитель, по своей обычной кротости и милосердію, не прикрылъ его своею мантіею.

По изгнаніи св. Мелетія, для православной паствы антіохійской оставались учителями Картерій и Діодоръ, бывшіе настоятели монастырей, находившихся близъ Антіохіи. Діодоръ съ просвѣщеніемъ обширнымъ, съ ревностію къ Евангельской истиннѣ пламенною, каждый день переходилъ изъ одного дома въ другой, чтобы утѣшать и подкрѣплять осиротѣвшихъ чадъ православія, и жилъ съ самоотверженіемъ [2]. Къ этимъ-то великимъ учителямъ христіанскаго любомудрія, Картерію и Діодору, ходилъ св. Іоаннъ съ своими школьными друзьями, Ѳеодоромъ, Максимомъ и Василіемъ, и поучался у нихъ, особенно у Діодора, написавшаго много толковательныхъ бесѣдъ на св. Писаніе, какъ монашескому житію, такъ и правильному пониманію слова Божія.

Слѣдствіемъ гоненія на православныхъ со стороны Валента было то, что сосланы были въ заточеніе

---

[1] О священствѣ Злат. сл. 2.

[2] Созоменъ 8, 2. Сократъ 6, 3. Сл. Злат. въ похвалу Діодору, сказанное въ его присутствіи, когда Златоустъ былъ пресвитеромъ.

вмѣстѣ съ Мелетіемъ и другіе православные епископы. Оставшіеся на своихъ мѣстахъ епископы спѣшили замѣстить вакантныя каѳедры лицами отличавшимися не однимъ только благочестивымъ житіемъ, но и мудростію въ словѣ; такъ какъ епископамъ православнымъ нужно было отражать еретическія заблужденія силою слова, вооруженнаго глубокимъ знаніемъ слова Божія, и отчасти философіею и діалектикою. Не смотря на уединенную и скромную жизнь св. Іоанна и Василія слава о ихъ добродѣтеляхъ и дарованіяхъ распространилась далеко за предѣлы Антіохіи; поэтому епископами и предположено было возвести ихъ на упраздненныя каѳедры. Молва народная, бѣгущая всегда впереди самаго дѣла, коснулась ихъ слуха и нарушила ихъ спокойствіе душевное. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ св. Златоустъ:

«Возникшая вдругъ молва возмутила обоихъ насъ. Пронесся слухъ, будто намѣреваются возвести насъ на степень епископства. Какъ скоро я услышалъ вѣсть сію, страхъ и недоумѣніе объяли меня. Страхъ: я боялся, чтобы не взяли меня противу воли моей. Недоумѣніе: — я ежеминутно думалъ и не могъ придумать, откуда люди могли возымѣть о мнѣ столь высокое мнѣніе: ибо обращаясь къ себѣ, я не находилъ ничего такого, чѣмъ бы заслуживалъ сіе достоинство. Чтоже пустынникъ мой? Приходитъ тайно ко мнѣ, и наединѣ сообщивъ мнѣ вѣсть сію, какъ бы за новость, еще неслыханную мною, просилъ меня и въ настоящемъ случаѣ подобно какъ и прежде, дѣйствовать и мыслить одинаково, увѣряя, что онъ съ своей стороны готовъ слѣдовать за мною, какой бы я ни избралъ путь: рѣшился ли бы бѣжать, или

согласился на избраніе. Изъ сего самаго увидѣвъ его готовность и думая, что я нанесу ущербъ для всей Церкви, если, сознавая только свою немощь, юношу, столько достойнаго и столько способнаго къ управленію людьми, отвлеку отъ стада Христова, на сей разъ не открылъ ему своего намѣренія, хотя прежде не скрывалъ отъ него ни одной мысли моей. Но сказавъ, что совѣщаніе о семъ предметѣ должно отложить до другаго времени и нѣтъ необходимости спѣшить, тотчасъ убѣдилъ его нимало не безпокоиться и твердо надѣяться на меня въ томъ, что я никакъ не измѣню ему, если дѣйствительно что нибудь такое случится съ нами» [1].

Ободренный сими словами Василій успокоился и разстался съ Іоанномъ въ твердой увѣренности, что онъ не измѣнитъ ему. Когда прибылъ долженствовавшій рукоположить ихъ во епископы, Василій былъ призванъ въ собраніе подъ другою причиною, а св. Іоаннъ скрылся. Василій, не подозрѣвая ничего, безъ сопротивленія пришелъ туда, куда былъ призываемъ. Но когда узналъ дѣйствительную причину, то заливаясь слезами, отказывался отъ предлагаемаго сана, какъ бремени, превышающаго силы, и умолялъ сжалиться надъ его немощію. Но нѣкто изъ присутствовавшихъ, знавшій о дружескихъ отношеніяхъ его къ Іоанну, сказалъ: «несправедливо будетъ, когда тотъ, кого всѣ почитали человѣкомъ надменнымъ (подъ симъ разумѣли св. Іоанна), смиренно покорится суду отцевъ, а сей отличающійся благоразуміемъ и скромностію, станетъ гордиться и тщеславиться, оказывая

---

[1] О священствѣ гл. 1.

упорство, нехотѣніе, противорѣчіе»[1]. Василій, заключая изъ сихъ словъ объ изъявленномъ уже согласіи св. Іоанномъ, покорился волѣ отцевъ, и былъ рукоположенъ во епископа рафанейскаго въ Сирію.

Выборъ и назначеніе столь молодыхъ юношей (имъ не было еще и тридцати лѣтъ) въ санъ святительскій недовольнымъ подало поводъ къ злословію и пересудамъ. Многіе, увлекаемые властолюбіемъ и честолюбіемъ, не размышляя о великомъ значеніи этого сана, и о тѣхъ высокихъ достоинствахъ ума и сердца, которыя требуются отъ посвящаемаго, упрекали избирателей за пристрастіе къ молодымъ юношамъ и несправедливость къ тѣмъ, которые всю жизнь провели въ многотрудныхъ подвигахъ монашескаго житія. И избираемыхъ также злословили, упрекая одного за скрытное честолюбіе, а другаго за гордость и тщеславіе, которыя будто-бы высказались въ отказѣ отъ предлагаемой чести, которой онъ и не заслуживалъ. Зная о всемъ этомъ, Василій сильно скорбѣлъ. Но его любящее сердце поражено было несравненно большею скорбію, когда онъ узналъ о невѣрности друга своего и его хитрости, содѣйствовавшей къ его избранію.

«Приходитъ ко мнѣ», говоритъ св. Златоустъ о Василіѣ, «въ глубокой печали, садится возлѣ меня, хочетъ говорить, но отъ тѣсноты сердца не можетъ излить на словахъ чувствованій горести. Едва порывался начать рѣчь, слова замирали на устахъ. Печаль пресѣкала слово прежде, нежели оно могло вырваться изъ устъ. Видя его въ слезахъ и въ сильномъ смуще-

---

[1] О священствѣ гл 1.

нія и зная тому причину, — я восхищался отъ полноты удовольствія, взялъ его руку, спѣшилъ облобызать его, и славилъ Бога, приведшаго мое намѣреніе къ благому и желанному концу. Смотря на мое восхищеніе и радость, онъ уже не сомнѣвался болѣе въ томъ, что съ нимъ употреблена хитрость, а это еще болѣе увеличивало его смущеніе и горесть. Когда волненіе души его не много утихло, онъ такъ началъ свою рѣчь: если уже ты презрѣлъ меня и не имѣешь ни малѣйшей о мнѣ заботливости, по крайней мѣрѣ, тебѣ надлежало-бы позаботиться о сохраненіи собственной твоей чести. Но теперь ты открылъ у всѣхъ уста; теперь всѣ говорятъ, что ты изъ тщеславія отвергнулъ служеніе, котораго удостоивали тебя, и нѣтъ ни одного человѣка, кто бы отвратилъ отъ тебя сіе обвиненіе. Что же касается до меня; то мнѣ нельзя даже и показаться народу; всѣ упрекаютъ меня за то, что я не открылъ твоего намѣренія. Но я стыжусь и сказать имъ, что мнѣ не извѣстно было твое намѣреніе, съ давняго времени предпринятое тобою, дабы не подумали, что дружество наше было одно лицемѣріе. Сказать имъ правду и изъяснить дѣло такъ, какъ оно было, для меня тяжело. Посему я принужденъ молчать, потуплять взоры мои въ землю, уклоняться и бѣгать отъ встрѣчающихся. Впрочемъ я не много забочусь о себѣ. Но какъ перенесть оскорбленіе отъ другихъ обвинителей, изъ которыхъ одни въ тебѣ находятъ гордость, другіе честолюбіе, а безжалостнѣйшіе, приписываютъ намъ то и другое, прибавляютъ еще, что мы подвергли безславію самихъ избирателей. Чѣмъ мнѣ защищаться, не знаю. Тебя прошу, скажи, какое до-

статочное оправданіе представимъ обвинителямъ нашимъ? А что ты несправеливо поступилъ со мною, за сіе я нисколько не взыскиваю съ тебя, ни за твой обманъ, ни за твою измѣну, ни за все расположеніе, котораго опыты ты видѣлъ во все предыдущее время. Не упрекаю и неукоряю и за одиночество, въ которомъ меня оставилъ, прервавъ дружескія бесѣды, доставлявшія намъ сверхъ удовольствія и не малую пользу..... Ты пустилъ меня, какъ ненагруженный корабль въ неизмѣримое море, вовсе не представивъ себѣ тѣхъ свирѣпыхъ волнъ, съ которыми должно мнѣ сражаться. И если случится, что откуда нибудь возстанетъ вихрь, и я обуреваемъ буду клеветою, или посмѣяніемъ, или какою либо обидою или напастію; то къ кому тогда прибѣгну? Кому сообщу печаль мою? Ты будешь далеко отъ жестокой сей войны, такъ что и голосъ мой не дойдетъ до слуха твоего. Знаешь ли ты, сколь великое учинено тобою зло? Знаешь ли ты по крайней мѣрѣ теперь, какую ужасную рану нанесъ ты мнѣ? Но все это оставимъ. Что скажемъ другимъ? Чѣмъ будешь защищаться противъ ихъ обвиненій»? [1]

Глубокая скорбь Василія, его непритворное смиреніе, его опасенія за слабость своей вѣры, его слезы, его нѣжныя дружественныя укоризны не могли не тронуть сердца св. Златоуста и не исторгнуть слезъ изъ глазъ его; но этотъ человѣкъ съ великой душой, движимый вѣрою, водушевляемый истинною ревностію, вполнѣ владѣющій собою, подавивъ въ себѣ внутреннее волненіе чувствъ, рѣшился отвѣчать на укоризны и жалобы своего друга.

---

[1] О священствѣ стр. 136—143.

И ничего нѣтъ превосходнѣе, ничего нѣтъ возвышеннѣе, какъ этотъ разговоръ св. Златоуста съ Василіемъ. Въ немъ выразилась вся высота ихъ образованнаго ума, вся неукоризненная чистота ихъ чувствъ другъ къ другу, вся могучая сила краснорѣчія. Св. Іоаннъ своими отвѣтами скоро успокоилъ возмущенный духъ своего друга, оправдалъ свое поведеніе, показалъ ему, что дѣйствуя такъ, имѣлъ въ виду собственную его пользу и пользу св. Церкви, раскрылъ неосновательность укоризнъ клеветниковъ, обвинявшихъ его въ гордости и тщеславіи.

Св. Златоустъ, воспомянувъ Василію о началѣ своей дружбы съ нимъ, о той любви, которую имѣлъ всегда къ нему, продолжая рѣчь сказалъ:

«Я готовъ отдать тебѣ отчетъ во всемъ, въ чемъ обвиняешь и въ чемъ укоряешь меня. И такъ въ чемъ виноватъ я предъ тобою? — Въ томъ, что обманулъ тебя и скрылъ свое намѣреніе? Но это служило къ пользѣ твоей и тѣхъ, коимъ посредствомъ сего обмана я предалъ тебя. Обманъ не всегда бываетъ вреденъ, но дѣлается худымъ или хорошимъ, смотря по намѣренію дѣйствующихъ. Ибо обманъ благовременный и съ добрымъ намѣреніемъ учиненный приноситъ иногда пользу. Изчисли если хочешь, начиная отъ самой глубокой древности, военачальниковъ, и увидишь, что трофеи большею частію были слѣдствіемъ воинской хитрости, и таковые большую заслужили славу, нежели побѣдившіе открытою силою. Поелику сіи послѣдніе одерживаютъ верхъ съ великою тратою денегъ и людей, такъ что ни какой выгоды имъ не остается отъ побѣды; и побѣдители никакъ не менѣе теряютъ, какъ и побѣжденные;—у нихъ истребляется

войско, истощаются казнохранилища..... А побѣдившій хитростію подвергаетъ непріятеля не только бѣдствію, но и посмѣянію» [1]. Обманъ не только на войнѣ со врагами, но и во время мира съ ближайшими сердцу иногда нуженъ бываетъ. И что это бываетъ полезно не только обманывающимъ, но и обманываемымъ, поди и спроси у кого угодно изъ врачей,—и ты услышишь отъ нихъ, что не всегда довольствуются однимъ искусствомъ своимъ, но иногда дѣйствуютъ чрезъ обманъ, и заимствуя отъ него помощь симъ средствомъ возстановляютъ здоровье больнаго».

Если хочешь знать, какую тебѣ принесъ пользу мой обманъ, то слушай, я докажу.

«Можетъ-ли быть важнѣе той пользы, какъ самымъ дѣломъ исполнить то, что служитъ доказательствомъ любви ко Христу, по словамъ Самаго Христа? Такъ Онъ говоритъ къ верховному изъ Апостоловъ: Петръ, любишь-ли Мя? И когда сей исповѣдалъ любовь свою, прибавляетъ: ежели любишь Меня, паси овцы Моя» (Іоан. 21, 15, 16) [2]... Еще-ли будешь противорѣчить мнѣ и говорить, что я не съ доброю цѣлію подвергнулъ тебя обману, когда ты имѣешь быть поставленъ отъ Бога блюстителемъ всего имѣнія Его, «и такимъ образомъ въ рукахъ своихъ будешь имѣть такое дѣло, чрезъ тщательное исполненіе котораго будешь имѣть возможность доказать свою любовь къ Господу Іисусу и заслужить высшую награду» [3].

---

[1] О священ. стр. 144—145.

[2] Тамъ же Сл. 2.

[3] Тамъ же стр. 116.

«Но ты, возразилъ Василій, развѣ не любишь Христа, что отказываешься пасти стадо Его»?

Нѣтъ, мой отказъ происходитъ не отъ недостатка любви къ Господу Іисусу, но отъ сознанія недостаточности силъ моихъ къ достойному прохожденію этого высокаго званія. «Боюсь, чтобъ принявъ отъ Христа здоровое и крѣпкое силами стадо, я, по неопытности моей, не обезсилилъ онаго и не прогнѣвилъ Бога, который до такой степени возлюбилъ оное, что для искупленія его далъ цѣну — Самаго Себя» [1].

Но если, сказалъ на это Василій, тебя удержало отъ принятія на себя высокаго сана сознаніе своей немощи; то по этой-же самой причинѣ ты долженъ бы былъ прежде меня удалить отъ этого, хотя бы я даже сильно стремился достигнуть онаго; ибо изъ всегдашней моей откровенной бесѣды съ тобою ты хорошо могъ знать мои недостатки, препятствующіе мнѣ принять на свою отвѣтственность столь важное дѣло.

Потому-то, отвѣчалъ Златоустъ, я и рѣшился содѣйствовать къ твоему возвышенію, что зналъ тебя хорошо, зналъ то духовное сокровище, которое сокрыто въ твоей боголюбивой душѣ. Для доказательства упомяну хотя о нѣкоторыхъ твоихъ добродѣтеляхъ. «Чистая и возвышенная любовь христіанская, это избранное сокровище, отличительное свойство учениковъ Христовыхъ, всѣ дарованія превышающая, глубоко насаждена въ душѣ твоей и изобилуетъ многими плодами [2]... Если желаешь, чтобы представлены

[1] О священ. стр. 126.

[2] Тамъ же стр. 131.

были опыты благоразумія твоего, я приступлю и къ сему, и докажу, что ты благоразуменъ болѣе, нежели сколько обиленъ любовію» [1].

На сіи слова, покраснѣвъ отъ стыда, Василій отвѣчалъ: «теперь оставимъ то, что касается до меня. Но если что можешь сказать въ защиту себя внѣшнимъ людямъ, я съ удовольствіемъ буду слушать».

Св. Златоустъ, показавъ неосновательность обвиненій, возводимыхъ на него и раскрывъ во всей полнотѣ тѣ высокія нравственныя и умственныя качества, которыми долженъ обладать пастырь Церкви, и тѣ трудности, съ которыми долженъ иногда бороться онъ, совѣтовалъ ему всегда имѣть твердое упованіе на Господа и обѣщалъ съ своей стороны дѣлать все, что можетъ служить къ его пользѣ и утѣшенію.

Въ 381 году Василій вмѣстѣ съ другими отцами присутствовалъ на константинопольскомъ соборѣ. Сей святитель съ великою мудростію управлялъ паствою ввѣренною его попеченію, всегда представляя въ своей жизни образецъ православія и евангельской чистоты жизни.

Превосходнѣйшая бесѣда между Василіемъ и Златоустомъ, равно какъ и случай, бывшій поводомъ къ сему, внушили св. Іоанну мысль написать пространное сочиненіе о священствѣ—одно изъ превосходнѣйшихъ сочиненій, которое сохранилось въ цѣлости доселѣ. Въ этомъ сочиненіи онъ съ силою и неподражаемымъ краснорѣчіемъ раскрываетъ величіе, власть и обязанность священника. Св. Писаніе, разумъ, исторія, природа, все служило ему при объясненіи сего

[1] О священствѣ стр. 133.

предмета; священникъ, по его словамъ, есть отецъ, судья, учитель, врачь, царь, апостолъ, намѣстникъ Божій, святый, ангелъ и еще гораздо болѣе сего. Говоря о спасительномъ страхѣ, который долженъ имѣть каждый священникъ, выражается съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, заимствуетъ свои сравненія или отъ искуства военнаго и распоряженія войсками, или отъ мореплаванія и управленія кораблемъ. «Но что значитъ война людей съ людьми, восклицаетъ онъ, при сравненіи войны людей съ демонами!

Какъ ничтожны всѣ моря съ ихъ подводными камнями въ отношеніи къ міру и его опасностямъ.

Читающій эту книгу чувствуетъ себя проникнутымъ чувствомъ удивленія и благоговѣнія къ священству, понимаетъ, что священникъ не есть лицо обыкновенное, но существо отличное отъ другихъ, что онъ есть посредникъ между небомъ и землею, есть человѣкъ божественный. Его важность, его власть, его преимущество, его занятіе внушаютъ почтеніе; его трудныя обязанности, его отвѣтственность рождаютъ сожалѣніе; множество разнообразныхъ чувствъ проникаютъ и наполняютъ сердце! Душа попеременно переходитъ отъ удивленія къ страху, отъ желанія къ скорби, отъ страха къ надеждѣ: любишь его, вмѣстѣ почитаешь и сожалѣешь о немъ.

Св. Исидоръ Пелусіотъ, ученикъ Златоустаго, въ письмѣ къ Евстафію говоритъ ему относительно бесѣды о священствѣ: «я посылаю тебѣ книгу, которую ты у меня просилъ, и желаю, чтобы она принесла тебѣ плода столько же, сколько приносила повсюду. Чтеніе этой книги, проникая въ душу, уязвляетъ ее божественною любовію. Іоаннъ, этотъ мудрецъ, ученый толкова-

тель таинъ Божіихъ, свѣтильникъ для всѣхъ церквей, написалъ эту книгу съ такимъ благоразуміемъ и тщаніемъ, что всѣ, какъ тѣ, кои для распространенія славы Божественной исполняютъ важныя обязанности священства, такъ и тѣ, кои совершаютъ эти обязанности съ небреженіемъ, найдутъ въ ней, одни пищу для своего благочестія, другіе побужденіе къ исправленію своихъ проступковъ».

Это твореніе Златоуста съ самаго появленія своего до нашихъ временъ во всей полнотѣ сохраняетъ къ себѣ всеобщее уваженіе. Эта книга во всѣ времена доставляла великое утѣшеніе священникамъ, желавшимъ просвѣщаться точнымъ познаніемъ своихъ обязанностей, и нынѣ какъ и всегда приноситъ пріятнѣйшіе и обильнѣйшіе плоды, какъ въ отношеніи распространенія славы Божественной и пользы Церкви, такъ и для спасенія священниковъ и всѣхъ вѣрующихъ.

Чрезъ годъ по посвященіи Василія во епископа, мать св. Іоанна отошла ко Господу, имѣвъ утѣшеніе видѣть своего сына настолько уже укрѣпившимся въ любви къ Богу и стремленіе служить Ему, что могла уже безбоязненно оставить его на землѣ. И св. Іоаннъ, какъ-бы желая подтвердить надежды своей матери на него, почувствовавъ себя свободнымъ отъ узъ, привязывавшихъ его къ дому родительскому, рѣшился немедленно идти въ горы, населенныя небесными человѣками и земными ангелами, чтобы научиться у нихъ жить для неба, презрѣвъ все земное.

Но увы! воля человѣческая слаба, удобопреклонна и непостоянна! Какъ она немощна, безъ содѣйствія благодати, привести въ исполненіе даже того, чего

она искренно желаетъ, и на что она, повидимому, съ непоколебимою твердостію рѣшилась! Чтобъ только пожелать добра, нужна благодать; предпринять что либо доброе, нужно содѣйствіе благодати, благодать необходима такъ же для приведенія въ исполненіе предпринятаго намѣренія. И этимъ-то глубокимъ чувствомъ сознанія своей немощи и необходимости благодатнаго содѣйствія во всемъ, св. Златоустъ, при помощи Божіей, обладалъ вполнѣ. Но такъ какъ удаленіе его въ горы, содѣйствуя его нравственному усовершенствованію, могло много содѣйствовать какъ его собственному спасенію, такъ и утвержденію благочестія и истиннаго ученія св. Церкви: то духъ тьмы, противникъ всякаго добра, не могъ не препятствовать ему въ этомъ намѣреніи. И лишь только св. Златоустъ твердо рѣшился оставить міръ и скрыться въ уединеніе горъ, діаволъ тотчасъ-же напалъ на него, поражая душу его разнаго рода безпокойствами и сомнѣніями.

Жизнь пустынническая уже не имѣла въ глазахъ его такой прелести, съ какою она прежде ему представлялась: онъ уже смотрѣлъ на нее, какъ на пытку, мученичество жесточайшее самой смерти. Невозмутимая тишина пустыни, непрестанное молчаніе, глубокое уединеніе представлялись ему въ ужасающихъ образахъ; его теперь начинало безпокоить даже то, на что онъ прежде не обращалъ никакого вниманія. Когда онъ рѣшился, оставя градъ, уйти въ келіи монаховъ; то много раздумывалъ и безпокоился о томъ, откуда будетъ получать необходимое и можно-ли ему будетъ ѣсть хлѣбъ всякій день свѣжій; не заставятъ-ли его употреблять одно и тоже масло и на

освѣщеніе и въ пищу; не принудятъ-ли его питаться одними овощами; не приставятъ-ли къ тяжкой работѣ, не велятъ-ли напримѣръ: рубить и носить дрова, таскать воду и дѣлать всѣ тяжкія работы; словомъ много заботился о покоѣ [1]. Но познавъ въ этой суетной заботливости о преходящемъ враждебное дѣйствіе искусителя, и стараясь разсѣять эти мрачныя мысли, онъ разсуждалъ: «Какъ тѣ, которые принимаютъ на себя должности начальниковъ и управленія общественными дѣлами, заботятся не о покоѣ, но о томъ, будетъ-ли отъ ихъ службы польза, польза временная, и если они могутъ смѣло надѣяться на это, такъ уже не думаютъ ни о трудахъ ни объ опасностяхъ, ни о безславіи, ни объ унизительныхъ для нихъ работахъ, ни о дальнихъ путешествіяхъ, ни о жизни на чужой странѣ, ни объ огорченіяхъ, ни о мукахъ, ни о перемѣнѣ обстоятельствъ, ни о безвременной смерти, ни о разлукѣ съ родными, ни объ одиночествѣ жены и дѣтей, ни о другой какой непріятности, но упоенные страстію къ деньгамъ, терпятъ все, посредствомъ чего только *надѣются получить* оныя. А мы, которымъ уготованы, не деньги и не земля, но небо и небесныя блага, ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша,—мы спрашиваемъ о покоѣ; такъ то мы болѣе, чѣмъ тѣ, жалки и слабодушны!—Хотимъ идти на небо и получить тамошнее царство,—и спрашиваемъ нѣтъ-ли какой трудности на этой дорогѣ и въ этомъ путешествіи?.... Объятому желаніемъ небеснаго не должно, не говорю искать покоя тѣлеснаго, но и наслаждаться имъ,

---

[1] См. къ Димитр. мон. § 11.

когда имѣешь его. Не странно ли, что, тогда какъ любящіе нечистою любовію, такъ всецѣло предаются своимъ возлюбленнымъ, что кромѣ ихъ и пребыванія съ ними, не находятъ удовольствія во всѣхъ другихъ наслажденіяхъ жизни, какъ ни много ихъ есть, а мы, объятые не какою либо нечистою, но самою возвышенною любовію, не только не пренебрегаемъ покоемъ, когда его имѣемъ, но еще ищемъ когда его нѣтъ»[1].

Впрочемъ столь важное предпріятіе Златоустаго и не могло совершиться безъ борьбы. Великія жертвы не могутъ быть принесены безъ скорби; великія побѣды, побѣды рѣшительныя получаются послѣ борьбы; душа, желающая всецѣло предаться Господу, должна подвергнуть себя тяжкимъ подвигамъ самоотверженія; должна разорвать не только крѣпкія узы плотскихъ страстей и грубыхъ привычекъ, но и самыя тончайшія нити сердечныхъ привязанностей, запутывающихъ ее и препятствующихъ въ быстромъ полетѣ къ горнымъ селеніямъ.

Но буря, волновавшая душу св. Златоуста, мало по малу утихла; молитвою и смиреніемъ онъ привлекъ благодатную помощь свыше, въ которой, при столь трудныхъ обстоятельствахъ, имѣлъ великую нужду. Наконецъ подавивъ первоначальныя, но сильныя нападенія діавола, разсѣявъ воображаемый страхъ, облагавшій душу его, св. Іоаннъ оставилъ Антіохію, чтобъ посвятить себя навсегда иноческому житію, и для сей цѣли отправился въ нагорную обитель. гдѣ ожидали его Максимъ и Өеодоръ, которыхъ онъ

---

[1] См. къ Димитр. мон. § 14.

убѣдилъ оставить адвокатство [1] для достиженія совершенства монашескаго житія.

Городъ Антіохія расположенъ былъ по берегамъ р. Оронта, съ западной стороны длинной цѣпи горъ, тянувшихся съ юга на сѣверъ. Вершины этихъ горъ покрыты были лѣсомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрывались глубокими ущеліями, внизу которыхъ разстилались живописныя долины. Подобно египетскимъ и палестинскимъ горамъ, эти горы съ самыхъ первыхъ вѣковъ христіанства были населяемы пустынниками. Когда преслѣдованія со стороны язычниковъ прекратились, Константинъ Великій даровалъ миръ христіанской Церкви, Христіане, не будучи возбуждаемы ни страхомъ казни, ни великими образцами мученичества, стали мало по малу разслабѣвать, духъ міра, привязаность къ земнымъ благамъ, любовь къ наслажденіямъ, и жажда земныхъ почестей овладѣли сердцами большей части христіанъ. Чтобъ избѣжать заразы, и въ то же время проводить жизнь болѣе совершенную, ревнители благочестія, жившіе въ городахъ, подобно Антонію, Пахомію и Иларіону, удалились въ пустыни. И горы Сиріи вскорѣ наполнились мужами апостольскими и святыми. Въ описываемое нами время въ горахъ Антіохіи и Сиріи находилось монастырей не менѣе чѣмъ въ Египтѣ.

Въ одинъ изъ монастырей находившихся невдалекѣ отъ Антіохіи [2], заключился св. Іоаннъ, отдавъ себя въ полное руководство одному изъ самыхъ строгихъ подвижниковъ антіохійскихъ горъ, дабы, чрезъ

---

[1] Сазоменъ кн. 8, гл. 2, Сократъ кн. 6, гл. 3.

[2] Паллад. тамъ же стр. 17.

отреченіе отъ своей воли и безусловную покорность водительству другаго, сокрушивъ въ себѣ горделивый помыслъ о себѣ, безпрепятственнѣе достигнуть совершенства смиренія, основанія всякаго нравственнаго совершенства.

Дабы составить себѣ вѣрное понятіе о той многотрудной и высокой жизни, какую проводили пустынно жители горъ антіохійскихъ, сдѣлаемъ краткое извлеченіе изъ бесѣдъ св. Іоанна къ антіохійскому народу, которому онъ указывалъ на нихъ, какъ на живые образцы евангельскихъ добродѣтелей.

«Сіи свѣтильники міра, говоритъ св. Златоустъ въ своихъ бесѣдахъ, едва начинаетъ восходить солнце, или еще до развѣта, встаютъ съ ложа здоровы, бодры, и свѣжи. Ибо ихъ не возмущаетъ ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни трудъ, ни множество дѣлъ, ни другое тому подобное; но они живутъ какъ Ангелы на небѣ. И такъ поспѣшно вставъ съ ложа бодрые и веселые, всѣ вмѣстѣ съ свѣтлымъ лицемъ и совѣстію составляютъ одинъ ликъ, и какъ бы едиными устами поютъ гимны. Богу всяческихъ, прославляя и благодаря Его за всѣ благодѣянія, какъ частныя, такъ и общія» [1]. «Пропѣвши свои пѣсни, съ колѣнопреклоненіемъ прославленнаго ими Бога призываютъ на помощь въ такихъ дѣлахъ, которыя другимъ не скоро-бы пришли и на умъ. Они не просятъ ни о чемъ настоящемъ, у нихъ не бывало объ этомъ ни слова; но просятъ о томъ, чтобы имъ съ дерзновеніемъ стать предъ страшнымъ престоломъ, когда единородный Сынъ Божій придетъ судить жи-

---

[1] На Матѳ. бесѣд. 68, стр. 171—175 изд. 1846 г.

выхъ и мертвыхъ, чтобы никому изъ нихъ не услышать сего страшнаго голоса—*не вѣмъ васъ!* и чтобъ въ чистотѣ совѣсти и обиліи добрыхъ дѣлъ совершить сію трудную жизнь и благополучно преплыть сіе бурное море» [1]. «Когда пѣніе кончится, одинъ беретъ Исаію, и съ нимъ разглагольствуетъ, другой бесѣдуетъ съ Апостолами, третій читаетъ книги другихъ писателей, и любомудрствуетъ о Богѣ, о мірѣ, о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ, чувственныхъ и духовныхъ, о ничтожности жизни настоящей и о величіи жизни будущей» [2]... «Подобно пчеламъ, они облетаютъ соты священныхъ книгъ, почерпая въ нихъ великое удовольствіе. Но ежели хочешь знать трапезу ихъ, то подойди и разсмотри отрыгаемое ими. Все это сладко, пріятно и исполнено духовнымъ благоуханіемъ. Уста ихъ не могутъ произносить ни одного дурнаго слова и ни одного шуточнаго или грубаго, но каждое достойно неба» [3]... Иные, по окончаніи пѣснопѣній, занимались рукодѣліемъ и трудами рукъ своихъ пріобрѣтали много для бѣдныхъ [4].... ибо «они любятъ обращаться съ нищими и увѣчными, и за столомъ ихъ много такихъ гостей; одинъ врачуетъ раны недужнаго, другой водитъ слѣпаго, иной носитъ безногаго» [5]. Въ сношеніяхъ ихъ между собою всегда выражалось смиреніе и любовь. «У пустынниковъ не только одна пища и одна одежда, но и одна душа,

---

[1] Тамъ же стр. 175—176.
[2] Тамъ же стр. 179.
[3] Тамъ же стр. 180.
[4] Тамъ же стр. 146.
[5] На Матѳ. бесѣд. 72, стр. 244.

не по природѣ только (ибо по природѣ она у всѣхъ людей одинакова), но и по любви, и потому они не гордятся одинъ передъ другимъ; ибо любовь можетъ-ли гордиться предъ собою? У нихъ нѣтъ ни бѣдности, ни богатства, нѣтъ ни славы, ни безчестія. Хотя и есть тамъ высшіе и низшіе по добродѣтели, но тамъ никто не смотритъ на свое превосходство. Низшихъ тамъ не оскорбляютъ презрѣніемъ; ибо тамъ никто не унижаетъ другихъ. А если бы ихъ кто и унижалъ, они тѣмъ болѣе научаются переносить презрѣніе, поруганіе, уничиженіе и въ словахъ и въ дѣлахъ» [1]. Они не рѣдко вступаютъ между собою въ бесѣду, но если бы кто послушалъ разговоры праведныхъ, то хорошо узналъ бы, что они граждане небесные.—Разговоръ ихъ всегда исполненъ спокойствія и смиренномудрія. Они не говорятъ о томъ, о чемъ говоримъ мы, до насъ нисколько не касающемся; напримѣръ, тотъ-то сдѣлался начальникомъ, тотъ лишенъ начальства, тотъ умеръ, а тотъ получилъ наслѣдство и тому подобное. Но всегда разговариваютъ и любомудрствуютъ о будущемъ, и какъ бы не здѣшніе, какъ бы переселившіеся на небо и тамъ живущіе, всегда о небесномъ: о лонѣ Авраамовомъ, о вѣнцахъ святыхъ, о ликованіи со Христомъ; а о настоящемъ нѣтъ ни помину, ни слова. И какъ мы не находимъ достойнымъ нашего разговора то, что дѣлаютъ муравьи въ своихъ муравейникахъ: такъ они не говорятъ о томъ, что дѣлаемъ мы, а говорятъ о небесномъ царствѣ, о настоящей брани, о козняхъ діавола, о великихъ подвигахъ, совершенныхъ святыми» [2]. «Трапеза ихъ

[1] Тамъ же стр. 195.

[2] На Матѳ. бесѣд. 69, стр. 196—197.

безъ всякаго излишества, чиста, исполнена благочестія.... въ пищу у нихъ употребляется только хлѣбъ и вода, вода изъ чистаго источника, хлѣбъ отъ трудовъ праведныхъ. Если-же хотятъ приправить пищу, то овощи составляютъ ихъ лакомство..., многимъ постелью служитъ только трава, небо служитъ имъ вмѣсто покрова и луна вмѣсто свѣтильника» [1]....

«Съ наступленіемъ вечера, имъ не о чемъ сокрушаться, какъ это бываетъ съ многими изъ людей, когда они размышляютъ о дневныхъ непріятностяхъ. Ночью имъ не нужно бояться разбойниковъ, запирать дверь, налагать засовъ; ни опасаться чего-либо другаго, чего обыкновенно боятся многіе, нося осторожно свѣтильники, чтобъ искра не зажгла дома» [2]. Одежды они носили большею частію изъ козьей или верблюжьей шерсти, а нѣкоторые довольствовались одною кожею; и то ветхою» [3]. Даже блиставшіе прежде мірскими почестями, или славившіеся богатствомъ, теперь стѣсняли себя во всемъ: не имѣли ни удобныхъ жилищъ, ни хорошихъ одеждъ» [4].... «И это они не по другому чему дѣлаютъ, какъ потому, что знаютъ красоту своей одежды. Поэтому они презираютъ и пышное одѣяніе, какъ паутину.... Если бы возможно было отворить двери сердца ихъ, и увидѣть душу ихъ и всю красоту внутреннюю, то (не совсѣмъ очищенному отъ мірскихъ страстей) не возможно было вынести сіянія красоты ихъ души, свѣтлости внутреннихъ одеждъ и блеска ихъ совѣсти» [5].

---

[1] Тамъ же стр. 195.
[2] Тамъ же стр. 196.
[3] На Матѳ. бесѣд. 62, стр. 75.
[4] Бесѣд. 72, стр. 242.
[5] На Матѳ. бесѣд. 69, стр. 192.

Такова была жизнь тѣхъ св. пустынножителей, къ которымъ св. Іоаннъ направлялъ стопы свои. Богъ даровалъ ему крылья голубиныя, чтобъ туда летѣть и тамъ найти для себя успокоеніе. Какъ жаждущій елень съ стремительностію несется на источники водные, такъ и этотъ ученикъ креста непрестанно воздыхалъ, вожделѣвая трудовъ и тишины пустынной.

И лишь только онъ достигъ цѣли своего путешествія, земля, такъ страшившая его прежде, содѣлалась для него теперь успокоительною пристанью, пріятнѣйшею страною, блаженнѣйшею страною, блаженнымъ, райскимъ жилищемъ, въ которомъ текли и медъ и млеко. Но это не значитъ, чтобы онъ вовсе не ощущалъ въ себѣ естественнаго страха при мысли о трудностяхъ пустыннаго житія. Видъ густыхъ лѣсовъ, сотрясаемыхъ бурными порывами вѣтра, на вершинѣ которыхъ вили гнѣзда хищныя птицы, невозмутимое уединеніе, неприступныя скалы надъ глубокими пропастями, свирѣпый рѣвъ быстрыхъ потоковъ, съ стремительностію несшихся по каменистой поверхности горныхъ ущелій, не могли не производить грустнаго впечатлѣнія на сердце человѣка, привыкшаго видѣть чистые, прозрачные источники съ кипарисовыми рощами Дафны, роскошные сады Антіохіи съ ея великолѣпными зданіями, и ея очаровательныя окрестности. Но благодать Божія даетъ человѣку силы возноситься надъ немощами природы.

Юный подвижникъ сражался мужественно; съ непоколебимою рѣшимостію взявшись за дѣло, при помощи Божіей, вскорѣ такъ восторжествовалъ надъ своими опасеніями, что нашелъ великое для себя утѣшеніе и блаженство въ томъ, что сначала пред-

ставляло ему однѣ скорби и затрудненія. И такъ научимся изъ сего отвращать слухъ отъ внушенія боязливаго воображенія; убѣдимся, что для вѣрующаго смиреннаго и молящагося нѣтъ ничего невозможнаго, что онъ можетъ побѣдить всякое затрудненіе.

Въ глуши пустыни, въ этомъ божественномъ училищѣ, св. Златоустъ все время проводилъ въ молитвѣ, въ дѣлахъ самоумерщвленія и чтеніи св Писанія. Онъ изучалъ слово Божіе подъ руководствомъ двухъ учителей Картерія и Діодора, въ послѣдствіи управлявшаго Церковію тарсійскою, оставившаго много собственныхъ сочиненій, въ которыхъ онъ толковалъ св. Писаніе [1]. Златоустъ называетъ сего послѣдняго своимъ отцемъ и учителемъ [2]. Но особенное стараніе св. Іоаннъ прилагалъ къ познанію самого себя. Всю свою ревность употреблялъ на пріобрѣтеніе духа смиренія, главною цѣлію всѣхъ его усилій было покорить плоть духу. Всѣми силами стремясь къ высшему совершенству, онъ все болѣе и болѣе увеличивалъ подвиги самоумерщвленія, постъ, тѣлесные труды и ночныя бдѣнія. Такимъ образомъ св. Златоустъ подкрѣпляемый всемощною силою благодати, воодушевляемый примѣромъ святой жизни многихъ подвижниковъ, подобно кораблю въ открытомъ морѣ, при попутномъ вѣтрѣ, на всѣхъ парусахъ, быстро шелъ путемъ нравственнаго усовершенствованія.

Но побѣды не бываютъ безъ борьбы, и Богъ, для испытанія вѣры и постоянства новаго подвижника, попустилъ діаволу напасть на св. Іоанна съ большею силою, нежели прежде. И вдругъ духъ его

---

[1] Сазоменъ кн. 8, гл. 2. Сократъ 6, 3.

[2] Lavs. Diodor. Г. 13, pag. 749.

объялъ мракъ унынія, въ душѣ пробудились воспоминанія мірской жизни и ея удовольствій, страстныя движенія плоти, растлѣвая сердце, насильственно отторгали помыслы отъ богомыслія, и разслабляли волю въ богоугодной дѣятельности; и эти обуреванія испытывалъ онъ днемъ, а въ особенности во мракѣ ночи, при окружающемъ безмолвіи. Такимъ образомъ гонимый и тѣснимый со всѣхъ сторонъ, онъ не зналъ, куда бѣжать. Все, что онъ видѣлъ, что слышалъ, все окружающее страшно его поражало, болѣзненно стѣсняя сердце. Тщетно онъ борется съ самимъ собою, напрасно силится успокоить представленія воображенія: лишь только онъ успѣваетъ овладѣть одною нечистою мыслію, какъ нападаетъ другая, еще болѣе несносная [1].

Богъ, по своей благости, хотѣлъ ему этимъ показать удобопреклоность воли ко грѣху и потребность въ благодатной помощи; хотѣлъ держать его помыслъ въ духѣ смиренія и научить сострадательности къ немощамъ братіи Искушеніе не есть зло; но добро; оно хорошихъ дѣлаетъ еще лучшими. Это горнило для очищенія золота; это мельница для сотренія жесткихъ зеренъ пшеницы; это огнь, истребляющій волчцы и тернія, чтобы сдѣлать землю способною къ принятію добрыхъ семянъ. Искушеніе неизбѣжно въ сей жизни; ни одинъ святой не былъ свободенъ отъ него; это испытаніе нашей вѣры, укрѣпленіе добродѣтели и источникъ заслугъ.

Но какъ ни сильна была буря помысловъ, обуревавшая его, онъ ни на минуту не терялъ бодрости и упо-

---

[1] Pallad. cap. 12.

ванія на помощь Божію. Убѣжденный въ томъ, что цѣломудріе есть даръ Божій, и что нападенія врага со стороны сладострастія не иначе могутъ быть отражены, какъ чрезъ удаленіе всѣхъ случаевъ и причинъ, растлѣвающихъ помыслъ, чрезъ молитву и самоумерщвеніе, онъ усугублялъ постъ свой, ночныя бдѣнія, труды тѣлесные подъ руководствомъ мудраго старца, его ободрявшаго: со всею горячностію умолялъ Всесвятаго о сохраненіи чистоты его сердца отъ приражения нечистыхъ помысловъ, съ глубокимъ смиреніемъ повергая свою немощь къ престолу Его всемогущества. Усилія, имъ употребленныя, борьба имъ выдержанная, и наконецъ благодать имъ заслуженная чудесно вознесли его на высшую степень совершенства, такъ что онъ въ короткое время сдѣлался образцомъ для юныхъ подвижниковъ, соревнователемъ подвиговъ уже усовершившихся въ добродѣтеляхъ старцевъ и предметомъ удивленія для всѣхъ жителей пустыни.

Уже два года св Іоаннъ находился въ нагорномъ монастырѣ, проводя все время въ чтеніи св. Писанія и въ попеченіи о спасеніи своей души. Всегда простосердечный, смиренный, кроткій, покорный болѣе, нежели послѣдній изъ братій, онъ имѣлъ одно только желаніе познавать и любить Господа Іисуса Христа, въ томъ только поставлялъ свою славу, чтобы быть забытымъ, неизвѣстнымъ, почитаемымъ за ничто Но у Бога были другія намѣренія. Господь, милосердно помышляющій о всѣхъ, хотѣлъ, чтобы св. Іоаннъ былъ и теперь свѣтильникомъ, руководителемъ и утѣшителемъ для слабыхъ и скорбящихъ пустынниковъ, какъ долженъ былъ нѣкогда сдѣлаться

провозвѣстникомъ и учителемъ востока и всей вселенной.

Настоятель и всѣ благочестивые иноки монастыря, въ которомъ жилъ св. Іоаннъ, видя въ немъ избранника Божія и славу своей обители, искренно желали, чтобы онъ сокровища своего знанія и святость души своей раскрылъ въ поучительныхъ писаніяхъ. Случай къ этому вскорѣ представился.

Вмѣстѣ съ св. Златоустомъ жилъ одинъ монахъ, по имени Димитрій, весьма отличавшійся особенною простотою во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, своею живою вѣрою, любовію и чрезмѣрными подвигами самоумерщвленія. Хотя онъ стоялъ на высокой степени нравственнаго совершенства, однако всегда старался держать себя наравнѣ со всѣми низшими. Земля со всѣми преходящими благами не имѣла никакой цѣны въ его глазахъ; словомъ сказать, всѣ дѣйствія, вся жизнь его выражали непрерывное стремленіе къ небесному. Движимый непрестанно возраставшимъ желаніемъ благоугождать Богу, онъ долго умолялъ св. Златоуста подать ему помощь въ шествованіи по пути къ небу, и написать хотя нѣсколько словъ, о спасительномъ сокрушеніи. Часто бралъ его за руку и, орошая слезами, взывалъ къ нему: «помоги мнѣ блаженный Іоаннъ, умоляю тебя, помоги мнѣ умягчить окаменѣвшее мое сердце и напитать его слезами сокрушенія»: Св. Златоустъ, по духу смиренія, долго отказывался; но наконецъ побуждаемый неотступными просьбами благочестиваго пустынника, уступилъ желанію, написалъ поучительное слово о сокрушеніи [1].

[1] Это слово *написано св. Іоанномъ въ концѣ 374 года или въ началѣ* 375, вскорѣ по удаленіи его въ обитель иноковъ.

«Видя что ты, блаженный Димитрій», писалъ св. Златоустъ «постоянно приступаешь ко мнѣ и съ великимъ усердіемъ требуешь отъ меня словъ сокрушенія, я всегда ублажалъ тебя и дивился за чистоту души твоей. Ибо и пожелать такихъ наставленій не возможно, не очистившись напередъ совершенно и не ставши превыше всего житейскаго. Это легко усмотрѣть изъ примѣра тѣхъ, которые объемлются такимъ желаніемъ, хоть на краткое время: въ нихъ происходитъ вдругъ такая перемѣна, что они тотчасъ переносятся на небо; отрѣшивъ душу отъ мірскихъ заботъ, какъ бы отъ тяжкихъ узъ, они такимъ образомъ даютъ ей свободу летѣть въ свое, родное ей мѣсто. Но съ большею частію людей это случается только по нѣскольку разъ во всю жизнь; а ты всегда объятъ этимъ сокрушеніемъ. И свидѣтели мнѣ въ этомъ могутъ быть твои безсонныя ночи и источники слезъ, и любовь къ пустынѣ постоянно живущая и неослабно дѣйствующая въ душѣ твоей. Какая-же тебѣ будетъ прибыль отъ нашихъ словъ? Уже и то самое, что ты окрыленную душу свою называешь каменною, и непрестанно берешь меня за правую руку, цѣлуешь и говоришь мнѣ: сокруши ожесточенное сердце мое,—уже это самое какую показываетъ богобоязненность, какую пламенную ревность? И такъ, еслѣ ты заставляешь насъ взяться за этотъ предметъ для того, чтобы разбудить насъ отъ сна, то одобряю твою великую и мудрость и попечительность: но если дѣйствительно для самаго себя и въ той мысли, будто ты нуждаешься въ возбудителѣ, то и въ этомъ случаѣ уступимъ тебѣ и покоримся ради всего и ради твоего дерзновенія къ Богу, и ради усердія къ просьбѣ,

и ради дружбы къ намъ. А ты заплати намъ за это своими молитвами, чтобы мы могли и остальную жизнь свою провести въ добродѣтели, и теперь сказать что либо доброе, способное поднять лежащія и подкрѣпить и воспламенить ослабѣвшія души» [1].

Послѣ сего краткаго вступленія, въ которомъ видны кротость, любовь и глубокое смиреніе св. Златоуста, онъ полагаетъ въ основаніе своего посланія слова Спасителя: *блажени плачущіе, яко тіи утѣшатся* (Матѳ. 5, 4), *и горе вамъ смѣющимся нынѣ, яко возрыдаете и восплачете* (Лук. 6, 25); и потомъ раскрывая необходимость сокрушенія, говоритъ о нашей безчувственности: «по нашей безчувственности мы нисколько не отличаемся отъ умалишенныхъ, которые безъ опасенія говорятъ и дѣлаютъ много вреднаго и неприличнаго, и не только не стыдятся, но и хвалятся этимъ и считаютъ себя здоровѣе здоровыхъ. Такъ и мы, поступая во всемъ подобно больнымъ, незнаемъ и того, что больны. Между тѣмъ, если случится у насъ въ тѣлѣ и малая болѣзнь, мы и приглашаемъ врачей, и тратимъ деньги, и выказываемъ терпѣніе, и дотолѣ не перестаемъ дѣлать все, пока не прогонимъ болѣзнь; а о душѣ, которая плотскими страстями каждый день поражается, разрывается, сожигается, устремляется въ пропасть и всячески губитъ себя, нисколько не заботимся» [2]. Далѣе показавъ наше небреженіе объ исполненіи заповѣдей Божіихъ, отъ которыхъ происходитъ разслабленіе духовныхъ силъ и невѣріе въ будущее воздая-

---

[1] Слово къ Димитр. § 1.

[2] Тамъ же § 2.

ніе, говоритъ, что если-бы у насъ было надлежащее понятіе о зловредности грѣха и спасительное сокрушеніе, то намъ легко было-бы сохранить себя не только отъ порочныхъ дѣйствій, но и отъ нечистыхъ желаній. «Какъ пыль, говоритъ св. Златоустъ, не можетъ устоять противъ напора сильнаго вѣтра, такъ и множество нечистыхъ пожеланій не можетъ выдержать устремившейся противъ нихъ силы сокрушенія, но изчезаетъ и разсѣевается скорѣе всякой пыли и дыма. Если плотская любовь такъ порабощаетъ душу, что отвлекаетъ ее отъ всего, и привязываетъ только къ любимой особѣ: то чего не сдѣлаетъ любовь ко Христу и страхъ быть отлученнымъ отъ Него» [1].

Пламенный любитель Христа, Павелъ, такъ былъ уязвленъ этою любовію, что даже стеналъ о замедленіи и продолжительности здѣшняго странствованія (2 Кор. 5, 4)... Обративъ разъ очи на небо, и увидѣвъ съ изумленіемъ тамошнюю красоту, онъ не хотѣлъ уже опять обратить свой взоръ на землю, увидѣвъ небесныя блага, смотрѣлъ съ небреженіемъ на здѣшнюю бѣдность, и живя, по необходимости, тѣломъ съ людьми, ни къ чему здѣшнему не обращался душою.

Любовь Христова такъ одушевляла его, что, если бы ему предложено было потернѣть для Христа и вѣчныя наказанія, онъ не отказался-бы и отъ этого. Онъ служилъ Христу не такъ, какъ мы, наемники, по страху геенны и по желанію царства; нѣтъ,— объятый какою-то другою, несравненно лучшею и

---

[1] Тамъ же § 15.

блаженнѣйшею любовію, онъ терпѣлъ и дѣлалъ все не для чего инаго, какъ для того, чтобы только удовлетворить этой любви, которую онъ питалъ ко Христу» [1].

Сказавъ, что многіе, лишившись земнаго богатства или близкихъ родныхъ, предаются великой скорби, а мы, теряя душу чрезъ грѣхъ, которая стоитъ несравненно болѣе всѣхъ благъ земныхъ, остаемся равнодушны и безпечны, Златоустъ продолжаетъ побуждать къ сокрушенію о грѣхахъ, между прочимъ слѣдующими словами: «если бы даже не угрожалъ намъ огнь геенскій и не ожидали насъ вѣчныя наказанія, то одно отлученіе отъ кроткаго и человѣколюбиваго Христа, который за насъ предалъ себя на смерть, и претерпѣлъ все, чтобы избавить насъ отъ вѣчнаго мученія и примирить съ Отцемъ Своимъ насъ, бывшихъ по грѣхамъ врагами Его,—одно это отлученіе, хотя бы мы и не лишились неизреченныхъ и вѣчныхъ благъ, больше значитъ всякаго наказанія и въ состояніи пробудить душу и расположить ко всегдашней бдительности» [2].

Въ заключеніе своего слова св. Златоустъ говоритъ: «можно бы распространить слово и болѣе, но, такъ какъ я говорилъ только изъ послушанія, а не по другой причинѣ, то и это написано уже слишкомъ много. Мнѣ хорошо извѣстно, что ты съ точностію выполняешь добродѣтель сокрушенія и могъ бы, даже молча, учить ей другихъ, если-бы они пожелали хоть не долго пожить съ твоимъ благочестіемъ и видѣть

---

[1] Тамъ же § 16.
[2] Тамъ же § 23.

твою многотрудную жизнь. Потому прошу и молю, награди меня наконецъ и заплати мнѣ своими молитвами, чтобы я не только говорилъ о сокрушеніи, но и показывалъ его на дѣлѣ; потому что учительство безъ дѣлъ, не только не доставляетъ никакой пользы, напротивъ приноситъ великій вредъ и осужденіе тому, кто проводитъ жизнь свою въ такой бозпечности. *Не всякъ-бо,* говоритъ Іисусъ Христосъ *глаголяй Ми: Господи, а иже сотворитъ и научитъ, сей велій наречется въ царствіи небеснемъ*» (Мѳ. 5, 19. см. 7, 21) [2].

Это сочиненіе столь благотворное и пріятное сдѣлало впечатлѣніе на Дмитрія и всѣхъ иноковъ обители, что вскорѣ послѣ сего, св. Златоустъ, убѣжденный неотступною просьбою нѣкоего пустынника Стелехія. вынужденъ былъ написать другое слово о сокрушеніи.

«Какъ исполнить то, говоритъ св. Златоустъ въ началѣ своего слова къ Стелехію, что ты приказываешь, святый Божій человѣкъ? Какъ отъ души столь слабой и холодной родиться словамъ о сокрушеніи? Кто хочетъ объ этомъ предметѣ сказать что либо доброе тому надобно, думаю, самому больше и прежде всѣхъ другихъ воспламениться и горѣть этою ревностію, чтобы произносимыя имъ слова объ этомъ, сильнѣе раскаленнаго желѣза, врѣзывались въ душу слушателей. А у насъ нѣтъ этого огня, напротивъ все, что внутри, прахъ и пыль. Какъ же, скажи мнѣ, какъ зажечь намъ этотъ огонь, когда нѣтъ у насъ и искры, не приходитъ и тотъ вѣтеръ, который бы раздулъ это пламя, изъ за того глубокаго мрака, какой рас-

[1] Тамъ же § 23-й.
[2] Тамъ же § 24.

простерло надъ нашей душой множество грѣховъ? Я не знаю; такъ остается тебѣ же, который приказываешь, сказать и то, какъ приказаніе можетъ перейти въ дѣло и получить надлежащее исполненіе. Мы предложимъ въ услуги свой языкъ, а ты моли Исцѣляющаго сокрушенныхъ сердцемъ Дающаго робкимъ смѣлость, чтобы Онъ зажегъ въ насъ тотъ огонь, который поядаетъ всякую немощь человѣческую, и истребляетъ всякую сонливость и огрубѣлость плотскую; направляетъ полетъ души къ Нему, и съ того свода небеснаго показываетъ всю суетность и обманчивость настоящей жизни» [1].

Раскрывъ состояніе сердца, проникнутаго сокрушеніемъ, и показавъ, что человѣкъ, истинно раскаявающійся, имѣя очи не видитъ, владѣя ушами не слышитъ, остается нечувствительнымъ ко всему земному, мертвымъ для всего міра, а живетъ для одного Бога и дѣлъ Божіихъ, попирая ногами всѣ удовольствія чувственныя, богатства и славу, св. Златоустъ восклицаетъ: таковъ святый Павелъ!

Онъ среди великолѣпія и блеска великихъ городовъ, былъ такъ безстрастенъ и нечувствителенъ ко всѣмъ преходящимъ благамъ, что его можно было почесть за мертвеца. Онъ самъ говорилъ, что не только міръ умеръ для него, но и самъ онъ умеръ для міра. Великая мудрость отрѣшиться отъ всѣхъ земныхъ удовольствій, смотрѣть на міръ, какъ на трупъ бездушный; но еще гораздо большая мудрость умереть для міра, не имѣть никакой привязанности ни къ чему земному. Ибо иногда можетъ насъ при-

---

[1] Слово къ Стелехію § 1-й.

влекать и трупъ бездушный, или какая нибудь бездушная вещь; но когда міръ для насъ умеръ и мы для міра, то уже не можетъ быть никакой связи съ нимъ, какъ два бездушные трупа не могутъ дѣлиться между собою ни чувствами, ни мыслями. Св. Апост. Павелъ такъ былъ мертвъ для міра, что, живя тѣломъ на землѣ, душой и сердцемъ всегда пребывалъ на небѣ; его любовь къ Іисусу Христу не только возвышалась до третьяго неба, но и проходила всѣ небеса. Онъ не высокъ былъ ростомъ, но безконечно превышалъ всѣхъ людей своею любовію и ревностію. Если я сравню любовь св. Павла къ Іисусу Христу съ обширнымъ пожаромъ, обнимающимъ весь земной шаръ, котораго огненный потокъ, обтекая все пространство между небомъ и землею, восходилъ до самаго неба, то и тогда недостаточно еще скажу объ немъ [1].

Съ такою же горячностію любилъ Господа св. Пророкъ Илія, взятый на небо въ огненной колесницѣ; столь сильная любовь наполняла сердце и пророка Давида, который взывалъ: *помилуй мя Боже, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое.... Отврати лице Твое отъ грѣхъ моихъ, и вся беззаконія мои очисти. Сердце чисто созижди во мнѣ Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей. Не отверзи меня отъ лица Твоего, и Духа Твоего святаго не отъими отъ мене* (Пс. 50). *Имъ же образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже* (Пс. 41).

Мы, говоритъ св. Златоустъ, имѣли-бы подобныя

---

[1] Тамъ же § 2.

чувства смиренія и сокрушенія, если-бы размышляли о гибельномъ дѣйствіи грѣха, который дѣлаетъ насъ врагами Богу, по неблагодарности человѣка, оскорбляющаго своего Верховнаго Благодѣтеля, несмотря на непрестанно изливающіяся отъ Него на насъ благодѣянія. Если бы мы всю жизнь, украшенную всѣми христіанскими добродѣтелями, все сердце, полное чувствъ нѣжнѣйшей любви, принесли ему въ жертву, то и тогда, можно сказать, мы еще ничего не сдѣлали бы, чтобъ возблагодарить Господа за неизреченныя милости и великія благодѣянія, ниспосланныя на насъ отъ начала дней нашего бытія [1].

«Не имѣя никакой нужды въ *насъ*, *но будичи* самодоволенъ, Господь воззвалъ насъ изъ небытія въ бытіе, вдохнулъ въ насъ душу, какой не далъ ни одному изъ животныхъ земныхъ; насадилъ рай, распростеръ небо, подостлалъ землю, зажегъ блестящія свѣтила; землю украсилъ озерами, источниками, рѣками, цвѣтами и деревами, а на небѣ поставилъ хоръ различныхъ звѣздъ; и такимъ образомъ сдѣлалъ для насъ ночь полезною, не меньше дня, чрезъ доставленіе намъ во снѣ покоя и укрѣпленія.... Какъ сердобольныя матери, когда хотятъ усыпить безпокойныхъ дѣтей, кладутъ ихъ на руки себѣ, закрываютъ имъ глаза покрываломъ и такъ усыпляютъ ихъ: такъ и Богъ, распростерши по вселенной темноту, какъ бы покровъ какой, успокоиваетъ людей отъ трудовъ.... Но ночь даетъ успокоеніе не только нашему тѣлу, но и душѣ. Что въ самомъ дѣлѣ сказать о тишинѣ и спокойствіи ночномъ, о томъ, что повсюду господ-

---

[1] Тамъ же § 9.

ствуетъ молчаніе, нигдѣ нѣтъ шуму, и не слышно ни какого крика, какъ это бываетъ днемъ, когда одни оплакиваютъ бѣдность, другіе жалуются на убытки, иные сѣтуютъ о болѣзни и разстройствѣ тѣла, другіе о смерти родныхъ, иные о другомъ какомъ-либо несчастіи человѣческомъ, а ихъ такъ много!... Изъ всѣхъ этихъ несчастій ночь исторгаетъ, какъ бы изъ волнъ, и успокоиваетъ родъ человѣческій въ своей пристани»[1]. Св. царь Давидъ, при мысли о благодѣніяхъ Божіихъ, восклицалъ: *что есть человѣкъ, яко помниши его; или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его; умалилъ еси его малымъ чимъ отъ Ангелъ, славою и честію вѣнчалъ еси его* (Псал. 8, 5—6).

Раскрывъ величіе благодѣяній Божественныхъ и неблагодарность человѣческую, и представляя себя виновнѣйшимъ и неблагодарнѣйшимъ изъ людей св. Златоустъ говоритъ въ заключеніе: «прошу и умоляю тебя тѣмъ дерзновеніемъ, которое пріобрѣлъ ты предъ Богомъ своими добродѣтелями, подай намъ, постоянно нуждающимся, помощь, чтобы могли мы достойно оплакивать бремя столь многихъ грѣховъ и, оплакавъ, вступить на благопріятный и ведущій насъ къ небу путь, чтобы не сойти намъ во адъ, гдѣ никто не можетъ исповѣдаться, и не подвергнуться участи отверженныхъ, отъ которой уже никто не избавитъ насъ. Пока мы здѣсь, такъ и мы можемъ воспользоваться многимъ отъ васъ, и вы—весьма много облагодѣтельствовать насъ. А какъ отойдемъ туда, тогда уже должны будемъ въ скорби, въ глубокомъ мракѣ и полномъ отсутствіи всякаго утѣшенія, терпѣть вѣч-

[1] Тамъ же § 10.

ное мученіе, сдѣлавшись неиждиваемою пищею всепожирающаго пламени» [1].

Но сколько вся пустыня получила радости и утѣшенія чрезъ сіи письма Златоуста о сокрушеніи, столько же возмущена и огорчена была жалкимъ паденіемъ Ѳеодора, друга Златоуста, и происшедшимъ отъ того соблазномъ. Ѳеодоръ происходилъ отъ хорошей фамиліи и обладалъ многочисленнымъ богатствомъ. Дружба, которою онъ былъ связанъ съ Златоустомъ, принесла ему великую пользу. Св. Іоаннъ, обративъ его сердце къ Богу, совѣтовалъ ему оставить адвокатство и посвятить себя истинной философіи, вступивъ въ жизнь монашескую [2]. Ѳеодоръ охотно принялъ совѣтъ друга, и скоро оставивъ міръ, удалился въ горы. Обращеніе его было *искренно*, и въ началѣ онъ показалъ великую ревность къ исполненію строгихъ правилъ монашескаго житія. Всѣхъ удивлялъ ревностію въ усовершеніи себя; ревностно занимаясь изученіемъ слова Божія, цѣлые дни проводилъ въ чтеніи книгъ, и бо́льшую часть ночи въ молитвѣ. Не рѣдко въ началѣ своего житія въ монастырѣ испытывалъ, *коль благъ Господь, и коль сладки гартани словеса Его.* Но недостаточно только слышать голосъ Провидѣнія, призывающій къ извѣстному подвигу, надобно еще отвѣчать на этотъ голосъ; часто не трудно узнать дорогу, но трудно идти по ней безостановочно. И Ѳеодоръ мало по малу началъ разслабѣвать въ своей первой ревности; однажды мысль о прошедшемъ остановила на себѣ его внима-

---

[1] Тамъ же § 17.

[2] Сократъ 6, 3. Созоменъ 8, 2.

ніе; онъ обратилъ взоръ назадъ и мірскіе помыслы овладѣли имъ. Родъ мой славится знаменитостію, говорилъ онъ; я еще нахожусь въ цвѣтѣ лѣтъ, обладаю многочисленнымъ богатствомъ и могъ бы еще блистать въ мірѣ своимъ умомъ и пріобрѣсть себѣ славное имя своими талантами. Къ чему же презирать дары Божіи, зарывая ихъ въ землю? Почему же не воспользоваться дарами счастія, отвергать славу, и заживо погребать себя въ могилѣ? Таковыя мысли и сравненіе своего настоящаго положенія съ прошедшимъ произвели злотворное дѣйствіе на его сердце и окончательно разрушили всѣ эти добрыя намѣренія. Θеодоръ, увлеченный бурнымъ порывомъ пробудившихся привычекъ и страстей, оставилъ пустыню и возвратился въ городъ. Тамъ предавшись всею душею духу вѣка, какъ очищенная храмина, сдѣлался вмѣстилищемъ злѣйшихъ духовъ, гордости и тщеславія, неудержимо увлекаясь всѣми видами суетныхъ, но плѣнительныхъ для юности, наслажденій свѣта. Завѣтъ, заключенный Θеодоромъ съ Богомъ чрезъ монашескіе обѣты, потерялъ уже въ его глазахъ свое высокое значеніе, и онъ увлеченный любовію къ одной молодой дѣвицѣ, рѣшился вступить въ бракъ.

Св. Златоустъ, узнавъ о паденіи своего друга, пораженъ былъ чрезвычайною скорбію. Побуждаемый чувствами дружбы, и своею ревностію о его спасеніи, онъ тотчасъ подалъ ему руку помощи, и употребилъ всѣ усилія возвратить его къ лучшимъ убѣжденіямъ и чувствованіямъ; убѣждалъ и умолялъ его оставить разсѣянную жизнь въ свѣтѣ и возвратиться въ мирное уединеніе къ своимъ друзьямъ.

«*Кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источ-*

никъ слезъ», говоритъ св. Златоустъ въ началѣ своего перваго слова къ Ѳеодору, — *«ибо я* оплакиваю не разрушеніе городовъ, но опустошеніе священной души, и разрушеніе и истребленіе христіанскаго храма. Кто зналъ хорошо сожженную теперь діаволомъ красоту души твоей въ то время, когда она сіяла, тотъ не возстенаетъ ли, слыша, что варварскія руки осквернили святое святыхъ... ибо храмъ души твоей блисталъ не золотомъ и серебромъ, но благодатію Духа, и имѣлъ въ себѣ обитающихъ Христа и Его Отца и Утѣшителя. А теперь уже не то, онъ теперь пустъ и обнаженъ отъ оной красоты и благолѣпія, потерялъ божественное и несказанное украшеніе, а съ этимъ вмѣстѣ лишился всякой безопасности и охраненія: нѣтъ у него ни двери, ни запора, но для всѣхъ открытъ онъ душевредныхъ и гнусныхъ помысловъ. Помыслъ-ли гордости, помыслъ-ли блуда, помыслъ-ли сребролюбія или еще гнуснѣйшіе сихъ помыслы захотятъ войти въ него, — никто не помѣшаетъ: а прежде, какъ небо, недоступна была для всего этого чистота души твоей. Можетъ быть, мои слова кажутся теперь невѣроятными для тѣхъ, кои видятъ теперешнее запустѣніе и разореніе души твоей; поэтому-то я скорблю и сѣтую, и не престану дѣлать сіе, доколѣ опять не увижу тебя въ прежнемъ блескѣ» [1].

Показавъ Ѳеодору всю глубину пропасти, въ которую онъ низринулся, убѣждаетъ его не предаваться отчаянію, но, укрѣпившись упованіемъ на милосердіе Божіе и смиренною молитвою, мужественно возстать на брань со врагомъ спасенія.

---

[1] 1-е сл. Злат. къ Ѳеодору.

«Не отчаявайся въ перемѣнѣ на лучшее. Ибо, если діаволъ возмогъ столько, что съ этой вершины и высоты добродѣтели низвергъ тебя до края зла: то кольми паче Богъ возможетъ паки возвести тебя въ прежнюю свободу, и сдѣлать не только такимъ же, но и гораздо блаженнѣйшимъ прежняго. Только не упади духомъ, не потеряй доброй надежды... [1]

Діаволъ для того и ввергаетъ насъ въ помыслы отчаянія, чтобы истребить въ насъ упованіе на Бога— этотъ твердый якорь, эту опору нашей жизни, этого руководителя на пути, ведущемъ къ небу, это спасеніе погибающихъ душъ. Ибо оно, какъ бы нѣкая крѣпкая цѣпь, висящая съ неба, поддерживаетъ души наши, понемногу увлекая въ оную высоту тѣхъ, которые крѣпко держатся за нее, и поднимая насъ выше бури житейскихъ золъ. И такъ, если оно ослабѣетъ и опуститъ изъ рукъ этотъ священный якорь, то сейчасъ же упадетъ и погибнетъ въ безднѣ грѣха. Зная это, лукавый когда ощутитъ, что мы сами тяготимся сознаніемъ злыхъ дѣлъ, набѣжавши и самъ еще налагаетъ на насъ помыслъ отчаянія, который тяжелѣе свинца; и, если мы примемъ этотъ помыслъ, то неизбѣжно, увлекшись тотчасъ тяжестію и оторвавшись отъ оной цѣпи, низринемся въ глубину золъ» [2].

«И такъ, не говори мнѣ», продолжаетъ св. Іоаннъ, «что тебѣ нѣтъ уже надежды на прощеніе; потому будто, что Богъ не можетъ простить такого преступленія, какъ твое. Представимъ себѣ величайшаго грѣшника, какой только можетъ найтись; пусть онъ

---

[1] Тамъ же.

[2] Тамъ же.

будетъ виновенъ во всѣхъ самыхъ страшныхъ преступленіяхъ; положимъ, что онъ грѣшилъ съ самаго дѣтства до самой старости, до самаго даже часа смертнаго; но если онъ сохранилъ вѣру, проникнутъ сознаніемъ своей виновности и сокрушеніемъ о грѣхахъ, я убѣжденъ, что его спасеніе не безнадежно. Если бы Богъ дѣйствовалъ по страсти, то грѣшникъ могъ бы опасаться, что онъ не въ силахъ будетъ утишить праведный гнѣвъ Его, возбужденный столькими преступленіями. Но Господь не измѣняемъ въ своихъ совершенствахъ, и если наказываетъ, то по Своей отеческой благости, а не по духу мщенія. Онъ намъ грозитъ, Онъ насъ часто наказываетъ, чтобы насъ заставить войти въ самихъ себя и потомъ привлечь къ Себѣ. Врачь не только не оскорбляется ругательствами больнаго, находящагося въ бреду, но всѣ силы употребляетъ, чтобы успокоить его. И лишь только больной обнаружитъ проблескъ ума и самосознанія, онъ радуется и послѣ сего употребляетъ болѣе сильныя лекарства, не для того, чтобъ отмстить бѣдному больному, за причиненныя имъ оскорбленія, но чтобы скорѣе излечить его. Такъ съ нами поступаетъ и Господь, когда мы впадаемъ въ глубину золъ; Онъ насъ поражаетъ разными скорбями, Онъ намъ даетъ самыя острыя лекарства, чтобъ только извлечь насъ изъ пропасти грѣха»... [1]

Кто былъ болѣе виновенъ, какъ Навуходоносоръ и Манассія, и однако же Богъ простилъ ихъ, лишь только они смирились предъ Нимъ. Нѣтъ ни одного грѣха непростительнаго для Его благости. Онъ всегда

---

[1] Тамъ же.

принимаетъ сердце сокрушенное и смиренное. Всякій грѣшникъ въ одну минуту можетъ примириться съ Богомъ, если только онъ искренно раскается: раскаяніе измѣряется не временемъ, но силою чувства сокрушенія [1]. Итакъ, возлюбленный другъ мой, въ упованіи на милосердіе Божіе, старайся выйдти изъ этого бѣдственнаго состоянія, въ которое впалъ по несчастію. Все несчастіе состоитъ не въ томъ, что ты палъ, но что упавши не встаешь; не въ томъ, что согрѣшилъ, но въ томъ, что упорствуешь во грѣхѣ [2]. Встань же, ободрись, и подобно юношѣ, расточившему имѣніе свое, воскликни: *возстану и пойду ко отцу моему* [3]. Врагъ діаволъ, зная безконечное милосердіе Божіе, по которому Онъ съ любовію принимаетъ всѣхъ кающихся грѣшниковъ, всячески старается согрѣшившаго ввергнуть въ отчаяніе [4].

Если ты не можешь опять взойти на ту степень совершенства, съ которой ниспалъ, старайся по крайней мѣрѣ выдти изъ этого бѣдственнаго состоянія, въ которомъ находишься, начни борьбу столь полезную. и труды не останутся безъ награды. Пока мы не испытаемъ, и самыя легкія дѣла кажутся иногда самыми трудными; но какъ скоро мы употребимъ небольшое усиліе, кажущаяся затруднительность уничтожается, увѣренность заступаетъ мѣсто отчаянія, и мы легко совершаемъ то, къ чему боялись прикоснуться [5]. Поспѣши отогнать отъ себя всѣ мрачныя мысли, внушенныя тебѣ злымъ духомъ. Діаволъ, зная, что

[1] Тамъ же.
[2] Тамъ же.
[3] Тамъ же.
[4] Тамъ же.
[5] Тамъ же.

сдѣлавшіе много зла, когда начнутъ каяться, дѣлаютъ это съ великою ревностію, какъ сознающіе свои согрѣшенія, страшится и трепещетъ, чтобы они не начали этого дѣла. Ибо когда начнутъ, бываютъ уже неудержимы, и какъ бы огнемъ, воспламенившись покаяніемъ, содѣлываютъ свои души чище чистаго золота, совѣстію и воспоминаніемъ о прежнихъ грѣхахъ, какъ бы сильнымъ вѣтромъ увлекаясь въ пристань добродѣтели... И самое трудное и великое—то, чтобы быть въ состояніи придти ко входу и достигнуть преддверія покаянія, и оттолкнуть и низринуть врага, который тутъ сильно дышитъ и налегаетъ. А послѣ того и онъ уже не будетъ показывать того неистовства, бывъ однажды побѣжденъ и павши тамъ гдѣ былъ силенъ, а мы напротивъ, получимъ болѣе ревности и весьма удобно совершимъ этотъ добрый подвигъ. Начнемъ же, наконецъ, возвратный путь, потечемъ въ градъ небесный, въ которомъ мы и записаны, въ которомъ и жить повелѣно намъ. Отчаяніе гибельно не только потому, что затворяетъ намъ врата онаго града, и приводитъ въ большую безпечность и небреженіе, но и потому, что ввергаетъ въ сатанинское неистовство. Душа, однажды отчаявшись въ своемъ спасеніи, уже не чувствуетъ, какъ она все глубже низвергается, рѣшаясь говорить и дѣлать все противъ своего спасенія... Посему, молю, прежде нежели глубоко потонешь отъ этого пьянства, протрезвись и пробудись, брось сатанинское ликованіе и, если не возможно вдругъ, покрайней мѣрѣ изподволь и понемногу... Прошу и умоляю прежнею славою, прежнею свободою, да узримъ тебя опять на той же высотѣ. Пожалѣй о тѣхъ, которые изъ за

тебя соблазняются, падаютъ, дѣлаются безпечнѣе, отчаяваются въ пути добродѣтели. Теперь скорбію объятъ ликъ братій, а веселіемъ и радостію—сборища невѣрныхъ и юношей безпечныхъ [1].

Какъ человѣку, забывшему о той чистой радости, которою наполняется сердце истинно благочестиваго человѣка, и о томъ высочайшемъ утѣшеніи, которое приноситъ упованіе будущихъ благъ и вѣчнаго общенія съ Богомъ, св. Златоустъ говоритъ Ѳеодору о кратковременности и ничтожности земныхъ удовольствій и вѣчности мученій въ будущемъ вѣкѣ. Не видалъ ли ты какъ умирали жившіе въ роскоши, пьянствѣ, игрѣ, и прочихъ удовольствіяхъ жизни? Гдѣ теперь тѣ, которые одѣвались въ шелковыя одежды и издавали изъ себя благовоніе мастей. Гдѣ теперь эта пышность ихъ? Куда теперь все это улетѣло? Чѣмъ стало тѣло, которому они такъ много угождали? Приди на могилу, посмотри на пыль, на прахъ, на червей, посмотри на безобразіе этого мѣста, и—горько возстенай. И о если бы это наказаніе ограничилось только этою пылью! Но вотъ отъ могилы и червей этихъ перенесись мыслію къ тому неумирающему червю, къ огню неугасимому, къ скрежету зубовъ, ко тьмѣ кромѣшной, къ скорби и тѣснотѣ... Объ этомъ подумай, и тотъ огнь противопоставивши охватившему теперь тебя пожару вожделѣній освободи себя наконецъ изъ сей печи... Положимъ, что проживешь много лѣтъ и не испытаешь никакай перемѣны въ счастіи: что же это въ сравненіи съ безконечными вѣками и съ тяжкими и не-

---

[1] Тамъ же.

сносными муками? [1]... Да и что значитъ наслажденіе здѣшними благами въ сравненіи съ состояніемъ будущихъ благъ, какъ не сновидѣніе одного дня въ цѣлой жизни? Итакъ найдется-ли человѣкъ, который бы изъ за того, чтобы увидѣть пріятный сонъ, рѣшился терпѣть наказаніе во всю жизнь [2]?

Это слово св. Іоанна сильно подѣйствовало на сердце Ѳеодора. Но слава земная, любовь къ почестямъ, а въ особенности сладострастныя вожделенія крѣпко удерживали его въ своей власти; желая заглушить упреки совѣсти, онъ старался оправдать свои дѣйствія, придавая имъ видъ законности.

Св. Іоаннъ движимый любовію и ревностію о его спасеніи, написалъ ему другое слово.

«Если бы можно было изложить на бумагѣ слезы и вздохи», говоритъ св. Златоустъ въ началѣ своего втораго слова къ Ѳедору, «то я наполнилъ бы ими письмо, и послалъ бы его къ тебѣ. Плачу же я не о томъ, что ты озабоченъ отцовскими дѣлами, но о томъ, что изгладилъ себя изъ списка братій, что попралъ завѣтъ со Христомъ. Ибо знаю, что нарушеніе онаго завѣта великое осужденіе навлекаетъ на тѣхъ, которые записывались въ доброе воинство, по по собственной безпечности оставили строй. Простаго человѣка никто не станетъ обвинять въ оставленіи воинской службы, а кто разъ сталъ воиномъ, тотъ если уличенъ будетъ въ бѣгствѣ изъ строя, подвергнется крайней опасности. Зло не въ томъ, любезный Ѳеодоръ, чтобы сражаясь пасть, а въ томъ, что упавши, такъ и оставаться... Никакой купецъ, подверг-

[1] Тамъ же.
[2] Тамъ же.

шись однажды кораблекрушенію и потерявши грузъ, не бросаетъ мореплаванія, но и опять переплываетъ море, и волны, и обширныя глубины, и вновь пріобрѣтаетъ прежнее богатство... Такъ теперь и ты, потому что врагъ нѣсколько столкнулъ тебя съ мѣста; не толкай еще и самъ себя въ пропасть, но стой бодро, и скоро возвратись туда, откуда ушелъ, и не считай позоромъ этого кратковременнаго пораженія... Да не смущаетъ тебя и то, что ты преткнулся такъ скоро и въ самомъ началѣ. Ибо скоро увидѣлъ лукавый доблесть души твоей, и изъ многаго догадался, что выростетъ изъ тебя мужественный противникъ ему, поэтому то онъ поспѣшилъ, пробудился, поднялся съ силою на тебя... Но такъ какъ онъ поразилъ тебя въ то самое время, когда ты только еще изготовился къ борьбѣ съ нимъ, то и успѣлъ въ томъ только, что сдѣлалъ тебя болѣе сильнымъ къ борьбѣ съ нимъ. Ибо тогда, какъ ты лишь только выплылъ изъ пристани, а не тогда, когда возвращался уже съ торговли и везъ великій грузъ, напалъ на тебя свирѣпый пиратъ. И какъ рѣшившійся умертвить сильнаго льва, если только оцарапаетъ у него кожу, льву не повредитъ нисколько, напротивъ только болѣе раздражитъ его противъ себя и сдѣлаетъ осторожнѣе впередъ и неуловимѣе; такъ и общій всѣхъ врагъ, покусившись нанести тебѣ глубокую рану, этого не достигъ, а заставилъ только впередъ быть болѣе бдительнымъ и осторожнымъ»[1].

Показавъ далѣе всю строгость суда Божія надъ оставшимися безъ развитія духовными дарованіями,

---

[1] Хр. Чт. 1841 г. ч. 2 стр. 3—7.

раскрываетъ потомъ всю обманчивую, призрачную красоту земныхъ наслажденій и высокое достоинство истинно-христіанской жизни. «Что въ мірѣ представляется тебѣ всего блаженнѣе и вожделеннѣе? Конечно, ты скажешь, власть и богатство и слава отъ людей? Но что жалче этого, если сравнить съ свободою христіанъ? Властитель подлежитъ ярости народной и безсмысленнымъ прихотямъ толпы, такъ же страху со стороны сильнѣйшихъ властителей и заботамъ о подчиненныхъ..... И развѣ драгоцѣнна слава, которая упадаетъ какъ травный цвѣтъ? Развѣ вожделенно богатство, владѣющіе коимъ назывлются жалкими? Ибо *горе*, сказано *богатымъ* (Лук. 6, 24); и еще: *горе! надѣющіеся на силу свою, и о множествѣ богатства своего хвалящіеся* (Пс. 48, 7). Христіанинъ никогда не дѣлается ни изъ начальника простолюдиномъ, ни изъ богатаго бѣднымъ, ни изъ славнаго безславнымъ: напротивъ, онъ богатъ когда бѣденъ,— а высокъ, когда старается смиряться; и власти, которую имѣетъ онъ, не надъ людьми, но надъ князьями, подвластными міродержителю тьмы, никто похитить у него не можетъ» [1]. Отвѣчая на желаніе Ѳеодора оправдать свой поступокъ законностію брака, св. Іоаннъ говоритъ: законное дѣло бракъ, согласенъ на это и я; ибо сказано: *честна женитва, и ложе нескверно: блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ* (Евр. 13, 5). Но тебѣ уже невозможно соблюсти законность брака; потому что кто, сочетавшись небесному Жениху, оставляетъ Его и сочетавается съ женою, тотъ совершаетъ прелюбодѣяніе, а вѣрнѣе

---

[1] Стр. 10.

сказать, что преступнѣе и прелюбодѣянія во столько кратъ, во сколько Богъ превосходнѣе людей..... [1]. Притомъ нечистыя удовольствія сей жизни ни чѣмъ не отличаются отъ тѣней и сновъ: прежде, чѣмъ окончится грѣхъ, потухаетъ удовольствіе, а наказанія-то за него и конца не имѣютъ. Сладость кратковременна, а горесть вѣчна. Имѣть много разнообразныхъ желаній, обращенныхъ на земные предметы, и желать имъ всѣмъ удовлетворить, значитъ, быть рабомъ многимъ властителей. Но тотъ истинно свободенъ, кто живетъ для Христа: онъ стоитъ выше всѣхъ бѣдствій. Если онъ самъ не захочетъ сдѣлать себѣ зла, то другой никогда не будетъ въ состояніи сдѣлать ему это. Нѣтъ, онъ непобѣдимъ; не терзается отъ потери имѣнія, ибо знаетъ, что *ничто же внесохомъ въ міръ сей, ниже изнести что можемъ* (1 Тим. 6, 7); не уловляется честолюбіемъ или славолюбіемъ, ибо знаетъ, что наше житіе на небесѣхъ (Филип. 3, 20); ругатель не причиняетъ ему скорби, бійца не приводитъ въ раздраженіе. Одно у христіанина несчастіе—оскорбить Бога, а прочее, какъ-то: потерю имѣнія, лишеніе отечества, самую крайнюю опасность онъ и не считаетъ за бѣду; даже то самое, чего всѣ ужасаются,—переходъ отсюда туда, для него пріятнѣе жизни [2].... Тѣнь, даже тѣни ничтожнѣе—житейскія дѣла, сопряженныя со многими страхами, со многими опасностями, съ крайнимъ рабствомъ. Не погуби же и того и этого вѣка, когда тебѣ возможно, если захочешь, воспользоваться обоими» [3].

---

[1] Тамъ же.

[2] Стр. 18.

[3] Стр. 19.

«Знаю», говоритъ св. Златоустъ въ заключеніи, «что я преступилъ предѣлы письма, но прости, потому что я сдѣлалъ это понуждаемый любовію и скорбію. Изъ-за нея-то я и самъ насильно заставилъ себя написать это письмо, между тѣмъ какъ многіе удерживали меня: перестань трудиться напрасно, и сѣять на каменья, говорили мнѣ многіе. Но я никого не послушалъ: есть надежда, говорилъ я самъ себѣ, что письмо, если Богу угодно, произведетъ какое-либо дѣйствіе; если же случится противное нашимъ желаніямъ, мы по крайней мѣрѣ получимъ ту пользу, что намъ нельзя будетъ винить себя въ молчаніи. И такъ что зависѣло отъ насъ, мы сдѣлали; но уповаемъ, что и ты, по благодати Божіей, сдѣлаешь зависящее отъ тебя, и мы опять увидимъ тебя красующимся въ стадѣ Христовомъ. О, если бы намъ, молитвами святыхъ, скорѣе принять тебя, любезная глава, здравствующимъ истиннымъ здравіемъ».

Обращеніе грѣшника есть дѣло Божіе; но вмѣстѣ есть дѣло и человѣка, когда онъ, имѣя возможность упорствовать въ своихъ предразсудкахъ и дурныхъ привычкахъ, неуклонно слѣдуетъ водительству благодати Божіей. И обращеніе грѣшника на путь истины есть нерѣдко не меньше чудо, какъ и воскресеніе мертваго. Обращеніе Ѳеодора представляло множество затрудненій. Онъ пренебрегъ святымъ званіемъ, въ которомъ долго пребывалъ; снялъ съ себя одежду пустынническую, чтобъ надѣть прежнія, какъ болѣе льстившія самолюбію и честолюбію; его бѣгство уже было всѣмъ извѣстно; великолѣпныя палаты, роскошь, богатство, театры, разнообразныя наслажденія свѣта, и особенно преступная любовь къ женщинѣ, овладѣ-

ли имъ совершенно. Какъ разорвать эти крѣпкія узы? Какъ побѣдить всѣ эти препятствія? Но ничего нѣтъ невозможнаго для Того, Кто держитъ въ руцѣ своей сердце человѣка. Мольбы и слезы св. Іоанна привлекли на Ѳеодора благоволеніе Божіе и угрызенія совѣсти пробудились въ душѣ сего заблудшаго христіанина. Онъ сдѣлалъ только одинъ шагъ ко Господу, и Отецъ небесный, такъ сказать, уже пришелъ къ нему на встрѣчу. Уязвленный дѣйствіемъ благодати, онъ горько оплакивалъ свои грѣхи, свою неблагодарность и свое безуміе, и оставивъ свое имущество и отказавшись отъ брака, опять возвратился къ жизни созерцательной [1].

Въ царствованіе Валента, когда аріане пользуясь его покровительствомъ, воздвигли сильное гоненіе на православныхъ, монахи, населявшіе пустыни, имѣли весьма большое вниманіе къ православнымъ, къ поддержанію въ нихъ духа правовѣрія. Особенно тѣ православные, которые, по своему не высокому образованію въ научномъ отношеніи, не имѣли возможности вникать во всѣ тонкости богословскихъ споровъ, въ монашествующихъ видѣли единственныхъ руководителей къ истинной и спасительной вѣрѣ. По мнѣнію такихъ православныхъ, та только Вѣра истинная и спасительная, которая даетъ ея служителямъ силу совершать чудесныя знаменія. А такого рода доказательствами истинности и спасительности Вѣры многіе изъ монашествующихъ обладали. Поэтому и слово ихъ обладало могучею силою на всѣхъ христіанъ, и держало ихъ въ непоколебимой вѣрѣ православной,

---

[1] Созоменъ 8, 2.

не смотря на всѣ истязанія, которымъ подвергали ихъ аріане за непоколебимую стойкость въ православной Вѣрѣ. Вслѣдствіе этихъ-то причинъ аріане воздвигли страшное гоненіе на всѣхъ монашествующихъ, какъ главныхъ противниковъ ихъ лжеученія и самую сильную опору твердости православныхъ христіанъ.

А такъ какъ монашествующіе обличали не лжеученіе только аріанъ, но и пороки православныхъ христіанъ; поэтому враждебно къ нимъ относились не аріане только, но и слабые по жизни православные. Когда со смертію Валента, гоненіе со стороны аріанъ прекратилось, немощные изъ православныхъ христіанъ продолжали враждовать противъ монашествующихъ, и не престали уязвлять ихъ, вмѣсто оружія, злорѣчіемъ и клеветою. Конечно, такое оружіе не наносило дѣйствительныхъ ранъ монашествующимъ, но вредило однако же весьма много легковѣрнымъ изъ міранъ, которые бывъ поражены довѣріемъ къ клеветѣ, дѣлали сами себя неспособными къ пробужденію своей лѣности примѣромъ благаго житія монашествующихъ и къ воспріятію и осуществленію назидательнаго слова ихъ въ своей домашней и общественной жизни.

Такое положеніе дѣлъ подало поводъ св. Іоанну написать многое въ защиту монашескаго житія и къ вразумленію немощныхъ изъ міранъ. Это было такъ: когда св. Златоустъ узналъ отъ одного изъ друзей своихъ объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ инокамъ, жителями Антіохіи, столь сильно пораженъ былъ скорбію, что, заливаясь слезами, умолялъ Господа исторгнуть его изъ міра и взять его къ Себѣ, чтобъ не видѣть

такого соблазна и оскорбленій, причиняемыхъ Его вѣрнымъ служителямъ. Когда такимъ образомъ св. Іоаннъ продолжалъ скорбѣть въ присутствіи своего друга, и въ горести души своей оплакивать бѣдствія Церкви, пришедшій сказалъ ему: «теперь не время плакать, потому что этими слезами не спасешь погибшихъ и погибающихъ; да и зло, думаю, не остановится на этомъ. А надобно позаботиться о томъ, какъ бы намъ потушить пламя и остановить заразу, сколько это будетъ отъ насъ зависѣть. Итакъ, прекративъ этотъ плачь, сочини увѣщательное слово къ этимъ недужнымъ и безпокойнымъ, во спасеніе, какъ имъ, такъ и всѣмъ вообще людямъ». Св. Іоаннъ не хотѣлъ сначала писать, дабы не раскрыть предъ язычниками нравственныхъ ранъ христіанскаго общества и чрезъ то не дать имъ права дѣлать оскорбительные отзывы и о самомъ христіанствѣ. Но когда онъ узналъ, что язычникамъ уже извѣстны, какъ мученія и поруганія, претерпѣваемыя святыми мужами, такъ и неистовая злоба гонителей, и что они смѣются какъ надъ гонителями иночества, такъ и надъ преслѣдуемыми иноками, рѣшился исполнить просьбу друга своего, и написалъ три слова на возстающихъ на монашескую жизнь [1].

Въ первомъ словѣ св. Іоаннъ доказываетъ, что преслѣдующіе благочестивыхъ отшельниковъ вредятъ не столько имъ, сколько самимъ себѣ, и подтверждаетъ это примѣромъ Іудеевъ, которые за то, что гнали Апостоловъ, подверглись ужаснымъ бѣдствіямъ,

[1] Первое изъ сихъ словъ носитъ названіе: противъ тѣхъ, кои преслѣдуютъ руководителей къ монашеской жизни; второе; къ невѣрующему отцу, а третье: къ вѣрующему отцу.

описаннымъ ихъ соотечественникомъ Іосифомъ Флавіемъ. Далѣе говоритъ, что святымъ мужамъ нѣтъ никакого вреда отъ дѣлаемыхъ имъ оскорбленій, но уготовляется большая награда за терпѣніе, и что они больше возъимѣютъ дерзновенія предъ Господомъ за неизмѣнную любовь къ Нему и Его заповѣдямъ, при всѣхъ напастяхъ и скорбяхъ: «ибо великое уготовано воздаяніе дѣлающимъ добро, когда они, дѣлая его, подвергаются за это опасностямъ и великому безчестію» [1]. Но притѣснители ихъ, какъ гонители благочестія, не могутъ уже спастись, если не покаются, и потому онъ проситъ ихъ «не направлять меча на самихъ себя, не идти противъ рожна, и, думая оскорблять людей, не огорчать Св. Духа Божія» [2].

Раскрывая необходимую потребность въ удаленіи отъ шума городскаго для сохраненія сердечной чистоты, говоритъ св. Іоаннъ гонителямъ иночествующихъ: «хотѣлъ бы и я не меньше, и даже гораздо больше вашего, да и часто молилъ, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ, и столько было благочестія и въ городахъ, чтобы никому никогда ненужно было убѣгать въ пустыню, Но такъ какъ все пришло въ безпорядокъ, и города, гдѣ судилища и законы, полны стали беззаконія и неправды, напротивъ пустыня произращаетъ плодъ обильный любомудрія: то справедливость требуетъ, чтобы вы винили не тѣхъ, которые желающихъ спастись исторгаютъ изъ этой бури и волненія и ведутъ въ тихую пристань, но тѣхъ, которые каждый городъ дѣлаютъ такъ неудоб-

---

[1] 1-е слово противъ возстанія на монаховъ § 6.
[2] Тамъ же § 7.

нымъ и негоднымъ для любомудрія, что ищущіе спасенія принуждены бываютъ убѣгать въ пустыни» [1]...., Такъ я желалъ, и желаю, чтобы мы наслаждались такимъ спокойствіемъ, и тиранство этихъ золъ такъ сокрушилось, чтобы не только живущимъ въ городахъ не было нужды удаляться въ горы, но и обитающіе въ пустыняхъ опять возвратились въ свой городъ. Но что мнѣ дѣлать? Боюсь, чтобы стараясь возвратить ихъ отчизнѣ, вмѣсто этого не отдать ихъ въ руки злыхъ демоновъ, и желая освободить отъ пустыни и бѣгства, не лишить совсѣмъ любомудрія и спокойствія» [2].

Нѣкоторые, желая оправдать свои дѣйствія и привычки, неразлучныя съ жизнію въ городѣ, возражали: если пустыня такъ необходима для достиженія высшаго духовнаго любомудрія и сохраненія чистоты сердца, то неужели всѣ живущіе въ городѣ, а слѣдовательно и большая часть вселенной должна погибнуть, какъ не вмѣщающая въ себѣ высшей нравственной жизни? На это св. Златоустъ отвѣчаетъ такъ: «если укажутъ мнѣ на многочисленность живущихъ въ городѣ, и этимъ подумаютъ смутить и испугать меня, какъ бы, то есть, мнѣ не осудить на погибель всю вселенную, то я возьму изреченіе Христово, и съ нимъ стану противъ этого возраженія. Не рѣшится, думаю, никто на такой дерзкій поступокъ, чтобы противорѣчить опредѣленію Того, Кто будетъ судить насъ. Чтоже Онъ говоритъ? *Узкая врата и тѣсный путь вводяй въ животъ, и мало ихъ есть,*

---

[1] Тамъ же § 10.
[2] Тамъ же § 11.

иже обрѣтаютъ его (Мѳ. 7, 14). Если же мало обрѣтающихъ, то тѣмъ менѣе могущихъ пройти этотъ путь до конца. Вѣдь не всѣ же, кто только вступилъ въ начало, успѣли достигнуть и конца онаго: нѣтъ, одни въ самомъ началѣ, другіе въ срединѣ пути, а многіе даже у самой пристани, потонули. И въ другомъ мѣстѣ Христосъ говоритъ, что *мнози суть звани, мало же избранныхъ* (Мѳ. 20, 16). И такъ, когда Христосъ объявляетъ, что погибающихъ болѣе, а спасеніе достигается не многими: то что спорить со мною [1]? Въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ въ примѣръ безчисленное множество погибшихъ во время всемірнаго потопа въ сравненіи съ спасшимися.

Во второмъ словѣ св. Іоаннъ представляетъ язычника, обладающаго обширнымъ богатствомъ, украшеннаго знаменитостью рода и почестями, имѣющаго въ рукахъ своихъ обширную власть и великое множество слугъ и рабовъ, который питалъ сладкія надежды — свою знаменитость, славу, власть и богатство передать сыну. «Но вотъ къ несчастію его (какъ говоритъ богачъ о инокахъ, склонившихъ сына его къ монашеству), губители и обольстители, отнявши отъ такихъ надеждъ сына (питателя страсти его), какъ какіе нибудь разбойники, увели въ свои вертепы; и такъ обворожили его разсказами, что онъ лучше готовъ идти на мечь, въ огонь, на звѣрей, и на чтобы-то ни было, нежели возвратиться къ прежней счастливой жизни... Мнѣ ничего болѣе не остается, какъ только подложить огонь и зажечь все, — и домы, и поля и стада воловъ и овецъ. Какая

[1] Тамъ же § 11.

мнѣ будетъ отъ всего этого польза, когда нѣтъ уже того, кто сталъ бы пользоваться этимъ, когда онъ сдѣлался плѣнникомъ, и у жестокихъ варваровъ несетъ рабство, тягчайшее всякой смерти».

Въ отвѣтъ этому слѣпотствующему страстному язычнику, св. Іоаннъ говоритъ, что монахъ, не употребляя никакихъ усилій съ своей стороны, пользуется и тѣми выгодами, которыя имѣютъ цѣну и въ глазахъ людей невѣрующихъ, живущихъ для одной земли; именно, искреннимъ и благоговѣйнымъ почитаніемъ и могущественнымъ вліяніемъ на сердца благонамѣренныхъ мірскихъ людей. Доказываетъ, что монахъ долженъ быть названъ счастливымъ и блаженнымъ, поелику онъ, наслаждаясь внутреннимъ миромъ, плодомъ безпристрастной жизни, и чистыми наслажденіями непорочной жизни и молитвеннымъ собесѣдованіемъ съ Богомъ, не мучится множествомъ потребностей и заботами объ ихъ удовлетвореніи, не томится тою безплодною и неутомимою жаждою удовольствій и пріобрѣтеній, которыя снѣдаютъ души людей, преданныхъ міру. —Поистинѣ достоинъ сожалѣнія и слезъ такой отецъ, который не въ состояніи будучи понять счастія своего сына, оплакиваетъ оное, какъ величайшее несчастіе... Человѣкъ не мучимый жаждою и не распаляемый плотскою любовію, гораздо блаженнѣе не только тѣхъ, кои постоянно жаждутъ и всегда распаляются любовію, но и тѣхъ, кои хотя и не надолго подвергались этому и удовлетворяли похоти, блаженнѣе, потому что онъ и не испыталъ такой потребности» [1]. И этимъ то счастіемъ наслаждается сынъ...

---

[1] Тамъ же § 4.

Онъ богатъ: потому что, ограничивая свои нужды необходимыми потребностями жизни, ничего не желаетъ, такъ что, если бы предложили ему множество золота и другихъ сокровищъ, онъ отвергъ бы все это, какъ тяжелое бремя и безполезный грузъ [1]... Для него недоступна скорбь изгнанія и лишенія земель: ибо онъ, какъ обладатель всей земли и моря, такъ спокойно переходитъ съ одного мѣста на другое, какъ владѣлецъ земли ходитъ по своимъ полямъ. Питіе вездѣ доставятъ ему озера и рѣки и источники; а пища для него: растенія, травы и во многихъ мѣстахъ хлѣбы [2].

Далѣе, отвѣчая на сожалѣнія отца, что сынъ его, съ принятіемъ монашества, потерялъ право на славу и почести мірской жизни, обрекъ себя на безславіе безъизвѣстнаго житія въ пустыни, говоритъ: «ни пустыня не дѣлаетъ безчестнымъ, ни пребываніе въ царскомъ дворцѣ славнымъ и знатнымъ, и что слава и знатность не въ мѣстѣ, не въ одеждѣ, не въ санѣ и не во власти, но въ душевной доблести и въ любомудріи» [3]. И вслѣдъ за этимъ приводитъ многіе примѣры древнихъ философовъ, которые, не имѣя въ рукахъ своихъ ни богатства, ни власти, пользовались уваженіемъ отъ богатыхъ и властелиновъ за одну свою мудрость. Если великіе міра оказываютъ почтеніе тѣмъ, которые изъ низкаго званія поступили въ монашество, то тѣмъ болѣе окажутъ удивленія и почтенія тому, кто для сей жизни пренебрегъ и сла-

---

[1] Тамъ же § 5.
[2] Тамъ же § 7.
[3] Тамъ же § 9.

вою и богатствомъ [1]. — Далѣе, продолжая говорить о преимуществахъ монашескаго житія, говоритъ: «въ мірской жизни считается большою силою мстить оскорбившимъ. Но монахъ въ этомъ случаѣ обладаетъ высшею силою. Ибо, если высшимъ достоинствомъ считается на войнѣ не дозволить себя ранить, то монахъ и есть таковъ: ибо онъ, обладая христіанскою кротостію и любовію, не только не мститъ, но и не допускаетъ себя ранить ни злорѣчіемъ, ни клеветою, ни другими какими либо орудіями, приготовляемыми въ зложелательномъ сердцѣ. Что же касается до наслажденій, то наслажденіе инока несравненно выше всѣхъ наслажденій міролюбцевъ, ибо «оно навсегда оставляетъ душу невозмутимою, не причиняетъ ей никакого смятенія и волненія, но доставляетъ радость чистую и непорочную, такую, которая несравненно сильнѣе и живѣе всякой» [2].

Въ словѣ къ вѣрующему отцу св. Златоустъ, раскрывъ сначала страшную картину всемірнаго послѣдняго суда и страшную отвѣтственность за небреженіе о спасеніи ближнихъ, говоритъ, что «нерадящіе о спасеніи братій грѣшатъ противъ самаго Іисуса Христа и разрушаютъ зданіе Божіе. И единородный Сынъ Божій, желая внушить, какъ обязателенъ этотъ долгъ, и что нехотящихъ его исполнить ожидаютъ великія бѣдствія, сказалъ: *иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ пучинѣ морстѣй*» (Матѳ. 18, 6) [3]. Если подвергаетъ строгой отвѣт-

[1] Тамъ же § 10.

[2] Тамъ же § 18.

[3] 3-е сл. къ вѣрующему отцу § 2.

ственности небреженіе *о всякомъ* человѣкѣ, *то* тѣмъ болѣе преступно нерадѣніе о дѣтяхъ и выражаетъ крайнюю степень нечестія, когда родители, съ постыднымъ равнодушіемъ смотря на душевную гибель своихъ дѣтей, не только сами нерадятъ о ихъ спасеніи, но и препятствуютъ въ томъ другимъ, и даже вооружаются противъ тѣхъ, кои, по христіанской любви, стараются изъ юныхъ чадъ образовать истинныхъ *сыновъ Христу*[1]. *Далѣе доказываетъ* великую виновность родителей тѣмъ, что они, пренебрегая воспитаніемъ дѣтей, дѣлаются вдругъ преступниками противъ законовъ человѣческихъ, законовъ природы и законовъ Божескихъ, и допуская ихъ растлѣваться грѣховными привычками и страстями, подвергаютъ смерти ихъ душу, которая гораздо страшнѣе смерти тѣла, и потому справедливо можно назвать такихъ отцевъ худшими самыхъ дѣтоубійцъ[2].

Родители, по невѣжеству ума и сердца своего, сами влекутъ дѣтей къ погибели, когда въ побужденіе при всѣхъ занятіяхъ представляютъ только выгоды и преимущества земныя, и въ соревнованіе — только славныхъ земли, «а о прославившихся на небесахъ никто не вспомнитъ и однажды; даже, если и другой рѣшится вспомнить о нихъ, его преслѣдуютъ, какъ человѣка, который все разстроиваетъ»[3]. И такимъ образомъ «внушая это дѣтямъ съ юныхъ лѣтъ, учатъ ихъ не другому чему, какъ основанію всѣхъ пороковъ, вселяя въ нихъ двѣ самыя неистоивыя страсти, то есть, сребролюбіе и, еще болѣе пороч-

[1] Тамъ же § 3.
[2] Тамъ же § 8.
[3] Тамъ же § 9.

ную страсть, тщеславіе. Каждая изъ нихъ и порознь можетъ извратить все, а когда онѣ обѣ вторгнутся въ нѣжную душу юности, то, подобно соединившимся бурнымъ потокамъ, губятъ все доброе, и наносятъ столько тернія, столько песку, столько сору, что дѣлаютъ душу безплодною и не способною ни къ чему доброму [1]... И худо не одно то, что родители внушаютъ дѣтямъ противное заповѣдямъ Христовымъ, но то еще, что нечестіе прикрываютъ благозвучными именами, называя постоянное пребываніе на конскихъ ристалищахъ и въ театрахъ—свѣтскостію, обладаніе богатствомъ—свободою, славолюбіе—великодушіемъ, дерзость—откровенностію, расточительность—человѣколюбіемъ, несправедливость—мужествомъ. Потомъ, какъ будто еще мало этого обмана, они добродѣтель называютъ противными именами, скромность — необразованностію, кротость — трусостію, справедливость—слабостію, смиреніе—раболѣпствомъ, незлобіе—безсиліемъ, какъ будто боясь, чтобъ дѣти, услышавъ отъ другихъ настоящее названіе добродѣтелей и пороковъ, не избѣжали отъ заразы» [2].

При всеобщемъ растлѣніи нравовъ, находя весьма затруднительнымъ сохранить юношей отъ увлеченія страстями, совѣтуетъ родителямъ отдавать дѣтей для воспитанія въ монастыри. Нѣкоторые, уступая убѣжденіямъ Златоуста, но не сознавая вполнѣ гибельныхъ послѣдствій порока для ихъ жизни вѣчной, говорили: «пусть дѣти займутся прежде словесными науками, успѣшно изучать ихъ, и потомъ уже перей-

[1] Тамъ же § 10.
[2] Тамъ же § 12.

дутъ къ этому любомудрію (т. е. къ иноческой жизни). Если бы кто могъ, говоритъ св. Златоустъ, представить ручательство въ томъ, что дѣти сохранятъ во время обученія словесности и добрую нравственность, то я не только бы не пожелалъ того, что бы дѣти, оставивъ города, бѣжали въ пустыни, напротивъ того не похвалилъ бы тѣхъ, которые бы стали склонять ихъ къ бѣгству, но возненавидѣлъ бы, какъ враговъ всего общества, за то, что они, скрывая свѣщники и унося свѣтильники изъ города въ пустыню, похитили бы у живущихъ въ городѣ самыя важныя блага. Но такъ какъ этого обѣщать никто не можетъ, то какая польза посылать дѣтей къ учителямъ, у коихъ они научаются скорѣе порокамъ, нежели словесности, и желая пріобрѣсть менѣе важное, потеряютъ важнѣйшее — силу души и всякое доброе расположеніе! Когда душа цѣломудренна, тогда не будетъ никакой потери отъ незнанія краснорѣчія; а когда она развращена, тогда отъ нея величайшій вредъ, хотя бы и языкъ у такого человѣка былъ весьма изощренъ, и даже тѣмъ болѣе вреда, чѣмъ болѣе силы въ словѣ. Ибо нечестіе съ искусствомъ въ словѣ производитъ гораздо болѣе зла, чѣмъ необразованность» [1]. И отдавать въ монастыри для образованія доброй нравственности должно не на краткое время, но пока «посѣянные въ сынѣ плоды достигнуть зрѣлости; — тогда пусть онъ возвращается изъ пустыни, а прежде никакъ не долженъ. Поспѣшность произведетъ только то, что онъ никогда не созрѣетъ. Ибо кто прежде времени лишается питанія въ корнѣ,

[1] Тамъ же § 17.

тотъ и въ надлежащее время не будетъ уже годенъ. Но если будетъ терпѣливо переноситься разлука съ дѣтьми, то отъ нихъ будетъ польза и для отца, и для матери, и для дома, и для города, и для общества» [1].

Слова св. Златоуста, написанныя имъ въ защиту монашескаго житія, не безплодны были: ненависть къ инокамъ мало по малу утихла, преслѣдованія прекратились, въ пустынѣ водворялась обычная тишина, и краснорѣчивый защитникъ все болѣе и болѣе за свою превосходную жизнь снискикалъ любовь и уваженіе. Но не смотря на славу, которою пользовался, и всеобщее къ себѣ уваженіе, онъ всегда смотрѣлъ на себя, какъ на послѣдняго изъ всѣхъ братій, всегда занималъ послѣднее мѣсто, брался всегда за такія работы и занятія, которыя всего болѣе уничижали и содержали умъ въ болѣе смиренномъ мнѣніи о самомъ себѣ. Простой и скромный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, привѣтливый и полный любви къ братіямъ, онъ всегда жертвовалъ собою для ихъ спокойствія, съ такимъ же тщаніемъ стараясь скрываться отъ взоровъ людскихъ, съ какимъ всегда стараются выставлять себя на видъ чистолюбивые и тщеславные. Но Богъ, по Своимъ непостижимымъ намѣреніямъ, хотѣлъ, чтобы этотъ человѣкъ, заслужившій славу по своимъ сочиненіямъ, не менѣе былъ извѣстенъ и по своимъ добродѣтелямъ. Онъ по Своей Божественной благости восхотѣлъ проявить святость Своего слуги чрезъ чудотворныя дѣйствія.

Въ монастырѣ, въ которомъ жилъ св. Златоустъ,

[1] Тамъ же § 26.

былъ святой старецъ, по имени Исихій. Этотъ св. старецъ, стоя однажды на молитвѣ, восхищенъ былъ своимъ умомъ и увидѣлъ видѣніе. Ему казалась, что св. Іоаннъ, погруженный въ созерцательную молитву, лежалъ распростершись на полу своей келліи. Въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на него съ видомъ умиленія, два человѣка въ бѣлыхъ одеждахъ, съ лицомъ не человѣческимъ, но небеснымъ, подошли къ юному пустыннику, и взявъ его за руку, сказали: встань, Господь Іисусъ Христосъ насъ прислалъ къ тебѣ. Одинъ изъ небесныхъ посѣтителей, подавая ему книгу, сказалъ: пріими сей даръ, присланный тебѣ Богомъ. Знай, что я Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ, возлежавшій на груди Господа; съ этой книгой ты получишь даръ проникать въ тайны божественныя. Я молился, чтобъ дарована была тебѣ благодать изъяснять священное Писаніе краснорѣчиво, просто и увлекательно. Другой, похожій на Апостола Петра, подалъ ему ключи, говоря: я есмь тотъ, который исповѣдалъ Божество Сына Бога живаго; ты получишь власть отпущать грѣхи; я тебѣ даю эти ключи, символъ высокой власти священника—связывать и разрѣшать души. Св. Златоустъ, павши на землю ницъ лицемъ, взывалъ къ нимъ: о святые Апостолы! я недостоинъ столь великой милости...—и потоки слезъ лились изъ глазъ смиреннаго пустынника. Но святые посланники Божіи утѣшали его, и потомъ, давъ ему цѣлованіе мира, вознеслись на небо.

Одинъ молодой человѣкъ, по имени Евплій, съ дѣтства не могъ видѣть правымъ окомъ. Но когда онъ вступилъ въ монастырь и принялъ на себя образъ монашескій, то, по молитвамъ св. Іоанна, по-

лучилъ исцѣленіе, и могъ видѣть больнымъ окомъ свободно, какъ и другимъ.

Спустя немного времени, одинъ богатый житель Антіохіи, страдавшій долгое время отъ сильной боли въ головѣ, и неполучавшій никакой помощи отъ лекарей, пришелъ въ пустынное уединеніе св. Златоуста, прося его молитвъ. Но сей святый, увидавъ его сказалъ: эта болѣзнь есть наказаніе за твою жестокость и другіе грѣхи, учиненные тобою. Покайся, измѣни твое поведеніе, и Богъ, по Своей благости, изцѣлитъ тебя. Услыхавъ эти слова, больной палъ на колѣна предъ св. Іоанномъ, обѣщаясь во всей точности исполнить все, что онъ требуетъ. Господь, по Своему милосердію, искренность его обѣщаній принялъ какъ дѣйствительное исправленіе, и какъ скоро больной подклонилъ свою главу подъ одежду пустынника, тотчасъ получилъ совершенное исцѣленіе.

Не менѣе достойно прославленія и быстрое исцѣленіе жены нѣкоего Антіоха, Христины. Она страдала отъ своей болѣзни въ продолженіе семи лѣтъ. Всѣ медицинскія пособія, испытанныя ею, всегда оказывавшіяся безсильными къ облегченію страданій, приводили только къ убѣжденію въ неисцѣльности болѣзни. Оставленная всѣми врачами, она прибѣгла къ чудотворной силѣ святаго. Прибывши въ пустыню, она осталась у воротъ монастырскихъ, пока мужъ ея, съ нею пришедшій, ходилъ въ монастырь испросить для нея чудодѣйственной молитвы св. Златоуста. Зачѣмъ вы, говорилъ св. пустынникъ, оставляя безъ вниманія тѣ средства исцѣленія, которыя находятся у васъ въ рукахъ, приходите за помощію къ человѣку бѣдному и немощному? Скажи своей женѣ, чтобы

укротила свой разоражительный нравъ, была бы болѣе снисходительна къ слугамъ, подавала милостыню и усердна была въ молитвѣ. Если она исполнитъ это, и душа и тѣло получитъ исцѣленіе. Когда мужъ объявилъ ему о твердой рѣшимости жены исполнить все эти, св. Златоустъ сказалъ: иди, жена твоя выздоровѣла.

Въ окрестныхъ странахъ появлялся иногда необыкновенной величины левъ и, съ яростію нападая на всѣхъ встрѣчающихся на пути, убивалъ людей, расхищалъ стада. Жители, послѣ тщетныхъ попытокъ умертвить его, прибѣгли къ св. Іоанну [1], прося его помолиться, дабы укротилъ Господь праведный гнѣвъ Свой. Святый, помолившись, далъ имъ крестъ, съ тѣмъ, чтобы они поставили его на томъ мѣстѣ, откуда выходилъ обыкновенно левъ. Жители исполнили его волю, и вскорѣ, ко всеобщей радости, увидѣли бездыханный трупъ льва, лежащій у подножія креста.

Четыре года провелъ св. Іоаннъ въ обществѣ Антіохійскихъ монаховъ, непрестанно упражняясь въ постѣ, бдѣніи, денноночныхъ молитвахъ, въ непрестанномъ хваленіи Бога, въ чтеніи и изученіи св. Писанія, и другихъ дѣлахъ благочестія и любви. Но эта жизнь суровая, страшная для грѣховной нашей природы, непонятная для непривыкшихъ жить подъ руководствомъ вѣры, недостаточна была для удовлетворенія его благочестія, для насыщенія его пламенной любви къ подвигамъ самоумерщвленія.

Св. Іоаннъ былъ образцемъ для всѣхъ, жившихъ въ монастыряхъ по строгости и неизмѣнности своихъ

---

[1] Четьи-минеи Ноября 13 дня.

правилъ, по духу сокрушенія о грѣхахъ и любви къ братіи. Но Богъ хотѣлъ, чтобы онъ прошелъ всѣ степени жизни подвижнической, и былъ такъ же великимъ образцемъ и жизни уединенной. Притомъ непрестанно распространявшаяся слава о его подвигахъ, всеобщее уваженіе и довѣріе къ нему, тяжки становились для его смиренія, представляя искусительные случаи для чувства гордости, тогда какъ онъ хотѣлъ жить для одного Бога и быть Ему одному извѣстнымъ.

Въ довольно большомъ разстояніи отъ монастыря, среди скалъ и лѣсовъ необитаемыхъ, была глубокая пещера, едва доступная для входа, и никому изъ людей неизвѣстная. Въ сіе-то дикое, пустынное мѣсто, руководимый Духомъ Божіимъ, св. Златоустъ удалился, чтобы тамъ до послѣдняго издыханія проводить все время въ сокрушеніи о грѣхахъ своихъ. Одному Богу извѣстны великіе подвиги, имъ тамъ совершенные, всѣ труды имъ подъятые, всѣ скорби, имъ испытанныя, и та пламенная молитва, которая изъ глубины сердца возносилась непрестанно къ небу! И въ этой глубокой, мрачной пещерѣ провелъ св. Іоаннъ два года, не имѣя, ни постели, ни стула, ни стола, питаясь однимъ хлѣбомъ, приносимымъ однимъ изъ друзей его. Палладій говоритъ, что св. Златоустъ все это время проводилъ почти безъ сна непрестанно упражняясь или въ молитвѣ, или въ чтеніи слова Божія; и если когда принужденъ былъ уступить требованіямъ природы, то засыпалъ, опираясь на стѣну пещеры [1].

Этотъ тяжкій подвигъ, сырость и холодъ пещеры

---

[1] Паллад. о жизни Злат. гл. 5, § 17.

мало по малу разстроили его здоровье. Тѣло изсохло, силы значительно ослабѣли. Живя одинъ, безъ помощи посторонней, безъ возможности удовлетворять собственными силами нуждамъ своимъ, св. Златоустъ принужденъ былъ оставить свое любезное уединеніе, и возвратился въ Антіохію въ 380-мъ году. И это было по словамъ Палладія, дѣломъ Промысла, Который благоволилъ болѣзнію отвлечь св. Іоанна отъ жизни отшельнической и призвать его къ открытому служенію въ Церкви ко спасенію душъ другихъ.

Вмѣсто того, чтобъ обвинять святыхъ въ излишней строгости, припишемъ внушенію Духа Божія все то, что намъ кажется непонятнымъ въ ихъ поведеніи. При взглядѣ на ихъ подвиги, сознаемъ собственное наше разслабленіе. Припомнимъ то, что *царствіе Божіе нудится,* что тѣ, *иже суть Христовы, плоть распяша со страстьми и похотьми,* что для того дабы царствовать со Христомъ, нужно пострадать вмѣстѣ съ Нимъ.

Св. Златоустъ непрестанно размышлялъ о сихъ великихъ истинахъ, и это поддерживало въ немъ ревность и усердіе къ великимъ подвигамъ. Богъ, указуя вѣрный путь къ достиженію цѣли, внушилъ ему пламенную любовь къ уединенію, къ молчанію и молитвѣ, дабы приготовить его къ великимъ испытаніямъ, къ которымъ онъ предназначался, и къ великимъ дѣламъ, которыя Господь хотѣлъ совершить чрезъ него для пользы Церкви. И дѣйствительно, ничто такъ не полезно, какъ уединеніе, для тѣхъ, которыхъ Богъ предназначалъ къ апостольскому служенію. Господь обыкновенно исполняетъ Своимъ Святымъ Духомъ тѣ избранные сосуды, которые будутъ въ послѣдствіи

разливать повсюду благоуханіе Іисуса Христа, сообщаетъ мужество и пламенную ревность тѣмъ лицамъ, которые употребятъ всѣ свои силы къ распространію царства Его до конецъ земли, даетъ непобѣдимое могущество тѣмъ, которые употребятъ свое краснорѣчіе, свой умъ, свою любовь на служеніе Христовой вѣрѣ.

ГЛАВА II.

(381—387 г.)

Св. Златоустъ, пришедъ изъ пещеръ въ Антіохію, къ великому своему утѣшенію, нашелъ тамъ глубокочтимаго имъ епископа, отъ котораго онъ получилъ духовное возрожденіе во святомъ крещеніи; и такимъ образомъ могъ снова наслаждаться близкимъ созерцаніемъ высокихъ качествъ души великаго пастыря,—его кротости, любви и непоколебимой вѣры, засвидѣтельствованной имъ мужественнымъ терпѣніемъ неоднократнаго заточенія. Но и св. Мелетій не меньше былъ обрадованъ, увидавъ своего сына духовнаго, оказавшаго столь дивные успѣхи въ жизни святой. — Желая употребить высокія совершенства св. Іоанна на пользу Церкви, онъ посвятилъ его во діакона, чего не менѣе желалъ и весь народъ, хорошо знавшій его высокія достоинства.

Но св. епископъ въ тотъ же годъ (381) оставилъ Антіохію, отправившись въ Константинополь для присутствованія на вселенскомъ соборѣ, созванномъ по волѣ Ѳеодосія. Но ему не суждено было возвратиться къ своей паствѣ, такъ какъ онъ кончилъ жизнь свою еще до окончанія Собора. Спустя пять лѣтъ, св. Златоустъ, въ одномъ изъ своихъ красно-

рѣчивыхъ поученій, въ присутствіи антіохійскаго народа, выразилъ то глубокое уваженіе, которое онъ питалъ къ досточтимому святителю, за его живую вѣру, за истинно-христіанскую любовь, непоколебимое мужество и за всѣ превосходныя качества его ума и сердца [1].

Св. Златоустъ, живя въ городѣ, по причинѣ упадка силъ и разстройства здоровья, не могъ уже по прежнему соблюдать во всей строгости изнурительный постъ и другіе суровые подвиги пустыннаго житія; однакожъ всегда оставался вѣренъ другимъ болѣе духовнымъ подвигамъ монашеской жизни. Онъ навсегда сохранилъ въ себѣ тотъ же духъ смиренія и терпѣнія, ту же горячность въ молитвѣ, ту же любовь и непрестанное молитвенное общеніе съ Богомъ. Сдѣлавшись служителемъ св. олтаря, онъ со всею заботливостію старался исполнить эту должность, утѣшалъ скорбящихъ, служилъ бѣднымъ, посѣщалъ больныхъ и заключенныхъ въ темницахъ и вразумлялъ неутвердившихся въ познаніи истины и силы Божіей. Во время своего діаконства онъ научилъ таинствамъ вѣры не одну тысячу людей крестившихся, по случаю землетрясенія, угрожавшаго низпроверженіемъ Антіохіи, безъ приготовленія [2]. Въ это же время онъ написалъ два превосходныя слова къ молодой вдовицѣ и историческое сочиненіе о мученикѣ Вавилѣ, три слова къ Стагирію, также о непостижимомъ и сожительницахъ [3]. Его ревность

[1] Похвальн. слово Мелетію. Хр. Чт. 1836 г. част. 1, стр. 117.
[2] Хр. Чт. 1857 г. Злат. на Дѣянія бесѣд. 46 стр. 288.
[3] Сокр. кв. 6, гл. 3.

при всякомъ дѣлѣ не давала ему покоя, онъ совершенно забывалъ свою немощь и болѣзни, когда дѣло касалось славы Божіей и спасенія души.

Разскажемъ теперь случай, по которому написаны св. Іоанномъ слова къ Стагирію, въ которыхъ превосходнѣйшимъ образомъ объясняются непостижимые пути Промысла въ бѣдствіяхъ людей и заключается лучшее утѣшеніе для обуреваемыхъ волнами скорбей.

Стагирій былъ въ числѣ близкихъ друзей св. Златоуста. Происходя отъ знаменитой фамиліи, обладалъ многими благами земли и, имѣя благочестивую мать, съ дѣтства воспитанъ былъ въ страхѣ Божіемъ [1], съ юныхъ лѣтъ наученъ христіанской нравственности и утвержденъ въ вѣрованіи въ православные догматы христіанской вѣры. Хотя онъ былъ воспитанъ во всемъ изобиліи благъ земныхъ, однакоже, соблюдая чистоту ума и сердца, умѣлъ предохранить себя отъ безпорядочныхъ дѣйствій худо управляемой юности. Движимый дѣйствіемъ благодати, онъ, еще юный, несмотря на сопротивленіе отца, уже отказался отъ богатства, удовольствій и почестей мірскихъ, дабы, въ образѣ монашескаго житія, проводить жизнь болѣе совершенную, и слезами, молитвами и благимъ житіемъ пріобрѣсть царство небесное. Итакъ, оставивъ все, онъ пришелъ во святыя горы, дабы тамъ дышать чистымъ воздухомъ истинной свободы, и, хотя съ великимъ трудомъ, обрѣсти драгоцѣнную евангельскую жемчужину. Но, къ сожалѣнію, поведеніе его въ новой области жизни не соотвѣтствовало пламенному желанію, приведшему его въ пустыню.

---

[1] 1-е слово къ Стагир. § 4.

Увы! у насъ часто недостаетъ силъ удовлетворительно отвѣчать на призваніе благодати; часто мы принимаемся съ жаромъ, но, начавши хорошо, оканчиваемъ со стыдомъ. Такъ и Стагирій, показавши сначала великую ревность къ дѣламъ благочестія, сталъ мало по малу разслабѣвать. Молитва его тяготила, посты и бдѣнія ему ненравились, часто онъ обращался мыслію къ суетнымъ достоинствамъ своей фамиліи, съ ропотомъ выслушивалъ справедливыя замѣчанія, большую часть времени проводилъ въ саду, и съ большимъ стараніемъ занимался уходомъ за деревами, нежели чтеніемъ священныхъ книгъ и размышленіемъ о духовныхъ предметахъ.

Но Богъ показалъ особенное Свое милосердіе надъ несчастнымъ, который, послѣ такой жертвы, чрезъ свое разслабленіе подвергался опасности лишиться плодовъ. Движимый Своею промыслительною благостію, дабы воззвать разслабленнаго къ прежней горячности усердія, милосердый Господь подвергъ его сильной скорби. Въ одинъ день, когда Стагирій вмѣстѣ съ другими пустынниками стоялъ на молитвѣ, злой духъ, по попущенію Божію, овладѣвъ имъ, повергъ на землю. Но это еще не все. Въ слѣдующую ночь Стагирій видѣлъ во снѣ, будто дикая свинья, вся испачканная грязью, постоянно бросалась на него и боролась съ нимъ [1]. Злой духъ снова мучилъ его. Монахи, пробужденные жалобнымъ крикомъ его, съ поспѣшностію прибѣжали къ нему и были свидѣтелями страшной ярости этого дикаго звѣря. Стагирій, съ искривленными глазами, съ пѣною въ устахъ,

---

[1] Тамъ же § 3.

при судорожномъ движеніи рукъ, покрытый весь потомъ отъ сильнаго сотрясенія всѣмъ тѣломъ, испускалъ страшный пронзительный крикъ. Это страшное событіе привело въ смущеніе весь монастырь. Оно было такъ возмутительно, что самъ Златоустъ, услышавъ разсказъ объ этомъ, содрогался всѣмъ тѣломъ и благодарилъ Бога, что Онъ не попустилъ ему быть свидѣтелемъ столь страшнаго зрѣлища. Эти припадки, повторяясь съ того времени часто въ присутствіи многихъ свидѣтелей, никакого сомнѣнія не оставляли въ томъ, что злой духъ владѣлъ несчастнымъ Стагиріемъ.

Этотъ страшный ударъ гнѣва Божія пробудилъ Стагирія отъ сна небрежности, въ который былъ погруженъ, и онъ отъ всей души взывалъ къ Богу о помилованіи. Посты, ночныя бдѣнія, разные подвиги самоумерщвленія, непрестанная молитва и другія дѣла благочестія, — все приведено было въ дѣйствіе, чтобъ только привлечь милосердіе Божіе. Онъ совершалъ длинныя и продолжительныя путешествія, умоляя о помощи многихъ пустынниковъ, извѣстныхъ своимъ благочестіемъ; посѣщалъ разныя церкви, могилы мучениковъ, преклонялъ колѣна предъ мощами святыхъ, денно-нощно умоляя угодниковъ Божіихъ объ освобожденіи отъ невыносимыхъ страданій болѣзни; но силы его были слабы для того, чтобъ привлечь благодатную помощь. Болѣзнь не только не уменьшалась, даже увеличивалась: ибо онъ, не имѣя надлежащей покорности волѣ Божіей, увлекаемый нетерпѣливостію, часто роппалъ на Бога и предавался отчаянію.

Изможденный и истомленный долгими страданіями,

Стагирій просилъ наконецъ утѣшенія у св. Златоуста, объяснивъ ему скорбь чрезъ общаго друга Ѳеофила Ефесянина.

«Умоляю тебя, говорилъ ему Стагирій, сжалься надо мною, ибо мои страданія такъ велики, что не достаетъ словъ къ выраженію ихъ. Всѣ силы души моей разслабѣли отъ невыносимой печали, и я прихожу иногда къ отчаянной мысли прекратить свое жалкое существованіе,—утопиться или броситься въ какую либо бездонную пропасть съ высоты скалы. Никакія страданія, какъ бы ни были они велики, — ни болѣзни тѣла, ни темничное заключеніе въ оковахъ, ни заточеніе въ ссылку, ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ, что я испытываю!... Напрасно возношу свои мольбы къ небу, Богъ не внемлетъ моему гласу, не слышитъ моихъ стенаній, Онъ неумолимъ для меня; даже Своимъ святымъ, которые чудодѣйственно исцѣляютъ болѣзни другихъ, отказываетъ въ Своей благодатной силѣ къ облегченію моихъ страданій.—За что же я оставленъ? Что за причина такого грознаго суда Божія надо мною? Чѣмъ я заслужилъ претерпѣваемое мною? За что мнѣ послано столь нестерпимое мученіе? Почему всѣ эти бѣдствія окружили меня въ пустынѣ, при жизни болѣе сообразной съ правилами христіанской нравственности, тогда какъ, живя въ мірѣ, я наслаждался полнымъ благоденствіемъ? Непрестанное смущеніе и страхъ, вотъ чувства, которыя я постоянно испытываю! О горе мнѣ! Богъ оставилъ меня, я навсегда осужденъ быть жертвою злаго духа и добычею ада... Но я къ тебѣ, возлюбленнѣйшій другъ, простираю мои разслабѣвшія руки, сжалься надо мною, котораго ты такъ

любилъ, и, если можешь, исторгни изъ пропасти отчаянія» [1].

Вотъ слова, въ которыхъ выражалъ бѣдствующій Стагирій скорбь свою, переполнявшую его сердце. При видѣ благоденствія своихъ братьевъ, чувство скорби въ немъ еще болѣе увеличивалось; но всего болѣе возмущало его духъ опасеніе, чтобы слухъ о постигшихъ его несчастіяхъ не дошелъ до свѣдѣнія его отца, который, при гордомъ и раздражительномъ характерѣ, пользуясь общимъ уваженіемъ и могущественнымъ вліяніемъ, увлекаемый бурною страстію гнѣва и мщенія, могъ много сдѣлать зла монашествующимъ и всѣмъ ревнителямъ высшаго благочестія и святости житія [2].

Св. Златоустъ не измѣнилъ ожиданіямъ своего страждущаго друга; онъ спѣшилъ успокоить скорбь его, стараясь утвердить въ немъ вѣру въ Промыслъ и покорность благой волѣ Его. Въ своихъ письмахъ къ нему, въ самомъ началѣ онъ показываетъ, что все въ мірѣ происходитъ или по опредѣленію или попущенію Божію; что всѣ бѣдствія, насъ постигающія, потеря имущества, здоровья, почестей, служатъ иногда наказаніемъ, часто испытаніемъ, и всегда въ десницѣ Божіей выраженіемъ Его благоволенія къ намъ и средствомъ къ нашему спасенію; что Онъ иногда поражаетъ скорбями и тѣхъ, которыхъ любитъ, и что мы должны переносить мужественно и съ покорностію, съ вѣрою и упованіемъ всѣ бѣдствія, ниспосылаемыя на насъ Его благостію. Эти истины, способныя вдохнуть мужество въ сердце каждаго

[1] Тамъ же § 2.

[2] Тамъ же.

скорбящаго христіанина, превосходно раскрыты въ письмахъ Златоуста къ Стагирію.

«Надлежало бы мнѣ, любезнѣйшій мой Стагирій», говоритъ св. Златоустъ въ началѣ своего перваго письма, «быть теперь при тебѣ и принять участіе въ твоихъ страданіяхъ, и, утѣшая словомъ, помогая дѣломъ, и употребляя всѣ прочія средства, хотя сколько нибудь облегчить твою скорбь, по мѣрѣ силъ моихъ. Но такъ какъ тѣлесная слабость и головная боль, принудивъ меня оставаться дома, лишила возможности принять на себя столь полезное служеніе, то постараюсь сдѣлать по силамъ моимъ, что остается еще и для твоего утѣшенія и для моей пользы. Можетъ быть это поможетъ тебѣ великодушно переносить настоящее бѣдствіе; если же и не случится сего,—по крайней мѣрѣ, мысль о томъ, что съ моей стороны ничего не опущено къ твоему успокоенію, облегчитъ наконецъ мою душу... и доставитъ похвалу отъ Того, Кто чрезъ блаженнаго Павла повелѣлъ плакать съ плачущими» (Рим. 12, 15.) [1]. «Твои страданія, возлюбленнѣйшій другъ мой, велики, я этому вѣрю, я это понимаю, я могу даже сказать тебѣ, что, связанный съ тобою давнишнею дружбою, не менѣе твоего чувствую скорбь и печаль отъ твоихъ мученій. Но эти страданія, какъ бы они велики ни были, въ состояніи смутить и сильно обезпокоить душу, впрочемъ душу слабую, неопытную и безпечную; но если мы захотимъ разсмотрѣть ихъ нѣсколько внимательнѣе и обсудить благочестиво, то всѣ причины скорби разсѣемъ, какъ мелкую пыль» [2].

[1] Тамъ же § 1.

[2] Тамъ же § 3 и 2.

«Если бы я говорилъ къ кому нибудь изъ невѣрныхъ, или думающихъ, будто все происходитъ случайно, или приписывающихъ управленіе міромъ злымъ духамъ; тогда мнѣ предстояло бы много трудовъ, чтобъ прежде всего опровергнуть ложное мнѣніе и убѣдить въ истинномъ Промыслѣ о вселенной, потомъ уже обратить слово и къ утѣшенію. Но такъ какъ ты, по благодати Божіей, съ дѣтства знаешь священное Писаніе, и, принявъ отъ предковъ истинные и спасительные догматы, несомнѣнно вѣруешь, что Богъ промышляетъ обо всемъ, а особенно о вѣрующихъ въ него [1]... то не трудно убѣдить и въ томъ, что скорби, искущенія и всѣ случающіяся съ нами бѣдствія столько же, сколько и пріятности въ жизни, доказываютъ Божіе о насъ промышленіе» [2].

Раскроемъ священныя книги и взглянемъ на дѣйствія Промысла въ судьбѣ человѣка. Богъ, сотворилъ человѣка *по образу и по подобію Своему,* окружилъ его славою и честію и всѣми благами земли. Но Адамъ, нарушивъ заповѣдь Божію, по внушенію сатаны, оказался неблагодарнымъ къ своему Благодѣтелю, и Богъ изгоняетъ его изъ рая и осуждаетъ на скорби, труды, болѣзни и самую смерть [3]. Вотъ наказаніе за грѣхъ; но это наказаніе есть выраженіе благости Божественной, ибо Онъ, опредѣляя сіе, имѣлъ въ виду спасеніе человѣка. Ибо, «если бы человѣкъ, послѣ обѣщанія діавола—сдѣлать ихъ, по преступленіи заповѣди, равными Богу, остался въ той же чести, то

---

[1] Тамъ же § 4.
[2] Тамъ же § 5, стр. 247.
[3] Тамъ же § 4.

впалъ бы въ три крайнія бѣдствія. Во первыхъ, сталъ бы считать Бога недоброжелательнымъ, обольстителемъ и лжецомъ; во вторыхъ,— дѣйствительно обольстителя, отца лжи и злобы, — благодѣтелемъ и другомъ; и кромѣ того продолжалъ бы и въ послѣдствіи грѣшить безъ конца» [1]. Послѣ изгнанія Адама, Господь наказываетъ и Каина; но это наказаніе должно было принести пользу, какъ самому преступнику, вразумляя его въ виновности предъ Богомъ и вмѣстѣ облегчая тяжесть будущаго мученія, такъ и потомкамъ, возбуждая ихъ къ скорѣйшему покаянію въ грѣхѣ [2]. Если Господь угрожаетъ намъ и адомъ, то— для того, чтобъ предохранить насъ отъ паденія въ него; если Онъ попущаетъ діаволу наносить намъ скорби, и насъ искушать, то — для того, чтобъ пріучить насъ къ борьбѣ, возбудить къ бодрствованію, умножить наши вѣнцы чрезъ побѣду, утвердить въ духѣ смиренія и заставить ближе прилѣпляться къ Нему». Ибо, кто видитъ, что наступаетъ на него врагъ, тотъ скорѣе прибѣгаетъ и прилѣпляется къ могущему помочь ему. Малыя дѣти, когда увидятъ что нибудь страшное, бѣгутъ въ объятія матери, хватаются за одежду ея и крѣпко держатся за нее, такъ что иногда никто не можетъ оттащить ихъ; но когда нѣтъ ничего страшнаго, онѣ не слушаютъ ни ея зова, ни побужденія; она зоветъ ихъ, а онѣ не внимаютъ; она всячески старается приманить ихъ къ себѣ, а онѣ уклоняются, и не смотрятъ даже на приготовленную имъ пищу. Поэтому многія матери, когда не по-

[1] Тамъ же § 5, стр. 245.

[2] Тамъ же § 6, стр. 249.—§ 7, стр. 252.

дѣйствуютъ убѣжденіями, дѣлаютъ уродливыя маски и страшилища, и такимъ образомъ заставляютъ дѣтей воротиться и опять прибѣжать къ нимъ» [1]. Вотъ польза искушеній, по которой неисповѣдимая благость Божія попущаетъ ихъ.

«Богъ каждодневно устрояетъ ради нашего спасенія многое и великое, что̀ извѣстно только Ему одному. И такъ какъ Онъ благодѣтельствуетъ роду нашему единственно по благости Своей, не имѣя нужды ни въ прославленіи отъ насъ, ни въ какомъ либо другомъ возмездіи, то очень многаго и не открываетъ намъ. Если же иногда и открываетъ, то и это дѣлаетъ для насъ же, чтобы мы, воздавъ Ему благодарность, этимъ привлекли къ себѣ еще большую помощь его. Будемъ же благодарить Его, не только за то, что знаемъ, но и за то, чего не знаетъ: потому что Онъ благодѣтельствуетъ намъ, не только—когда желаемъ того, но и когда не желаемъ».... И Онъ Свои благодѣянія изливаетъ не только на добрыхъ, но и на злыхъ (Мѳ. 5, 45). «Если же Онъ печется такъ о врагахъ Своихъ (всякій согрѣшающій, какъ дѣйствующій вопреки воли Его, есть врагъ Его): то оставитъ ли когда безъ попеченія вѣрующихъ въ Него и угождающихъ Ему по силамъ своимъ»? [2]

Итакъ, когда подумаешь, что ты для Христа оставилъ отца, домъ, друзей, родныхъ, несчетное богатство и великую славу, и терпишь такую скорбь, то не упадай духомъ; ибо Богъ не можетъ солгать, а Онъ тому, кто оставитъ все это (т. е. отца, домъ и

---

[1] Тамъ же § 8, стр. 256.

[2] Тамъ же § 11. стр. 265—266.

пр.), обѣщалъ вѣчную жизнь. Ты презрѣлъ и оставилъ все: что же тебѣ препятствуетъ надѣяться на Божіе обѣщаніе? Гнетущее тебя теперь искушеніе? Но Богъ обѣщалъ намъ вѣчную жизнь не здѣсь. А если бы даже и здѣсь надлежало исполниться этому обѣщанію, и тогда не слѣдовало скорбѣть; потому что человѣку благочестивому и вѣрующему надобно такъ твердо полагаться на обѣтованіе Божіе, чтобы, видя и противоположныя имъ событія, не возмущаться духомъ и не отчаяваться въ исполненіи обѣтованій. Смотри, какое обѣтованіе получилъ Авраамъ, и что однакоже повелѣвалось ему дѣлать? Обѣтованіе состояло въ томъ, что Авраамъ своими потомками отъ Исаака наполнитъ всю вселенную: а повелѣніе требовало, чтобы онъ заклалъ того самаго Исаака, потомками котораго должна наполниться вся земля. Что же? Смутило ли это праведника? Нѣтъ, и при такомъ разногласіи и противорѣчіи повелѣнія съ обѣтованіемъ, онъ не смутился, не поколебался мыслію и не сказалъ: вѣрно Богъ обманулъ меня и посмѣялся надо мною. Ибо когда Богъ обѣщаетъ, то хотя бы представлялись тысячи препятствій исполненію обѣщаннаго, не должно смущаться и сомнѣваться въ исполненіи. Сила Божія въ томъ-то особенно и обнаруживается, что невозможное дѣлаетъ она удобоисполнимымъ. [1]

Впрочемъ не одинъ Авраамъ, но и Іосифъ, несмотря на то, что былъ преданъ братьями, отведенъ въ чужеземную страну, заключенъ въ темницу, не усумнился въ исполненіи обѣтованія Божія о высо-

---

[1] Тамъ же § 12.

комъ его достоинствѣ, предъ изображеннымъ въ видѣнныхъ имъ снахъ. «Для чего же Богъ дѣлаетъ это, для чего попущаетъ такія событія, которыя противорѣчатъ обѣтованіямъ? Для того, во первыхъ, чтобы представить намъ доказательство Своей силы, т. е. что Онъ можетъ привесть въ исполненіе обѣтованія, по видимому, самыя невѣроятныя: во вторыхъ научить насъ вѣрить Ему во всемъ, хотя бы случающіяся съ нами событія казались противорѣчащими событіямъ [1].

Но ты желаешь знать, почему, съ какою цѣлію Господь такъ поступаетъ съ тобою? Скажу тебѣ на это, возлюбленный мой Стагирій, что мы не можемъ проникать въ сокровенныя причины и цѣли дѣйствій Божескихъ. Случается иногда, что отецъ подаетъ сыну горькое питье, не открывая ему причины сего, и мы часто подчиняемся распоряженіямъ врача, хотя онѣ и несогласны бываютъ съ нашимъ убѣжденіемъ. Покоримъ себя тѣмъ болѣе безпрекословно распоряженіямъ Промысла. Если достоинство вѣры состоитъ въ томъ, чтобъ вѣрить тому, что̀ мы не понимаемъ;— то и достоинство совершенной преданности и безпрекословнаго повиновенія состоитъ въ точномъ исполненіи воли Божіей, хотя бы она противорѣчила нашимъ желаніямъ, и хотя бы мы не понимали сокровенныхъ причинъ ея [2]. Но тебя еще въ недоумѣніе приводитъ вопросъ: Почему чаще праведные страждутъ, а нечестивые блаженствуютъ? Вотъ что скажу на это: такъ какъ намъ открыто царствіе небесное и показано воздаяніе въ будущей жизни, то уже не стоитъ и

---

[1] Тамъ же.

[2] Тамъ же § 15.

изслѣдовать, почему праведные здѣсь терпятъ скорби, а порочные живутъ въ удовольствіяхъ. Ибо, если тамъ каждаго ожидаетъ награда по заслугамъ, то для чего возмущаться здѣшними событіями, счастливыми и несчастными?... Но такъ какъ многіе не хотятъ принять ученія о будущей жизни и воскресеніи, то Онъ еще здѣсь представляетъ, въ маломъ видѣ, образъ суда, когда наказываетъ злыхъ и награждаетъ добрыхъ..... Если же бы здѣсь никто изъ злыхъ совсѣмъ не наказывался, и никто изъ добрыхъ не получалъ награды, то многіе изъ невѣрующихъ ученію о воскресеніи, уклонились бы отъ добродѣтели, какъ отъ причины зла, а грѣхъ любили бы, какъ причину добра; съ другой стороны, если бы здѣсь всѣ получали по заслугамъ; то подумали бы, что ученіе о судѣ излишне и ложно» [1].

«Не будемъ же роптать на Бога за то, что съ нами случается, но будемъ благодарить. Ты, удивляясь тому, что злой духъ напалъ на тебя не въ прежнее время, когда ты жилъ весело и окружалъ себя мірскимъ блескомъ, но теперь, когда ты уже бросилъ все это, и всецѣло предалъ себя Богу, дѣлаешь тоже, какъ если бы ты сталъ удивляться, почему зрителей никто не безпокоитъ, а на того, кто записался въ борцы и вышелъ на мѣсто борьбы,— на того одного только и нападаетъ противникъ, поражаетъ его въ голову и бьетъ по лицу.... И врагъ, нападая на тебя, нисколько не унижаетъ тебя, а напротивъ возвышаетъ, признавая въ тебѣ сильнаго

[1] Тамъ же § 16.

противника себѣ и предоставляя случай пріобрѣсть славу побѣдителя надъ сильнымъ врагомъ. А что ты дѣйствительно получилъ пользу отъ твоего несчастія, это я тебѣ сейчасъ покажу. Ты знаешь и помнишь свою прежнюю жизнь, какую ты велъ прежде искушенія; разсмотри же ее внимательно и сравни съ настоящею, какую ведешь послѣ искушенія, и ты увидишь тогда, какая польза произошла для тебя отъ этого бѣдствія. Ибо ты теперь съ великимъ усердіемъ упражняешься въ постѣ, бдѣніи, чтеніи и молитвѣ, и весьма усовершился въ терпѣніи и смиреніи; а прежде вовсе и не думалъ о книгахъ, и всѣ свои заботы и труды употреблялъ на хожденіе за садовыми деревьями; гордился знаменитостью своего рода, славою отца и блестящимъ воспитаніемъ; а какъ ты лѣнивъ былъ въ бдѣніяхъ, объ этомъ самъ хорошо знаешь. Ибо часто случалось, что, тогда какъ другіе въ глубокую полночь вставали поспѣшно, ты оставался погруженнымъ въ глубокій сонъ, и сердился на тѣхъ, кто будилъ тебя. Но теперь съ тѣхъ поръ, какъ вступилъ въ эту брань и борьбу, все это прекратилось и перемѣнилось на лучшее. Если же спросишь меня, почему Богъ не попустилъ этому демону напасть на тебя тогда, когда ты жилъ въ роскоши и былъ привязанъ къ дѣламъ мірскимъ, то я скажу въ отвѣтъ, что и это есть дѣло промышленія Божія о тебѣ. Онъ зналъ, что тогда врагъ, нашедши тебя удобопобѣдимымъ, тотчасъ погубилъ бы. Поэтому Богъ вызвалъ тебя на эту борьбу и не тотчасъ какъ вступилъ ты въ монашескую жизнь, но напередъ далъ тебѣ много времени для упражненія, и, когда уже

укрѣпился ты, тогда и вывелъ тебя на это трудное поприще»[1].

«Итакъ продолжай бороться мужественно, и въ особенности бойся унынія, разслабляющаго силы души. Ибо какъ подкапывающіеся подъ стѣны, въ ночное время, погасивъ свѣтъ, очень легко могутъ и похитить имущество и умертвить владѣльцевъ этого имущества: такъ и діаволъ, распространивъ вмѣсто ночи и мрака уныніе, старается похитить всѣ охраняющіе насъ помыслы, чтобы, напавъ на душу, лишенную всякой помощи, покрыть ее безчисленными ранами..... Печаль дѣлаетъ и самаго демона болѣе сильнымъ, и намъ внушаетъ помыслы отчаянія»[2]

«Но ты, можетъ быть, стыдишься и краснѣешь, когда демонъ повергаетъ тебя въ чьемъ либо присутствіи? Но это стыдъ ложный.... Не только не укоряютъ, даже хвалятъ того, кто великодушно и съ кротостію переноситъ оскорбленіе безстыднаго человѣка; почему же нужно стыдиться, какъ будто сдѣлавъ худое дѣло, тому, кто благодушно перенесетъ бѣшенство злѣйшаго врага діавола?.... Ужъ если хочешь видѣть по истинѣ достойныхъ стыда и поношенія, то я покажу тебѣ. Посмотри на прельщающихся женскою красотою, на пристрастныхъ къ деньгамъ, на любящихъ власть и славу, на сохнущихъ отъ зависти, на злоумышляющихъ противъ тѣхъ, кто ничѣмъ ихъ не обидѣлъ, на предающихся унынію безъ всякой причины, на людей, которые только гоняются за суетами житейскими. Вотъ эти-то и подобныя имъ дѣла бе-

---

[1] Тамъ же § 19.

[2] 2-е сл. къ Стагирію § 1.

зумны и достойны наказанія; онѣ-то заслуживаютъ поношенія, стыда и смѣха. А если кто будетъ мучимъ демономъ, и несмотря на это покажетъ въ жизни своей много любомудрія, такой заслуживаетъ того, чтобъ всѣ ему удивлялись и украшали вѣнцами за то, что онъ, съ такими цѣпями на себѣ, продолжаетъ столь трудный бѣгъ, и идетъ по пути столь крутому и тѣсному» [1].

Но главное, что можетъ служить къ твоему подкрѣпленію въ подвигѣ,—«помни, что время наградъ и вѣнцевъ есть вѣкъ будущій, а настоящій—время борьбы и трудовъ, если только мы хотимъ насладиться вѣчнымъ покоемъ и безчисленными благами. Если кто изъ безпечныхъ хочетъ насладиться и здѣшними удовольствіями и тамошними наградами, уготованными трудящимся, тотъ самъ себя обманываетъ и обольщаетъ.... Если и на свѣтскихъ играхъ никто не получаетъ вѣнца безъ трудовъ, имѣя притомъ и противниковъ одной съ собою природы: какъ же тамъ, гдѣ ратуютъ противъ насъ лукавыя силы, какъ можно побѣдить ихъ бѣшенство безъ скорби и стѣсненія»? [2].

Обрати вниманіе на блаженныхъ и доблестныхъ подвижниковъ, жившихъ въ прежнія времена,—и ты увидишь, что всѣ они скорбями пріобрѣли дерзновеніе къ Богу [3].

Послѣ сего св. Златоустъ перечисляетъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ праотцевъ и Пророковъ и потомъ Апостоловъ, разсматривая подробно всѣ событія ихъ

---

[1] Тамъ же § 3.
[2] Тамъ же § 5.
[3] Тамъ же § 6.

жизни, исполненной скорбей. Въ заключеніе совѣтуетъ Стагирію болѣе всего беречься отъ унынія, потому что оно вреднѣе всякаго демонскаго дѣйствія, ибо и демонъ, если въ комъ властвуетъ, то властвуетъ чрезъ уныніе же. «Да отъ чего и унывать, говоритъ ему: если бы ты совершилъ блудъ, убійство или другой подобный грѣхъ, изгоняющій изъ царства небеснаго, то никто не сталъ бы тебя удерживать отъ скорби и сѣтованія. Но если ты, по благодати Божіей, стоишь далеко отъ всѣхъ этихъ грѣховъ, то для чего напрасно мучишь себя»? [1].

Обратимъ теперь вниманіе на другое сочиненіе св. Златоуста къ молодой вдовицѣ.

Вдова, къ которой пишетъ св. Златоустъ, была жена нѣкоего знаменитаго и благочестиваго вельможи, который умеръ въ цвѣтущемъ возрастѣ, послѣ пяти лѣтъ супружеской жизни. Въ первомъ своемъ словѣ св. Златоустъ утѣшаетъ печальную вдовицу въ постигшемъ ее несчастіи. Онъ говоритъ ей, что нельзя не скорбѣть при постигшемъ ее несчастіи. Если и всякое горе, по особенной чувствительности женщинъ, поражаетъ ихъ сильно, то «оно въ нѣсколько кратъ увеличивается, когда присоединится къ нему молодость, и преждевременное вдовство, и неопытность въ дѣлахъ, и множество заботъ, между тѣмъ какъ все прежнее время проведено было въ веселіи, въ забавахъ и богатствѣ». И потому если она «при внезапномъ стеченіи столькихъ бѣдствій, не сошла съ ума отъ печали, то этого нельзя считать дѣломъ человѣческихъ силъ, но Десницы Всемогущей, того разума,

---

[1] 3-е слово къ Стаг. § 16.

которому нѣтъ числа, той мудрости, которая неизслѣдима, плодомъ особеннаго Божія попеченія о ней»[1].

Впрочемъ разсмотрѣвъ внимательно причины, заставляющія скорбѣть вдовицу, можно найти, и кромѣ невидимой помощи Всевышняго, много и видимыхъ причинъ къ утѣшенію. «Доколѣ жилъ съ тобою, говоритъ ей св. Златоустъ, блаженной памяти мужъ твой, ты пользовалась почетомъ, внимательностію и заботами о тебѣ отъ него; а какъ Богъ взялъ его къ Себѣ, то Самъ уже заступилъ его мѣсто для тебя. Ибо блаженный Пророкъ Давидъ говоритъ: *сира и вдову* пріемлетъ Господь (Пс. 145, 9); а въ другомъ мѣстѣ называетъ Его отцемъ сирыхъ и судіею вдовицъ (67, 6)[2].... И не малое доказательство Своего промышленія показалъ уже въ томъ, что сохранилъ тебя здравою и невредимою среди такого пламени заботъ и печали, и не попустилъ тебѣ потерпѣть никакой непріятности. Если же Онъ спасъ тебя отъ кораблекрушенія во время такой бури, тѣмъ болѣе соблюдетъ твою душу во время тишины и облегчитъ для тебя тяжесть, какъ вдовства, такъ и соединенныхъ съ нимъ бѣдствій[3]... Ты, можетъ быть, хочешь насладиться любовію къ мужу... то и теперь можешь питать любовь къ нему, такъ же какъ прежде: сила любви такова, что она обнимаетъ собою, совокупляетъ и соединяетъ не только тѣхъ, которые находятся при насъ, или близко къ намъ, которыхъ мы видимъ, но и тѣхъ, которые удалены отъ насъ; такъ

---

[1] 1-е слово къ вдовицѣ § 2.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же § 3, стр. 408.

что ни продолжительность времени, ни дальность разстоянія, и ничто тому подобное не можетъ разстроить и прервать душевную дружбу. Если же ты желаешь видѣть его и лицемъ къ лицу, то соблюди ложе его недоступнымъ для другаго мужа, постарайся сравняться съ нимъ по жизни,—и ты, конечно, отойдешь отсюда въ тотъ же ликъ, въ которомъ и онъ теперь, и будешь жить вмѣстѣ съ нимъ безпредѣльные и безконечные вѣки [1]... Если же ты сокрушаешься о потерѣ той славы, которою могла наслаждаться чрезъ его возвышеніе; то представь себѣ многихъ павшихъ съ высоты почестей, и увлекшихъ съ собою въ погибель и женъ своихъ; ибо и «жены ихъ умерли частію отъ яда, частію отъ самой печали»,—и ты найдешь причину не только не скорбѣть, но, можетъ быть, даже благодарить Бога за спасеніе отъ возможныхъ нестерпимыхъ золъ [2].... «И я надѣюсь, что скоро будетъ съ твоею душею то, что ты, вдругъ отрѣшившись отъ всего житейскаго, явишь намъ образъ жизни небесной, и, не долго спустя, будешь смѣяться надъ этой славою, о которой теперь плачешь, замѣтивши, какъ пуста и суетна личина ея. А если дорожишь ты спокойствіемъ, коимъ пользовалась при мужѣ; если желаешь, чтобъ сохранено было твое имущество, и не замышлялъ зла противъ тебя никто изъ тѣхъ, кои пользуются чужими несчастіями: то *возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ* (Пс. 50).... ищи неба и всего того, что ведетъ къ тамошней жизни, и ничто не можетъ

[1] Тамъ же § 4, стр. 410.
[2] Тамъ же § 5, стр. 414.

повредить тебѣ здѣшнее[1]... Если ты желаешь, чтобы и деньги твои были въ безопасности, и даже еще умножились..., то пошли ихъ къ своему прекрасному мужу (чрезъ руки бѣдныхъ),—и не только ни воръ, ни навѣтникъ, и никакая другая порча не можетъ прикоснуться къ нимъ..., но получишь отъ нихъ еще большую прибыль..., достигнешь вѣчной жизни и обѣщанныхъ любящимъ Бога благъ, *ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣка не взыдоша»* [2].

Во второмъ письмѣ св. Златоустъ не совѣтуетъ вдовѣ вступать во вторый бракъ, для избѣжанія неразлучныхъ съ нимъ скорбей, и еще болѣе для сохраненія чистоты жизни.

Не осуждая втораго брака, какъ дозволеннаго самимъ Апостоломъ (1 Кор. 7, 39), считаетъ однако же единобрачіе лучшимъ двоебрачія, и въ довольствующихся однимъ бракомъ замѣчаетъ большую любовь къ чистотѣ, нежели во вступающихъ во вторый бракъ. «Та, которая удовольствовалась первымъ бракомъ, показала, что не вступила бы прежде и въ этотъ бракъ, если бы изъ опыта хорошо знала это состояніе; а которая на брачное ложе перваго мужа приводитъ другаго, то довольно ясно обнаруживаетъ въ себѣ сильную любовь къ міру и пристрастіе къ земному. Та, значитъ, и при жизни мужа не питала любви ни къ кому другому; а эта, хотя при жизни мужа и не согрѣшила съ другимъ, однако же смотрѣла на многихъ другихъ больше, чѣмъ на него[3]...

---

[1] Тамъ же § 7, стр. 420.

[2] Тамъ же § 8.

[3] 2-е слово ко вдовѣ § 1, стр. 429.

«Та, которая легко переноситъ состояніе вдовства, часто, конечно, воздерживалась отъ мужа и тогда, какъ онъ живъ былъ; а которая считаетъ это состояніе невыносимымъ, та только съ наступленіемъ старости едва дѣлается воздержною. Поэтому, какъ первый бракъ есть доказательство честности и цѣломудрія, такъ и вторый бракъ есть признакъ, не скажу, сладострастія, нѣтъ,—но души плотской и слабой, и привязанной къ землѣ, и не могущей никогда помыслить ничего великаго и высокаго» [1]... «Для сохраненія пріумноженія богатства лучше было бы перенести его на небо; если же вдовица не въ состояніи исполнить этого: то пусть она подумаетъ и о томъ, что и вышедши замужъ, она не навѣрное найдетъ въ немъ такого человѣка, который увеличитъ ея имущество»... Но пусть будетъ и такъ, что мужъ будетъ способенъ сохранить и увеличить богатство. «Но какая выгода промѣнять свободу на рабство? Что пользы и въ большомъ богатствѣ, когда нельзя употребить его, на что хочется? Не гораздо ли лучше немногимъ владѣть свободно, нежели обладать богатствами всей вселенной, и самой, вмѣстѣ съ ними, зависѣть отъ другаго»? Ибо жена въ большей или меньшей мѣрѣ всегда находится въ зависимости отъ мужа. «А о заботахъ, обидахъ, ругательствахъ, ревности, напрасныхъ подозрѣніяхъ, болѣзняхъ дѣторожденія и о всѣхъ другихъ непріятностяхъ», нѣтъ нужды и говорить, ибо они болѣе или менѣе извѣстны вдовицѣ [2].

---

[1] Тамъ же § 2.

[2] Тамъ же § 5, стр. 110, 111.

Пять лѣтъ провелъ св. Іоаннъ въ санѣ діакона, служа въ церкви антіохійской. Живя въ городѣ, онъ невольно дѣлается свидѣтелемъ безпорядковъ и пороковъ, обычныхъ въ большихъ городахъ. Но при видѣ уничиженія человѣческой природы и нравственной бѣдности душъ большей части народонаселенія, въ немъ еще болѣе возрастала ревность о самоусовершенствованіи, возжигая въ его сердцѣ огонь пожирающій, ревность пламенѣющую, которая должна была нѣкогда обнять почти всю вселенную.

И вотъ, наконецъ, приблизилось время открыть этотъ свѣтильникъ, настала минута, въ которую Богъ восхотѣлъ поставить его на свѣщникѣ Своей святой Церкви; дабы онъ свѣтилъ и направлялъ стопы множества душъ, сидѣвшихъ еще во куракѣ невѣдѣнія и заблужденія.

Флавіанъ, сопутствовавшій св. Мелетію на вселенскій соборъ, былъ послѣ него преемникомъ на антіохійскомъ престолѣ въ Антіохіи [1]. Рожденный въ семъ городѣ, происходя отъ знатной фамиліи, полный кротости и смиренномудрія, извѣстный своею преданностію въ волю Промысла, и особенно святою ревностію, которую показалъ въ управленіи церковію антіохійскою во время заточенія св. Мелетія, онъ вполнѣ заслуживалъ этой чести. Такимъ образомъ его вступленіе на епископскій престолъ принесло великую радость всѣмъ правовѣрнымъ, и не менѣе самому Златоусту, который надѣялся увидѣть всѣ превосходныя качества св. Мелетія въ его преемникѣ. Но радость св. Златоуста скоро была нарушена самимъ Флавіа-

---

[1] Созоменъ кн. 7, гл. 11.

номъ. Этотъ благочестивый епископъ, отдавая справедливость обширнымъ познаніямъ и краснорѣчію святаго діакона, и услаждаясь всегда высокими нравственными качествами его, которыя, по словамъ Палладія, были солію предохранявшею нравы народные отъ поврежденія, восхотѣлъ возвести его въ санъ пресвитера [1].

Мысли св. Златоуста о высокомъ достоинствѣ священническаго сана, сообщенныя нѣкогда его другу Василію, не изгладились изъ его памяти, напротивъ еще болѣе укрѣпились въ его душѣ чрезъ размышленіе о сихъ истинахъ и многолѣтнюю опытность. И потому глубокое смиреніе, наполнившее его душу, не дозволило ему принять на себя столь великое служеніе, такъ что ни убѣжденіе Флавіана, ни мольбы антіохійскаго клира, ни совѣты лучшихъ друзей, не могли склонить его къ тому. Нужно было свидѣтельство свыше о его призваніи къ сему. И дѣйствительно, въ одну ночь во время молитвы явился Ангелъ Флавіану, повелѣвая ему отъ лица Божія рукоположить св. Іоанна во пресвитера. Подобное удостовѣреніе отъ Ангела о небесномъ назначеніи получилъ и св. Іоаннъ, и смиренно покоряясь волѣ промысла, предалъ себя въ полное распоряженіе Флавіана, и былъ рукоположенъ имъ во пресвитера въ 386-мъ году.

Одно удивительное обстоятельство, встрѣтившееся при рукоположеніи его, оправдывая избраніе Флавіана, вливало совершенное успокоеніе и въ душу Златоуста. Императоръ Леонъ увѣряетъ, что въ то время, какъ

---

[1] Палладій о жизн. Злат. гл. 5 стр. 17.

Флавіанъ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, во время Божественной службы, возложилъ руки на новопоставляемаго пресвитера, бѣлый голубь, въ присутствіи многочисленнаго собранія народнаго въ церкви, сѣлъ на главу Златоуста, какъ сумволъ чистоты души его и присутствія Св. Духа, наполнившаго его сердце.

Итакъ, сколько ни старался избѣгнуть св. Златоустъ высокаго служенія священства, по чувству сознанія своего недостоинства, но наконецъ, воля Божія исполнилась надъ нимъ: онъ принялъ на себя то великое служеніе, о которомъ съ такимъ краснорѣчіемъ говорилъ, и обязанности, которыя столь страшными представляются, при внимательномъ взглядѣ на нихъ. Однажды возложившій на себя это тяжелое бремя, уже никогда неможетъ ни сложить его, ни облегчить... А какъ много вмѣстѣ съ симъ возлагается новыхъ заботъ, безпокойствъ, труда, отвѣтственности! Высочайшая святость жизни для пастыря дѣлается священною, непремѣнною обязанностію. Онъ всегда долженъ показывать въ себѣ высокій образецъ смиренія, святой ревности, неизмѣнной вѣрности и преданности въ волю Божію, искренней и безкорыстной попечительности о спасеніи ближнихъ. Отселѣ вся жизнь его будетъ крестомъ и мученичествомъ, всѣ дни священнослуженія—непрестаннымъ всесожженіемъ Богу. Таковы были мысли св. Златоуста по принятіи таинства.

Но какъ ни велико было безпокойство св. Златоуста при представленіи чрезвычайныхъ трудностей новаго служенія, укрѣпившись благодатною силою, сообщенною чрезъ таинство, и оградивъ себя смире-

ніемъ и упованіемъ на Всевышнюю помощь и заступленіе, наконецъ вступилъ на поприще пастырскаго служенія съ готовностію пожертвовать собою для славы Божіей и спасенія ближнихъ.

Вступленіе св. Златоуста въ санъ пресвитера было очень замѣчательнымъ событіемъ для Антіохіи. Аріане скорбѣли, тогда какъ православно вѣрующіе благословляли Бога за столь сильнаго защитника православія. Аріане и правовѣрные, друзья и враги, всѣ имѣли высокое понятіе объ обширныхъ познаніяхъ и талантахъ Златоуста. Но объ немъ разсуждали не болѣе, какъ объ ученомъ писателѣ, удивляясь въ его бесѣдахъ высотѣ мыслей, логичной стройности и связности понятій, живости воображенія, превосходству, возвышенности и теплотѣ чувства и другимъ превосходнымъ качествамъ, характеризовавшимъ его. А ораторскаго его достоинства еще не знали. Но Флавіанъ зналъ его высокое достоинство и въ этомъ отношеніи, и потому вскорѣ по рукоположеніи возложилъ на него обязанность говорить поученія къ антіохійскому народу.

На другой день по рукоположеніи, св. Златоустъ, по распоряженію Флавіана, въ присутствіи безчисленнаго множества народа, собравшагося для слушанія, взошелъ на каѳедру съ сердцемъ, исполненнымъ смущенія, страха и безпокойства, и такъ началъ рѣчь свою.

«Ужели истинно случившееся съ нами? и сбывшееся дѣйствительно ли сбылось, и мы не въ обольщеніи? Ужели настоящее не ночь и сновидѣніе, но дѣйствительно день, и мы всѣ бодрствуемъ? И кто бы повѣрилъ этому, что днемъ, когда люди бодрство-

вали и не спали, убогій и отверженный юноша вознесенъ на толикую высоту начальства»..... «А нынѣ все случилось, сбылось и свершилось, какъ видите, и именно такое, что невѣроятнѣе сновидѣній: и городъ, столь обширный и многолюдный, народъ чудный и великій, жадно внимаетъ нашему убожеству, какъ будто услышитъ отъ насъ что великое и превосходное. Но, хотя бы я такъ подобно рѣкамъ неизсякающимъ, и въ устахъ моихъ скрывались источники словъ; и тогда, при такомъ множествѣ стекшихся на слушаніе, потокъ отъ страха тотчасъ остановился бы и воды устремились назадъ.... Поэтому всѣхъ васъ, начальствующихъ, и начальствуемыхъ, равно прошу, чтобы вы, сколько навели на насъ страха стеченіемъ на слушаніе, столько же вдохнули бодрости въ насъ усердіемъ къ молитвамъ и умолили Дающаго глаголъ благовѣствующимъ силою многою (Пс. 67, 12) дать и намъ слово во отверзеніе устъ нашихъ» (Еф. 6. 19) [1].

«Намѣреваясь въ первый разъ говорить въ церкви, я хотѣлъ начатки вступительной бесѣды посвятить Богу, давшему намъ сей языкъ. Ибо не только начатки гумна и точила, но и начатки словъ надлежитъ посвящать Слову; ибо сей плодъ и намъ свойственнѣе и Самому чтимому Богу пріятнѣе. Ибо ягоду и колосъ произращаютъ нѣдра земли, питаютъ токи дождей, обработываютъ руки земледѣльцевъ: а священную пѣснь рождаетъ благочестіе души, воспитываетъ добрая совѣсть, и въ житницы небесныя пріемлетъ Богъ» [2].

[1] Бесѣд. по рукополож. § 1.

[2] Тамъ же § 2.

Послѣ сего начала, въ которомъ отразились скромность и смиреніе, св. Златоустъ говоритъ, что онъ желалъ бы принести въ духовный жертвенникъ жертву хвалы Божескимъ совершенствамъ: «но одинъ премудрый мужъ заграждаетъ уста, и устрашаетъ, говоря: *не красна похвала во устѣхъ грѣшника*» (Сир. 15, 9); и потому онъ довольствуется прославленіемъ дѣлъ Божіихъ, и Его благодати, сіяющей въ благочестивыхъ людяхъ, Его вѣрныхъ служителяхъ.

Потомъ онъ, восхваляя Флавіана, говоритъ о его подвигахъ, ночныхъ бдѣніяхъ, постахъ, о его побѣдахъ надъ страстями и въ особенности о его презрѣніи къ богатству и почестямъ.

Въ заключеніи приглашаетъ всѣхъ, съ преданностію волѣ Божіей и съ упованіемъ на всевышнюю помощь, вознести молитвы къ Вседержителю, да сохранитъ непоколебимою и всегда чистою отъ плевелъ еретическаго ученія церковь антіохійскую, и да даруетъ Флавіану, общему отцу, долгіе и блаженные годы. Потомъ проситъ и для себя молитвеннаго покровительства. — Если у васъ есть сколько нибудь вниманія и ко мнѣ», говоритъ онъ слушателямъ, то «помолитесь, да пріидетъ ко мнѣ свыше великое подкрѣпленіе; ибо я и прежде нуждался въ защитѣ, тѣмъ болѣе теперь мнѣ потребны многія руки и безчисленныя молитвы, да возмогу въ цѣлости возвратить залогъ давшему его Господу, въ тотъ день, когда получившіе таланты будутъ позваны и введены, и должны будутъ отдать отчетъ. Итакъ помолитесь, чтобы мнѣ не быть въ числѣ связанныхъ, ни въ числѣ выброшенныхъ во тьму, но въ числѣ могущихъ получить хотя малое снисхожденіе, благодатію и человѣколю-

біемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава и поклоненіе во вѣки вѣковъ» [1]

Св. Златоустъ, огражденный полнымъ довѣріемъ Флавіана, съ покорностію волѣ Божіей вступилъ въ то высокое и многотрудное служеніе, къ которому былъ призванъ [2]. Мы не можемъ войти во всѣ подробности его жизни, ни представить полнаго разбора его бесѣдъ, произнесенныхъ имъ въ Антіохіи, въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, со времени его вступленія въ званіе пресвитера до епископскаго служенія; но мы обязанными себя считаемъ сдѣлать вѣрное указаніе на труды, имъ предпринятые, борьбы, имъ выдержанныя, добродѣтели, особенно сіявшія въ немъ, и, наконецъ, на дѣла, совершенныя имъ въ пользу Церкви съ апостольскою ревностію. Хотя Антіохія вмѣщала въ себѣ до двухъ сотъ тысячь жителей, изъ коихъ одна половина состояла изъ православныхъ христіанъ, а другая изъ язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ: но св. Іоаннъ могъ удовлетворять всѣхъ: правовѣрные и заблуждающіе, іудеи и язычники всѣ собирались слушать его и всѣ утоляли жажду души своей изъ обильнаго и чистаго источника его ученія. И онъ проповѣдывалъ ежедневно во время постовъ, и два или три раза въ недѣлю въ обыкновенные дни, не считая праздниковъ святыхъ, мучениковъ, и особенныхъ случаевъ.

Вступивъ на чреду пастырскаго служенія, св. Златоустъ встрѣтилъ въ городѣ Антіохіи четырехъ враговъ, съ которыми ему нужно было сражаться, и про-

---

[1] Тамъ же § 4.

[2] Къ антіох. народу бесѣд. 5

тивъ которыхъ онъ особенно направлялъ удары своего слова: язычники, которые были еще многочисленны, іудеи, не меньшіе почти числомъ, еретики—аріане, аномеи, маркіониты, и всѣ христіане, по имени правовѣрные, но въ самомъ дѣлѣ растлѣнные въ нравахъ. Сихъ враговъ вѣры и благочестія св. Златоустъ постоянно преслѣдовалъ въ своихъ бесѣдахъ при всякомъ случаѣ, и не рѣдко производилъ въ душахъ ихъ спасительную перемѣну. Хотя его слова исполнены были силы и праведнаго гнѣва, и выражали иногда даже святую строгость обличеній, однакоже они никогда не раздражали народа, слушавшаго его. Виновные, хотя и узнавали себя иногда въ картинахъ, изображенныхъ проповѣдникомъ, ощущали въ душѣ своей стыдъ и недовольство самими собою; однакоже всегда отдавали должную справедливость любви и святой ревности апостольскаго человѣка и рукоплескали его краснорѣчію.

И борьба съ врагами небесной истины необходима была, чтобъ разсѣять мракъ заблужденія, окружающій ихъ, открыть имъ глаза къ созерцанію истинъ евангельскаго ученія, обратить ихъ къ христіанству, или, покрайней мѣрѣ, для того, чтобъ предостеречь вѣрныхъ, предохранить слабыхъ въ вѣрѣ отъ зловреднаго вліянія, которое могли сдѣлать на нихъ ложное благочестіе, притворныя воздыханія лицемѣровъ и хитрыя возраженія язычниковъ.

Чтобъ достигнуть этой двойной цѣли, св. Златоустъ съ одной стороны выставляетъ на видъ всѣ нелѣпыя сказки, всѣ вздорные вымыслы языческой миѳологіи; разоблачаетъ всѣ смѣшныя вѣрованія язычества, его глубокую безнравственность, нелѣпыя

сказки о происхожденіи человѣка, странныя и позорныя страсти, восхваляемыя и одобряемыя примѣромъ ихъ героевъ и самихъ боговъ; съ другой стороны показываетъ простоту и красоту христіанства, высоту его догматовъ, чистоту нравственности, чудесное его распространеніе, высокое достоинство святыхъ, непоколебимую твердость мучениковъ, точное исполненіе всѣхъ древнихъ пророчествъ, однимъ словомъ выводитъ всѣ доказательства его божественности.

Боги язычниковъ, говоритъ св. Іоаннъ вмѣстѣ съ Пророкомъ,—не суть боги истинные, но идолы язычниковъ—«сребро и золото, дѣло рукъ человѣческихъ. Есть у нихъ уста, но они не говорятъ; есть у нихъ глаза, но они не видятъ; есть у нихъ уши, но не слышатъ; есть у нихъ ноздри, но не обоняютъ, есть у нихъ руки, но не осязаютъ; есть у нихъ ноги, но не ходятъ; и не издаютъ голоса гортанью своею. Подобны имъ дѣлающіе ихъ и всѣ надѣющіеся на нихъ» (Псал. 113, 12. 16).

Или вы не видите, что злой духъ управляетъ ими и даетъ провѣщанія чрезъ ихъ уста? Этотъ нечистый духъ вводитъ васъ въ заблужденіе, хочетъ васъ расположить ко всякимъ преступленіямъ, представляя предъ ваши глаза сіи статуи съ ихъ преступными страстями. Не достойно ли чрезвычайнаго смѣха, что повергаетесь ницъ предъ богами, которые обязаны вамъ началомъ своего существованія, которыхъ ваши руки создали? Не составляетъ ли великаго безчестія воздавать божескую честь деревамъ, овощамъ и нечистымъ животнымъ? Но что я говорю! Не составляетъ ли еще во сто разъ большаго безславія пре-

клонять колѣна предъ статуями, которыя своимъ видомъ, своимъ положеніемъ проповѣдуютъ самыя гнусныя страсти, возмутительныя непотребства? Или эти праздники боговъ и богинь, эти храмы, эти подземелья, мрачныя собранія, эти таинства, не суть ли выраженія, памятники и проповѣдники нечестія и безславія? И что еще скажу? Всѣ ихъ обычаи не суть ли непрестанныя возбужденія къ такимъ жестокостямъ, которыя могли бы заставить краснѣть отъ стыда самыхъ демоновъ, еслибъ только они способны были къ этому?

Эти непотребства язычества св. Іоаннъ выставлялъ на видъ, когда только случай представлялся, во всѣхъ своихъ поученіяхъ, и при изъясненіи мѣстъ св. Писанія, касавшихся язычниковъ. Однакоже онъ не довольствовался тѣмъ, что раскрывалъ предъ язычниками нелѣпость и безчестіе ихъ почитанія ложныхъ боговъ; онъ съ большимъ еще тщаніемъ показывалъ имъ высокое достоинство и божественность христіанства.

Въ одномъ изъ своихъ твореній св. Златоустъ представляетъ прекрасный образецъ, какъ христіане должны убѣждать язычниковъ въ Божественномъ достоинствѣ Іисуса Христа. «Если язычникъ спроситъ: откуда видно, что Христосъ есть Богъ (сіе же должно быть доказано прежде, такъ какъ все прочее изъ сего уже само собою слѣдуетъ)?—то не будемъ заимствовать доказательствъ отъ неба или отъ другаго чего подобнаго. Ибо, если скажу язычнику, что Христосъ сотворилъ небо, землю, море, онъ не приметъ сего. Если также скажу, что воскрешалъ мертвыхъ, изцѣлялъ слѣпыхъ, изгонялъ бѣсовъ; то и сего не

допустить. А если скажу, что Христосъ обѣтовалъ царство небесное и неизреченныя блага, если буду говорить ему о воскресеніи, то не только не приметъ сего, но станетъ еще смѣяться. Чѣмъ же доведемъ его до убѣжденія, если онъ ни въ чемъ не свѣдущъ? Чѣмъ инымъ, какъ не тѣмъ, что безпрекословно признается вмѣстѣ и мною и имъ, и о чемъ не имѣетъ онъ сомнѣнія? Что же такое совершилъ Христосъ, что никакъ не можетъ оспоривать, и что признаетъ самъ язычникъ? То, что отъ Христа возникло общество христіанъ. Конечно не будетъ и язычникъ прекословить тому, что всѣ церкви во вселенной насаждены Христомъ. Отсюда заимствуемъ доказательства Его всемогущества, и станемъ доказывать язычникамъ, что Христосъ есть Богъ; именно скажемъ: простому человѣку не возможно въ такое короткое время обойдти во вселенной столько суши и моря, призвать на такое дѣло людей, которыми обладалъ худый навыкъ, и которые сверхъ того столько были преданы пороку» [1]. «Подумай какое великое дѣло — въ короткое время всю подсолнечную наполнить такимъ множествомъ церквей, обратить столько народовъ, убѣдить столько людей, искоренить отеческіе нравы, истребить укоренившійся навыкъ, сокрушить преобладаніе сластолюбія, подобно праху разсѣять самые слѣды грѣха, подобно дыму обратить въ ничто олтари, храмы, кумиры, обряды, мерзкія празднества, нечистыя жертвоприношенія, и повсюду воздвигнуть жертвенники, и у Римлянъ, и у Персовъ,

---

[1] Противъ Іудеевъ и язычниковъ. Христ. Чтен. 1832 года. Ч. 47. стран. 4—6.

и у Скиѳовъ, и у Мавровъ, и у Индовъ. Слово Христово насаждено во всѣхъ душахъ, находится въ устахъ у каждаго. Вся земля, заросшая, такъ сказать, терніями, очищена, стала доброю нивою, и пріяла въ себя сѣмена благочестія. И посредствомъ кого совершено сіе? Посредствомъ двѣнадцати человѣкъ, некнижныхъ, несвѣдущихъ, некраснорѣчивыхъ, незнатныхъ, бѣдныхъ, неимѣющихъ отечества, рыбарей, скинотворцевъ, иноязычныхъ, противъ которыхъ въ каждомъ народѣ, городѣ, даже во всякомъ домѣ воздвигалась ожесточенная брань. Какъ же совершилось это? Конечно силою Того, Кто послалъ учениковъ Своихъ на проповѣдь. Самъ Онъ предуготовлялъ имъ путь, Самъ все трудное дѣлалъ удобоисполнимымъ. Онъ, единымъ Словомъ создавшій міръ, насадилъ и Церковь. Сказалъ: *созижду Церковь Мою*, и совершилъ сіе самымъ дѣломъ» [1].

Какъ могли совершиться всѣ эти, еще прежде предсказанныя измѣненія? Какъ случилось, что крестъ, прежде предметъ ужаса и содраганія, теперь пользуется всеобщимъ почитаніемъ? Почему теперь во всей вселенной собираются чтители истиннаго Бога на поклоненіе въ Виѳлеемъ? Не есть ли это исполненіе словъ пророческихъ: *и ты Виолееме доме Ефраѳовъ, еда малъ еси, еже быти въ тысящахъ Іудиныхъ; изъ тебе бо Мнѣ изыдетъ Старѣйшина, еже быти въ князя во Израили, исходи же его изъ начала отъ дней вѣка. Сего ради.... станетъ и узритъ, и упасетъ паству свою крѣпостію Господь, и въ славѣ*

[1] Тамъ же стр. 6—7

имени Господа Бога своего пребудутъ: зане возвеличится даже до конецъ земли (Мих. 5, 2—4) [1].

Итакъ признай чудо, и исповѣдуй вмѣстѣ съ нами Божественное достоинство Того, Который былъ распятъ, умеръ и воскресъ для спасенія людей.

Святые отцы сего вѣка часто пользовались обстоятельствами распространенія христіанской вѣры для доказательства ея божественности. И блаженный Августинъ, желая убѣдить язычниковъ въ этомъ, говоритъ: христіанская религія распространилась и утвердилась при помощи чудесъ или безъ оныхъ? Если при помощи чудесъ, то она божественная; если же безъ чудесъ, то это самое распространеніе и утвержденіе ея составляетъ величайшее чудо, и служитъ лучшимъ доказательствомъ ея божественности.

Для убѣжденія язычниковъ св. Златоустъ указывалъ не на историческія только важныя событія, но часто и на чудесныя дѣйствія, совершившіяся въ его время, и даже въ самомъ городѣ Антіохіи. Подобныя указанія находятся, кромѣ другихъ мѣстъ, особенно въ его похвальномъ словѣ св. Вавилѣ и въ его разсужденіи противъ Юліана и язычниковъ. И это важное событіе, составляющее важное доказательство божественности христіанской вѣры, есть торжество св. Вавилы, которое онъ показалъ, даже послѣ своей смерти, надъ Юліаномъ и его ложными богами.

Близъ Антіохіи было знаменитое предмѣстіе, называвшееся Дафною. Это мѣсто чрезвычайно славилось кипарисовыми рощами, плодородными и весьма красивыми окрестностями, которыя были орошаемы

---

[1] Тамъ же стр. 14.

живительными источниками, великолѣпными фонтанами, а въ особенности знаменитымъ и древнимъ храмомъ, посвященнымъ Аполлону. Сюда множество собиралось молодыхъ людей, которые безъ стыда предавались всѣмъ плотскимъ удовольствіямъ; такъ что люди, сколько нибудь благонравные, стыдились сюда приходить. Братъ Юліана, Галлъ, возведенный Констанціемъ въ достоинство кесаря, жилъ въ Антіохіи и, такъ какъ былъ христіанинъ, особенно чтившій память мужей, пострадавшихъ за вѣру, упомянутое мѣсто захотѣлъ очистить отъ языческихъ суевѣрій и скверпъ людей развратныхъ. Понявъ, что легко достигнетъ этого, если устроитъ тамъ молитвенный домъ, онъ въ Дафну перенесъ гробъ мученика Вавилы, славно управлявшаго антіохійскою церковью и увѣнчавшагося мученичествомъ. Съ того времени демонъ, провѣщавшій въ Аполлоновомъ храмѣ, замолкъ, и мѣсто мало по малу стало очищаться отъ безчинныхъ сборищъ и увеселеній. Но когда Юліанъ сдѣлался независимымъ правителемъ всей имперіи, вздумалъ посѣтить Дафну и вопросить давно уже замолкшаго идола. По этому случаю принесено было множество жертвъ, и идолъ, послѣ долгаго молчанія, наконецъ, проговорилъ, что онъ не дѣлаетъ прорицаній по близости гробницы мученика Вавилы и другихъ мертвецевъ. Царь, услышавъ такой отвѣтъ, понялъ, что главною причиною молчанія идола служитъ гробница мученика Вавилы, и потому приказалъ вынести ее. Собравшіеся во множествѣ христіане всякаго пола и возраста, мужчины и женщины, юноши и дѣвы, старцы и дѣти взяли гробницу, и несли ее на своихъ раменахъ на разстояніи сорока стадій,

во всю дорогу воспѣвая псалмы, въ которыхъ по преимуществу выражалось величіе Божіе и безсиліе и ничтожность истуканныхъ. При псалмопѣніи часто дѣлали припѣвъ: посрамились всѣ, *кланяющіеся истуканнымъ, хвалящіеся о идолѣхъ своихъ* (Пс. 96, 7) [1]. Юліанъ, оскорбленный такимъ почтеніемъ къ останкамъ мученика, въ которомъ выражалось неуваженіе къ нему, многихъ христіанъ подвергъ тяжкимъ скорбямъ. Но это нечестіе не осталось безъ наказанія; съ неба спалъ огнь и истребилъ весь храмъ и статую, стоявшую въ храмѣ. Остались одни голыя стѣны и колонны печальными памятниками праведнаго гнѣва Божія на нечестіе язычниковъ [2].

Человѣкъ обыкновенный,—говоритъ св. Златоустъ, при взглядѣ на сіи событія,—послѣ смерти своей ничего не производитъ ни малаго, ни великаго; но св. мученикъ и по смерти своей производитъ множество чудесъ, и производитъ не для славы человѣческой, въ которой не имѣетъ нужды, но чтобы показать жестокосердымъ и невѣрующимъ, что смерть св. мучениковъ, есть не столько смерть, сколько начало лучшей жизни. Св. Вавила, лишь только совершилъ обратное путешествіе (его мощи были перенесены изъ Дафны въ Антіохію), разрушилъ власть демона, объявилъ всѣ заблужденія язычниковъ и показалъ всю пустоту ихъ прорицалищь, закрывъ уста тому, кто показался весьма искуснымъ въ дѣлѣ прорицанія. Чудотворныя дѣйствія святаго мученика теперь уже всѣмъ извѣстны. Поди въ Дафну, и ты увидишь тамъ еще дымящіеся,

---

[1] Созоменъ кн. 5. гл. 19.

[2] Тамъ же гл. 20.

такъ сказать, остатки знаменитаго храма; всмотрись внимательнѣе, и остатки пожара покажутъ тебѣ пустоту идоловъ, безчестіе язычества, могущество св. мучениковъ и славу христіанства [1].

Въ бесѣдахъ своихъ противъ язычниковъ, раскрывая божественность христіанской вѣры, св. Златоустъ въ тоже время поражалъ и Іудеевъ. И его обличенія противъ Іудеевъ не менѣе замѣчательны, какъ и тѣ о которыхъ мы дали нѣкоторое понятіе.

Во времена Златоуста, хотя почти всѣ христіане считали обрядовый законъ Моѵсеевъ совершенно ненужнымъ для настоящаго времени, однако же были и такіе христіане, которые, будучи слабы вѣрою, или непонимая духа ученія Христова, хотя не уклонялись отъ общенія церковнаго, не отпадали видимо отъ христіанской вѣры, но, по своему суевѣрію и неразумію, почитали возможнымъ и непредосудительнымъ соединять христіанство съ іудействомъ, и потому ходили въ синагоги Іудеевъ, принимали участіе въ ихъ праздникахъ, постахъ и наблюдали нѣкоторые другіе обряды іудейскіе [2]. Отъ этого происходило то, что нѣкоторые немощствующіе христіане, когда пасха іудейская случалась послѣ праздника христіанскаго воскресенія Христова, продолжали еще ходить во власяницѣ и наблюдать постъ во всей строгости, тогда какъ всѣ правовѣрные съ радостію и торжествомъ проводили праздникъ воскресенія Христова. Заблужденіе у нѣкоторыхъ до того простиралось, что клятву,

---

[1] Бесѣда на память св. Вавилы. Христ. Чт. 1842 г. ч. III. стр. 318—319.

[2] Противъ Іудеевъ сл. 1. § 2.

произносимую въ синагогѣ, почитали болѣе священною, чѣмъ произносимую въ христіанскомъ храмѣ. Златоустъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ одного хрістіанина который принуждалъ одну почетную женщину войти въ синагогу еврейскую; и тамъ поклясться въ спорномъ между ними дѣлѣ [1].

Св. Іоаннъ со всею ревностію апостольскою вооружался противъ всѣхъ заблужденій и предразсудковъ іудейскихъ, и строго запрещалъ христіанамъ имѣть съ ними общеніе. «Что такое синагога? говоритъ онъ; это театръ, въ которомъ собираются толпы изнѣженныхъ людей и скопище распутныхъ женщинъ..., вертепъ разбойниковъ, логовище звѣрей.... и жилище демоновъ» [2]. «Подумай, съ кѣмъ ты входишь въ общеніе? Съ тѣми, которые кричали: *распни, распни Его* (Лук. 23, 21), съ тѣми, которые говорили; *кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ*» (Матѳ. 27, 23). Если бы ты не захотѣлъ подойти къ осужденнымъ за покушеніе на верховную власть, то какъ же осмѣливаться входить въ общеніе съ оскорбившими Бога, и праздновать вмѣстѣ съ распявшими Твоего Господа [2].

Зло увлеченія іудейскими обычаями такъ глубоко проникло въ христіанское общество, что св. Іоаннъ принужденъ былъ написать, кромѣ особаго сочиненія противъ язычниковъ и Іудеевъ, восемь словъ противъ Іудеевъ. Для утвержденія вѣры слабыхъ христіанъ и просвѣщенія невѣрующихъ Іудеевъ, св. Іоаннъ доказываетъ, что религія подзаконная уже кончилась,

[1] Тамъ же § 4, стр. 458.
[2] Тамъ же § 3—4, стр. 458.

время для синагоги прошло. Богъ отвергъ Израиля, настало время новой благодати; мѣсто закона Моисеева съ его жертвами и обрядами занялъ законъ евангельскій, основанный на таинствахъ жизни, страданій и смерти Іисуса Христа, Сына Божія. Чтобъ доказать сіи истины, св. Златоустъ обращаетъ вниманіе на книги пророческія и указываетъ на предсказанія ихъ относительно Мессіи. Онъ, по предсказанію ихъ, долженъ родиться въ городѣ Виѳлеемѣ отъ племени Давидова, въ то время, когда скипертъ управленія не будетъ уже принадлежать Израильтянамъ; будетъ имѣть Предтечу, и Самъ послужитъ для нѣкоторыхъ камнемъ претквовенія, а для большей части причиною спасенія; Онъ не будетъ узнанъ Своими, и Своимъ народомъ, будетъ отвергнутъ, преданъ на поруганіе, напоенъ желчію и пронзенъ по рукамъ и ногамъ; что нечестивые Его умертвятъ, но Онъ возстанетъ и съ торжествомъ вознесется на небо. Іудеи подвергнутся проклятію, будутъ разсѣяны по всѣмъ странамъ, будутъ блуждать безъ царя, безъ жертвенника, не имѣя Пророковъ, ожидая спасенія и не находя его. Потомъ св. Златоустъ показываетъ, какъ всѣ сіи пророчества исполнились на Іисусѣ Христѣ. Говоритъ еще, что карающая десница Божія до сихъ поръ тяготѣетъ надъ народомъ неблагодарнымъ, Іудеями, что тщетны его надежды относительно его возстановленія, и въ подтвержденіе этого, воспоминаетъ ихъ попытки возстановить храмъ при Адріанѣ и Константинѣ, попытки несчастныя для нихъ, слѣдствіемъ коихъ было ихъ большее порабощеніе, и большее бѣдствованіе [1]. И эти событія не слишкомъ от-

[1] Противъ Іудеевъ слов. 6 § 2.

далены, продолжаетъ онъ: можетъ быть еще есть старцы, которые помнятъ ихъ. Но чтобы показать, что бѣдствіе отверженія, тяготѣющее надъ Іудеями уже нѣсколько столѣтій, до сихъ поръ остается неизмѣннымъ, я укажу на такое событіе, которое всѣ видѣли, и котораго даже предстоящіе здѣсь юноши были свидѣтелями, которое такъ же ясно открыто для всѣхъ, какъ солнце. И это событіе совершилось при Юліанѣ, богоотступникѣ.

Этотъ нечестивецъ, надѣясь съ одной стороны привлечь Іудеевъ со временемъ къ почитанію ложныхъ боговъ, съ другой, желая представить видимое доказательство лживости предсказаній Христа, возвѣстившаго о вѣчномъ запустѣніи храма, положилъ начало предпріятію. Многочисленныя суммы были взяты изъ общественныхъ казнохранилищь, тысячи рабочихъ сошлись со всѣхъ сторонъ, сотни управителей были приставлены для возбужденія, направленія и поспѣшнѣйшаго произведенія работъ; золото и серебро, знаніе и сила, все соединено было, все употреблено въ дѣло. Какое ручательство за успѣхъ этого безразсуднаго предпріятія! Но Тотъ, Который посрамляетъ разумъ разумныхъ и уловляетъ ихъ же сѣтями, воспылалъ гнѣвомъ на нечестіе и подвигнулъ силы природы къ наказанію. Онъ хотѣлъ показать симъ нечестивцамъ, что слово Божественное непреложно, опредѣленія всемогущей воли Божественной, если бы всѣ силы человѣческія совокупились противъ нихъ, не могутъ быть нарушены. Страшный огнь вдругъ исторгся изъ нѣдръ земли, раскидалъ всѣ камни, положенные въ основаніе, пожралъ всѣхъ работавшихъ, изувѣчилъ множество предстоявшихъ, и принудилъ упор-

ное нечестіе прекратить преступное дѣло. Іудеи были поражены стыдомъ и страхомъ; и самъ нечестивый Юліанъ, признавая это явленіе за гнѣвъ Божій, принужденъ былъ съ народомъ іудейскимъ исповѣдать свое безсиліе и признаться побѣжденнымъ.

Это событія—не глубокой древности, они совершились въ наше время предъ нашими глазами; сходите въ Іерусалимъ и вы увидите тамъ опустѣвшіе и оставленные безъ вниманія фундаменты, и на разбросанныхъ повсюду камняхъ прочтете еще слѣды гнѣва и мщенія небеснаго [1].

Доказывая уничтоженіе іудейскаго закона исполненіемъ пророчествъ и совершившимися чудесами, св. Златоустъ вмѣстѣ показываетъ и торжество христіанской вѣры. «Посмотри на счастливцевъ: доколѣ они живутъ, дотолѣ слава ихъ цвѣтетъ; но пришла смерть—и все погибло! Такая участь постигнетъ не только богачей и градоначальниковъ, но и самихъ царей.

«У Іисуса Христа все напротивъ. Предъ крестною смертію Его все вокругъ его было печально и мрачно: Іуда предаетъ, Петръ отрицается, прочіе ученики обращаются въ бѣгство, и Онъ остается среди толпы враговъ одинъ, связанный, какъ злодѣй; многіе, которые прежде вѣровали въ Него, возвращаются вспять. Но Господь умираетъ,—и вотъ, дабы мы узнали, что Распятый былъ не простой человѣкъ, открываются блистательнѣйшія и преславныя дѣла. До распятія Іисусова первый изъ Апостоловъ такъ убоялся словъ привратницы, что сказалъ, будто онъ вовсе не знаетъ

---

[1] Противъ Іудеевъ сл. 5. § 17.

Его, хотя въ самомъ дѣлѣ былъ посвященъ во всѣ Его тайны: но сей же Апостолъ послѣ распятія обтекъ съ проповѣдію всю вселенную. Теперь миріады мучениковъ текутъ на страданія, и лучше желаютъ умереть, нежели сказать то, что сказалъ первый изъ Апостоловъ, устрашенный угрозою придверницы. Теперь всѣ страны и области, мѣста пустынныя и обитаемыя оглашаются прославленіемъ Распятаго. Цари, военачальники, градоправители и судіи, рабы и свободные, простолюдины и мудрые, варвары и образованные, всѣ народы, населяющіе подсолнечную, благословляютъ имя Его и покланяются Ему. Самое мѣсто, гдѣ покоится тѣло Распятаго, столь малое и тѣсное, сдѣлалось блистательнѣе царскихъ чертоговъ и получаетъ большую честь, нежели сами цари».

«Но вотъ что особенно удивительно: то, что произошло съ Учителемъ, случилось и съ Его учениками! При ихъ жизни насильно брали ихъ и повсюду водили для поруганія, поносили, заключали въ оковы и подвергали другимъ безчисленнымъ мученіямъ: но по смерти оказываютъ имъ большую честь, нежели какую воздаютъ царямъ. И смотри, какъ это дѣлается. Въ царствующемъ градѣ Римѣ, оставя все прочее, спѣшно текутъ къ гробницѣ рыбаря и скинодѣтеля—цари, правители, полководцы; во градѣ же Константина сами вѣнценосцы завѣщаваютъ погребать себя не близъ самихъ Апостоловъ, но — только въ преддверіи храмовъ, имъ посвященныхъ, и такимъ образомъ цари сдѣлались преддверниками рыбарей. Такое погребеніе цари вмѣняютъ себѣ не въ безчестіе, но въ похвалу и украшеніе».

«Но ты тогда наипаче познаешь величіе славы

Распятаго, когда размыслишь о знаменіи Его смерти, смерти проклятіемъ пораженной, поноснѣйшей изъ всѣхъ родовъ смерти. Ибо на этотъ одинъ родъ смерти наложено проклятіе. *Проклятъ всякъ висяй на древѣ,* говоритъ Писаніе (Второз. 21, 23). Но смотри, — сколь вожделѣннымъ и достолюбезнымъ содѣлалось нынѣ сіе столь ужасное и поносное въ древности знаменіе жесточайшей казни! И въ царской коронѣ наилучшее украшеніе составляетъ крестъ, драгоцѣн нѣйшій всего міра. Изображеніе креста, нѣкогда для всѣхъ страшнаго, теперь найдешь ты и у властителей и у подчиненныхъ, у женъ и у мужей, у дѣвъ и замужнихъ, у рабовъ и свободныхъ; всѣ полагаютъ знаменіе креста на благороднѣйшей части тѣла своего, нося каждодневно сіе знаменіе на челѣ своемъ, какъ на столпѣ изображенное. Оно блистаетъ на священной трапезѣ, на одеждахъ іерейскихъ и вмѣстѣ съ Господнимъ тѣломъ на тайной вечери. Всюду видишь оное возносящимся: на домахъ, на торжищахъ, въ пустыняхъ, при путяхъ, на горахъ и холмахъ, на морѣ, на корабляхъ, на островахъ, на ложахъ, на одеждахъ, на оружіи, въ чертогахъ, на золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, на картинахъ, на тѣлѣ больныхъ животныхъ, на тѣлѣ бѣсноватыхъ, на войнѣ, въ мирѣ, днемъ, ночью, въ пиршественныхъ собраніяхъ и въ келліяхъ подвижниковъ. Уже никто не стыдится и не краснѣетъ при мысли, что крестъ есть знаменіе поноснѣйшей смерти: напротивъ всѣ мы почитаемъ оный украшеніемъ для себя превосходнѣйшимъ коронъ и діадимъ и камней драгоцѣнныхъ. Что же за причина того, что знаменіе жесточайшей казни и смерти поноснѣйшей сдѣлалось

столь любезнымъ и вожделѣннымъ для всѣхъ? Что иное, какъ не великая сила Распятаго... Почему къ этому самому древу, на которомъ святое тѣло Іисусово страдало и распято было, всѣ какъ бы наперерывъ притекаютъ?... Потому что Тотъ, Кто все создалъ и все преобразуетъ; Кто очистилъ вселенную отъ скверны грѣха и землю содѣлалъ небомъ,—Тотъ и сіе страшное орудіе казни, и сію смерть поноснѣйшую превознесъ выше небесъ. Сіе знаменіе для многихъ содѣлалось источникомъ благословенія, стѣною непреоборимою, смертоносною язвою для демоновъ, грозою сопротивнымъ силамъ» [1].

Такая похвала кресту и его всемогущей силѣ для доказательства божественнаго достоинства христіанства, встрѣчается во многихъ поученіяхъ св. пресвитера антіохійской церкви. «Никто не стыдись», говоритъ онъ въ 54 бесѣдѣ на Евангеліе отъ Матѳея, «достопокланяемыхъ знаковъ нашего спасенія, коими мы живемъ, и начала всѣхъ благъ, коими существуемъ... Ибо крестъ есть знаменіе нашего спасенія, общей свободы и милосердія нашего Владыки» [2]. Всѣ поученія св. Златоуста противъ Іудеевъ произнесены были въ первые годы его священства (въ 386 и 387 год.). Онъ началъ было свои бесѣды противъ аномеевъ еретиковъ; но наступившіе праздники и посты іудейскіе, въ которыхъ многіе изъ христіанъ принимали участіе, заставили его обратить свою обличительную рѣчь противъ Іудеевъ.

Въ четвертомъ вѣкѣ нѣкоторые входили въ без-

---

[1] Противъ Іуд. и язычн. Хр. Чт. 1832 г. ч. 47, стр. 42—50.

[2] Бесѣд. Злат. изд. 1846 г., стр. 426.

разсудныя изслѣдованія о природѣ Божества, троичности Лицъ и единствѣ Божеской сущности. Находясь еще подъ вліяніемъ идей языческихъ и философскихъ, умы колебались, и человѣкъ усиливался изъяснить истины, которымъ нужно вѣрить по слову Божію, но которыхъ нѣтъ возможности понять при слабомъ свѣтѣ естественнаго разума.

Природа Божественная, говорили аномеи проста, несложна; а въ природѣ простой нельзя предположить двухъ различныхъ началъ, одно раждающее а другое раждаемое; и отюда заключали, что Сынъ не единосущенъ Отцу, но только Ему подобенъ.

Но слѣдовавшіе каѳолическому православному ученію утверждали, что для того, чтобъ сдѣлать безошибочное заключеніе о семъ, нужно также хорошо видѣть и понимать существо Божественное, какъ его видитъ и понимаетъ Самъ Богъ; и что простая сущность не можетъ содержать въ себѣ двухъ началъ, какъ бы они ни казались намъ противоложными, мы не можемъ сдѣлать объ этомъ предметѣ вѣрнаго заключенія, ибо мы не знаемъ, что такое сама въ себѣ сущность Божественная.

Св. Златоустъ, желая исторгнуть это зло съ корнемъ, написалъ пять словъ о непостежимости Божественнаго существа. Видя, что аномеи не убѣгаютъ отъ него и слушаютъ его поученія со вниманіемъ, сначала онъ не дѣлалъ имъ никакихъ оскорбительныхъ обличеній, боясь удалить ихъ отъ себя; но ожидалъ для этого благопріятнаго случая, который не замедлилъ представиться; ибо аномеи, увлеченные силою его краснорѣчія, сами вопрошали его о предметахъ ихъ недоумѣній.

Во второй своей бесѣдѣ, показавъ сначала въ примѣрѣ св. Захаріи, какъ опасно слишкомъ вдаваться въ изслѣдованіе вещей божественныхъ, которые нужно воспринимать одною вѣрою, оплакиваетъ заблужденіе аномеевъ, думавшихъ, что человѣкъ, будучи не больше какъ пыль и прахъ, возгнетаемый вѣтромъ, слабый и удобопреклонный, какъ полевая трава, можетъ познать совершенно Того, Который вѣченъ, неизмѣняемъ, безтѣлесенъ, вездѣсущь, Который будучи выше всего, смотритъ на землю и заставляетъ ее трястися, Который сотворилъ всю вселенную по Своей благости, предъ которымъ всѣ народы, всѣ люди отъ начала міра, даже и самые Ангелы, не болѣе, какъ капля воды. Не составляетъ ли величайшую глупость желать проникнуть то, что св. Павелъ, чрезъ котораго говорилъ Самъ Іисусъ Христосъ, призналъ непостижимымъ [1].

Въ слѣдующихъ своихъ бесѣдахъ св. Златоустъ показываетъ, что природа божественная непостижима не только для простыхъ людей, но и для Пророковъ, Апостоловъ, Ангеловъ, Архангеловъ и для всѣхъ силъ небесныхъ. Онъ превосходно раскрываетъ эту истину изъ словъ св. Писанія: *единъ имѣяй безсмертіе, и во свѣтѣ живый неприступнѣмъ, Его же никто же видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. 6, 16), и потомъ переносится къ возвышеннѣйшимъ мыслямъ о величіи, всемогуществѣ, премудрости и другихъ непостижимыхъ совершенствахъ Божіихъ.

Но такъ какъ аномеи говорили, что если Богъ непостижимъ, значитъ—мы почитаемъ Бога, котораго

---

[1] Противъ аномеевъ сл. 2. Хр. Чт. 1841 г. Ч. 4, стр. 39.

незнаемъ, то св. Златоустъ въ отвѣтъ на это говоритъ: «на это возраженіе не слѣдовало бы давать и отвѣта, когда доказано уже изъ Писанія, что не возможно знать, что такое Богъ въ сущности. Но поелику бесѣдуемъ съ вами не для вражды, а чтобы васъ исправить; то покажемъ, что не незнаніе того, что такое Богъ въ сущности Своей, но усиліе узнать это есть подлинное незнаніе Бога. Скажи мнѣ, если изъ двоихъ, которые спорятъ о томъ, что знаютъ величину неба, одинъ говоритъ, что человѣческій глазъ не въ состояніи обнять ее, а другой утверждаетъ, что можно измѣрить ее пядію руки; то кого изъ нихъ назовешь знающимъ величину неба, — того ли, кто утверждаетъ, будто бы знаетъ, сколько въ небѣ пядей, или того, кто сознается въ незнаніи? А если тотъ, кто не берется опредѣлить величину неба, будетъ лучше знающимъ: то ужели не окажешь сего благоговѣнія предъ Богомъ? А что отъ насъ требуется знать только, что есть Богъ, но не любопытствовать о Божіей сущности, послушай, что говоритъ о семъ Павелъ: *вѣровати же подобаетъ приходящему къ Богу, яко есть* (Евр. 11, 6). Посему для благочестія достаточно знать, что Богъ существуетъ» [1].

Показавъ непостижимость Божественнаго существа, св. Златоустъ доказываетъ потомъ Божественность, личное бытіе Бога Слова и совершенное Его равенство съ Богомъ Отцемъ. Доказательства на это заимствованы у него изъ Евангелія св. Іоанна. *Видѣвый Мене, видѣ Отца* (Іоан. 14, 9). *Азъ и Отецъ едино есма* (—10, 30). *Яко же Отецъ воскрешаетъ*

[1] Противъ аномеевъ сл. 5. Хр. Чт. 1842. Ч. 1 стр. 34.

мертвыя и живитъ: тако и Сынъ, ихъ же хощетъ, живитъ... Да вси чтутъ Сына, якоже чтутъ Отца (—5, 21, 23). Въ этихъ четырехъ изреченіяхъ евангельскихъ выражены самобытное существованіе и личное достоинство Бога Слова, Его могущество равное съ могуществомъ Бога Отца и право на одинаковое почитаніе съ Нимъ.

Для опроверженія, обличенія и совершеннаго низложенія сихъ еретиковъ, св. Златоустъ написалъ нѣсколько словъ, которыя, по силѣ красноречія, глубинѣ мыслей и возвышенному чувству благоговѣнія, убѣждающему сердце болѣе всякихъ доказательствъ, принадлежатъ къ лучшимъ его твореніямъ.

Эти полемическія бесѣды Златоуста, можетъ быть, не имѣютъ теперь для насъ прежняго интереса, потому что мы всѣ, за исключеніемъ немногихъ невѣжествующихъ или заблуждающихъ, признаемъ Божественность и личное бытіе Бога Слова, явившагося во плоти. Но въ эпоху, нами описываемую, когда Церковь, возмущаемая аріанами, должна была защищать главный догматъ своего вѣроученія, эти обличительныя слова имѣли весьма важное значеніе для всѣхъ правовѣрующихъ.

Сверхъ того, не говоря уже о краснорѣчіи Златоуста, которымъ онъ умѣлъ придавать чрезвычайную занимательность самомалѣйшимъ подробностямъ и чрезъ то возбуждать вниманіе своихъ слушателей, этотъ святый учитель не ограничивался только обличеніями еретиковъ, но, пользуясь приводимыми мѣстами изъ св. Писанія, умѣлъ извлекать мнѣнія и строгія замѣчанія, полезныя и для той части его слушателей, которая принадлежала къ правовѣрую-

щимъ. Такъ въ третьемъ своемъ словѣ, показавъ непостижимость Божественнаго естества даже и для небесныхъ силъ, говоритъ: «умъ нашъ утомился не отъ множества мыслей, а отъ возбужденнаго ими ужаса; ибо душа трепещетъ и поражается, занимаясь долго подобными созерцаніями. Низведемъ же ее съ небесъ, *и, объятую ужасомъ, укрѣпимъ обыкновеннымъ* утѣшеніемъ. Какое это утѣшеніе? Молитва, чтобы страждущіе симъ недугомъ, когда-либо выздоровѣли. Если намъ повелѣно умолять Бога о страждущихъ болѣзнями, о рудокопахъ, о людяхъ, находящихся въ тяжкомъ рабствѣ, и о бѣсноватыхъ; то тѣмъ болѣе — о нихъ, потому что нечестіе опаснѣе демона. То неистовство можетъ быть прощено, а сей болѣзни ничѣмъ нельзя оправдать»!

«Вспомнивъ о молитвѣ за бѣсноватыхъ, я кстати хочу нѣчто сказать вашей любви для искорененія опасной болѣзни въ Церкви; ибо неприлично было бы врачу, заботясь о внѣшнихъ, оставлять безъ вниманія собственные члены. Чтоже это за болѣзнь? Вотъ какое несказанное множество народа! Всѣ собрались и весьма внимательно слушаютъ настоящее слово: но въ самый страшный часъ нерѣдко я ищу ихъ, и не вижу, и сильно стенаю. Когда бесѣдуетъ сослужитель; ревность бываетъ велика, усердіе надлежащее, всѣ возбуждаютъ другъ друга и каждый остается до конца: но когда надлежитъ Христу явиться въ святыхъ таинствахъ; церковь вдругъ пуста и безлюдна. Какъ извинить это? Чрезъ такое нерадѣніе вы лишаетесь всѣхъ похвалъ, заслуженныхъ ревностію къ слушанію. Ибо кто изъ васъ не осудилъ бы и меня, видя, что плодъ слушанія тотчасъ исчезаетъ въ ду-

шахъ вашихъ? Если вы тщательно внимали слову, то должны были доказать свою ревность дѣломъ. А то, что слушатели тотчасъ уходятъ, есть доказательство противнаго: значитъ они не приняли слова и не приложили его опять къ сердцу. Иначе, сказанное, бывъ напечатлѣно въ сердцахъ вашихъ, конечно, удержало бы васъ въ церкви и обратило бы къ страшнымъ тайнамъ тѣмъ съ большимъ благоговѣніемъ. А теперь вы слушали какъ будто какого игрока въ циркѣ, и, чуждые всякой пользы, удаляетесь, какъ скоро говорящій умолкаетъ. И многіе какъ холодно извиняются! Помолиться, говорятъ они, я могу и дома, а слышать бесѣду и ученія дома нельзя. Самъ себя обманываешь, человѣкъ: конечно, можно помолиться дома, но помолиться такъ, какъ въ церкви, гдѣ такое множество отцевъ, гдѣ единодушно воссылается пѣснь Богу, невозможно. Не столько будешь услышанъ, молясь Господу у себя, сколько молясь съ своими братьями. Ибо здѣсь нѣчто больше: здѣсь единодушіе, согласіе, союзъ любви и молитвы священниковъ. Для того-то и священники, чтобъ молитвы народа, будучи слабы, совокуплялись съ ихъ молитвами сильнѣйшими, и вмѣстѣ съ ними восходили на небо. А иначе что за польза была бы въ бесѣдѣ, когда бы съ нею не совокуплялась молитва? Прежде молитва, а потомъ бесѣда. Такъ и Апостолы говорятъ: *мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (Дѣян. 6, 4). Такъ и Павелъ поступаетъ, молясь въ началахъ посланій, чтобы слову предшествовалъ свѣтъ молитвы, какъ свѣтъ свѣчи. Если пріучишь себя молиться съ усердіемъ, то не будешь имѣть нужды въ наставленіи сослужителей; тогда

самъ Богъ безъ всякаго посредника будетъ озарять умъ твой. Если же и уединенная молитва твоя заключаетъ въ себѣ столь великую силу; то тѣмъ болѣе молитва съ народомъ: ибо у послѣдней больше силы и гораздо больше дерзновенія, нежели у частной, которая бываетъ дома. Откуда это видно? Послушай, что говоритъ самъ Павелъ: *иже отъ толикія смерти избавилъ ны есть, и избавляетъ; наньже и уповахомъ, яко и еще избавитъ, споспѣшествующимъ и вамъ по насъ молитвою, да отъ многихъ лицъ, еже въ насъ дарованіе, многими благодарится о васъ* (2 Кор. 1, 10, 11). Ею и Петръ избѣжалъ темницы. *Ибо молитва бѣ прилежна бываемая отъ Церкви къ Богу о немъ* (Дѣян. 12, 5). Если же Петру помогла молитва Церкви и ниспровергла столпы темницы: то скажи, какъ ты пренебрегаешь ея силою, и что представишь въ свое оправданіе?... Пользу общественной молитвы я могу объяснить вамъ и изъ человѣческой исторіи».

«За десять лѣтъ нѣкоторые, какъ вы знаете, были обличены въ стремленіи къ тиранніи. Потомъ одинъ изъ вельможъ подпалъ подъ тоже обвиненіе, и съ вервію во рту былъ веденъ на смерть. Тогда весь городъ выбѣжалъ на ипподромъ, вывелъ туда мастеровыхъ и всѣмъ народомъ исхитилъ обвиненнаго отъ царскаго гнѣва, хотя онъ вовсе не стоилъ помилованія. Въ тоже время, желая смягчить гнѣвъ царя земнаго, вы стеклись всѣ, и съ дѣтьми и съ женами; а теперь, думая умилостивить Царя небеснаго, и исхитить отъ Его гнѣва не одного, но грѣшниковъ цѣлой вселенной, и освободить бѣсноватыхъ отъ ковъ діавольскихъ, вы сидите внѣ, не стекаетесь въ одно мѣсто, чтобы Богъ почтилъ ваше единодушіе и ихъ

освободилъ отъ наказанія, и вамъ отпустилъ грѣхи. Положимъ, что въ это время ты находился бы на площади, или дома, или былъ бы занятъ дѣлами необходимыми; но неужели не можешь разорвать узы съ могуществомъ льва и прійдти сюда для общаго умилостивленія? Скажи, какую же ты можешь имѣть надежду на спасеніе, благовременнѣе настоящей? Теперь вѣдь не только люди издаютъ сей ужасный вопль, но и Ангелы припадаютъ ко Господу, и Архангелы умоляютъ Его. И они этотъ часъ почитаютъ благопріятнымъ для успѣха своихъ приношеній. Какъ люди приходятъ къ царямъ съ масличными вѣтвями, чтобы напоминать имъ о человѣколюбіи; такъ Ангелы въ сіе время вмѣсто масличныхъ вѣтвей предлагаютъ тѣло Господне, и умоляютъ Господа за человѣческое естество, какъ бы говоря: мы молимся за тѣхъ, которыхъ самъ Ты предварительно удостоилъ Своей любви, и за которыхъ предалъ Свою душу; мы изливаемъ моленія за тѣхъ, за которыхъ Самъ ты принесъ въ жертву сіе тѣло»...

«Вы хвалите слово; вы принимаете увѣщаніе съ великимъ шумомъ и рукоплесканіями: но лучше выразите намъ похвалу дѣлами; сей ищу похвалы, сего рукоплесканія самыми дѣлами» [1].

Повинуясь наставленіямъ св. Златоуста, предстоявшіе при слушаніи его бесѣдъ никогда не выходили изъ церкви до окончанія божественной службы, такъ что онъ послѣ счелъ себя обязаннымъ благодарить ихъ за вниманіе къ его слову [2]. Замѣтивъ въ

[1] Прот. Аном. сл. 3. Хр. Чт. 1841 г. ч. 4, стр. 182—189.
[2] Хр. Чт. тамъ же стр. 207.

оставашихся въ храмѣ недостатокъ надлежащаго вниманія къ божественной службѣ, говорилъ: «прежде мы обличали оставлявшихъ молитву и пребывавшихъ въ то время внѣ храма, а теперь я намѣренъ обличать находящихся здѣсь въ храмѣ, не за то, что они находятся въ храмѣ, но за то, что они, оставаясь въ немъ, бываютъ не лучше тѣхъ, которые выходятъ вонъ, ибо всѣ сіи ужасныя минуты (т. е. во время самаго совершенія св. Таинъ) разговариваютъ другъ съ другомъ. Что ты дѣлаешь человѣкъ?... Какъ не боишься, что въ то время, когда ты разговариваешь, нерадишь, предаешься безпечности, какой-либо демонъ, нашедши душу твою праздною и помятенною, домъ твой безъ дверей, свободно войдетъ въ него?... Смотри же, чтобы демонъ не занялъ и твоей души; и какъ скоро примѣтишь его присутствіе, поспѣшнѣе прибѣгни къ Владыкѣ, чтобы демонъ, нашедши душу твою теплою и бодрствующею, подумалъ, что мысль твоя недоступна для него. А если онъ увидитъ твою разсѣянность и безпечность, то вдругъ вселится въ тебя, какъ въ пустую комнату: напротивъ, заставъ тебя дѣятельнымъ, неусыпнымъ и приросшимъ къ самому небу, не дерзнетъ остановить на тебѣ и самаго взора. Итакъ побереги себя и лукавому демону загради входъ въ собственную твою душу. А ничто такъ не ограждаетъ насъ отъ его нападенія, какъ молитва и продолжительное прошеніе» [1].

«Но діаволъ, стараясь внушить нерадѣніе къ молитвѣ, выдумалъ и другое великое бремя скорби.

---

[1] Тамъ же стр. 208—210.

Видя, что вы соединены какъ бы въ одно тѣло, и проповѣдуемое слушаете съ великимъ тщаніемъ, онъ вмѣшалъ въ толпу какихъ-то хищниковъ, подрѣзывателей кармановъ, и сдѣлалъ то, что у многихъ, сюда сходящихся, часто похищаемо было золото. Итакъ, чтобы никогда не было сего, и печаль о деньгахъ временемъ не погашала вашей ревности къ слушанію, я прошу и убѣждаю всѣхъ васъ, чтобъ никто не входилъ сюда, нося съ собою золото: тогда ваша внимательность во время слушанія не будетъ для нихъ поводомъ къ злодѣянію, и ваше удовольствіе, происходящее отъ пребыванія въ храмѣ, не возмутится кражею денегъ» [1].

Когда св. Іоаннъ съ истинною ревностію старался объ искорененіи ложнаго ученія еретиковъ, Богу угодно было подтвердить святость и истинность его ученія чудеснымъ дѣйствіемъ, проявившимъ святость и присутствіе благодатной силы въ проповѣдникѣ. Префектъ Антіохіи былъ преданъ ереси Маркіона; жена его также раздѣляла съ нимъ заблужденія въ вѣрованіи. Когда эти люди, сильные властію и богатствомъ, со всѣмъ усердіемъ покровительствовали ереси, своею властію и имѣніемъ стараясь о распространеніи оной; правосудный Господь положилъ преграду ихъ нечестивой ревности... Жена префекта сильно страдала болью живота. Всѣ средства медицинскія были употреблены къ излеченію, но безъ пользы: болѣзнь не только не уменьшалась, даже увеличивалась. Молитвы маркіонитовъ столь же мало были дѣйствительны. Но больная отъ невыносимыхъ

---

[1] Тамъ же стр. 213.

страданій приходила въ отчаяніе, и, находясь въ близкой опасности смерти, съ согласія мужа, дала обѣщаніе принять святую каѳолическую вѣру, если молитвами православныхъ получитъ исцѣленіе. Такимъ образомъ, когда согласно съ ея желаніемъ, ее принесли къ дверямъ церкви, она умоляла епископа Флавіана и Златоуста, о благочестивой жизни которыхъ она давно знала, помолиться Господу о ея исцѣленіи. «Не отвергайте насъ, говорила она, сжальтесь надъ рожденными во грѣхахъ, помолитесь за насъ: и исцѣленіе моего тѣла послужитъ и къ исцѣленію души». Св. Златоустъ, тронутый ея мольбами, приказалъ принесть воды. Флавіанъ, благословивъ воду, вылилъ ее на болящую, и она тотчасъ встала совершенно здоровою. Въ выраженіи своей благодарности выздоровѣвшая и мужъ ея дали тридцать фунтовъ золота въ пользу странниковъ, бѣдныхъ и больныхъ, и, согласно своему прежнему обѣщанію, отвергли ложное ученіе Маркіона, и также ревностно начали защищать православіе.

Обращеніе столь сильныхъ покровителей ереси сильно раздражило маркіонитовъ. Увлекаясь гнѣвомъ и ненавистію, они позволили себѣ злословить и клеветать на Флавіана и св. Златоуста, обличавшихъ ихъ лжеученіе; но правосудіе Божественное скоро наказало ихъ преступную ненависть. Въ Антіохіи произошло сильное землетрясеніе, и разрушило домъ, въ которомъ было собрано множество маркіонитовъ, и такимъ образомъ всѣ они были погребены подъ развалинами его.

Нѣкоторые, увлекаясь неразумною ревностію, въ спорахъ съ противниками своихъ мнѣній, до того

увлекались чувствомъ гнѣва и раздражительности, что предавали своихъ противниковъ анаѳемѣ. Святый Златоустъ, показавъ такимъ неразумнымъ ревнителямъ, что произносящіе такое слово подвергаютъ себя большой отвѣтственности предъ Богомъ, показываетъ вмѣстѣ способъ, какъ нужно дѣйствовать на заблуждающихъ.

Вотъ правило для вразумленія заблуждающихъ: «съ кротостію наставлять противниковъ: не дастъ ли имъ Богъ обращенія къ познанію истины, чтобы они освободились отъ сѣтей діавола, который уловилъ ихъ въ свою волю (2 Тим. 2, 25—26). Раскинь мрежу любви, дабы поврежденное не погибло, но лучше исцѣлилось. Покажи, что ты отъ великаго расположенія хочешь собственное благо сдѣлать общимъ. Закинь сладкую уду состраданія, и такимъ образомъ испытавъ сокровенное, извлеки изъ бездны погибели погрязшаго въ ней умомъ. Научи, что принимаемое по предразсужденію или невѣдѣнію за справедливое, не согласно съ преданіемъ апостольскимъ. И если послушаетъ тебя человѣкъ заблудшій, то, по слову Пророка, онъ будетъ жить, и ты избавишь душу свою. Если же не послушаетъ, но пребудетъ упорнымъ, то, дабы не остаться тебѣ виновнымъ, обличи его предъ свидѣтелями, только съ терпѣніемъ и кротостію, чтобы Судія не взыскалъ души его отъ руки твоей, не злобясь, не отвращаясь, не преслѣдуя, но изъявляя ему чистосердечную и искреннюю любовь.... Никто изъ васъ не показалъ такой любви къ Христу, какъ святая душа (св. Апостола Павла). Никто изъ человѣковъ, кромѣ его, не дерзнулъ произнести такихъ словъ; самая душа его горѣла, когда онъ говорилъ:

исполняю лишеніе скорбей Христовыхъ во плоти моей (Кол. 1, 24), еще: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей* (Рим. 9, 3). Имѣя такую любовь ко Христу, онъ никого не огорчилъ, никому не причинилъ насилія, никого не предалъ анаѳемѣ. Иначе не привлекъ бы ко Христу толикіе народы, и цѣлые города, но совершилъ то, смиряясь, претерпѣвая удары, заушенія, посмѣяніе отъ всѣхъ, снисходя, прося, умоляя. Такъ, когда онъ пришелъ къ Аѳинянамъ, и нашелъ всѣхъ ихъ преданныхъ идолопоклонству, то не сталъ укорять ихъ, говоря: безбожники вы и великіе нечестивцы; не сказалъ: вы все почитаете за Бога, одного только Бога отвергаете, Владыку и Творца всѣхъ. Но что же? *Проходя*, говоритъ онъ, *и соглядая* святыни *ваша, обрѣтохъ и капище, на немъ же бѣ написано: невѣдомому Богу, Его же убо не вѣдуще чтете, сего азъ проповѣдаю вамъ* (Дѣян. 17, 23). О чудо! о отеческое сердце! Назвалъ благочестивыми еллиновъ — идолопоклонниковъ нечестивыхъ. Поелику они, какъ благочестивые совершали свое служеніе, думая, что они чтутъ Бога, такъ какъ были увѣрены въ томъ. Итакъ умоляю васъ подражать сему и отстать отъ утвердившагося между вами великаго зла (проклятія заблуждающихъ). Ибо тотъ, кого ты предаешь анаѳемѣ, или живетъ; пребывая на землѣ, или уже умеръ. Если живетъ, ты дѣлаешь худо, отлучая его, когда еще онъ можетъ исправиться и обратиться отъ зла къ добру. А если умеръ, то тѣмъ болѣе. Почему? Потому что онъ своему Господу стоитъ или падаетъ, не находясь болѣе подъ властію человѣческою. Отстаньте же, прошу васъ, отъ сего грѣха. Вотъ я говорю и свидѣтельствуюсь

предъ Богомъ и избранными Ангелами, что въ день суда онъ будетъ причиною великаго наказанія, и возжетъ огнь нестерпимый. Ибо если въ образѣ дѣвъ— людей, сіяющихъ свѣтлою вѣрою и жизнію, зрящій дѣла ихъ Господь всѣхъ отвергнулъ отъ чертога, за недостатокъ милосердія; то какъ мы, живущіе въ совершенной безпечности и немилосердіи, поступающіе съ единоплеменниками своими, удостоимся спасенія? Посему прошу васъ не опустить безъ вниманія словъ сихъ. — Еретическое ученіе, не согласное съ принятымъ нами, должно проклинать, и нечестивые догматы обличать, но людей должно, сколько возможно, щадить и молиться о ихъ спасеніи» [1].

Если святая ревность, наполнявшая душу св. Златоуста, не позволяла ему оставаться равнодушнымъ къ спасенію язычниковъ, Іудеевъ, еретиковъ, то эта самая ревность къ какимъ трудамъ и подвигамъ не могла подвигнуть его, когда дѣло шло объ улучшеніи нравовъ, объ уничтоженіи пороковъ, объ утвержденіи вѣры и добродѣтели въ душахъ ввѣренной его попеченію паствы?

Подобно великому Апостолу Павлу, котораго жизнь тщательно изучалъ, стараясь подражать ему, св. Златоустъ прилагалъ попеченіе о всякой душѣ; просвѣтить, научить, привести къ Богу и спасти всѣхъ — было главнымъ его желаніемъ и стараніемъ. Вотъ цѣль, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, всѣ данныя ему Богомъ силы, таланты и краснорѣчіе, — молясь непрестанно, постясь, научая, утѣшая скорбящихъ, помогая бѣднымъ и вдовамъ, вразумляя невѣжествую-

---

[1] Тамъ же.

щихъ, примиряя враждующихъ, немощный съ слабыми, малый съ низшими, дѣлаясь подобно Ап. Павлу, всѣмъ для всѣхъ, дабы всѣхъ пріобрѣсти Іисусу Христу. Но какъ ни велика была ревность сего св. пастыря, ея недостаточно было для уврачеванія всѣхъ золъ, которыми была поражена антіохійская церковь. Кромѣ язычества, іудейства, ереси и раскола, раздѣлявшихъ эту великую область, не менѣе возбуждали скорбь и сожалѣніе бѣдствія, произведенныя между вѣрными невѣжествомъ, суевѣріемъ, театрами, ненавистью и скупостью великихъ и дерзостью низшихъ и бѣднѣйшихъ.

Вотъ какъ самъ онъ изображаетъ испорченность нравовъ въ его время. Бѣдствія, говоритъ св. Златоустъ, теперь угнетающія святую Церковь, нисколько не меньше,—что я говорю?—они еще гораздо болѣе, чѣмъ были въ предшествовавшіе вѣка. Я не говорю здѣсь ни о предвѣщаніяхъ, ни о гаданіяхъ, ни о гороскопѣ (гаданіе по часу рожденія), ни о значкахъ, ни о привѣскахъ, ни о колдовствѣ, ни о таинствахъ магіи, ни о тысячѣ другихъ суевѣрныхъ обычаевъ, которымъ весьма многіе изъ христіанъ предавались. Я ищу между овцами словеснаго стада истинныхъ христіанъ, и не нахожу. Есть ли такіе, которые бы не злословили своихъ братьевъ, не имѣли зависти, не предавались ненависти и мщенію, которые не увлекались бы сладострастіемъ, или скупостью? Какое растлѣніе въ юношахъ и небреженіе въ старикахъ! Никто не хочетъ заниматься воспитаніемъ дѣтей. Язычники смотрятъ на насъ внимательно; святость нашей жизни должна бы руководить ихъ къ Богу и возбуждать къ лучшей жизни; но увы! на дѣлѣ выхо-

дитъ противное. И какъ они могутъ обратиться отъ заблужденій язычества, когда видятъ въ насъ тѣже желанія, тѣ же страсти, какъ и у нихъ; когда мы нисколько не уступаемъ имъ въ славолюбіи, съ такою же жадностію гоняясь за почестями и достоинствами земными? Что можетъ ихъ побудить къ принятію христіанской вѣры, когда видятъ, что ты, при лучшемъ вѣрованіи, проводишь столь же земную и преступную жизнь, такъ же восхищаешься и любишь богатство, ищешь удобствъ жизни и содрогаешься при одной мысли о смерти? Не столько же ли мало мы выражаемъ терпѣнія при постигающихъ насъ бѣдствіяхъ, болѣзняхъ и всѣхъ вообще не выгодахъ земнаго житія? Не съ такою же ли стремительностію бѣжимъ въ циркъ и театръ, какъ и они, чтобъ потомъ погрязнуть въ тинѣ плотскихъ наслажденій? Итакъ могутъ ли они, смотря на наше преступное поведеніе, вѣрить въ тѣ божественныя истины, которыя мы имъ проповѣдуемъ? Что можетъ ихъ убѣдить? Чудеса? Но они въ настоящее время не многочисленны. Святость нравовъ? Но почти ничья жизнь не служитъ образцомъ для сего. Величіе и многообъемлемость нашей любви? Но наши души совершенно опустѣли, въ нихъ нѣтъ и слѣда этого теплаго чувства [1]. Итакъ мы служимъ причиною нечестія язычниковъ и мы отдадимъ отчетъ Богу за то препятствіе къ ихъ обращенію, которое полагаемъ имъ своими испорченными и разслабленными нравами. Ахъ! взойдемъ въ самихъ себя, пробудимся отъ глубокаго усыпленія, будемъ проводить жизнь небесную, и подвизаться, какъ борцы жизни вѣчной.

[1] На Посл. къ Тим. Бесѣд. 10

Въ своихъ поученіяхъ св. Златоустъ не оставлялъ ни одного заблужденія, ни одного уклоненія отъ пути истины и святости безъ обличенія; но особенно вооружался противъ суевѣрія, скупости, богохульства, клятвопреступленія, клеветы, гордости, роскоши и сладострастія, которые, быстро развиваясь, сильно овладѣвали всякаго званія и состоянія людьми. Святая вѣра, проповѣданная со временъ Апостоловъ и чрезъ Апостоловъ, до сихъ поръ еще не изгнала всѣхъ суевѣрныхъ обычаевъ. Ихъ еще слишкомъ много было во время св. Златоуста. Правовѣрные, даже христіане, замѣчали времена, дни и встрѣчи счастливые. Св. Златоустъ укоряетъ ихъ за то, что они, выходя изъ дому, наблюдали, съ кѣмъ въ первый разъ встрѣтятся, съ здоровымъ ли или больнымъ, съ бѣдной женщиной или съ знатной особою, и по этой встрѣчѣ опредѣляли добрый или худой день, укорялъ такъ же и за то, что носили на шеѣ или на ногѣ медальоны Александра Македонскаго, вмѣсто того, чтобы возлагать все свое упованіе на крестъ Спасителя, что зажигали множество восковыхъ свѣчь при рожденіи дѣтей, и этимъ свѣчамъ давали разныя наименованія, чтобы потомъ дать дитяти имя той свѣчи, которая долѣе прогорѣла, какъ предзнаменованіе долголѣтней жизни [1]; что вѣшали дѣтямъ на шею нѣкоторыя вещи, какъ предохранительныя отъ разныхъ напастей средства; и, наконецъ, укорялъ за то, что ходили къ Іудеямъ для излеченія извѣстныхъ болѣзней, при посредствѣ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ знаковъ. Чрезъ всѣ эти глупости суевѣр-

---

[1] На 1 Кор. бесѣд. 12 § 7.

ныя упразднялось достоинство креста, и торжествовалъ обманъ демоновъ, уничижались таинства спасенія и искупленія человѣковъ [1].

Разныя безпорядочныя дѣйствія, которымъ жители Антіохіи предавались въ праздникъ календъ, совершавшійся въ первой день генваря, воздвигли противъ себя ревность св. пастыря, и заставили его написать въ 387 г. обличительное слово. «Нынѣ надлежитъ намъ, говоритъ онъ въ семъ словѣ, сразиться не съ варварами, сдѣлавшими набѣгъ, но съ бѣсами, которые ходятъ по площади торжественно. Ибо дьявольское гулянье, продолжающееся сего дня во всю ночь, смѣхи, ругательства, ночныя пляски, и смѣшная эта комедія отвели нашъ городъ въ плѣненіе, которое тягостнѣе всякаго непріятельскаго. Тогда какъ должны бы были сокрушаться, плакать, стыдиться, какъ тѣ, которые такъ грѣшатъ, такъ и тѣ, которые не грѣшатъ, одни смотря на свои грѣхи, другіе смотря на безчиненіе своихъ братій, нашъ городъ веселится, красуется, весь увѣнчанъ; площадь, какъ любящая наряды роскошная и богатая женщина, сего дня съ заботливостію украшается, надѣвая на себя золото, драгоцѣнныя одежды, обувь и прочее тому подобное; всякій мастеровой, выставляя на показъ свою работу, хочетъ перещеголять своего товарища. Такое соревнованіе показываетъ ребяческій умъ, и душу неспособную къ великимъ возвышеннымъ мыслямъ.... Если ты хочешь украшать, то украшай, не мастерскую твою, но душу; не площадь, но умъ, дабы и Ангелы дивились, и Архангелы одобряли твое дѣло, и Владыка Ангеловъ наградилъ тебя Своими дарами. А это хва-

[1] Противъ Іудеевъ.

стливое щегольство производитъ или смѣхъ или зависть. Но соревнованіе еще не стоитъ большаго порицанія. Болѣе всего огорчаютъ меня игры, которыя происходятъ сего дня въ гостинницахъ, преисполненныя распутства и нечестія;—нечестія: потому что занимающіеся ими замѣчаютъ дни, гадаютъ и думаютъ, что если первый день года имъ удается провести въ удовольствіи и веселіи; то и весь годъ будетъ совершенно тоже,—распутства: потому что на самомъ разсвѣтѣ и женщины и мущины наполняютъ стаканы и чаши виномъ, и напиваются безъ всякой мѣры... Крайне безумно по одному счатливому дню заключать, что тоже будетъ и въ продолженіи года; не только это безумно, но дьяволъ учитъ васъ такъ разсуждать, что въ дѣлахъ жизни вашей надобно полагаться не на собственную дѣятельность, а на дневныя обращенія. Счастливъ будетъ для тебя годъ во *всемъ не тогда, какъ ты напьешься пьянъ въ первый* день, но когда и въ первый и въ прочіе дни будешь то дѣлать, что угодно Богу.... Если ты такъ разсуждать будешь, и если такъ будешь расположенъ, если будешь каждый день провождать въ молитвахъ и подаяніи милостыни: то весь годъ будетъ для тебя счастливъ. А если вознерадѣвъ о добродѣтели, будешь ожидать себѣ счастія отъ начала мѣсяцевъ и исчисленія дней: то не будетъ тебѣ ничего добраго. Дьяволъ знаетъ сіе, и чтобы успѣшнѣе остановить наши подвиги въ добродѣтели, и потушить доброе расположеніе души нашей, учитъ насъ, счастіе и несчастіе приписывать днямъ [1]. Пьянство сдѣла-

---

[1] Сл. на нов. годъ. Хр. Чт. 1822 стр. 56—59.

лось столь общимъ порокомъ, что даже смѣялись надъ тѣми, которые мало употребляли вина. Вино, говоритъ св. Златоустъ, дано было намъ для того, чтобъ насъ веселить и укрѣплять, а не для того, чтобъ унижать и разрушать. *Мало вина пріемли*, говоритъ св. Апостолъ Павелъ Тимоѳею, *стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. 5, 23). Если св. епископъ, ослабленный многочисленными дѣлами и болѣзнями, ожидалъ разрѣшенія своего учителя, чтобы употребить только немного вина, какой же ты отвѣтственности долженъ подвергнуться, предаваясь чрезвычайному опьяненію при совершенно крѣпкомъ здоровьѣ! Невоздержаніе служитъ могилою для благоразумія, смиренія, справедливости, стыдливости и всѣхъ добродѣтелей. Человѣкъ невоздержный ниже скота.

Св. пресвитеръ не съ меньшею силою возставалъ и противъ кощунства, какъ можно видѣть въ его разныхъ поученіяхъ. Такъ въ первомъ своемъ словѣ къ антіохійскому народу, показавъ весь ужасъ кощунства и богохуленія, говоритъ: «я хочу вамъ сказать о богохуленіи: вмѣсто награды за мои труды, я прошу у васъ одной милости, изгонять и даже наказывать богохульниковъ. На улицѣ ли, на перекресткахъ ли, на площади ли, гдѣ бы вы ни услыхали хульныя слова противъ Бога, подойди къ богохульнику, обличи его съ силою, безъ боязни; употреби насиліе, если то нужно; загради его уста нечестивыя, и знай, что всѣ укоризны, которыя ты сдѣлаешь ему, освятятъ твои уста». Общество римской имперіи слишкомъ было растлѣнно и глубоко погружено въ чувственность. Въ судебныхъ мѣстахъ торговали правосудіемъ;

народъ страдалъ, то отъ безчисленнаго множества чиновниковъ, то отъ жестокости и лихоимства скупыхъ богачей; роскошь повсюду видна была, въ постройкѣ зданій, въ пышности одеждъ, въ изысканномъ убранствѣ покоевъ, въ золотыхъ обояхъ, въ драгоцѣнной живописи, въ великолѣпныхъ и блистательныхъ колоннахъ, въ садахъ съ искуствомъ расположенныхъ, въ множествѣ слугъ, въ обѣдахъ и празднествахъ. Но если въ этомъ самомъ обществѣ, видно было съ одной стороны, богатство, изнѣженность и великолѣпіе: то съ другой стороны, бѣдность, нищета и всякаго рода лишенія доходили до послѣдней степени. Св. Златоустъ старался сблизить эти двѣ крайности. Бѣднымъ говорилъ онъ о благословеніи, соединенномъ, съ бѣдностію, о пользѣ духовной, которую она доставляетъ, и о вниманіи и почтеніи къ тѣмъ, которые, по внѣшнему богатству, или по внутреннимъ достоинствамъ, поставлены выше ихъ; а богатымъ, которыхъ было очень много въ Антіохіи, объ обязанностяхъ, предписываемыхъ любовію, и объ опасностяхъ и горькихъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводитъ роскошь. Потомъ, говоря о спасительныхъ плодахъ милосердія для жизни вѣчной, старался оторвать ихъ сердце отъ привязанности къ земнымъ богатствамъ, уничтожить скряжничество и расположить счастливцевъ міра къ подаянію милостыни. Ни одинъ изъ отцевъ не говорилъ, ни такъ часто, ни съ такимъ краснорѣчіемъ, съ какимъ говорилъ св. Златоустъ о несчастной участи скупыхъ богачей, и о необходимости подаянія милостыни.

Въ 64-й бесѣдѣ на Евангеліе святаго Іоанна, вотъ въ какихъ страшныхъ краскахъ описываетъ бѣдствіе

скупости и сребролюбія; «эта болѣзнь, говоритъ онъ, все превратила, растлила правду. *Дарове,* сказано, *ослѣпляютъ очи премудрыхъ, и яко же бразды на устѣхъ, отвращаютъ обличенія* (Сир. 20, 29). Она и свободныхъ дѣлаетъ рабами. Объ ней каждый день бесѣдуемъ, но нѣтъ никакой пользы. Мы бываемъ хуже звѣрей, грабимъ сиротъ, обнажаемъ вдовицъ, обижаемъ бѣдныхъ, прилагаемъ горе къ горю. Ничего не достигаемъ мы просьбами, ничего—совѣтами и увѣщаніями: поэтому остается только плакать»...

Можетъ быть, чрезъ это мы въ состояніи будемъ исцѣлить отъ болѣзни тѣхъ, которые хищеніемъ строятъ свѣтлые домы и пріобрѣтаютъ поля. И вы, ограбленные и обиженные, примите участіе въ моемъ плачѣ. — Но будемъ плакать не о себѣ самихъ, а объ нихъ: не васъ они обидѣли, а себя погубили. Вы за обиду получите царство небесное: а они, за неправильное пріобрѣтеніе, подвергнутся гееннѣ. Поэтому лучше быть обиженнымъ, нежели обижать.... Восплачемъ горько съ Исаіею, и скажемъ: *горѣ совокупляющимъ домъ къ дому, и село къ селу приближающимъ, да ближнему отъимутъ что: еда вселитеся едини на земли... домове велицы и добріи, и не будутъ живущіи въ нихъ* (Ис. 5, 8—9). Не станемъ оплакивать того, кто уже умеръ, но будемъ оплакивать хищника, корыстолюбца, сребролюбца и ненасытнаго. [1] «Когда ты видишь врага Божія богатымъ, окруженнымъ тѣлохранителями и множествомъ льстецевъ, то не унывай, а воздыхай, плачь и моли Бога, чтобы онъ обратилъ

[1] На Іоан. бесѣд. 64. § 4.

его въ число друзей своихъ, и чѣмъ болѣе врагъ Божій успѣваетъ въ дѣлахъ Своихъ, тѣмъ болѣе оплакивай его. Грѣшниковъ должно оплакивать всегда, особенно же, когда они наслаждаются богатствомъ и великимъ благоденствіемъ, какъ больныхъ, когда они пресыщаются и упиваются. — Но нѣкоторые горько плачутъ и говорятъ: я достоинъ слезъ, потому что не имѣю ничего. Дѣйствительно ты достоинъ слезъ; но не потому, что не имѣешь ничего, а потому что поставляешь свое блаженство въ томъ, что имѣетъ другой.—Кто, будучи здоровъ, станетъ называть блаженнымъ больнаго, лежащаго на мягкой постелѣ, тотъ гораздо несчастнѣе и злополучнѣе его, потому что нисколько не чувствуетъ собственнаго благополучія. Тоже происходитъ и съ этими людьми; потому и наполнилась вся наша жизнь смутами и безпорядками. Такія слова погубили тысячи людей, предали ихъ діаволу, и сдѣлали ихъ несчастнѣе истаевающихъ отъ голода. Подлинно тѣ, которые желаютъ бóльшаго, бѣднѣе самихъ нищихъ, потому что страдаютъ большею и жесточайшею душевною скорбію, какъ можно видѣть изъ слѣдующаго. Нѣкогда постигло нашъ городъ бездождіе; всѣ трепетали за жизнь свою и молили Бога, избавить ихъ отъ этого страха. Тогда можно было видѣть *небо мѣдяно*, какъ говоритъ Моvсей (Второз. 28, 23), и смерть ужаснѣйшую всѣхъ родовъ смерти, ожидаемую каждый день. Но послѣ, слава человѣколюбивому Богу, сверхъ всякаго чаянія полился свыше чрезвычайно обильный дождь, и всѣ стали радоваться и торжествовать, какъ бы вышедши изъ самыхъ вратъ смерти. Между тѣмъ среди такихъ благодѣяній Божіихъ и при всеобщей радости, одинъ

изъ богатѣйшихъ людей ходилъ прискорбный и унылый, какъ бы омертвѣвшій отъ горя, и, когда многіе спрашивали его, по какой причинѣ, при всеобщей радости, онъ одинъ печаленъ, тогда онъ, не могши даже скрыть своей мучительной страсти, побуждаемый силою этой болѣзни, открыто объявилъ причину: имѣя, говорилъ онъ, множество мѣръ пшеницы, я не знаю, какъ мнѣ теперь сбыть ее. Не ужели мы будемъ ублажать его послѣ такихъ словъ, за которыя надлежало бы побить его камнями, какъ человѣка жесточайшаго всякаго звѣря и общаго врага. Что говоришь ты, человѣкъ? Ты скорбишь о томъ, что не погибли всѣ, дабы тебѣ собрать золото? Развѣ ты не слышалъ, что говоритъ Соломонъ: *прадаяй пшеницу скупо отъ народа проклятъ* (Прит. 11, 26). И ты еще ходишь общій врагъ благоденствія вселенной, противникъ человѣколюбія Господа, всѣхъ; другъ, или лучше, рабъ мамоны? Не слѣдовало ли отсѣчь твой языкъ? Не слѣдовало ли исторгнуть сердце, произнесшее такія слова» [1]?

Но св. пресвитеръ антіохійской церкви не довольствовался тѣмъ, что показывалъ во всемъ безобразіи и со всѣми гибельными слѣдствіями скупость и сребролюбіе; онъ старался и утѣшать бѣдныхъ, представляя всѣ выгоды бѣдности. «Почему, говоритъ онъ, ты боишься бѣдности? Почему такъ сильно жаждешь богатства? Ты боишься, говоришь, дойдти до крайности—нуждаться въ хлѣбѣ и зависѣть во всемъ отъ помощи другаго? Но какъ ты не можешь видѣть безразсудности своего страха и невозможности совершенно освободиться отъ зависимости? Есть ли дни въ нашей жизни, и есть ли

---

[1] 1 Кор. бесѣд. 39, § 7.

какое либо дѣло, сколько нибудь важное, которое мы могли бы совершить нисколько не нуждаясь въ помощи другаго? Не всѣ ли мы, во все продолженіе жизни, необходимо имѣемъ нужду въ услугахъ одинъ другаго? Воинъ имѣетъ нужду въ ремесленникѣ, ремесленникъ въ купцѣ, купецъ въ хлѣбопашцѣ; господинъ нуждается въ слугѣ, а слуга въ господинѣ; богачь ничего не можетъ совершить безъ помощи бѣдняка, а бѣднякъ безъ помощи богатаго» [1]. Но тотъ, который получаетъ милостыню, гораздо полезнѣе и необходимѣе къ жизни, нежели тотъ, кто даетъ; если бы не было бѣдныхъ, тогда не важна бы была и милостыня, а чрезъ это и наше спасеніе было бы въ бо̀льшей опасности. Милостыня врачуетъ раны души нашей. При видѣ бѣдняка, мы необходимо получаемъ спасительный урокъ для нашей гордости. Ибо бѣднякъ однимъ своимъ видомъ, кажется, говоритъ намъ: не возносись въ своихъ помыслахъ; но думай о кратковременности и бренности всѣхъ благъ міра сего; вспомни, какъ быстро и почти неизбѣжно юность смѣняется старостію, красота—безобразіемъ, сила—слабостію, почесть—презрѣніемъ, здоровье — болѣзнію, богатство—бѣдностію [2].

Рука бѣдняка есть жертвенникъ, на которомъ мы приносимъ благоуханную жертву Богу, — сокровищница, въ которой сберегаются драгоцѣнныя сокровища для жизни безсмертной. Бѣдные суть представители самаго Іисуса Христа, который принимаетъ за дѣйствіе для Него Самаго все, что̀ сдѣлано для страж-

---

[1] Тамъ же бесѣд. 17.

[2] Тамъ же бесѣд. 31.

дущихъ членовъ Его. Бѣдность есть наставница терпѣнія, благоразумія и всѣхъ добродѣтелей. Неравенство состояній и бѣдность необходимо входятъ въ планъ Божественнаго управленія міромъ. Если бы не было бѣдныхъ, гдѣ бы мы взяли матросовъ, штурмановъ и другихъ рабочихъ людей? Кто бы захотѣлъ ковать желѣзо, тесать камни и носить известь? Кто бы сталъ выдѣлывать кожу, шить обувь и платье? Кому бы пришла охота заниматься механическими работами? Не бѣдность ли послужила началомъ къ изобрѣтенію разныхъ искуствъ, и довела ихъ до совершенства? Не она ли часто побуждала геніальные умы, и побуждала къ изобрѣтенію разныхъ художествъ и ремеслъ? Если бы всѣ были богаты, тогда всѣ заснули бы на ложѣ лѣности и безпечности; стройность міра нарушилась бы и общество погибло.

Истинную бѣдность св. Златоустъ называлъ безопаснымъ убѣжищемъ, спокойною пристанью, непрестаннымъ упражненіемъ въ истинной мудрости, подражаніемъ жизни ангельской и путемъ къ небу. Душа сребролюбца, говоритъ онъ, разтерзана тысячью заботъ и попеченій, и, подобно одеждѣ, источенной молью, ни одного мѣста не имѣетъ цѣлаго, она покрыта ржавчиною, отравлена и изъязвлена тысячею грѣховныхъ движеній. Но душа истиннаго бѣдняка—христіанина и покорнаго волѣ Промысла, далека отъ такого состоянія. Она блеститъ, какъ золото, подобно перлу сіяетъ; она свѣжа и благоуханна, подобно розѣ; ее не подтачиваетъ червь зависти, не расхищаетъ ненасытная страсть стяжательности и не возмущаютъ измѣненія заботы о сей жизни. Правда, она не повелѣваетъ и людьми, но ей повинуются демоны; она

удалена отъ великихъ земли повелителей, но за то приближается къ Самому Богу, она не ведетъ войны съ людьми, но за то имѣетъ сотрудниками въ духовной борьбѣ самихъ Ангеловъ; она не владѣетъ слитками золота и серебра, не имѣетъ никакихъ сокровищъ, но она такъ богата своею бѣдностію, что за ничто считаетъ всѣ богатство міра [1].

Но эта похвала не ко всякой бѣдности относится, и не всякому бѣдному прилична, а только бѣднымъ по евангельскому ученію, тѣмъ, которые свою бѣдность переносятъ съ покорностію и преданностію волѣ Божіей. Бѣдность евангельская состоитъ не въ лишеніи богатства, но въ отсутствіи привязанности къ нему. Можно быть бѣднымъ до недостатка въ самомъ необходимомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень богатымъ жаждою и стремительностію къ богатству, и напротивъ можно обладать всѣми благами земнаго счастія, и однако не имѣть ни къ чему привязанности.

Бѣдности св. Златоустъ сочувствовалъ вполнѣ; это можно видѣть по его дѣламъ, которыя всегда строго согласовались съ словами. Оставшись наслѣдникомъ обширнаго богатства, онъ не только пожертвовалъ своими доходами, но и все свое состояніе употребилъ на вспоможеніе бѣднымъ, такъ что самъ дошелъ до чрезвычайной бѣдности. Дѣвы и вдовицы, служители олтаря и бѣдные грѣшники, странники и больные, всѣ испытывали на себѣ благотворныя дѣйствія его любви и попечительности. Болѣе трехъ тысячъ лицъ было на его попеченіи, и его неутоми-

[1] На 1 Кор. бесѣд. 15, § 6.

мая ревность и собственное достояніе, также доходы антіохійской церкви, которыми онъ распоряжался, все предложено было къ облегченію бѣдствій и удовлетворенію нуждъ сихъ несчастныхъ. Никогда ни одинъ бѣдный не отходилъ отъ него, не получивъ вспомоществованія или утѣшительнаго совѣта въ своей скорби. Благотворительность его была такъ велика, его любовь къ бѣднымъ такъ извѣстна, что жители Антіохіи, не только не скучали отъ непрестанныхъ напоминаній его о милостынѣ, но напротивъ, слушали его поученія съ особеннымъ удовольствіемъ, и всегда рукоплескали ему, когда онъ являлся защитникомъ бѣдныхъ. Онъ требовалъ, чтобы подавали милостыню, и подавали съ охотою и щедрою рукою. «Я вижу, что вы сѣете, говорилъ онъ, но не полною рукою; почему я и опасаюсь, что вы не обильную жатву соберете, по пословицѣ: что̀ посѣешь, то и пожнешь. Какое безчестіе для насъ быть такъ привязанными къ вещамъ скоропреходящимъ, быть столь прикованными къ землѣ, и столь мало внимательными къ бѣднымъ, которые суть также дѣти одного Отца небеснаго, въ лицѣ которыхъ намъ представляется Самъ Іисусъ Христосъ! Для безконечной любви Господа Іисуса недостаточно было претерпѣть за насъ крестъ и самую смерть; Онъ благоволилъ еще, чтобъ доставить намъ случай засвидѣтельствовать къ Нему любовь и признательность, — являться къ намъ въ лицѣ бѣдныхъ, странниковъ, узниковъ и болящихъ. Онъ, кажется, говоритъ намъ устами сихъ несчастныхъ страдальцевъ: [1] если вы не

---

[1] На посл. къ Рим. бесѣд. 16.

хотѣли быть признательными ко Мнѣ за все, что Я сдѣлалъ и претерпѣлъ для васъ, имѣйте, по крайней мѣрѣ, сострадание къ Моей бѣдности; если Моя бѣдность не трогаетъ васъ, сжальтесь хоть надъ Моими страданіями, которыя изнуряютъ Меня, надъ Моими цѣпями, которыя тяготятъ Мои руки и ноги. Если Мои страданія, Моя бѣдность, Мои цѣпи не трогаютъ васъ, подумайте хоть о томъ, какъ мало и ничтожно то, чего Я у васъ прошу; Я не требую отъ васъ многоцѣнныхъ приношеній; нѣтъ, Я прошу у васъ только одинъ кусокъ хлѣба, бѣдный покровъ отъ темной ночи, одно слово ласковое и добрый совѣтъ. Но если Мои страданія васъ не трогаютъ, позаботьтесь, по крайней мѣрѣ, о собственныхъ своихъ выгодахъ, подайте Мнѣ милостыню, чтобъ увеличить тѣмъ свои заслуги, чтобъ пріобрѣсть право на тѣ награды небесныя, которыя Я обѣщалъ милостивымъ. Если всѣ эти причины не смягчаютъ жестокости твоего сердца, старайся, по крайней мѣрѣ, придти къ естественной сострадательности при представленіи того безчестія, тѣхъ скорбей, страданій и бѣдности, которыя Я терпѣлъ нѣкогда, и которыя терплю и теперь подъ видомъ бѣдныхъ. Я до сихъ поръ еще алчу, жажду, наготую, терплю холодъ, лишенія, болѣзни и разныя страданія въ лицѣ меньшихъ Моихъ братій, чтобъ привлечь васъ къ Себѣ, чтобъ дать вамъ случай къ дѣламъ милосердія, и за то наградить васъ въ вѣчности. Я не говорю вамъ: освободи Меня отъ бѣдности, сдѣлай богатымъ, хотя Я Самъ обнищалъ, чтобъ обогатить васъ; но Я прошу у васъ не много хлѣба и нѣсколько лоскутовъ ненужнаго для васъ платья; Я не требую отъ васъ, чтобъ сняли съ Меня

цѣпи, хотя Я Самъ для васъ разорвалъ цѣпи вѣчнаго осужденія за грѣхъ, но Я прошу васъ только посѣтить Меня въ темницѣ: для Меня достаточно будетъ утѣшенія, которое принесетъ Мнѣ ваше сердечное участіе, и въ награду за это Я вамъ обѣщаю блаженное небо. Я могъ бы и безъ этого увѣнчать васъ въ небѣ, но Я хочу быть вамъ должникомъ, хочу доставить вамъ радость имѣть хоть нѣкоторое право на награду; поэтому-то Я, имѣя довольство въ Самомъ Себѣ, прихожу однакоже въ міръ просить милостыни, стоя у вашихъ дверей съ протянутой рукою; единственно по любви къ вамъ, Я хочу сидѣть за вашимъ столомъ, чтобы въ великій день всемірнаго суда поставить васъ на видъ всей вселенной, исповѣдать ваши добрыя дѣла, восхвалить вашу сострадательность и сказать предъ всѣми: вотъ тѣ, которые Меня напитали!»

При сихъ словахъ весь храмъ пришелъ въ движеніе, все множество предстоявшаго народа простерли руки къ проповѣднику, издавая крики радости, со всѣхъ сторонъ раздавались рукоплесканія. Восклицанія народа на время прервали бесѣду защитника бѣдныхъ. Но эти восклицанія и рукоплесканія непріятны были для его смиренія, и онъ воззвалъ къ народу: на что мнѣ ваши похвалы и рукоплесканія? Я не словъ и восклицаній прошу у васъ, но дѣлъ милосердія и обильной милостыни. Ваши щедрыя подаянія,—вотъ что составляетъ для меня похвалу; они и меня украсятъ короною, болѣе блистательною, чѣмъ діадима царская, и для васъ сдѣлаются величайшею сокровищницею благодати и заслугъ. Итакъ при выходѣ отсюда, руками всѣхъ бѣдныхъ сплетите и мнѣ

корону безсмертную, и себѣ самимъ уготовьте миръ и благоденствіе въ сей жизни и блаженство вѣчное въ вѣкѣ безконечномъ».

Бесѣды св. пресвитера часто увѣнчивались рукоплесканіями, но дѣйствія слушателей не всегда соотвѣтствовали его желаніямъ. Онъ не рѣдко выражалъ скорбь о томъ, что его слова не всегда приносили желаемый плодъ относительно вспоможенія бѣднымъ. Въ одно время онъ горько жаловался на жестокость богачей, и, для большаго убѣжденія ихъ, сдѣлалъ статистическій обзоръ бѣдныхъ, находившихся въ Антіохіи. Въ семъ городѣ, говорилъ онъ, находится 20 тысячъ богатѣйшихъ жителей, 60 тысячъ тоже съ изобильнымъ достаткомъ, 80 тысячъ, которые живутъ безъ труда плодами своего образованія и трудами рукъ своихъ, и только 20 тысячъ, такъ называемыхъ, нищихъ. Еслибы всѣ эти лица съ преизобилующимъ состояніемъ раздѣлили между собою бѣдныхъ, нуждающихся въ ежедневномъ пропитаніи и необходимомъ одѣяніи; то едва одинъ, или два достались бы на десятерыхъ. Церковь антіохійская питаетъ до трехъ тысячъ нуждающихся, не смотря на то, что доходы ея далеко не такъ велики, какъ доходы одного изъ богатѣйшихъ гражданъ города. Какое извиненіе представимъ мы на судѣ Божіемъ, въ чемъ найдемъ мы для себя спасеніе, проводя жизнь въ пиршествахъ, нѣгѣ и сладострастіи, тогда какъ бѣдные умираютъ отъ голода, холода и другихъ гибельныхъ слѣдствій нищеты. Вмѣсто утѣшенія, вотъ какія должны будемъ выслушать страшныя слова: *идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и агеломъ его. Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти: возжадахся,*

и не напоисте Мене: страненъ бѣхъ, и не введосте Мене; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене (Матѳ. 25, 41—43).

Въ это время, между лицами, жившими милостынею, много можно было видѣть безпорядочныхъ дѣйствій, безнравственныхъ поступковъ, зловредныхъ привычекъ и вообще глубокое растлѣніе нравовъ. Въ однихъ преобладала лѣность, страсть къ бродяжничеству, мошенничеству, хитрость и наклонность ко лжи; въ другихъ слишкомъ выдавалась ненависть къ богатымъ, завистливое и алчное желаніе чужой собственности, презрѣніе правилъ справедливости, забвеніе о Богѣ и пренебреженіе христіанскихъ обязанностей. И это множество несчастныхъ по большей части находилось при дверяхъ церкви; но нѣкоторые изъ нихъ сидѣли на улицахъ, или въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, преувеличивая плачевными стонами свои несчастія, нерѣдко даже вымышленныя. Иные ходили съ обнаженными ногами, покрытыми произвольно сдѣланными ранами, а нѣкоторые до такой звѣрской жестокости доходили, что выкалывали у дѣтей глаза, для того только, чтобъ возбудить бо̀льшую сострадательность въ проходящихъ мимо, и чрезъ то пріобрѣсть бо̀льшее подаяніе.

Столь безнравственные поступки сильно огорчали доброе и благородное сердце святаго Златоуста, и онъ укорялъ ихъ въ этомъ, но съ кротостію и благодушіемъ, онъ сокрушается объ этомъ, но въ тоже время всѣ эти бѣдствія приписывалъ жестокости и безчеловѣчію скупыхъ богачей. Съ другой стороны онъ сильно обличалъ несправедливыя жалобы нищихъ на своихъ благодѣтелей, и только движимый чув-

ствомъ любви просилъ сихъ послѣднихъ не лишать благодѣтельнаго участія несчастныхъ и помогать имъ.

«Милосердый Господь Іисусъ Христосъ повелѣваетъ принимать даже самыхъ презрѣнныхъ, и тѣмъ, кои не принимаютъ таковыхъ, опредѣляетъ наказаніе: *понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* (Матѳ. 25, 45). А выше о сихъ же меньшихъ сказано, что принимающій ихъ принимаетъ Его Самого. Ибо хотя бы принимаемый тобою не былъ ни ученикъ, ни пророкъ, ни праведникъ, впрочемъ онъ человѣкъ, который съ тобою въ одномъ живетъ мірѣ, одно и тоже видитъ солнце, имѣетъ такую же душу, одного и тогоже Владыку, пріобщается однихъ и тѣхъ же съ тобою таинствъ, къ тому же призывается небу, и совершенно въ правѣ требовать отъ тебя призрѣнія, будучи бѣденъ и нуждаясь въ необходимой пищѣ. Когда въ дурную погоду приходятъ къ тебѣ съ флейтами и свирѣлями, будятъ тебя отъ сна напрасно и безъ дѣла и безпокоятъ, отходятъ отъ тебя съ немалыми подарками; и тѣ, которые натираются сажею и всѣхъ пересмѣхаютъ, получаютъ отъ тебя вознагражденіе за свои проказы. А если придетъ къ тебѣ бѣдный, и станетъ просить хлѣба, то ты наговоришь ему множество ругательствъ, будешь злословить, укорять въ праздности, осыпать упреками, обидными словами и насмѣшками, и не подумаешь о себѣ, что и ты живешь въ праздности, однакоже Богъ даетъ тебѣ Свои блага. Не говори мнѣ, что ты и самъ дѣлаешь что нибудь, но покажи мнѣ то, чѣмъ занимаешься ты дѣльнымъ и нужнымъ. Если скажешь мнѣ, что ты занимаешься торговлею, корчемничествомъ, старaешься о сбереженіи и пріумноженіи сво-

его имѣнія; то я скажу тебѣ, что дѣльныя занятія— не это, а милостыня, молитвы, защищеніе обиженныхъ и другія добродѣтели, которыми мы совершенно пренебрегаемъ».

«И однакожъ Богъ никогда намъ не говорилъ: поелику ты живешь въ праздности, и Я не буду освѣщать тебя солнцемъ; поелику ты не занимаешься необходимымъ, и Я погашу луну, заключу нѣдра земли, остановлю озера, источники, рѣки, отыму воздухъ, не дамъ дождей во время. Напротивъ Богъ все сіе доставляетъ въ изобиліи, всѣмъ этимъ позволяетъ пользоваться не только живущимъ въ праздности, но и дѣлающимъ зло. Итакъ, если увидишь бѣднаго и скажешь: мнѣ досадно, что этотъ молодой, здоровый человѣкъ ничего не имѣетъ, хочетъ прокормиться, живя въ праздности, а можетъ быть онъ еще бѣглый слуга, оставившій своего господина; то все сіе мною сказанное примѣни къ себѣ. Или лучше — ему позволь сказать тебѣ съ большею смѣлостію, что онъ и можетъ сказать тебѣ съ большимъ правомъ: и мнѣ досадно, что ты, будучи здоровъ, живешь въ праздности и ничего не дѣлаешь того, что повелѣлъ тебѣ Богъ; а какъ рабъ, бѣжавшій отъ повелѣній своего господина, бродишь будто по чужой сторонѣ, провождая жизнь свою въ порокахъ, пьянствѣ, въ невоздержаніи, въ воровствѣ, хищничествѣ, въ раззореніи чужихъ домовъ. Ты укоряешь за праздность, я укоряю тебя за худыя дѣла, когда ты злоумышляешь, божишься, лжешь, похищаешь, когда дѣлаешь тысячу подобныхъ дѣлъ». «Впрочемъ говоря сіе, не защищаю праздности, напротивъ очень желаю, чтобы всѣ занимались дѣлами; ибо праздность научила всѣмъ

порокамъ; а только увѣщаваю васъ не быть немилосердыми и жестокими... Но скажешь: нищій много лжетъ и притворяется. И въ семъ случаѣ онъ достоинъ сожалѣнія; ибо дошелъ до такой крайности, что даже не стыдится такъ лгать (для полученія хлѣба). А мы не только не имѣемъ къ нему жалости, но еще присовокупляемъ слѣдующія жестокія слова: не подавали ли тебѣ и разъ и два? — Такъ чтожь? Ужели ему не нужно опять ѣсть, потому что однажды ѣлъ? Для чего ты не положишь такого правила для своего чрева, и не говоришь ему: ты сыто было вчера и третьяго дня, такъ не проси нынѣ. Напротивъ чрево сіе пресыщаешь чрезмѣрно, а нищему, когда проситъ у тебя не много, отказываешь, хотя долженъ дать ему милостыню за то, что онъ каждый день принужденъ ходить къ тебѣ. Если не чувствуешь другихъ побужденій, то за это одно долженъ подать ему милостыню. Ибо крайняя бѣдность его заставляетъ дѣлать сіе. Ты не имѣешь къ нему жалости, потому что онъ, слыша таковыя твои слова, не стыдится, но нужда сильнѣе стыда.—Но ты не только не имѣешь къ нему жалости, а еще издѣваешься надъ нимъ, и тогда какъ Богъ повелѣлъ творить милостыню тайно, всенародно поносишь пришедшаго, которому надлежало бы оказать сострадание. Если не хочешь подать, то для чего еще укоряешь бѣднаго и сокрушаешь его огорченное сердце? Онъ пришелъ къ тебѣ, какъ въ пристань и проситъ руку помощи; для чего же ты воздвигаешь волны, и бурю дѣлаешь свирѣпѣе? для чего гнушаешься нищетою его? Пришелъ ли бы онъ къ тебѣ, если бы зналъ, что услышитъ отъ тебя такія слова? Если же и напередъ зная это, пришелъ

къ тебѣ; то посему-то и надо тебѣ сжалиться надъ нимъ, и ужаснуться своей жестокости, по которой ты, при видѣ самой крайней нужды, не дѣлаешься сострадательнѣе. Не представишь себѣ, что одинъ страхъ голода служитъ для него достаточнымъ оправданіемъ въ безстыдствѣ, но укоряешь его за безстыдство, а самъ ты часто бывалъ безстыднѣе его и въ важнѣйшихъ дѣлахъ».

«Они просятъ у насъ врачевства, а мы прибавляемъ имъ раны. Если не хочешь датъ, то для чего бьешь? Если не хочешь оказать милость, то для чего обижаешь? — Но онъ безъ того не отойдетъ? — Такъ поступи, какъ повелѣлъ премудрый: *отвѣщай ему мирная въ кротости* (Сир. 4, 8). Онъ по неволѣ поступаетъ такъ безстыдно. Нѣтъ человѣка, который бы безъ всякой нужды захотѣлъ сдѣлаться безстыднымъ; и хотя бы представляли тысячи доказательствъ, никогда не повѣрю, чтобы человѣкъ, живущій въ изобиліи, рѣшился просить милостыни. Итакъ, никто не увѣряй насъ въ противномъ, но хотя Павелъ и говоритъ: *аще кто не хощетъ дѣлати, ниже да ястъ*, — впрочемъ говоритъ сіе нищимъ, а не намъ; напротивъ намъ говоритъ такъ: *доброе творяще не стужайте* (не унывайте)» (2 Сол. 3, 13).

«Итакъ будемъ подавать милостыню, но не укорять, не бить, не бранить; нищій, приходя къ тебѣ, надѣется получить врачевство, — а не раны, милостыню, а не побои. Скажи мнѣ, пожалуй, если въ кого бросятъ камнемъ, и онъ съ раною на головѣ, весь въ крови, мимо всѣхъ другихъ побѣжитъ подъ твою защиту, ужели ты кинешь въ него другимъ камнемъ, и нанесешь ему другую рану? Не думаю,

чтобъ такъ ты поступилъ; напротивъ вѣрно постараешься и нанесенную ему рану излѣчить. Для чего же ты съ бѣдными поступаешь не такъ? Ужели ты не знаешь того, сколько и одно слово можетъ или ободрить, или привести въ уныніе, ибо сказано: *лучше слово, нежели даяніе*» (Сирах. 18, 16)?

«Ужели не разсудишь, что самъ на себя подъемлешь мечь и наносишь себѣ жесточайшую рану, когда обруганный тобою нищій пойдетъ отъ тебя безмолвно, воздыхая и обливаясь слезами? Нищаго посылаетъ къ тебѣ Богъ. Итакъ, обижая его, подумай, кому дѣлаешь обиду, когда Самъ Богъ посылаетъ его къ тебѣ, и тебѣ велитъ подавать. Напротивъ ты не подаешь, но еще ругаешь его, когда приходитъ къ тебѣ. Если же не понимаешь, какъ это худо, то посмотри на другихъ, и тогда узнаешь всю важность своего преступленія. Если бы твой слуга по твоему приказанію пошелъ къ другому слугѣ взять у него твои деньги, и возвратился къ тебѣ не только съ пустыми руками, но еще жалуясь на обиду, то чего бы ты не сдѣлалъ обидѣвшему? Какому бы не подвергъ его наказанію? Такъ точно суди и о Богѣ. Онъ Самъ посылаетъ къ намъ нищихъ, и когда даемъ, даемъ Божіе. Если же ничего не подавши, гонимъ еще отъ себя съ бранью, то подумай, сколькихъ громовъ и молній достойны мы за такое дѣло» [1]?

Въ продолженіе двѣнадцатилѣтняго своего пребыванія въ Антіохіи, св. Златоустъ былъ подпорою слабыхъ, утѣшеніемъ скорбящихъ, покровителемъ вдовъ, убѣжищемъ безпріютныхъ, отцемъ и воспита-

---

[1] На Матѳ. бесѣд. 35, §§ 3—5.

телемъ дѣвъ и сиротъ, и вообще душею всѣхъ дѣлъ милосердія. Его мудрая и пламенная любовь находила обильные источники для помощи; его примѣрная воздержность, простота его одеждъ, давали ему средства къ облегченію злостраданій его братьевъ, бѣдныхъ и скорбящихъ; онъ все отдавалъ, что имѣлъ, — когда же не имѣлъ у себя ничего, то, для возбужденія сострадательности въ другихъ, въ соборной церкви, въ присутствіи многочисленнаго собранія выражалъ своимъ проникающимъ въ душу краснорѣчіемъ стоны и страданія бѣдныхъ. Онъ былъ покровителемъ бѣдныхъ и больныхъ; но Господь восхотѣлъ, чтобы онъ, еще въ болѣе трудныхъ обстоятельствахъ былъ защитникомъ и утѣшителемъ самихъ богатыхъ и всѣхъ своихъ согражданъ.

ГЛАВА III.

(387—398 г.)

Великій Өеодосій, происшедшій отъ одной благородной испанской фамиліи, весьма извѣстенъ былъ по своимъ воинскимъ подвигамъ и великой мудрости въ совѣтахъ. Наслѣдовавъ отъ отца (бывшаго начальникомъ войска въ главной арміи африканской въ царствованіе Валентиніана) имя и славу, онъ сохранилъ и возвысилъ ихъ и собственными своими достоинствами. Возвышаясь быстро по степенямъ воинскихъ почестей, онъ занималъ важную должность въ Мизіи, а наконецъ былъ главнымъ распорядителемъ всѣхъ войскъ Граціана. По смерти Валента, Граціанъ, затрудняясь въ управленіи обширною имперіею, и желая нѣкоторымъ образомъ вознаградить Өеодосія за несправедливую казнь отца, наименовалъ его Августомъ въ 379-мъ году и далъ ему въ управленіе востокъ, а себѣ оставилъ западъ[1].

Эти два великіе государя общими силами старались отразить варваровъ, уничтожить язычество, ослабить силу аріанъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ возмущавшихъ Церковь. Тогда какъ всѣ народы, подъ

[1] Сократъ кн. 5, гл. 2. Созоменъ кн. 7, 2.

мудрымъ и крѣпкимъ правленіемъ сихъ государей, наслаждались миромъ и спокойствіемъ, Максимъ, главный начальникъ арміи, находившейся въ Британіи, движимый честолюбіемъ, возмутилъ своихъ воиновъ противъ законной власти, и объявилъ себя императоромъ запада. Ни мало не медля онъ переправился чрезъ море и прибылъ въ Галлію. Всѣ города при появленіи его покорялись ему, и всѣ народы признавали его достоинство; Граціанъ, оставленный своими войсками, хитростію Андрагаѳія, военноначальника Максимова, былъ схваченъ и убитъ въ 383-мъ году [1].

Чрезмѣрною скорбію наполнилась душа Ѳеодосія, когда онъ вдругъ узналъ о бѣдственной кончинѣ Граціана, своего благодѣтеля, и объ опасности, угрожавшей Валентиніану второму, брату Граціана, царствовавшему въ Италіи. Но затаивъ свою скорбь, спѣшилъ привесть въ порядокъ внутреннія дѣла имперіи; потомъ изгнавъ варваровъ изъ предѣловъ государства, заключилъ съ ними миръ; послѣ сего, нимало немедля, съ многочисленнымъ войскомъ отправился противъ тирана, похитителя царской власти, который уже успѣлъ овладѣть многими провинціями Италіи. Но чтобы обезпечить необходимые излишніе расходы въ военное время, онъ принужденъ былъ наложить новую подать. Самъ ли народъ находилъ эту подать обременительною для себя, или чрезмѣрная строгость чиновниковъ, занимавшихся этимъ сборомъ, была причиною того, что этотъ новый налогъ

---

[1] Созоменъ кн. 7, гл. 12.

произвелъ ропотъ повсюду; во всѣхъ городахъ замѣтно было возмутительное движеніе, но нигдѣ возстаніе противъ царской власти не обнаружилось съ такою силою, какъ въ Антіохіи. Указъ царскій еще не пришелъ, но народъ уже роптал. Но наконецъ грозное повелѣніе было получено 26-го февраля вечеромъ, и на другой день утромъ правитель города собралъ главныхъ членовъ городскихъ. И лишь только чтеніе царскаго указа было кончено, всѣ присутствовавшіе предались скорби и отчаянію. Все собраніе пришло въ сильное замѣшательство. Городскіе члены, несмотря на запрещеніе правителя города, бросились изъ залы собранія, разорвали на себѣ одежды и, выбѣгая вонъ, кричали: все погибло! все погибло! городъ низверженъ въ пропасть; громы и молніи хотятъ разразиться надъ нимъ; хотятъ погубить голодомъ нашихъ женъ и дѣтей; страшный налогъ разоритъ Антіохію!

Вопли городскихъ чиновъ отозвались во всѣхъ частяхъ города; возмутительные крики народные были отвѣтомъ на ихъ возгласы. Повсюду слышались страшныя угрозы смерти противъ императора и ропотъ на его управленіе. Толпы народа, воспламененные гнѣвомъ, не признавали болѣе ни законовъ, ни царя, ни властей. Бросались въ домы именитыхъ начальниковъ города, ниспровергали статуи, разрушали всякія украшенія, зажигали домы нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, царскія статуи на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ ниспровергали, подвергали разнымъ поруганіямъ и насмѣшкамъ, и наконецъ разбивали. Неистовство народа дошло до того, что не пощадили даже статуй умершей супруги царя Флакиллы и отца ея Ѳеодосія;

но низвергнувъ ихъ съ пьедесталовъ, на веревкахъ таскали по городу, наконецъ разбили ихъ въ куски съ дерзкими насмѣшками и ругательствами [1].

Когда чернь, подстрекаемая какими-то пришельцами, людьми неизвѣстными, злонамѣренными и вредными [2], предавалась всѣмъ безчинствамъ, многіе изъ гражданъ и лицъ начальствующихъ, болѣе мудрые, пораженные ужасомъ, скрывались въ своихъ домахъ, думая только о спасеніи своей жизни. Сначала самъ правитель города съ своими войсками не смѣлъ броситься въ опасность, чтобъ подавить возстаніе и защитить статуи императора и императрицы. Но къ вечеру буря народная утихла, и два военныхъ чиновника, явившись съ вооруженнымъ отрядомъ воиновъ, разсѣяли толпу бунтовщиковъ. Мѣсто бури заступила тишина, но тишина страха и смущенія. Самые виновные, самые жаркіе бунтовщики, освободившись отъ овладѣвшаго ими чувства раздраженія, не могли безъ смущенія смотрѣть на свой поступокъ. Представленіе изображеній императора испачканныхъ и обезображенныхъ, остатковъ статуй, валявшихся коегдѣ по улицамъ и въ грязи, производило на нихъ страшное впечатлѣніе. Стыдъ, сожалѣніе, мучительныя угрызенія совѣсти появились въ душѣ вмѣсто неразумнаго увлеченія; вмѣсто восклицаній водворилась смертная тишина. Всѣ улицы, всѣ публичныя мѣста, гдѣ такъ еще недавно кипѣла многолюдная толпа, представляли страшное запустѣніе. Весь городъ былъ въ тоскѣ и сильной скорби; нельзя было

---

[1] Тамъ же гл. 23.

[2] О ниспровер. статуй гл. 1, § 3.

думать, чтобъ все случившееся происходило не во снѣ, а на яву; столь быстрому и страшному произшествiю нельзя было не предположить какой-либо сверхъестественной причины. И дѣйствительно, «разсказывали, что въ ночь предшествовавшую тому днiю, въ который произошло это возмущенiе, царь видѣлъ призракъ женщины, чрезвычайной величины и ужаснаго образа, которая, проходя по воздуху надъ городскими улицами, поражала воздухъ страшными ударами бича. Изъ этого видно, что нѣкiй злой демонъ коварно возбудилъ тотъ мятежъ» [1].

Но какъ ни искренно и какъ ни глубоко было раскаянiе народа, но такъ какъ оно было уже поздно, потому и не могло остановить дѣйствiй грознаго правосудiя. Курьеры уже неслись изъ Антiохiи съ печальною вѣстiю къ императору: между тѣмъ какъ гражданскiя власти бдительно занимались разысканiемъ виновныхъ, судилища были отворены день и ночь, и всѣ темницы были наполнены гражданами всякаго возраста и состоянiя, сколько нибудь подозрѣваемыми въ возмущенiи. Но настоящiя бѣдствiя какъ ни велики были, однако же не столь страшное производили впечатлѣнiе на несчастныхъ жителей Антiохiи, сколько тѣ, которыхъ они ожидали отъ неизбѣжнаго и заслуженнаго гнѣва Θеодосiя.

Въ минуты увлеченiя духомъ возмущенiя и буйства, народъ не думалъ о своемъ сладкоглаголивомъ пресвитерѣ, забылъ его мудрыя слова и усладительное краснорѣчiе; но въ часы скорби онъ имѣлъ счастiе опять обрѣсти его. Этотъ святый, любвеобиль-

---

[1] Созоменъ кн. 7, гл. 23.

ный пастырь, во время возмущенія и послѣ возмущенія, не переставалъ воздѣвать руки къ небу, умоляя Бога о милосердіи къ народу; ибо никто лучше его не понималъ неблагодарности и бѣдствія, постигшаго его согражданъ. Не имѣвши силъ остановить буйнаго возстанія народа, онъ спѣшилъ, по крайней мѣрѣ, подать руки помощи раскаявающимся преступникамъ, и поддержать ихъ въ глубокой скорби. Впрочемъ въ продолженіе седми дней по возмущеніи св. Златоустъ не сказалъ народу ни одной бесѣды [1]. Сердечная скорбь не позволяла слову его свободно излиться изъ сердца, а уныніе, облегавшее души Антіохіянъ, подобно непроницаемому облаку, не давало доступа къ нимъ слову учителя [2]. Но по прошествіи недѣльнаго срока, когда несчастіе смирило умы жителей Антіохіи, смягчило сердца и расположило съ покорностію и довѣріемъ принять слово утѣшенія и назиданія, великая душа пастыря-утѣшителя, пораженная скорбію за бѣдствующій народъ, съ неподражаемымъ краснорѣчіемъ излилась въ святомъ храмѣ предъ многочисленнымъ собраніемъ согражданъ.

«Что мнѣ сказать и о чемъ говорить?»—такъ началъ онъ свое первое слово къ народу. «Теперь время слезъ, а не словъ, рыданій, а не рѣчей, молитвы, а не проповѣди. Такъ тяжко преступленіе, такъ неизлѣчима рана, такъ велика язва; — она выше всякаго врачевства и требуетъ горней помощи! Такъ и Іовъ, лишась всего, сидѣлъ на гноищѣ, и услышавъ объ этомъ, друзья пришли и, увидѣвъ его издали, разор-

---

[1] О нисверж. статуй бесѣд. 1, § 1.

[2] Тамъ же § 3.

вали одежды, посыпали себя пепломъ и сильно возстенали. Это же и теперь надлежало бы сдѣлать всѣмъ окрестнымъ городамъ,—придти къ нашему городу и съ полнымъ участіемъ оплакать случившееся. Тогда діаволъ напалъ на стада и на скотъ и на все достояніе праведника: теперь онъ излилъ свое неистовство на цѣлый городъ. Впрочемъ и тогда и теперь попустилъ это Богъ: тогда для того, чтобы тяжкими искушеніями болѣе прославить праведника; теперь для того, чтобы этимъ чрезмѣрнымъ бѣдствіемъ сдѣлать васъ болѣе смиренными. Дайте мнѣ оплакать настоящее. Седмь дней молчалъ я, какъ друзья Іова: дайте мнѣ теперь открыть уста и оплакать это общее бѣдствіе.... Ничего не было славнѣе нашего города; теперь ничего не стало жалче его. Народъ столь тихій и кроткій и всегда покорный рукамъ правителей, теперь вдругъ разсвирѣпѣлъ, такъ что сдѣлалъ такія дерзости, о которыхъ и говорить неприлично. Плачу и рыдаю теперь, не о великости угрожающаго наказанія, а о крайнемъ безразсудствѣ сдѣланнаго. Если царь и не оскорбится, не разгнѣвается, не накажетъ насъ и не предастъ мученіямъ: то скажи мнѣ, какъ перенесемъ стыдъ отъ нашихъ дѣлъ?.... Ничего небыло прежде счастливѣе нашего города; теперь ничего нѣтъ горестнѣе его. Жители его, какъ пчелы, жужжащія около улья, каждый день толпились на площади, и всѣ доселѣ почитали насъ счастливыми за такое многолюдство. Но вотъ теперь этотъ улей опустѣлъ; потому что какъ пчелъ дымъ, такъ и насъ разогналъ страхъ..... Нѣтъ ничего любезнѣе отечества; но теперь нѣтъ ничего горестнѣе. Всѣ бѣгутъ изъ роднаго города какъ изъ сѣти; оставляютъ его какъ пропасть, выска-

киваютъ какъ изъ огня. Какъ отъ дома, объятаго пламенемъ, съ великою поспѣшностію бѣгутъ не только живущіе въ немъ, но и всѣ сосѣди, стараясь спасти, хоть нагое тѣло, такъ и теперь, когда гнѣвъ царя, подобно огню, угрожаетъ упасть сверху, каждый спѣшитъ удалиться и спасти нагое тѣло, прежде чѣмъ этотъ огонь не дойдетъ и до него..... Недавно нашъ городъ подвергся землетрясенію, а теперь сотрясаются самыя души жителей; тогда колебались основанія домовъ, теперь содрогается у каждаго самое основаніе сердца: Всѣ мы каждый день видимъ смерть предъ глазами, живемъ въ непрестанномъ страхѣ, и терпимъ наказаніе Каина, страдая болѣе, нежели заключенные въ темницѣ, и выдерживая осаду необыкновенную и новую, ужаснѣе которой и вообразить нельзя..... И какъ для осажденныхъ не безопасно выдти за городскую стѣну по причинѣ окружающихъ его враговъ; такъ для многихъ изъ жителей города не безопасно выдти изъ дома и явиться на площади, потому что вездѣ ловятъ виновныхъ и невинныхъ, хватаютъ среди площади и влекутъ въ судъ безъ всякаго разбора.... А если бы кто свободный отъ страха этого и безпокойства и захотѣлъ выдти на площадь; то печальный видъ ея тотчасъ прогналъ бы его домой; онъ увидѣлъ бы, что тамъ, гдѣ за нѣсколько дней предъ симъ людей было болѣе, нежели волнъ въ рѣкѣ, бродитъ одинъ, много два человѣка, и то съ поникшимъ лицемъ и въ глубокомъ унынiи» [1].

Выразивъ свою скорбь и оплакавъ бѣдствія, постигшія родной городъ, св. Златоустъ старается обо-

---

[1] Тамъ же §§ 1—3.

дрить унылый духъ гражданъ. «Предайте мнѣ ваши души; преклоните вашъ слухъ», восклицалъ онъ, «отбросьте печаль: возвратимся къ прежнему обычаю, и какъ привыкли мы всегда быть здѣсь съ благодушіемъ, такъ и теперь сдѣлаемъ, возложивъ все на Бога. Это послужитъ намъ и къ прекращенію бѣдствія, потому что когда Онъ увидитъ, что мы со вниманіемъ слушаемъ Его слово, и въ самое бѣдственное время не оставляетъ любомудрія; то скоро подастъ намъ помощь, и сдѣлаетъ благую перемѣну и тишину въ настоящей бурѣ Христіанинъ и тѣмъ долженъ отличаться отъ невѣрныхъ, чтобъ все переносить благодушно, и окрыляясь надеждою будущаго, воспарять на высоту, недосязаемую для человѣческихъ бѣдствій. На скалѣ стоитъ вѣрный, и потому недоступенъ ударамъ волнъ. Пусть воздымаются волны искушеній, онѣ не достигнутъ до его ногъ: онъ стоитъ выше всякаго такого навѣта. Не упадемъ же духомъ, возлюбленные! Не столько мы заботимся о своемъ спасеніи, сколько сотворившій насъ Богъ; не столько мы печемся, чтобъ не потерпѣть намъ какого-либо бѣдствія, сколько Тотъ, Кто даровалъ намъ душу, и за тѣмъ еще даетъ такое же множество благъ. Окрылимъ себя такою надеждою, и будемъ благодушно ожидать, что благоугодно будетъ Господу сотворить съ нами» [1]

И не трудно впрочемъ объяснить смущеніе народа и скорбь св. Златоуста. Съ перваго дня возмущенія судьи почти не выходили изъ судилищъ, множество несчастныхъ приводили къ нимъ, какъ преступниковъ, допрашивали, подвергали разнообразнымъ мучитель-

[1] Тамъ же § 3.

нымъ пыткамъ и наконецъ казнили. Орудія казни въ непрестанномъ были движеніи: слышались голоса палачей, крики несчастныхъ жертвъ, на которые отвѣчали вопли родныхъ и друзей. Входы судилищъ день и ночь были наполнены множествомъ женщинъ, которыя, умоляли о милости къ ихъ отцамъ, дѣтямъ или мужьямъ, испускали страшный вопль и раздирающія душу рыданія, повергаясь часто отъ безсилія въ безпамятствѣ на землю. Темницы обратились въ судилища, и множество гражданъ, чтобы убѣжать отъ рукъ безпощаднаго правосудія, скрывались въ горы.

И тогда какъ допросы и преслѣдованія прекратились, страхъ гнѣва Θеодосія не ослаблялъ своей силы. Правда, всѣмъ извѣстна была доброта сего государя, но всѣ также знали и его неумолимое правосудіе; знали, что въ пылу гнѣва, онъ могъ придти къ ужасной крайности, что онъ и показалъ въ послѣдствіи надъ жителями Θессалоники, изъ которыхъ до семи тысячъ было побито по его приказанію. И тѣмъ болѣе опасались гнѣва императора, чѣмъ болѣе оказано было прежде милостей городу Антіохіи. И эти опасенія были очень основательны.

Среди такого смущенія народа, вдругъ разнесся слухъ, что участь Антіохіи рѣшена, что имѣнія гражданъ будутъ взяты въ казну, жителей всѣхъ казнятъ смертію, городъ до основанія будетъ разрушенъ, и что будто Θеодосій поклялся провести по немъ плугъ на страхъ неблагодарнымъ и безпокойнымъ народамъ. При семъ страшномъ извѣстіи крикъ скорби и отчаянія вырывался изъ устъ всѣхъ; уныніе и скорбь распростерли свой покровъ надъ всѣмъ городомъ. Виновные и невинные всѣ видѣли предъ собою неизбѣжную

смерть; имъ казалось даже, что весь городъ окруженъ уже былъ легіонами вооруженныхъ воиновъ, жаждавшихъ крови, грабежа и нетерпѣливо ожидавшихъ исполненія грозной воли мстительнаго императора. Смущенныя толпы народа, возлагая все свое упованіе на одну чудодѣйственную помощь Всевышняго, прибѣгли въ патріаршія палаты, и, окруживъ Флавіана и св. Златоуста съ видомъ безутѣшной скорби, умоляли ихъ сжалиться надъ ихъ несчастнымъ состояніемъ и смягчить гнѣвъ императора.

Это происходило за недѣлю до великаго поста. Святый архипастырь, побуждаемый своими дѣтьми, умиравшими отъ скорби, и самъ, сокрушаясь о бѣдственномъ ихъ состояніи, не колебался въ рѣшимости ходатайствовать за нихъ. Не обращая болѣе вниманія ни на преклонность лѣтъ, ни на немощь своихъ силъ, ни на трудность продолжительнаго пути, ни на любовь къ единственной сестрѣ находившейся тогда при послѣднемъ издыханіи, онъ, среди слезъ и рыданій собравшагося народа, отправился въ Константинополь, рѣшившись или умереть или преклонить гнѣвъ царя на милость. Сердца всѣхъ исполненныя любви и желанія успѣха, неслись въ слѣдъ за старцемъ; многіе впрочемъ укрѣплялись сладкою надеждою, что императоръ, по природной своей добротѣ, не откажется выслушать св. предстателя и оказать милость Антіохіи.

Во время отсутствія Флавіана, народъ находясь между жизнію и смертію, показалъ утѣшительные опыты живой вѣры и покаянія. Этотъ городъ прежде шумный и веселый, вдругъ измѣнилъ свой видъ: бани и театры опустѣли; нѣтъ уже ни игръ, ни празд-

никовъ, ни безчинныхъ пиршествъ, не слышно ни развратныхъ пѣсенъ, ни сладострастныхъ плясокъ; весь народъ ежедневно предстоитъ въ храмахъ Божіихъ; весь городъ казался монастыремъ.

На другой день послѣ отъѣзда святаго епископа, жители Антіохіи собрались въ соборный храмъ, и св. Златоустъ, ихъ утѣшитель, началъ рѣчь свою воспоминаніемъ объ отсутствующемъ Флавіанѣ. «Когда посмотрю на этотъ престолъ, праздный и оставленный учителемъ, то вмѣстѣ и радуюсь и плачу: плачу, потому что здѣсь не вижу отца: радуюсь, потому что онъ отправился въ путь для нашего спасенія, и пошелъ избавить столь многочисленный народъ отъ царскаго гнѣва. Это для васъ украшеніе, что имѣете такого отца; для него вѣнецъ, что такъ любвеобиленъ къ чадамъ, и оправдалъ самымъ дѣломъ то, что сказалъ Христосъ. Услышавъ что *пастырь добрый полагаетъ душу свою за овцы* (Іоан. 10, 11), онъ пошелъ съ готовностію положить душу свою за всѣхъ насъ, хотя и многое препятствовало ему отправиться въ путь и принуждало его остаться здѣсь.... Если Христосъ, говорилъ онъ, предалъ Себя за насъ: то какого извиненія и прощенія будемъ достойны мы, которымъ вручено управленіе столь многочисленнымъ народомъ, если не рѣшимся и сдѣлать и потерпѣть все для безопасности ввѣренныхъ намъ?... и онъ рѣшился потерпѣть всякую опасность, и ничто немогло удержать его здѣсь. И уповаю, что наши надежды будутъ благоуспѣшны; потому что Богъ не презритъ такого усердія и попеченія, и не попуститъ, чтобы Его служитель возвратился безъ успѣха. Знаю, что какъ только онъ предстанетъ и увидитъ благочестиваго царя,

то однимъ своимъ видомъ въ состояніи будетъ тотчасъ укротить его гнѣвъ; потому что у святыхъ не только слова, но и самыя лица исполнены духовной благодати» [1], Потомъ обращаясь къ народу, говоритъ: «призовемъ и мы Господа и помолимся Ему;—и Онъ несомнѣнно укротитъ гнѣвъ царя, и избавитъ насъ отъ всѣхъ угрожающихъ намъ скорбей. Отецъ тамъ предстательствуетъ; а мы здѣсь будемъ предстательствовать предъ Царемъ небеснымъ и помогать ему молитвами. Много можетъ цѣлая церковь, если мы вознесемъ молитвы съ скорбящею душею и сокрушеннымъ сердцемъ» [2].

Въ продолженіе всего поста св. Златоустъ говорилъ народу поученія, съ участіемъ сердечнымъ стараясь успокоивать ихъ отъ страха и утирать слезы. Тогда какъ народъ покоряясь волѣ Божіей, оставался въ городѣ, философы, гордившіеся прежде своимъ мужествомъ, разсѣялись. «Гдѣ теперь, восклицаетъ св. Златоустъ, гдѣ теперь тѣ люди съ большими бородами и длинными мантіями, которые съ палками въ рукахъ прогуливались нѣкогда по улицамъ города съ такою спѣсью и надутою гордостію? Увы! они разсѣялись; васъ оставили безутѣшной скорби, а сами скрылись въ горахъ».

Тогда какъ богатые зарывали свои богатства въ землю, философы бѣжали изъ города, какъ бы зараженнаго смертоносною болѣзнію, истинные философы — пустынные монахи, оставивъ свои пещеры и уединенныя келліи, приходили въ городъ, чтобъ подать утѣшеніе своимъ скорбѣвшимъ согражданамъ. Они

[1] О томъ же. Бесѣд. 2. § 1.

[2] Тамъ же § 2.

умѣли вдохнуть въ однихъ отреченіе отъ міра и презрѣніе къ смерти, другихъ утвердить въ упованіи на помощь премилосердаго Бога, сильнаго смягчить гнѣвъ императора; и всѣхъ увѣряли въ томъ, что они не оставятъ ихъ, пока не возвратится къ нимъ милость монарха, или умрутъ вмѣстѣ съ ними.

Спокойствіемъ, которымъ наслаждался городъ среди внезапно постигшихъ его тревогъ и опасеній, по преимуществу онъ обязанъ былъ св. Златоусту. Народъ въ великомъ множествѣ собирался его слушать; несчастные, казалось, забывали свой страхъ и опасенія, стоя предъ святымъ жертвенникомъ; слово, голосъ св. Златоуста, сочувствіе къ скорбящимъ, выражавшееся въ самомъ его произношеніи, все это водворяло спокойствіе въ душахъ, возмущаемыхъ страшною тревогою чувствъ и мыслей. Въ отсутствіе Флавіана св. Златоустъ удвоилъ свою ревность и любовь къ народу. Онъ произнесъ 19-ть словъ, которыя по силѣ своихъ убѣжденій и неподражаемому краснорѣчію превосходили все, что только лучшаго произвели Римъ и Аѳины въ отношеніи краснорѣчія. Не зная опредѣленно, какое можетъ произнести рѣшеніе Ѳеодосій, св. Златоустъ и ободряетъ согражданъ надеждою прощенія, а вмѣстѣ, пользуясь обстоятельствами, внушаетъ пренебреженіе къ богатству, презрѣніе къ удовольствіямъ и равнодушіе къ самой смерти, и наконецъ убѣждаетъ ихъ безъ смущенія, съ полною преданностію покориться распоряженіямъ Промысла. Онъ, то съ участіемъ входитъ въ ихъ скорбныя чувства, стараясь вдохнуть въ нихъ мужество и силу; то стараясь пробудить чувство страха, останавливаетъ ихъ взоръ на ихъ несчастіяхъ; то для

ободренія ихъ переноситъ ихъ съ земли на небо; иногда, чтобъ разсѣять настоящій страхъ, онъ съ силою внушаетъ имъ страхъ будущихъ наказаній; иногда воспоминаетъ имъ содѣланные ими грѣхи, и обращая ихъ взоръ на наказующую десницу Божію, заставляетъ забыть объ угрожающей десницѣ императора.

Чтобъ составить себѣ болѣе вѣрное понятіе о силѣ краснорѣчія бесѣдъ Златоуста, сказанныхъ въ продолженіе поста, сдѣлаемъ изъ нихъ краткія извлеченія.

Во второй своей бесѣдѣ къ антіохійскому народу, пригласивъ ихъ содѣйствовать своими молитвами святителю Флавіану въ предпринятомъ имъ дѣлѣ умиротворенія императора, св. Златоустъ говоритъ: «пусть и настоящій постъ будетъ нашимъ сподвижникомъ и помощникомъ въ этомъ благомъ предстательствѣ... Съ наступленіемъ поста, этого духовнаго лѣта, какъ воины, вычистимъ оружіе, какъ земледѣльцы, изощримъ серпъ, какъ кормчіе, противопоставимъ свои помыслы волнамъ безпорядочныхъ пожеланій, какъ путники начнемъ путь къ небу, какъ борцы приготовимся къ борьбѣ... Вступи на путь, ведущій къ небу, вступи на путь тѣсный и узкій, изнуряя и порабощая тѣло свое; потому что на тѣсномъ пути много препятствуетъ тучность отъ пресыщенія. Укроти волны безпорядочныхъ страстей, усмири бурю злыхъ помысловъ..., и для этого да будетъ у насъ и поприщемъ и учителемъ постъ; постъ разумѣю не тотъ, который содержатъ многіе, но постъ истинный, — воздержаніе не отъ пищи только, но и отъ грѣховъ; потому что постъ самъ по себѣ не можетъ спасти

соблюдающихъ его, если не будетъ сообразенъ съ постановленнымъ закономъ»[1]. «Ты постишься? Докажи мнѣ это своими дѣлами. Если увидишь нищаго, подай милостыню; если увидишь врага, примирись; если увидишь своего друга счастливымъ, не завидуй; если увидишь красивую женщину, пройди мимо. Пусть постятся не одни уста, но и зрѣніе, и слухъ, и руки, и ноги и всѣ члены нашего тѣла. Пусть постятся руки, пребывая чистыми отъ хищенія и любостяжанія. Пусть постятся ноги, переставъ ходить на противузаконныя зрѣлища. Пусть постятся глаза, пріучаясь не устремляться на благообразныя лица, и не засматриваться на чужую красоту. Всего нелѣпѣе было бы, въ разсужденіи яствъ, воздерживаться и отъ позволенной пищи, а глазами пожирать и то, что запрещено. Ты не ѣшь мяса? Не вкушай же и глазами нескромности. Пусть постится и слухъ; а постъ слуха въ томъ, чтобы не принимать злословія и клеветы: *да непріимети слуха суетна*» (Исх. 21 гл.)[2]. «Пусть и языкъ постится отъ сквернословія и ругательства. Что за польза, когда воздерживаемся отъ птицъ и рыбы, а братьевъ угрызаемъ и снѣдаемъ? Злословящій снѣдаетъ тѣло братнее, угрызаетъ плоть ближняго. Потому и Павелъ съ угрозою сказалъ: *аще другъ друга угрызаете и снѣдаете, блюдитеся, да не другъ отъ друга истреблени будете* (Гал. 5, 15). Ты не вонзилъ зубовъ въ плоть ближняго, но вонзилъ въ душу злую рѣчь, ранилъ ее худою молвою, сдѣлалъ тысячу золъ и себѣ самому, и ему, и мно-

---

[1] Тамъ же, § 3.

[2] Тамъ же, § 4.

гимъ другимъ; потому что, осуждая ближняго, ты сдѣлалъ худшимъ и того, кто тебя слышалъ. Если это грѣшникъ, то дѣлается безпечнымъ, нашедши себѣ сообщника въ грѣхѣ; а если — праведникъ, то впадаетъ въ гордость и *надмѣвается изъ-за чужаго* грѣха, получая поводъ высоко думать о себѣ самомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ты повредилъ всей Церкви, потому что всѣ слышащіе, не грѣшника осуждаютъ, но поражаютъ укоризнами весь народъ христіанскій. Не слышно, чтобъ невѣрные говорили, что такой-то блудникъ и развратникъ; но вмѣсто виновнаго, они поносятъ всѣхъ христіанъ. За тѣмъ, ты подалъ поводъ къ уничиженію славы Божіей, потому что имя Божіе славится, когда мы хорошо живемъ, а когда грѣшимъ, оно хулится и безчестится. Наконецъ ты посрамилъ того, о комъ распускаешь худую молву, сдѣлавъ его чрезъ то болѣе безстыднымъ, и нажилъ въ немъ себѣ врага и непріятеля» [1].

Подавая утѣшеніе въ настоящей скорби, св. Златоустъ обращаетъ вниманіе на духовные плоды, произведенные скорбію въ душахъ всѣхъ внимательныхъ къ себѣ, и вмѣстѣ показываетъ, что благотворное или злотворное вліяніе искушеній собственно зависитъ отъ искушаемыхъ, а не отъ искушенія. «Несчастіе не одолѣло вашего любомудрія, страхъ не ослабилъ вашей бодрости, скорбь не погасила вашей ревности, опасность не охладила вашего рвенія, страхъ отъ людей не побѣдилъ вашей любви къ Богу, тяжкое искушеніе не сокрушило вашего усердія,—и не только не сокрушило, но укрѣпило, уси-

---

[1] Тамъ же, § 5.

лило и воспламенило.—Опустѣла площадь, но наполнилась церковь; та возбуждаетъ печаль, эта подаетъ радость и духовное веселіе. И потому, возлюбленный, когда ты выйдешь на площадь, и вздохнешь, увидѣвъ ее пустою, прибѣгни къ матери, — и она тотчасъ утѣшитъ тебя множествомъ своихъ чадъ, покажетъ тебѣ полный ликъ братій, и прогонитъ отъ тебя всю печаль. Въ городѣ мы ищемъ людей, какъ будто живемъ въ пустынѣ, а когда прибѣгаемъ въ церковь, насъ стѣсняетъ многолюдство. Когда море волнуется и ярится отъ сильной бури, страхъ принуждаетъ всѣхъ убѣгать оттуда въ пристань: такъ и теперь волны площади и буря города заставляютъ всѣхъ стекаться отвсюду въ церковь и связуютъ членовъ между собою союзомъ любви» [1]. «Если станемъ бодрствовать, не только не потерпимъ никакого зла отъ этой скорби, но и получимъ тысячу благъ. Если же будемъ безпечны, то и покой насъ погубитъ. Небрежному то и другое вредитъ, а старательному то и другое приноситъ пользу. Какъ золото сохраняетъ свой блескъ и тогда, когда будетъ лежать въ водѣ, и еще свѣтлѣе дѣлается, когда будетъ брошено въ горнило; напротивъ глина и сѣно, упавши въ воду, первая расплывается, а послѣднее гніетъ; а попавши въ огнь, первая засыхаетъ, — а послѣднее сгараетъ: такъ праведникъ и грѣшникъ, — первый, и наслаждаясь покоемъ, остается свѣтлымъ, какъ золото, погруженное въ воду, и подвергшись искушенію, дѣлается еще свѣтлѣе, какъ золото испытываемое огнемъ; а грѣшникъ, и вкушая покой, расплывается и

[1] Бесѣд. 3, § 1.

гніетъ, какъ сѣно и глина, брошенныя въ воду, и, подвергшись искушенію, сгараетъ и гибнетъ, какъ сѣно и глина отъ огня» [1]. «Если у тебя есть грѣхи, они легко истребятся и попалятся скорбію. Если же есть у тебя добродѣтель, отъ скорби она дѣлается свѣтлѣе и блистательнѣе. Если станешь непрестанно бодрствовать и трезвиться, то будешь выше всякаго вреда, потому что причиною паденій, обыкновенно, бываетъ не свойство искушеній, а безпечность искушаемыхъ. Итакъ, если хочешь быть веселымъ и наслаждаться покоемъ и удовольствіемъ, не удовольствія ищи и не покоя, но старайся, чтобы душа твоя обладала мужествомъ и способна была къ терпѣнію, потому что какъ не будешь имѣть этихъ качествъ, тебя не только побѣдитъ искушеніе, но еще скорѣе погубитъ и низложитъ покой» [2]. «Какъ крѣпкихъ деревьевъ не вырываютъ съ корнемъ порывы вѣтра, сколько бы ни устремлялись на нихъ, ни нападали со всѣхъ сторонъ; напротивъ дѣлаютъ ихъ чрезъ эти напоры еще болѣе твердыми и крѣпкими; такъ и душу святую и живущую благочестиво напоры искушеній и скорбей, не низвергаютъ, но возбуждаютъ еще къ большему терпѣнію, какъ и блаженнаго Іова сдѣлали они болѣе славнымъ и досточтимымъ» [3]. Въ самихъ предстоящихъ находитъ доказательство великой пользы отъ постигшей скорби. «Вы и ваша совѣсть свидѣтели, сколько пользы мы получили отъ настоящаго искушенія. Невоздержный теперь сдѣ-

---

[1] Тамъ же § 3.
[2] Тамъ же § 4.
[3] Тамъ же § 5.

лался цѣломудреннымъ, дерзкій болѣе скромнымъ, безпечный заботливымъ, никогда не видавшіе церкви, но проводившіе все время на зрѣлищахъ, теперь по цѣлымъ днямъ находятся во храмѣ»[1]. «Укрѣпимъ же свою душу (покорностію и преданностію въ волю Божію), и тогда будемъ блаженнѣе всѣхъ, хотя бы постигла насъ потеря богатства, хотя бы смерть, только бы никто не похитилъ у насъ благочестія. Итакъ не унывай, хотя бы тебѣ пришлось потерять богатство, хотя бы тѣло, хотя бы настоящую жизнь, хотя бы все, только бы сохранить благочестіе; потому что если съ нимъ отойдешь, Богъ все возвратитъ тебѣ въ большемъ блескѣ, и тѣло воскреситъ въ большей славѣ, и, вмѣсто богатства, дастъ такія блага, которыхъ не можетъ выразить никакое слово[2].

Показываетъ, что нѣтъ причины страшиться и смерти, и что истинное несчастіе составляетъ одинъ грѣхъ. «Изъ всѣхъ золъ человѣческихъ одинъ грѣхъ есть настоящее зло, а не бѣдность, не болѣзнь, не обида, не злословіе, не безчестіе, и даже не смерть,— это, по видимому, самое крайнее изъ всѣхъ золъ. Эти несчастія для любомудрствующихъ таковы только по имени, а не на самомъ дѣлѣ: прогнѣвать Бога и сдѣлать что-либо Ему неугодное—вотъ истинное несчастіе! Въ самомъ дѣлѣ, что страшнаго въ смерти?— скажи мнѣ. То ли, что она скорѣе приводитъ тебя въ тихую пристань и въ ту безмятежную жизнь? Если и не умертвитъ тебя человѣкъ, то самый законъ природы, въ извѣстный срокъ, развѣ не разлучитъ тѣла

[1] Тамъ же § 6.
[2] Тамъ же § 13.

съ душею? Пусть теперь и неслучится того, чего мы боимся: но это будетъ спустя не много. Говорю такъ не потому, чтобы ожидалъ я чего-либо страшнаго или печальнаго, но потому, что стыдно мнѣ за тѣхъ, кои боятся смерти. Ожидаешь ты такихъ благъ, *ихъ же око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣка не взыдоша* (1 Кор. 2, 9), и не спѣшишь насладиться ими? нерадишь и медлишь, и не только медлишь, но еще боишься и трепещешь? И какъ тебѣ не стыдно скорбѣть изъ-за смерти, когда Павелъ воздыхалъ изъ за настоящей жизни?» [1]...

Представленіемъ мученій геенскихъ старается изгнать страхъ настоящихъ бѣдствій и самой смерти. «Хотите, я скажу любви вашей, почему мы боимся смерти? Насъ не уязвила любовь къ царствію, не воспламенило желаніе будущихъ благъ; иначе мы, подобно блаженному Павлу, презрѣли бы все настоящее; сверхъ того, мы не боимся геенны, потому боимся смерти; не знаемъ нестерпимой тяжести тамошняго наказанія; потому боимся, вмѣсто грѣха, кончины. Если бы тотъ страхъ поселился въ душѣ нашей; то этотъ не могъ бы войти въ нее... Доколѣ не объялъ насъ страхъ смерти, мы безпокоились о потерѣ имущества: когда же сдѣланы были тѣ беззаконныя дерзости, наступившій страхъ смерти изгналъ скорбъ о потерѣ. Точно такъ, если бы обладалъ душами нашими страхъ геенны, не овладѣлъ бы нами страхъ смерти; но какъ въ тѣлахъ, когда постигнутъ насъ двѣ болѣзни, сильнѣйшая обыкновенно подавляетъ слабѣйшую, такъ случилось бы и нынѣ.

---

[1] Бесѣд. 4, § 3.

Если бы былъ въ душѣ страхъ будущаго наказанія, онъ подавилъ бы всякій человѣческій страхъ, такъ что, кто будетъ непрестанно памятовать о гееннѣ, тотъ съ улыбкою станетъ смотрѣть на всякую смерть; и это не только освободитъ его отъ настоящей скорби, но и избавитъ отъ того пламени [1].

Ѳеодосій, узнавъ о возстаніи Антіохійцевъ и преступной неблагодарности ихъ за оказанныя имъ благодѣяніи и преимущества, предался всей стремительности страшнаго гнѣва, столь обычнаго для него, котораго первыя проявленія всегда были ужасны. Антіохія лишена была всѣхъ привиллегій, въ ожиданіи минуты страшнаго мщенія, которое долженствовало ниспровергнуть всѣ домы и стѣны города, и истребить на всегда имя его и самое воспоминаніе о немъ. Не столько личное оскорбленіе раздражало императора, сколько то, которое нанесено было памяти отца его и въ особенности умершей императрицы Флакиллы, которую онъ такъ сильно любилъ, что не могъ безъ скорби воспоминать объ ней.

Между тѣмъ св. Флавіанъ продолжалъ свой путь къ Константинополю, хотя и не такъ скоро, какъ бы хотѣлось. Сей старецъ, согбенный подъ тяжестію старческихъ немощей и преклонныхъ лѣтъ, изнемогалъ отъ утомительности столь длиннаго пути; но любовь и попеченіе о своемъ стадѣ, его слезы и отчаянная скорбь, которой онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, мысль о бѣдствіяхъ, угрожавшихъ дѣтямъ, воодушевляла его мужество и какъ бы окрыляла. Онъ хорошо понималъ, какъ было велико смущеніе антіо-

---

[1] Тамъ же § 6.

хійцевъ, находившихся между жизнію и смертію, ожидавшихъ каждый день съ невыразимой тоской въ душѣ прибытія царскихъ легіоновъ; ложившихся вечеромъ съ страшною неизвѣстностію, не проснутся ли утромъ среди убійствъ и страшнаго пожара. Наконецъ достопочтенный святитель прибылъ въ Константинополь; входитъ въ тѣ палаты, гдѣ царствовали пышность и великолѣпіе, и вотъ предстоитъ уже предъ лицемъ Θеодосія. Но сначала, какъ только «вступилъ онъ въ царскія палаты,—остановился вдали отъ царя, безгласенъ, проливая слезы, склонивъ лице внизъ, закрываясь, какъ будто самъ онъ сдѣлалъ всѣ тѣ дерзости» (въ которыхъ виновны были его сограждане) [1].

«Царь, увидя его плачущимъ и поникшимъ долу, самъ подошелъ къ нему, и, что чувствовалъ онъ изъ-за слезъ святителя, то выразилъ словами, обращенными къ нему. Это были слова, не гнѣвающагося и негодующаго, но скорѣе, скорбящаго и объятаго тяжкою печалію. Не сказалъ царь: что это значитъ? идешь ты ходатайствовать за людей негодныхъ и непотребныхъ, которымъ бы и жить не слѣдовало, — за непокорныхъ, за возмутителей, достойныхъ всякой казни? Нѣтъ, оставивъ всѣ эти слова, онъ сложилъ въ свою защиту рѣчь, исполненную скромности и важности, изчисливъ свои благодѣянія, какія только оказывалъ городу во все время своего царствованія, и при каждомъ говорилъ: это ли мнѣ надлежало потерпѣть за благодѣянія? за какія обиды сдѣлали они мнѣ эту месть? въ чемъ маломъ или великомъ, могутъ они

---

[1] Бесѣда 19, § 5.

винить меня, что нанесли оскорбленіе не только мнѣ, но и умершимъ? недовольно было остановить ярость на живыхъ; нѣтъ, они подумали, что ничего не сдѣлаютъ великаго, если не оскорбятъ и погребенныхъ. Обидѣлъ я, какъ они думаютъ о мнѣ: такъ надлежало пощадить мертвыхъ, не сдѣлавшихъ никакой обиды. Не всегда ли предпочиталъ я этотъ городъ всѣмъ, и не считалъ ли его любезнѣе роднаго города? И не всегдашнимъ ли моимъ обѣтомъ было увидѣть этотъ городъ, и не предъ всѣми ли давалъ я эту клятву [1]?

«Здѣсь святитель, горько возстенавъ и проливъ горчайшія слезы, не сталъ уже долѣе молчать, ибо видѣлъ, что царево оправданіе служитъ къ большему обвиненію. Итакъ, онъ тяжко и горько возстенавъ, сказалъ: исповѣдуемъ, и не можемъ отрицать, государь, эту любовь, которую показалъ ты къ нашему отечеству, и поэтому-то особенно плачемъ, что демоны позавидовали столь любимому городу, и мы оказались неблагодарными предъ благодѣтелемъ и прогнѣвали сильно любящаго насъ. Разрушь, сожги, умертви, или другое что сдѣлай: все еще не накажешь насъ по заслугамъ; мы сами предварили поставить себя въ такое положеніе, которое хуже тысячи смертей. Ибо что можетъ быть хуже этого, что мы оказались прогнѣвавшими, безъ причины, благодѣтеля и столько любящаго, — что знаетъ это вся вселенная и обвиняетъ насъ въ крайней неблагодарности?... И теперь, какъ отнимется твое благоволеніе и погаснетъ любовь, которая защищала насъ

[1] Тамъ же § 6.

лучше всякой стѣны, къ кому наконецъ мы прибѣгнемъ? въ какое другое мѣсто посмотрѣть можемъ, раздраживъ столь любезнаго владыку и кроткаго отца? Такъ они (антіохійцы) сдѣлали нестерпимый проступокъ: за то и пострадали болѣе всѣхъ; не смѣютъ ни на одного человѣка взглянуть, не могутъ свободно смотрѣть глазами и на солнце, потому что стыдъ со всѣхъ сторонъ сжимаетъ рѣсницы и заставляетъ закрываться. Лишившись такимъ образомъ душевной свободы, они теперь несчастнѣе всѣхъ плѣнниковъ, терпятъ крайнее безславіе, и, помышляя о великости золъ и о томъ, до какой дошли они дерзости, не могутъ и вздохнуть, потому что всѣхъ, населяющихъ вселенную людей возставили себѣ обвинителями, болѣе строгими, нежели самъ оскорбленный. Но если хочешь, государь, есть врачевство для этой раны и средство противъ столькихъ золъ... Когда Богъ создалъ человѣка, ввелъ въ рай и удостоилъ великой чести: діаволъ, не терпя такого счастія, позавидовалъ ему и низринулъ его съ данной ему высоты. Но Богъ не только не оставилъ его, но еще, вмѣсто рая отверзъ намъ небо, этимъ самымъ и являя Свое человѣколюбіе, и еще болѣе наказывая діавола. Сдѣлай это и ты: демоны подвигли теперь все, чтобъ лишить твоего благоволенія городъ, болѣе всѣхъ любезный тебѣ; зная это, накажи насъ, какъ хочешь, только не лишай прежней любви. И если хочешь наказать устроившихъ это демоновъ, покажи къ намъ еще большее благоволеніе и впиши опять городъ въ число первыхъ, любимыхъ тобою городовъ. Если его разрушишь, раскопаешь и уничтожишь, то сдѣлаешь то, чего они искони хотѣли; но если оста-

вишь гнѣвъ, и снова объявишь, что любишь его, какъ любилъ прежде, то нанесешь имъ смертельную рану и крайнему подвергнешь наказанію, давъ знать, что не только не было имъ успѣха въ замыслѣ, но еще случилось совершенно противное тому, что они хотѣли. Да и справедливо поступишь, если это сдѣлаешь, и помилуешь городъ, которому демоны позавидовали изъ-за любви твоей: если бы ты не такъ сильно любилъ его, то и они такъ не позавидовали бы ему»[1].

Далѣе св. пастырь, умоляя царя о дарованіи народу прощенія, говоритъ, что его человѣколюбіе сплететъ ему вѣнецъ несравненно драгоцѣннѣйшій его діадимы, и воздвигнетъ несравненно большее количество статуй въ благодарной памяти людей. «Низвергнули твои статуи? но можно тебѣ воздвигнуть болѣе тѣхъ блистательныя. Если простишь вину оскорбившихъ и не подвергнешь ихъ никакому наказанію: они воздвигнутъ тебѣ не мѣдный, не златый, и не каменный столбъ на площади, но такой, который дороже всякаго вещества, украшенный человѣколюбіемъ и милосердіемъ. Такъ, каждый изъ нихъ поставитъ тебя въ сердцѣ своемъ, и у тебя будетъ столько статуй, сколько есть и будетъ людей во вселенной. Не только мы, но и наши потомки, и потомки ихъ, всѣ, услышатъ объ этомъ, и подивятся и полюбятъ тебя, какъ будто они сами получили благодѣяніе»[2].

Говоритъ еще, что отъ его великодушнаго поступка

[1] Тамъ же § 7.
[2] Тамъ же § 8.

съ оскорбившими зависитъ не только слава его царствованія, но и слава христіанства. «Подумай, говоритъ святитель царю, что теперь должно тебѣ позаботиться не только объ этомъ городѣ, но и о твоей славѣ, даже о всемъ христіанствѣ. Теперь и Іудеи, и язычники, и вся вселенная, и варвары обратили взоры на тебя, и ждутъ, какой произнесешь приговоръ по этому дѣлу. И, если произнесешь приговоръ человѣколюбивый и кроткій, всѣ похвалятъ такое рѣшеніе, прославятъ Бога и скажутъ другъ другу: вотъ каково могущество христіанства! Человѣка, которому нѣтъ равнаго на землѣ, который властенъ все погубить и разрушить, оно удержало, и обуздало, и научило терпѣнію, какого и частный человѣкъ не показывалъ. Истинно великъ Богъ христіанскій: изъ людей Онъ дѣлаетъ Ангеловъ, и ставитъ ихъ выше всякой естественной необходимости!— Не бойся того напраснаго страха, и не внимай тѣмъ, которые говорятъ, будто прочіе города будутъ хуже и окажутъ еще болѣе неуваженія, если этотъ будетъ не наказанъ. Конечно, этого надлежало бы опасаться, когда бы ты не былъ въ состояніи наказать; и сдѣлавшіе это имѣли силы болѣе твоего, или были тебѣ равносильны. Но когда они поражены ужасомъ и уже умерли отъ страха; когда въ лицѣ моемъ прибѣгнули къ стопамъ твоимъ, и всякій день ничего другаго не ожидаютъ, кромѣ погибели; когда творятъ общія молитвы, взирая на небо и прося Бога, да пріидетъ и ходатайствуетъ вмѣстѣ съ нами; когда каждый распорядился уже о дѣлахъ своихъ, какъ бы находясь при послѣднемъ издыханіи:—не излишне ли такое опасеніе? Они и тогда, когда обречены были бы на смерть,

не страдали бы такъ, какъ страдаютъ теперь, проводя столько дней въ страхѣ и трепетѣ, и по наступленіи вечера не надѣясь увидѣть зарю, и съ появленіемъ дня не надѣясь дожить до вечера. Многіе даже сдѣлались добычею звѣрей, послѣ того, какъ убѣжали въ пустыни и переселились въ мѣста непроходимыя; не только мущины, но и малыя дѣти, и благородныя и прекрасныя жены въ продолженіе многихъ ночей и дней скрываются въ пещерахъ, пропастяхъ и рвахъ пустынныхъ. Новаго рода плѣнъ постигъ нашъ городъ: домы и стѣны цѣлы, а жители бѣдствуютъ хуже погорѣвшихъ городовъ; нѣтъ ни одного варвара, невидно непріятеля, а они несчастнѣе плѣнниковъ, и движеніе одного листа пугаетъ ихъ каждодневно» [1]. Итакъ не думай, будто прочіе города будутъ хуже.

Указываетъ еще царю на этотъ случай, какъ на лучшее средство пріобрѣсть любовь народную, чего другой не легко могъ бы достигнуть и величайшими пожертвованіями [2], и вмѣстѣ исходатайствовать себѣ у Бога прощеніе грѣховъ, по слову Спасителя: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, и Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ согрѣшенія ваша* (Мат. 6, 14) [3].

Сказавъ это и еще большее этого, святитель такъ тронулъ царя, что онъ, какъ ни старался скрывать свои чувства, не могъ однакоже, наконецъ, удержаться отъ слезъ, и въ отвѣтъ святителю произнесъ такое слово, которое украсило его гораздо болѣе діадимы.

---

[1] Тамъ же § 11.
[2] Тамъ же § 12.
[3] Тамъ же § 14.

«Что удивительнаго и великаго, сказалъ онъ, если перестанемъ гнѣваться на оскорбившихъ, — на человѣковъ—мы человѣки же, когда Владыка вселенной, пришедши на землю и ради насъ сдѣлавшись рабомъ, и будучи распятъ облагодѣтельствованными Имъ, молилъ Отца о распявшихъ его такъ: *отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 24); такъ, что̀ удивительнаго; если мы простимъ подобнымъ намъ рабамъ» [1].

Флавіанъ, проникнутый искреннѣйшею признательностію къ царю, за оказанную милость, просилъ у него позволенія провесть праздникъ пасхи вмѣстѣ съ нимъ въ Константинополѣ. Но царь, побуждаемый истинно христіанскимъ желаніемъ подать утѣшеніе скорбѣвшимъ, давъ ему письмо къ антіохійцамъ, побуждалъ скорѣе возвратиться къ нимъ. «Знаю, сказалъ онъ, что теперь души ихъ возмущены, и много еще слѣдовъ несчастія: иди — утѣшь. Когда увидятъ кормчаго, то и не вспомнятъ о минувшей бурѣ, но совсѣмъ изгладятъ и самую память о бѣдствіяхъ». Когда же святитель сталъ просить настоятельно, чтобы царь послалъ сына своего, то онъ, желая показать ясно, что совершенно истребилъ въ душѣ весь гнѣвъ, сказалъ: «молитесь, чтобы устранились эти препятствія, чтобы утихли эти войны, и вѣрьте, я самъ приду» [2].

Когда святитель переплылъ проливъ, Θеодосій послалъ нѣкоторыхъ изъ придворныхъ чиновниковъ, для содѣйствія и возбужденіи его къ скорѣйшему пу-

---

[1] Тамъ же § 15.
[2] Тамъ же § 16.

тешествію, дабы онъ могъ прибыть въ свой городъ до праздника святыя пасхи.

Хотя Флавіанъ и самъ всемѣрно торопился возвращеніемъ къ своей паствѣ; однакоже, не желая отнять у своего народа ни минуты радости, послалъ письмо императора съ особеннымъ курьеромъ.

Наконецъ и самъ Флавіанъ прибылъ въ Антіохію къ самому уже дню свѣтлаго Воскресенія Христова. Весь городъ собрался въ патріаршую церковь, чтобы воздать должное почтеніе и благодарность своему пастырю. По этому случаю св. Златоустомъ произнесено было особое слово. Начиная свое слово, онъ восклицалъ.... «благословенъ Богъ, Который сподобилъ насъ совершить настоящее священное торжество съ великою радостію и веселіемъ, Который возвратилъ тѣлу главу его, овцамъ пастыря, ученикамъ учителя, воинамъ вождя, священникамъ святителя! Благословенъ Богъ, творяй *по преизбыточествію, ихъ же просимъ или разумѣемъ* (Еф. 3, 20). Мы почли бы себя довольными, если бы только получили избавленіе отъ угнѣтавшихъ насъ бѣдствій; и о семъ молили Господа со всеусердіемъ. Но человѣколюбивый Богъ, всегда дарующій намъ болѣе, нежели сколько мы просимъ, сверхъ всякаго чаянія возвратилъ намъ и отца,... и мы теперь тѣмъ живѣйшею наслаждаемся радостію, чѣмъ неожиданнѣе его возвращеніе. Возблагодаримъ же за все сіе человѣколюбиваго Бога; прославимъ Его могущество, благость, премудрость и милосердіе, которое Онъ явилъ граду нашему. Діаволъ, возбудивъ насъ къ совершенію дерзновеннаго дѣла, думалъ тѣмъ устроить погибель всего города: но Господь чрезъ сей же самый случай прославилъ

и градъ, и святителя, и царя, и всѣхъ облекъ новымъ блескомъ»[1].

Послѣ сего вступленія предъ лицемъ многочисленнаго собранія народа, среди громкихъ рукоплесканій, св. Златоустъ изложилъ всѣ трудности, претерпѣнныя Флавіаномъ во время пути. Такъ какъ жители, по полученіи извѣстія о прощеніи, предавались разнымъ увеселеніямъ, то св. пресвитеръ совѣтуетъ имъ, въ продолженіе всей жизни, украшаться не цвѣтами, но добродѣтелями христіанскими, и возжигать въ душахъ своихъ свѣтильники добрыхъ дѣлъ. Получивъ радостную вѣсть о всемилостивомъ прощеніи, говоритъ онъ, вы «увѣнчали торжище, возжигали свѣтильники, устроили ложа предъ мастерскими своими, и праздновали какъ бы при возрожденіи своего города; тоже дѣлайте и во всякое время, только инаковымъ образомъ, украшая себя не цвѣтами, а добродѣтелью, возжигая въ сердцахъ вашихъ свѣтильники добрыхъ дѣлъ, радуясь духовною радостію. Никогда не переставайте воздавать Богу за все сіе великую благодарность, не только потому, что Онъ избавилъ насъ отъ тяжкихъ бѣдствій, но и потому, что попустилъ на насъ оныя.—Ибо тѣмъ и другимъ Онъ прославилъ нашъ городъ. О всемъ же этомъ, согласно пророческому рѣченію, *чадомъ своимъ повѣдите, а чада ваша чадомъ своимъ, а чада ихъ роду другому* (Іоил. 1, 3), чтобы всѣ люди, какіе только будутъ до окончанія вѣка, познавъ человѣколюбіе Божіе, явленное нашему граду, ублажали и насъ, сподобившихся толикой милости, почтили и нашего царя, воздвигшаго такимъ

---

[1] Слово по возвращ. Флавіана. Хр. Чт. 1841 годъ, ч. III, стр. 329—331.

образомъ низверженный градъ, и сами наконецъ симъ примѣромъ возбудились къ благочестію. Подлинно, не только мы сами, если непрестанно будемъ о семъ памятовать, но и наши потомки великое назиданіе могутъ извлечь изъ повѣтствованія о случившемся теперь съ нами [1].

Буря, едва не разрушившая Антіохію, имѣла благотворное вліяніе на всѣ классы антіохійскаго общества; богатые и бѣдные, великіе и малые, вѣрные и невѣрные, всѣ признавали и благословляли милосердіе Божіе, спасшее ихъ отъ погибели. Всѣ безпорядки города скрылись; церкви заступили мѣсто цирковъ и и театровъ; еретики молчали, православные содѣлались болѣе ревностными въ дѣлахъ благочестія, самые язычники, оставленные философами и вразумляемые монахами во множествѣ обращались къ христіанству: Антіохія совершенно измѣнила свой наружный видъ. И эта перемѣна въ душахъ всѣхъ и наружныхъ дѣйствіяхъ была слѣдствіемъ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго описанными происшествіями. Но когда время, занятія и разсѣянность неразлучная при дѣлахъ разслабили чувство ревности, прежде столь живое; суеты мірскія, удовольствія и различныя безпорядочныя дѣйствія мало по малу стали пріобрѣтать свою прежнюю силу надъ людьми. И Антіохія скоро пришла въ прежнее состояніе, содѣлалась городомъ похотливымъ и преступнымъ, обширнымъ полемъ, но тернистымъ, на разработку, котораго святый Златоустъ устремился съ своею обычною ревностію и любовію.

---

[1] Тамъ же стр. 161.

Мы не будемъ говорить о томъ, какъ онъ, сидя въ больницахъ на одномъ одрѣ съ больными, утѣшалъ ихъ, какъ входилъ въ хижины бѣдныхъ, въ домы вдовъ и сиротъ, пройдемъ молчаніемъ и то, какъ онъ утѣшалъ скорбящихъ, принималъ странныхъ, оказывалъ свое благотворное вліяніе на многія семейства, научалъ народъ начаткамъ христіанской вѣры и благочестія, вразумлялъ діаконовъ и священниковъ, и ободрялъ и укрѣплялъ своими совѣтами пустынниковъ, жившихъ въ сосѣдственныхъ городахъ Антіохіи. Но чтобы составить себѣ понятіе о его живой вѣрѣ, о его неограниченной любви къ Богу и святой ревности о спасеніи душъ, будемъ смотрѣть на него, какъ на проповѣдника слова Божія.

Мы, конечно, могли бы отнести разсужденіе объ этомъ предметѣ къ концу исторіи; но такъ какъ большая часть поученій, пріобрѣтшихъ ему удивленіе всѣхъ вѣковъ и славное имя Златоустаго, произнесены въ Антіохіи, то мы это мѣсто находимъ приличнымъ для разсужденія о его превосходномъ дарѣ слова, полученномъ отъ Бога, изъ котораго онъ сдѣлалъ столь превосходное употребленіе. Обратишь ли взглядъ въ его бесѣдахъ на глубину мыслей или на самую форму изложенія ихъ, всегда находишь ихъ удивительными и превышающими всякую похвалу; въ нихъ всѣ найдутъ для себя назиданіе и вразумленіе, кто бы ни сталъ ихъ читать, язычникъ, православный или еретикъ. Святый Исидоръ, жившій съ нимъ въ одномъ вѣкѣ, выразилъ удивленіе и сожалѣніе, когда узналъ, что его писанія оставались неизвѣстными для одного изъ его друзей. «Меня чрезвычайно удивляетъ, говорилъ онъ, твое невѣдѣніе о писаніяхъ Іо-

анна Златоуста, слава которыхъ, послѣ его смерти, распространилась повсюду. Не знать столь прекрасныхъ твореній, тоже значитъ, что не видѣть солнца въ самый полдень. Возможно ли читать его сочиненія, не восхищаясь ими? Есть ли столь безчувственный человѣкъ, который не возблагодарилъ бы Провидѣніе, даровавшее міру столь блистательное свѣтило?»

Послѣ богодухновенныхъ Апостоловъ, ни одинъ человѣкъ не возвѣщалъ міру таинъ вѣчнаго спасенія съ такимъ краснорѣчіемъ; увлекательность и вмѣстѣ внушающая благоговѣніе важность неразлучны во всѣхъ его бесѣдахъ. Оставаясь понятнымъ для простыхъ, онъ сохранялъ возвышенность духа и величіе, невольно внушающее уваженіе, которое удивляло самихъ философовъ. Это—глубокая, широкая, неизсякающая рѣка, текущая медомъ и млекомъ! Онъ незамѣтно овладѣлъ умами слушателей; каждое его слово всегда вносило нѣкоторый свѣтъ въ души, и неизбѣжно уязвляло сердце. Онъ производилъ борьбу всегда съ блистательнымъ успѣхомъ; онъ преслѣдовалъ порокъ въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ его, и дотолѣ не оставлялъ въ покоѣ, пока не ниспровергалъ совершенно. Сердце человѣческое не было для него недоступною бездною; онъ зналъ, онъ умѣлъ проникать во всѣ сокровенности его, разскрывать самые затаенные его изгибы. Иногда онъ нападаетъ, иногда защищаетъ; здѣсь излагаетъ, тамъ объясняетъ; поражаетъ и наноситъ болѣзненныя раны сердцу; убѣждаетъ, умягчаетъ сердце, приводитъ въ умиленіе, устрашаетъ, совѣтуетъ, увѣряетъ; иногда повергаетъ на землю, но всегда для того, чтобы возвысить души и возсоздать. Слогъ его простъ, но иногда высокъ;

выражаетъ свои мысли ясно и естественно и всегда величественно. Онъ говоритъ людямъ, живущимъ на землѣ, но его умъ, возвышаясь надъ всѣмъ преходящимъ, воодушевляемый вѣрою, паритъ въ небесахъ, и оттуда поучаетъ людей тайнамъ Божества и истинамъ вѣчнымъ.

Итакъ весьма справедливо, что современники и всѣ послѣдующіе вѣка признали въ немъ олицетвореніе краснорѣчія и назвали его Златоустымъ, Божіими устами, Христовыми устами.

Но недовольствуясь общими замѣчаніями, обратимъ вниманіе отдѣльно на произведенія этого удивительнаго ума, и во первыхъ на его писанія и труды, совершенные имъ въ послѣднее десятилѣтіе его пребыванія въ Антіохіи.

Вступивъ на поприще пастырскаго служенія, онъ имѣлъ предъ собою трудную задачу, рѣшенія которой отъ него требовалось. То не былъ вѣкъ мученичества, въ который, чтобъ доставить торжество истинной вѣрѣ, достаточно было, при помощи благодати Божіей, исповѣдать вѣру свою и умереть; но эпоха схоластическихъ споровъ и утонченныхъ изслѣдованій. Христіанство внутри было возмущаемо множествомъ ересей, которыя, бывъ порождены раціонализмомъ, проходя путемъ утонченныхъ изслѣдованій и взаимнаго противорѣчія, непрестанно увеличивались и разнообразились; а извнѣ оно должно было выдерживать нападенія отъ язычества, которое, сознавая свое разслабленіе, собирало послѣднія свои силы, въ лицѣ философовъ и знатныхъ людей, чтобъ защитить свои жертвенники, ниспровергнуть христіанство и возвратить утраченную власть

надъ міромъ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ, со времени Юліана, оно три раза восходило на тронъ цесарей. Язычниковъ было еще великое множество; ихъ можно было видѣть при дворѣ, въ арміи, въ городахъ и въ самыхъ бѣдныхъ селеніяхъ. Ямвлихъ, Ливаній, Максимъ и префектъ Симмахъ сильно сожалѣли о жалкой участи язычества, защищали жертвенникъ побѣды, умоляли императоровъ о возстановленіи жертвоприношеній, угрожали имперіи гнѣвомъ боговъ и старались внушить презрѣніе къ христіанскому богопочтенію. Но Богъ неоставилъ своей Церкви; противъ болѣзни указалъ дѣйствительное лекарство; воставилъ людей, сильныхъ словомъ и дѣломъ къ защищенію христіанства.

Тогда какъ Θеофилъ александрійскій и святый Мартинъ, епископъ церкви туровской [1], одинъ въ Египтѣ, другой въ Галліи, ниспровергали храмы ложныхъ боговъ, а св. Амвросій и блаженый Августинъ, одинъ въ Италіи сопротивлялся злонамѣреннымъ дѣйствіямъ Симмаха—язычника, а другой въ Африкѣ поражалъ своимъ словомъ заблужденія манихеевъ и пелагіанъ; св. Златоустъ защищалъ христіанство въ Азіи. Мы здѣсь не будемъ говорить о томъ, какъ онъ опровергалъ заблужденія язычества; но только упомянемъ о тѣхъ доказательствахъ, которыя онъ употреблялъ къ утвержденію божественности христіанства. Изъясняя слова Ап. Павла *не посла бо мене Христосъ крестити, но благовѣстити; не въ премудрости слова, да не испразднится крестъ Христовъ* (1 Кор. 1, 17), выводитъ заключеніе, что мудрость

---

[1] Тамъ же кн. 3, гл. 14.

человѣческая не только не нужна была для распространенія слова Божія и утвержденія ученія о крестѣ, но и могла вредить. Если мудрость враждебна кресту и противна Евангелію, то слѣдуетъ не хвалиться, а стыдиться ея. Потому-то Апостолы и не были изъ такихъ мудрецовъ, не по недостатку дарованій, но дабы проповѣдь не потерпѣла вреда» [1]. «И если Богъ, не имѣвшій нужды въ ученыхъ въ началѣ, принялъ ихъ въ послѣдствіи, то сдѣлалъ это не потому, чтобы сталъ имѣть въ нихъ нужду, но потому, что не взиралъ на различіе между учеными и неучеными. Какъ Онъ не нуждался въ мудрецахъ для исполненія Своихъ намѣреній, такъ и послѣ, когда они являлись, неотвергалъ ихъ».... Итакъ, «когда будутъ говорить, что Апостолы были люди простые, то мы прибавимъ, что они были и неученые и некнижные, и бѣдные, и незнатные, и немудрые и неизвѣстные. Не къ безчестію, а къ славѣ Апостоловъ, служитъ то, что они, будучи такими, явились славнѣе всей вселенной. Ибо эти простые, некнижные и неученые—мудрыхъ, сильныхъ и державныхъ, хвалившихся богатствомъ, славою и всѣмъ внѣшнимъ, побѣдили такъ, какъ будто это небыли люди. Отсюда ясно, что велика сила креста и что все совершено не человѣческою силою. Ибо такія дѣла это не въ природѣ вещей, а выше природы. А когда что дѣлается не по законамъ природы, а гораздо выше природы, и вмѣстѣ съ тѣмъ достодолжно и полезно, то очевидно, что это совершается нѣкоторою Божественною силою и помощію. Смотри: рыбарь, скинотворецъ, мытарь, человѣкъ простой,

---

[1] На 1 Кор. бесѣд. 3, § 3.

неученый, приходятъ изъ страны отдаленной палестины, возстаютъ противъ всѣхъ философовъ, риторовъ и искусныхъ въ ихъ отечествѣ, и въ короткое время, при множествѣ опасностей, когда имъ полагали сильныя препятствія, давность времени и закоренѣлыя привычки, когда противъ нихъ ополчались демоны, и діаволъ вооружался и употреблялъ всѣ усилія,—побѣдили царей, правителей, народы, языки, города, варваровъ, еллиновъ, философовъ, риторовъ, софистовъ, писателей, законы, судилища, различныя мученія, безчисленные и разнообразные роды смерти. Все это при вѣщаніи рыбарей обличилось и исчезло такъ, какъ легкая пыль, возметаемая дуновеніемъ сильнаго вѣтра? [1] И не столько удивительно, если обнаженный (осыпанный множествомъ стрѣлъ) не получаетъ ранъ, сколько удивительно, если простые неученые рыбари побѣждаютъ столь сильныхъ, не смотря ни на свою незнатность и бѣдность, ни на опасности и закоренѣлыя привычки, ни на строгость предлагаемыхъ ими правилъ, ни на ежедневно угрожаемую смерть, ни на множество обольщенныхъ, ни на важность обольстителей» [2].

Для утвержденія божественности христіанской вѣры св. Златоустъ, кромѣ сихъ доказательствъ, указываетъ также на непоколебимое мужество мучениковъ, на точное исполненіе пророчествъ, на святость Апостоловъ и первоначальныхъ христіанъ, которые убѣждали болѣе своею жизнію, нежели словами; и чтобы разрушить однимъ ударомъ и исторгнуть съ

---

[1] Тамъ же § 4.

[2] Тамъ же § 5.

корнемъ всѣ возраженія слѣпотствующаго разума, онъ показываетъ безсиліе его и необходимость вѣры не только въ предметахъ духовныхъ, но и въ предметахъ видимыхъ и во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни».

«Нѣтъ ничего страннаго и неожиданнаго въ томъ, говоритъ онъ, что надъ предметами великими смѣются безумные. Такихъ людей не возможно убѣдить человѣческою мудростію; и если станешь убѣждать ихъ такимъ образомъ, то сдѣлаешь противное; ибо для того, что̀ превышаетъ разумъ, нужна одна вѣра. Подлинно, если мы посредствомъ сужденій разума захотимъ объяснить язычникамъ, какъ Богъ сдѣлался человѣкомъ, вселившись въ чрево Дѣвы, и не признаемъ этого предметомъ вѣры: то они будутъ только смѣяться. Желающіе постигнуть это посредствомъ сужденій разума, суть погибающіе. Что я говорю о Богѣ? Если мы будемъ дѣлать то же въ отношеніи къ предметамъ сотвореннымъ и тогда произведемъ великій смѣхъ. Пусть, наприм. человѣкъ, желающій убѣждаться во всемъ сужденіями разума, потребуетъ отъ тебя объяснить ему, какъ мы видимъ свѣтъ? Постарайся и ты объяснить ему это посредствомъ сужденій разума. Нѣтъ, не могъ бы ты сдѣлать этого. Если скажешь, довольно открыть глаза, чтобы видѣть: то объяснишь способъ зрѣнія, а не самое дѣло. Онъ возразитъ тебѣ: почему мы видимъ не ушами и слышимъ не глазами? Почему мы слышимъ не ноздрями и обоняемъ не ушами? Если же онъ, не получивъ объясненія на свое недоумѣніе, будетъ смѣяться; то не болѣе ли того подвергнемся осмѣянію мы? Эти чувства имѣютъ начало въ одномъ и томъ же мозгѣ, эти члены нахо-

дятся такъ близко другъ къ другу; почему же они не могутъ произвести одного и того же дѣйствія? Мы не можемъ объяснить ни причины, ни способа этого неизъяснимаго и разнообразнаго дѣйствія; а если станемъ объяснять, то подвергнемся осмѣянію. Предоставимъ же это силѣ и безпредѣльной премудрости Божіей, и замолчимъ. Такъ точно, если мы захотимъ предметы божественные объяснять при помощи внѣшней мудрости, то послѣдуетъ великій смѣхъ, но по неразумію человѣческому»[1].

Св. Златоустъ не съ внѣшними только врагами велъ войну, доказывая божественность христіанства, но не съ меньшею ревностію подвизался и противъ внутреннихъ, каковы были многочисленные еретики, во всей Азіи и въ самой Антіохіи Онъ утверждалъ троичность божественныхъ Лицъ противъ Ноэтія и Савеллія, воплощеніе и Божество Слова противъ Керинѳа, Арія, аномеевъ и другихъ послѣдователей тѣхъ же заблужденій, дѣйствительность тѣла Іисуса Христа противъ послѣдователей Василида и Апеллеса, которые утверждали, что Богъ Слово принималъ на Себя только призрачное тѣло, и что Марія не была Его матерію, наконецъ существованіе прародительскаго грѣха и необходимость благодати. Часто также опровергалъ онъ заблужденія валентиніанъ и маркіонитовъ, изъ коихъ первые утверждали, что матерія вѣчна, другіе, что міръ не Богомъ сотворенъ, что ветхій завѣтъ не отъ Него произошелъ, что Христосъ не воскресъ, и что послѣ сей жизни не будетъ вѣчныхъ мукъ. Манихеи обличаемы были св. Златоустомъ

---

[1] Тамъ же бесѣд. 4, § 1.

за непризнаніе закона Моvсеева, патріарховъ и пророковъ, и за отверженіе воскресеніи мертвыхъ. Много и другихъ существовало заблужденій, изъ которыхъ ни одно не ускользнуло отъ бдительнаго вниманія его. И св. Златоустъ обличалъ всѣ эти заблужденія не въ частныхъ бесѣдахъ только, но болѣе и преимущественно въ общественныхъ, говоримыхъ цѣлому народу, собравшемуся въ церкви. Одно слово или текстъ св. Писанія давали ему случай отвергнуть какое-либо заблужденіе, изложить истинное ученіе, обличать порокъ, пробудить отъ безпечности, возбудить своихъ слушателей къ исполненію правилъ и совѣтовъ евангельскихъ. Въ продолженіе трехъ или четырехъ лѣтъ своего пресвитерскаго служенія до 390 года, онъ особенно старался объ истребленіи преступнаго, но укоренившагося обычая дѣлать ложныя клятвы, и объ исправленіи развращенныхъ нравовъ.

Съ 389 года онъ занимался толкованіемъ св. Писаніи, и такимъ образомъ произнесъ антіохійскому народу 75 бесѣдъ на книгу Бытія, 58 на псалмы, 90 бесѣдъ на Евангеліе Матѳея, 88 — на Евангеліе отъ Іоанна, 32 бесѣды на посланіе къ Римлянамъ, 74 на оба посланія къ Коринѳянамъ, одно толкованіе на посланіе къ Галатамъ, 24 бесѣды на посланіе къ Ефесеямъ, на оба посланія къ Тимоѳею 28 бесѣдъ. Онъ сказалъ также нѣсколько бесѣдъ о Лазарѣ, о покаяніи, 21 бесѣду антіохійскому народу, по случаю возстанія, поученія противъ аномеевъ и Іудеевъ и множество бесѣдъ на разные случаи. Но между всѣми его твореніями первое мѣсто занимаютъ бесѣды на Евангеліе Матѳея и на посланіе къ Коринѳянамъ. Толкованіе на Евангеліе Матѳея есть лучшее изъ всѣхъ

извѣстныхъ толкованій. Эта книга вмѣстѣ съ симъ можетъ служить лучшимъ средствомъ къ удаленію отъ порока, востановленію добродѣтели и исправленію народа.

Такъ въ своихъ твореніяхъ св. Златоустъ является не токько краснорѣчивымъ ораторомъ, но и толкователемъ св. Писанія, учителемъ, изъясняющимъ догматы христіанскаго ученія, апологетомъ, съ твердостію защищающимъ православное ученіе Церкви, и опровергающимъ ложное ученіе еретиковъ и всѣхъ неправомыслящихъ, учителемъ нравственности и аскетомъ, раскрывающимъ правила и совѣты евангельскаго ученія, обличающимъ порокъ, и въ особенности возстающимъ противъ безпорядковъ, общихъ для жителей Антіохіи.

Не терпя роскоши, надменности, пышности и тщеславія, онъ съ чрезвычайною силою преслѣдовалъ сіи пороки, столь укоренившіеся въ обществѣ; самъ будучи свободенъ отъ всѣхъ излишествъ, онъ съ твердостію обличалъ ослѣпительную и разорительную пышность и великолѣпіе зданій, золотомъ сіявшія залы, роскошную мебель, колесницы, обложенныя золотомъ и серебромъ, и множество слугъ; поражалъ также своими укоризнами пышныя одежды, прозрачныя покрывала и другія украшенія, которыя, занимая душу внѣшностію, не давали ей возможности обратиться внутрь себя. «Хочешь ли казаться, говоритъ онъ, прекрасною и благопристойною? Довольствуйся тѣмъ образомъ, какой далъ тебѣ Творецъ. Что привѣшиваешь золото, какъ бы поправляя образъ Божій? Хочешь ли казаться благопристойною? Облекись въ милосердіе, облекись въ человѣколюбіе, облекись въ

цѣломудріе, въ смиреніе. Все это дороже золота; все это и красивую дѣлаетъ еще благообразнѣе и некрасивую благообразною; ибо кто взглянетъ на лице, выражающее доброту, тотъ произнесетъ свое мнѣніе отъ любви, а злое, хотя бы оно было и красиво, никто не можетъ назвать прекраснымъ: возмущенное сердце правильнаго мнѣнія не произноситъ. Украшена была та Египтянка, украшенъ былъ Іосифъ: но кто красивѣе? Не говорю о томъ времени, когда первая была въ царскомъ дворцѣ, а послѣдній въ темницѣ. Этотъ былъ нагъ, но облекался одеждою цѣломудрія; а та была одѣта, но оказалась постыднѣе обнаженной, потому что не имѣла цѣломудрія. Когда ты слишкомъ украшаешься, жена, тогда бываешь постыднѣе обнаженной, потому что снимаешь съ себя благоприличіе. Была нага и Ева; но она стала постыднѣе, когда одѣлась: ибо бывъ нагою, украшалась славою Божіею, а облекшись въ одежду грѣха, сдѣлалась постыдною. Такъ и ты, надѣвъ на себя принадлежности щегольства, являешься болѣе постыдною... Женѣ вѣрной дана отъ Бога иная одежда—Самъ Единородный Сынъ Божій. *Елицы*, говоритъ, *во Христа крестистеся, во Христа облекостеся*. Скажи мнѣ: если бы кто далъ тебѣ царскую одежду, а ты взяла бы и сверхъ ея надѣла рубище раба, — не понесла ли бы за это, кромѣ срама, и наказаніе? Ты облеклась во Владыку неба и Ангеловъ, и еще вращаешься около земли? Это мною сказано съ цѣлію, — показать, что щегольство и само по себѣ есть великое зло, хотя бы изъ него не происходило ничего другаго, и хотя бы можно было позволять его себѣ безопасно. Но оно располагаетъ къ тщеславію и надмѣнію, а потомъ

изъ прикрасъ раждается и многое другое, — явныя подозрѣнія, неблаговременныя издержки, поводы къ лихоимству. Скажи мнѣ, для чего ты украшаешься? Чтобы нравиться мужу? Такъ дѣлай это дома. А здѣсь выходитъ противное. Если хочешь нравиться своему мужу,—другимъ не нравься: а когда нравишься другимъ, — не можешь нравиться своему мужу. Итакъ, выходя на площадь, или вступая въ церковь, ты должна была отложить всякое украшеніе. Притомъ, не тѣмъ нравься мужу, чѣмъ нравятся и блудницы, но особенно тѣмъ, чѣмъ нравятся жены свободныя. Чѣмъ, скажи мнѣ, отличается жена отъ блудницы? Тѣмъ, что эта смотритъ только на одно, какъ бы красотою тѣла привлечь любимаго; а та и управляетъ домомъ, и обращается съ дѣтьми, и завѣдываетъ всѣмъ другимъ. Имѣешь ты маленькую дочь: смотри, чтобы не заимствовала она отъ тебя чего вреднаго; ибо дѣти какъ-то любятъ поддѣлываться подъ нравы воспитателей и подражать нравамъ матерей. Будь для твоей дочери примѣромъ цѣломудрія» [1].

Св. Златоустъ не съ меньшею силою вооружался противъ безчестной роскоши нѣкоторыхъ женоподобныхъ юношей, которые съ тольже легкомысленною заботливостію, какъ и женщины, старались о покроѣ платья, о красотѣ лица, и даже объ утонченной изящности обуви.

Въ своихъ бесѣдахъ св. Златоустъ преслѣдуетъ также грѣхи, противоположные любви. Онъ сильно поражаетъ своимъ словомъ клеветниковъ и злоязычныхъ, ненавистниковъ и мстительныхъ, и, показавъ

[1] Къ Колосс. бесѣд. 10, § 5.

какъ ненависть противоположна правиламъ евангельскимъ, убѣждаетъ своихъ слушателей жить въ единеніи мира и любви; которые служатъ признаками, чадъ Божіихъ и отличаютъ ихъ отъ сыновъ тьмы и погибели.

Будемъ убѣгать, говорилъ онъ, злословія, грѣха столь великаго и, къ несчастію, столь общаго между нами! Не будемъ останавливаться, подобно докучливымъ мухамъ, на ранахъ чужихъ; будемъ лучше подражать разумной пчелѣ, которая всегда садится на цвѣтахъ. Пчела изъ разныхъ соковъ составляетъ соты чистаго меду; а муха только раздражаетъ и растравляетъ рану, къ которой прикасается. Сія возбуждаетъ противъ себя ненависть и досаду, другая, напротивъ, заслуживаетъ любовь и почтеніе. Итакъ будемъ всегда останавливать свое вниманіе на добродѣтеляхъ святыхъ мужей, какъ на драгоцѣнныхъ цвѣтахъ, и постараемся все болѣе и болѣе разливать благоуханіе, отъ нихъ исходящее. Закроемъ свои уста для злословія, и пробудимъ въ себѣ любовь къ братіямъ, безъ которой не возможно угодить Богу.

Св. Златоустъ не съ меньшимъ краснорѣчіемъ и убѣдительностію говорилъ, когда касался въ своихъ бесѣдахъ цирка и театровъ.

Въ его время сцена была, можно сказать, училищемъ самой возмутительной безнравственности; тамъ слышались слова и раздавались пѣсни самыя безчинныя, актеры и актрисы являлись на сценѣ почти совершенно обнаженные и преподавали уроки самой страшной, преступной похотливости; ихъ костюмъ, ихъ походка, тѣлодвиженія, все непреодолимо возбуждало, воспламеняло страсти. Въ одной изъ своихъ

бесѣдъ на Евангеліе Матѳея, дѣлая сравненіе чистыхъ наслажденій пустыннаго житія монаховъ и благотворнаго вліянія на другихъ съ преступнымъ удовольствіемъ сидящихъ въ театрѣ, говоритъ: «посмотримъ на это сонмище блудныхъ женъ и непотребныхъ юношей, собравшихся въ театрѣ, и ихъ забавы, которыми весьма многіе изъ безпечныхъ юношей завлекаются въ ихъ сѣти и сравнимъ съ жизнію блаженныхъ монаховъ. Здѣсь столько же найдемъ различія, сколько между Ангелами, если бы ты услышалъ стройно поющихъ на небѣ, и между собаками и свиньями, которыя визжатъ, роясь въ навозѣ. Устами однихъ говоритъ Христосъ, а языкомъ другихъ діаволъ.... Въ театрѣ слушатель тотчасъ воспламеняется огнемъ нечистой любви. Если мало взора блудницы зажечь сердце, то голосъ ея влечетъ въ погибель.... и не только голосъ и взоръ, но и самыя одежды блудницъ приводятъ въ смущеніе зрителей... Въ театрѣ, когда посмотрятъ на блудницу въ золотомъ уборѣ, бѣдный станетъ плакать и рыдать, видя, что жена его не имѣетъ ни одного изъ сихъ украшеній; а богатые послѣ такого зрѣлища будутъ презирать и отвращаться своихъ супругъ. Какъ скоро блудница представитъ зрителямъ и одежду, и взоръ, и голосъ и поступь, и все, что можетъ возбудить любострастіе, они выходятъ изъ театра, воспламененные страстію, и возвращаются домой уже плѣнниками. Отсюда происходятъ обиды, безчестія, вражды, брани и каждодневные случаи смертные, и жизнь — не жизнь такому плѣннику. Жена ему уже не мила, дѣти не по прежнему любезны, весь домъ приходитъ

въ безпорядокъ; самый свѣтъ солнечный для него кажется несноснымъ» [1].

Въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ, показывая, что многіе по преступной разсѣянности и небрежности о святынѣ храма, позволяютъ себѣ, въ самыя даже священныя и важныя минуты литургіи, во время освященія даровъ, устремлять страстные взоры на красивыхъ женщинъ, и такимъ образомъ любодѣйствуютъ въ своемъ сердцѣ, забывая о невидимомъ присутствіи Бога,—говоритъ: «всему этому научаютъ васъ соблазнительныя зрѣлища, эта неистребимая язва, вредоносный ядъ, сѣти, изъ которыхъ трудно избавиться попавшемуся въ нихъ, удовольствіе и вмѣстѣ погибель для сладострастныхъ. Посему и Пророкъ въ своемъ обличеніи говорилъ: *не суть очи твои, ниже сердце твое благо* (Іер. 22, 17). Лучше такимъ людямъ быть слѣпыми, лучше быть больными, нежели такъ злоупотреблять зрѣніемъ» [2].

Страсть къ театру такъ вкоренилась въ жителяхъ Антіохіи и Константинополя, что въ одно время народъ, забывъ Бога, и въ страстную пятницу былъ на конскомъ ристаніи, а на другой день въ театрѣ. Ревность св. Златоуста не могла оставаться безгласною при такомъ соблазнѣ. По этому случаю въ день свѣтлаго воскресенія Христова онъ говорилъ слѣдующее: «можно ли это снести? Можно ли стерпѣть? Вамъ самимъ хочу жаловаться на васъ. Послѣ столь продолжительной моей проповѣди, и послѣ столь многихъ поученій, нѣкоторые, оставивъ насъ, побѣ-

---

[1] На Матѳ. бесѣд. 68, § 4.

[2] Тамъ же бесѣд. 73, стр. 258—259.

*жали смотрѣть на ристалище коней, и дошли до та*кого бѣшенства, что весь городъ наполнили безчиннымъ крикомъ и восклицаніями, возбуждающими великій смѣхъ, или лучше, плачь. Сидя дома и слыша раздающіеся крики, я страдалъ гораздо болѣе, нежели обуреваемые волнами. Ибо какъ сіи, при каждомъ ударѣ волнъ въ бока корабля, съ ужасомъ ожидаютъ конца себѣ: такъ и меня поражали оныя несносныя *восклицанія. Я потупилъ взоры на землю и закрылся* отъ стыда, когда одни, сидя на возвышенныхъ мѣстахъ, безчинничали, а другіе, находясь внизу среди площади, рукоплескали всадникамъ и кричали несноснѣе ихъ»...

«Что намъ сказать, и чѣмъ оправдаться, если какой чужестранецъ скажетъ въ укоризну: это ли апостольскій городъ? Это ли городъ, въ которомъ былъ такой учитель? Это ли народъ христолюбивый, зрѣлище истины и духа? Не уважили даже и того дня, въ который совершились знаменія спасенія рода нашего. Въ пятокъ, когда Господь нашъ для спасенія вселенной былъ распятъ, когда приносилась столь великая жертва, когда отверзся рай, и разбойникъ входилъ въ древнее отечество, когда разрушалась клятва, истреблялся грѣхъ, прекращалась долговременная вражда, когда Богъ примирялся съ человѣками и все преобразовалось: въ тотъ день, въ который надлежало поститься, исповѣдываться и возсылать благодарственныя молитвы къ Тому, Который содѣлалъ толикія благодѣянія міру: въ это время вы, оставивъ церковь и духовную жертву, собраніе братій и важность поста, отдались въ плѣнъ діаволу и пу-

стились на оное зрѣлище. Можно ли это снести? Можно ли стерпѣть»?

«Я не перестану повторять часто слова сіи. За три дня предъ симъ проливной дождь все увлекалъ съ собою и, такъ сказать, отъ самыхъ устъ земледѣльцевъ похищалъ пищу ихъ, ниспровергалъ космате колосья, и все прочее опустошалъ силою своей влаги, совершаемы были ходы и моленія. Тогда весь городъ нашъ, какъ потокъ стремился къ мѣстамъ апостольскимъ. Мы избрали въ свои заступники святаго Петра, блаженнаго Андрея, и неотдѣльную отъ Апостоловъ двоицу, Павла и Тимоѳея. Потомъ, когда прекратился гнѣвъ Божій, мы смѣло, разсѣкая волны, переправились чрезъ море, и прибѣгали къ верховнымъ Апостоламъ: Петру, основанію вѣры, и Павлу, сосуду избранному. Мы совершали духовное празднество, проповѣдывали ихъ подвиги, торжество и побѣды надъ бѣсами. Но тебя не поразили оныя ужасныя произшествія, не научили великіе подвиги Апостоловъ; но такъ скоро, что прошелъ одинъ только день, и ты скачешь и кричишь, не думая о томъ, что душа твоя въ плѣну у страстей. Если тебѣ хотѣлось смотрѣть на ристалище скотовъ, то для чего не обуздалъ ты скотскія страсти свои, буйство и похоть? Для чего не возложилъ на нихъ благаго и легкаго ига Христова?... Или ты не знаешь, что Богъ потребуетъ съ насъ отчета въ дняхъ жизни нашей, въ чемъ мы провели каждый день? Что мы скажемъ? Чѣмъ будемъ оправдываться, когда потребуется отчетъ въономъ днѣ? Для тебя восходило солнце, луна освѣщала ночь и сіялъ разнообразный хоръ звѣздъ; для тебя вѣяли вѣтры, текли рѣки; для тебя возни-

кали травы и расли растенія; для тебя ходъ природы соблюдалъ свойственный себѣ порядокъ: наступалъ день, проходила ночь. Все сіе дѣлалось для тебя: а ты, при такомъ служеніи тебѣ тварей, исполняешь похоть діавола, и взявши въ наемъ у Бога такой домъ, міръ сей, не платишь ему, что слѣдуетъ. Не довольно было тебѣ перваго дня; и на другой день, когда хотя не много надлежало тебѣ дать себѣ покоя послѣ содѣяннаго нечестія, ты пошелъ еще въ театръ, изъ дыма бросился въ огонь, и изъ одной пропасти повергся въ другую опаснѣйшую. Старики осрамили сѣдину свою, юноши погубили юность свою, отцы вели туда дѣтей своихъ, и въ самомъ невинномъ возрастѣ повергли ихъ въ бездну разврата. Справедливо скажетъ тотъ, кто, вмѣсто имени отцевъ, назоветъ ихъ убійцами дѣтей своихъ. Ибо они таковымъ развращеніемъ погубляютъ ихъ душу».

«Но ты скажешь: что за развратъ? Я потому то и плачу, что ты, будучи боленъ, не знаешь, что боленъ, и не хочешь искать врача себѣ. Ты сдѣлался прелюбодѣемъ, и говоришь: что за развратъ? Не ужели ты не слыхалъ словъ Христовыхъ: *всякъ, иже воззритъ на жену съ похотствованіемъ, уже любодѣйствова съ нею* (Мѳ. 5, 28)? Ты скажешь, что изъ того? я не смотрѣлъ съ похотію. Но чѣмъ въ томъ ты меня увѣришь? Кто не удерживается отъ воззрѣнія, но еще съ такимъ усиліемъ ищетъ онаго, какъ можетъ тотъ остаться непоколебимъ по воззрѣніи? Развѣ тѣло твое камень? Развѣ желѣзо? Ты обложенъ плотію, и плотію человѣческою, которая скорѣе воспламеняется похотію, нежели сѣно огнемъ»...

«Я не перестану говорить одно и тоже. Не ужели

ты болѣе успѣлъ въ христіанской жизни, нежели великіе оные и знаменитые мужи, которые пали отъ одного воззрѣнія? Развѣ ты не слыхалъ, что говоритъ Соломонъ: *вяжетъ ли огнь въ нѣдра, ризъ же своихъ не сожжетъ ли? Или ходити кто будетъ на угліяхъ огненныхъ, ногъ же не вожжетъ ли? Тако вшедый къ женѣ чуждей* (Притч. 6, 28, 29). Хотя ты и не смѣсился съ блудницею, но совокупился съ нею похотію, но грѣхъ въ сердцѣ совершенъ. Не только въ самомъ театрѣ, но и по закрытіи его, когда она уже скрылась, въ душѣ твоей остается ея образъ, слова, тѣлодвиженія, взгляды, поступь, гибкость, ловкость, блудныя пѣсни: ты выходишь съ тысячами ранъ. Не отъ сего ли разоряются домы? Не отъ сего ли потеря цѣломудрія? Не отъ сего ли расторженія браковъ? Не отъ сего ли вражда и ссоры? Не отсюда ли неудовольствія безъ всякихъ причинъ? Ибо, когда ты возвращаешься домой, будучи исполненъ мыслями объ ней и сдѣлавшись ея плѣнникомъ, то и жена твоя кажется тебѣ уже не столько хороша, и дѣти не милы, и слуги несносны, и домъ скученъ, и обыкновенныя попеченія о хозяйствѣ досадны: всякой, кто ни придетъ, для тебя скученъ и несносенъ. А причиною сему то, что ты приходишь домой не одинъ, но приводишь съ собой блудницу, не явно, не открыто, что было бы легче, потому что жена тотчасъ выгнала бы ее; но она находится у тебя въ мысляхъ и въ сердцѣ, и воспламеняетъ вавилонскій, или еще сильнѣйшій, огонь внутри. Ибо не лёнъ, не нефтъ, не смола доставляютъ пищу огню сему, но то, что мы выше сказали, и все потребляется»...

«О, стыдъ! Волкъ, левъ и прочіе звѣри, будучи

поражены стрѣлою, бѣгутъ отъ ловца; а человѣкъ, одаренный разумомъ, будучи пораженъ, бѣжитъ за поразившею его, дабы получить новую рану отъ опаснѣйшей стрѣлы, и радъ своей ранѣ. Это всего горестнѣе, потому что болѣзнь дѣлается неизлѣчимою. Ибо кто не скучаетъ раною, и не хочетъ отъ нея избавиться, станетъ ли тотъ искать врача? Потому я такъ сѣтую, потому такъ болѣзную, что вы возвращаетесь оттуда съ такою заразою, и что для малаго удовольствія остаетесь въ непрерывномъ мученіи. Ибо, прежде еще геенны и будущей жизни, вы и здѣсь подвергаете себя крайнему наказанію. Скажите мнѣ, не крайнее ли наказаніе питать таковую похоть, непрестанно разжигаться ею, повсюду носить въ себѣ пещь постыдной любви и укоризну совѣсти? Какъ ты приступишь къ симъ священнымъ дверямъ? Какъ приступишь къ небесной трапезѣ? Какъ будешь слушать слово о цѣломудріи, когда въ тебѣ столь тяжкія раны и язвы, и когда умъ твой порабощенъ постыдной страсти?»...

Впрочемъ дѣятельность пастырская св. Златоуста состояла не въ томъ только, чтобъ обличать порокъ. Но такъ какъ жизнь христіанская состоитъ не въ удаленіи только отъ зла, но и въ дѣланіи добра, онъ непрестанно возбуждаетъ народъ къ упражненію въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Его голосъ, какъ труба, возбуждалъ души и призывалъ къ подвигамъ ради Господа, къ дѣламъ милосердія, къ неизмѣнной любви, къ терпѣнію въ дѣлахъ и къ храненію чистоты сердечной. Представляя въ примѣръ твердости и постоянства подвига молитвеннаго Анну, мать Самуила, говоритъ: «и мы всѣ молимся предъ Богомъ. У кого въ то время, какъ тѣло лежитъ на землѣ и

уста безмысленно произносятъ слова, душа блуждаетъ вездѣ—дома и на площади: такой можетъ ли сказать о себѣ, что молится предъ Богомъ? Предъ Господомъ молится тотъ, кто вполнѣ собралъ душу свою и не имѣетъ ничего общаго съ землею, но переселился на самое небо и изгналъ изъ души всякій человѣческій помыслъ, какъ сдѣлала тогда и эта жена. Ибо она, всю себя собравъ и напрягши умъ, призывала Бога скорбною душею,... и молитва ея была краткая, ибо она не распространялась въ словахъ и не долго продолжала молитву...., но постоянно продолжала одну и туже молитву, и непреставала въ теченіе долгаго времени произносить одни и тѣже слова. Такъ молиться повелѣлъ и Христосъ въ Евангеліи, сказавъ ученикамъ Своимъ, чтобы они не молились и не говорили лишняго, какъ язычники, внушая, что молящійся можетъ быть услышанъ Богомъ не за множество словъ, но за бдительность души» (Матѳ. гл. 6). «И Павелъ увѣщаваетъ, говоря *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 18). Итакъ Христосъ и Павелъ заповѣдали *творить краткія, но частыя молитвы, съ небольшими* промежутками. Если ты будешь распространяться въ словахъ, то нерѣдко станешь дѣлать это безъ вниманія и дашь діаволу большую свободу подойти къ тебѣ, низложить и отвлечь мысль твою отъ того, что̀ говоришь. Но если будешь творить молитвы частыя, такимъ учащеніемъ молитвъ занимая всякое время, легко можешь быть бдительнымъ и самыя молитвы станешь творить съ полнымъ вниманіемъ» [1]. «Люди слышатъ только внѣшній голосъ, но Богъ, прежде этого голоса слышитъ вну-

---

[1] Объ Аннѣ бесѣд. 2. § 3.

тренній вопль. Поэтому можно быть услышану, не говоря ни слова; можно и ходя по площади, молиться мысленно съ великимъ усердіемъ; и сидя съ друзьями, и дѣлая, чтобы то ни было, можно призывать Бога съ великимъ воплемъ, т. е. воплемъ внутреннимъ, не слышнымъ ни для кого изъ присутствующихъ» [1]. И молитву должно соединять съ благодареніемъ. «Ибо, гдѣ молитва и благодареніе, туда приходитъ благодать Св. Духа, оттуда прогоняются демоны и всѣ вражескія силы отступаютъ и обращаются въ бѣгство» [2].

Многіе изъ правовѣрныхъ приходили въ такое разслабленіе, что сообщались св. таинъ однажды въ годъ, и то не съ должнымъ вниманіемъ и съ надлежащимъ приготовленіемъ. Св. Златоустъ, чтобъ расположить ихъ надлежащимъ образомъ приготовляться къ сему таинству, сообщаетъ имъ важность его, и понятіе о той предварительной дѣятельности, которую они должны имѣть, чтобы неосужденно приступить къ сему столь важному дѣлу. «Христосъ далъ намъ, говоритъ онъ, въ пищу святую плоть Свою, Самаго Себя предложилъ въ жертву: какое же будешь имѣть оправданіе, когда, принимая такую пищу, такъ грѣшилъ? Вкушая Агнца, дѣлаемся волками? Снѣдая овча, бываемъ хищны какъ львы? Таинство сіе требуетъ, чтобъ мы были совершенно чисты, не только отъ хищенія, но и отъ малой вражды. Онъ есть таинство міра, и не позволяетъ гоняться за богатствомъ. Господь не пощадилъ для насъ Самаго Себя: чего же будемъ достойны мы, когда, сберегая богатство, не по-

[1] Тамъ же § 4.

[2] Тамъ же § 8.

бережемъ души своей, за которую Онъ не пощадилъ Себя?.... Будемъ же избѣгать сей пропасти (сребролюбія), и не почтемъ достаточнымъ для спасенія, если, ограбивъ вдовъ и сиротъ, принесемъ златый и украшенный драгоцѣнными камнями сосудъ для св. трапезы; если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва; душу свою сдѣлай золотою. Если же она хуже свинца и глины, а сосудъ золотой; какая тебѣ изъ того польза? Посему будемъ заботиться не о томъ одномъ, чтобы принесть въ даръ золотые сосуды, но и о томъ, чтобы принесть отъ праведныхъ трудовъ. Ибо дороже золота пріобрѣтенное безъ любостяжательности. Церковь—не на то, чтобъ въ ней плавить золото, ковать сребро: она есть торжественное собраніе Ангеловъ. Посему мы требуемъ въ даръ ваши души, ибо для душъ принимаетъ Богъ и прочіе дары.... Хочешь ли почтить тѣло Христово? не презирай, когда видишь Христа нагимъ. И что пользы, если здѣсь почтишь Его шолковыми покровами, а внѣ храма оставишь терпѣть и холодъ и наготу? Изрекшій: *сіе есть тѣло Мое* (Матѳ. 26, 26), и утвердившій то словомъ сказалъ также: вы видѣли Меня алчущаго, и не напитали; и далѣе: *понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни Мнѣ сотвористе* (—25, 42). Для сего таинственнаго тѣла нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, т. е. нищіе, имѣютъ великую нужду въ нашемъ попеченіи. Научимся быть любомудрыми и почитать Христа, какъ Самъ Онъ того хочетъ. Почитаемому пріятнѣе всего та честь, которой Онъ Самъ желаетъ, а не та, которую мы признаемъ лучшею. И Петръ думалъ почтить Гос-

пода, не допуская Его умыть ноги; однакоже это было не почтеніе, а нѣчто тому противное. Посему и ты почитай Его такою честію, какую Самъ Онъ заповѣдалъ, т. е. истощай свое богатство на бѣдныхъ. Богу нужны не золотые сосуды, а золотыя души. Хотя Богъ пріемлетъ и вклады, но гораздо лучше милостыню. Тамъ даръ бываетъ иногда поводомъ къ тщеславію; а здѣсь все дѣлается по одному милосердію и человѣколюбію. Что пользы, если трапеза Христова полна золотыхъ сосудовъ, а Самъ Христосъ томится голодомъ? Сперва напитай Его алчущаго, а потомъ остальное употреби на украшеніе трапезы Его» [1].

Мы не можемъ въ подробности передать всѣхъ дѣлъ благочестія, которымъ онъ поучалъ, и всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, къ которымъ руководилъ онъ жителей Антіохіи, но скажемъ вообще, что онъ особенно внушалъ вѣру въ таинства вѣры, уваженіе къ св. Церкви, прилежное чтеніе св. Писанія, частое употребленіе знаменія креста, ежедневныя молитвы, молитвы прежде и послѣ обѣда, обученіе и попеченіе о дѣтяхъ, благоговѣйную память о смерти, призываніе святыхъ, благоговѣйное поклоненіе святымъ ихъ мощамъ и подражаніе ихъ добродѣтелямъ.

Чтобъ возбудить въ своихъ слушателяхъ отвращеніе отъ грѣха, и любовь къ добродѣтели, часто напоминалъ имъ о строгости суда Божія, объ отчетѣ, который они должны будутъ отдать Ему во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и помышленіяхъ, о смущеніи, о мучительномъ угрызеніи совѣсти, о радости праведныхъ и о мученіяхъ адскихъ. Онъ всегда старался

---

[1] На Матѳ. бесѣд. 50, § 2.

оторвать ихъ отъ привязанности къ міру, показывая обманчивость и суетность всѣхъ богатствъ, почестей и удовольствій земныхъ.

«Для чего отвращаешься Того, Который столько любитъ тебя»? вопрошаетъ онъ. «Для чего работаешь міру? Для чего вливаешь въ сосудъ разбитый? Ибо сему подобны труды для настоящей жизни. Не каждое ли искуство имѣетъ цѣль? Это всякому извѣстно. Покажи мнѣ и ты цѣль житейскаго попеченія; но ты не можешь показать: ибо *суета суетствій и всяческая суета* (Еккл. 1, 1). Пойдемъ къ гробамъ: покажи мнѣ отца, покажи мнѣ жену! Гдѣ тотъ, который облекался въ золотыя одежды, сидѣлъ въ колесницѣ, имѣлъ войска, царскій поясъ, провозвѣстниковъ; который однихъ предавалъ смерти, а другихъ ввергалъ въ темницу, который по своей волѣ и умерщвлялъ и освобождалъ? Я ничего не вижу, кромѣ костей, червей и паутины. Все это земля, все это баснь; все это сонъ и тѣнь, пустой разсказъ, образъ на картинѣ. О если бы этимъ оканчивались бѣдствія! Но теперь честь, удовольствія, знаменитость суть одна тѣнь, однѣ слова; а то, что отъ нихъ происходитъ уже, не тѣнь и слова, но пребываетъ и перейдетъ съ нами туда и всѣмъ будетъ извѣстно» [1].

Зная, что ничто такъ не можетъ возбуждать къ лучшей дѣятельности, какъ благочестивый примѣръ, св. Златоустъ приводитъ имъ на память святую жизнь первенствующихъ христіанъ и, въ особенности, борьбу, мужество и торжество святыхъ мучениковъ [2]. «Свя-

[1] Тамъ же бесѣд. 76, § 5.

[2] Хр. Чт. 1838 г. ч. 2, стр. 288. Похвал. сл. мученикамъ.

тыхъ, говоритъ онъ, привязывали къ дереву и строгали бока ихъ, проводя на нихъ бразды, какъ будто землю взрывая плугомъ, а не тѣло раздирая, такъ что можно было видѣть самыя внутренности тѣла: бока и перси, бывъ раздираемы, раскрывались. Но лютость кровожадныхъ звѣрей симъ еще не довольствовалась: снявъ мучениковъ съ дерева, они растягивали ихъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, надъ горящими угольями, и вотъ новое, ужаснѣйшее всѣхъ прежнихъ зрѣлище! Изъ тѣлъ текли двоякіе потоки крови и растопленной плоти. Но святые, возлежа на угольяхъ, какъ на розахъ, съ веселіемъ смотрѣли на зрѣлище!... Иногда пламень огня обнималъ ихъ со всѣхъ сторонъ, искры вторгались въ ихъ раны и грызли тѣло жесточе всякаго свирѣпаго звѣря; а они пребывали какъ бы адамантовыми, какъ будто бы не сами они терпѣли, а видѣли сіи мученія на чужихъ тѣлахъ; непоколебимо, и съ свойственнымъ исповѣдникамъ Христовымъ мужествомъ, они стояли въ исповѣданіи вѣры, оставались непреклонными при всѣхъ усиліяхъ враговъ, обнаруживая ясно и свое мужество и Божію силу». Возбуждая къ молитвенному бодрствованію во время ночи, говоритъ: «ты лежишь, простершись на мягкомъ ложѣ, и не хочешь встать? Вспомни о мученикахъ, лежавшихъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ которыми положены были не постели, а уголья» [1]. Св. мученики, показавши себя мужественными, непобѣдимыми героями св. вѣры при жизни, остаются крѣпкими защитниками отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ и по смерти. «Тѣла святыхъ ограждаютъ

---

[1] Тамъ же.

города лучше всякой твердыни, и подобно высокимъ скаламъ, зримымъ отвсюду, не только отражаютъ нападенія видимыхъ враговъ, но и всѣ козни и навѣты демоновъ. Всѣ человѣческія средства, употребляемыя для охраненія жителей, какъ то: стѣны, рвы, оружія, войска и проч. врагъ можетъ преодолѣть другими, еще сильнѣйшими средствами. Но если городъ защищенъ тѣлами святыхъ, то сколько бы ни ухищрялись непріятели, не могутъ противоставить имъ ничего равносильнаго. И не только въ борьбѣ съ людьми и демонами полезно намъ это драгоцѣнное сокровище: но и въ очахъ прогнѣваннаго Бога оно искупаетъ множество нашихъ грѣховъ. Если въ прежнее время люди, совершившіе чудныя дѣла, призывали въ помощь имена святыхъ мужей, Авраама, Исаака и Іакова, и отъ одного воспоминанія сихъ именъ получали великую для себя пользу, умилостивляя ими Бога: то тѣмъ паче можемъ умилостивить Его мы, которые прибѣгаемъ не только къ воспоминанію именъ, но и къ самымъ тѣламъ подвизавшихся за имя Божіе [1]. «Взирая на сихъ святыхъ мучениковъ, мужественныхъ и терпѣливыхъ подвижниковъ, которые даны намъ вмѣсто свѣтилъ, станемъ сообразовать жизнь свою съ ихъ терпѣніемъ, дабы по переселеніи отъ земли, молитвами ихъ сподобились мы узрѣть ихъ, привѣтствовать, и перейдти въ небесныя ихъ жилища [2]. Доказывая непобѣдимую силу святыхъ надъ демонами, св. Златоустъ указываетъ на нѣкоторые опыты, совершившіеся при гробѣ св. мученика Гулі-

---

[1] Сл. въ похв. егип. муч. Хр. чт. 1835 г. ч. 1, стр. 26.
[2] Тамъ же стр. 35.

ана, когда демоны, лишь только бѣсноватые приводимы были къ св. останкамъ мученика, тотчасъ оставляли ихъ [1]. «Что язвы мученика блистательнѣе небесныхъ звѣздъ, говоритъ онъ, это вы увидите изъ слѣдующаго. На небо и на звѣзды его смотрятъ и люди и демоны: но на язвы мученика взираютъ только вѣрующіе, а демоны не смѣютъ поднять на нихъ глазъ, когда же усиливаются взирать на нихъ, то не могутъ сносить исходящаго оттуда блеска, тотчасъ поражаются слѣпотою. Я докажу это не только древними произшествіями, но и настоящими событіями. Возьми какого нибудь одержимаго демономъ и бѣснующагося, приведи его ко св. гробу, гдѣ покоятся останки мученика, и ты увидишь, что бѣсноватый убѣжитъ оттуда. Точно будто по разженнымъ угольямъ надобно ему идти, онъ боится приступить къ преддверію храма, не смѣетъ поднять глазъ даже на покровъ гроба» [2].

Въ городѣ Антіохіи много тогда находилось мощей святыхъ. Въ память ихъ, храмы и самые святые останки ихъ находились даже въ предмѣстіяхъ городовъ, между прочимъ и въ Дафнѣ. Во дни торжествъ, совершаемыхъ въ память святыхъ, народъ собирался во множествѣ въ храмы, посвященные имени ихъ, и св. пресвитеръ, пользуясь симъ обстоятельствомъ, говорилъ поученія въ похвалу мучениковъ, съ обычною ревностію и краснорѣчіемъ, возбуждая предстоящихъ къ подражанію жизни святыхъ. Кромѣ поученій на рождество Христово, богоявленіе, воскресеніе,

---

[1] Похв. сл. Іул. муч. Хр. чт. 1834 г. ч. III, стр. 126.
[2] Тамъ же стр. 125, 126.

вознесеніе, пятьдесятницу, онъ говорилъ слова въ похвалу святителей антіохійскихъ, Мелетія, Евстаѳія, священномученика Игнатія Богоносца, Іуліана мученика, св. мучениковъ Ювентина и Максима, священномученика Вавилы и другихъ. Въ трехъ поученіяхъ восхвалилъ мужество и страданіе братьевъ Маккавеевъ, св. мучениковъ египетскихъ и всѣхъ вообще мучениковъ. Въ похвальномъ словѣ всѣмъ вообще св. мученикамъ, сказавъ о страшныхъ орудіяхъ казни мучениковъ, о ихъ непоколебимомъ мужествѣ, и о томъ блаженствѣ, которымъ они наслаждаются въ небесахъ, говоритъ, что нынѣ есть возможность совершить подобные подвиги и заслуживать туже славу. «Не сожалѣете ли, вопрошаетъ онъ, что нынѣ не время мученій? Но и мы можемъ подвизаться, какъ во время мученичества. Мученики презирали жизнь? Ты презирай удовольствія. Они ввергали тѣла свои въ огонь? Ты повергай свое имущество въ руки бѣдныхъ. Они попирали горящія уголья? Ты погашай пламень плотскаго вожделѣнія. Трудно это? Но полезно. Взирай не на настоящія скорби, но на будущія блага; не на бѣдствія дѣйствительныя, но на блаженство уповаемое; не на страданія, но на награды; не на труды, но на вѣнцы; не на изнуренія, но на упокоеніе; не на болѣзни, но на воздыханія; не на огонь сожигающій, но на царство предстоящее; не на окружающихъ мучителей, но на увѣнчавающаго Христа» [1]. Такимъ образомъ св. Златоустъ, какъ вѣрный рабъ, съ неутомимымъ усердіемъ воздѣлывалъ ниву Господню. Правда, трудно было пробудить народъ,

---

[1] Хр. чт. 1838 г. ч. II, стр. 300.

безпечно предававшійся порокамъ, остановить бурный потокъ разныхъ безпорядковъ, утвердившихся отъ продолжительности времени, разсѣять облегавшій людей мракъ невѣдѣнія истинъ вѣры и благочестія, бороться противъ предразсудковъ и укоренившихся страстей: но ревность св. Златоуста въ исполненіи обязанностей пресвитера была такъ велика, что ничто, какъ показалъ опытъ, не могло остановить или разслабить его спасительной дѣятельности.

Когда Флавіанъ возложилъ на св. Златоуста обязанность проповѣданія слова Божія, онъ съ такою ревностію занимался этимъ дѣломъ, что Флавіанъ уже рѣдко вступалъ на каѳедру, а иногда даже уступалъ ее краснорѣчивому пресвитеру, по желанію народа, привыкшаго его слушать. Такъ однажды, излагая ученіе о равенствѣ по Божеству Сына Божія и Бога Отца, и примѣтивъ желаніе Антіохіянъ слышать о семъ Златоустаго, прекратилъ рѣчь и предоставилъ Іоанну продолжать начатое имъ [1]. За исключеніемъ особыхъ случаевъ, требовавшихъ поученій отъ Златоустаго, онъ обыкновенно два раза, или по крайней мѣрѣ однажды, въ недѣлю говорилъ бесѣды къ антіохійскимъ христіанамъ, иногда же поучалъ ихъ почти ежедневно, какъ это было во дни св. четыредесятницы при изъясненіи на книгу Бытія. И произносилъ онъ свои поученія иногда предъ литургіею, а иногда еще до восхода солнечнаго, чтобы предстоящіе въ церкви, не чувствуя жара и духоты, могли долѣе и съ большимъ вниманіемъ слушать его, а частію и для того, чтобы не воспрепятствовать

[1] In illud: Filius ex se nihil fecit, et caet. Homil. T. VI, p. 255.

ихъ дневнымъ занятіямъ; а иногда говаривалъ и вечеромъ, какъ это бывало во дни покаянные постомъ. Говорилъ онъ свои поученія большею частію въ такъ называемой древней церкви, основанной св. Апостолами. Часто во время произносимыхъ св. Златоустомъ поученій Флавіанъ сидѣлъ противъ амвона на особо приготовленномъ для него мѣстѣ и своимъ присутствіемъ подтверждалъ непреложность возвѣщенныхъ пресвитеромъ истинъ. Св. Златоустъ никогда не затруднялся въ выборѣ матеріи. Его глубокія и многообъемлющія свѣдѣнія, его благочестіе и пламенная ревность о возведеніи своихъ слушателей на высоту христіанской жизни и дѣятельности были обильнымъ источникомъ мыслей и чувствъ, которыми онъ охотно дѣлился съ многочисленнымъ собраніемъ народа, стекавшимся со всѣхъ концевъ города и даже изъ окрестныхъ селеній. Но основнымъ началомъ и главною силою его бесѣдъ было глубокое изученіе священнаго Писанія, котораго буквальный смыслъ онъ хорошо понималъ, также смыслъ историческій и таинственный, и выводя изъ Божественнаго Писанія правила для дѣятельности, передавалъ свои мысли объ этомъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Когда онъ принимался за *толкованіе какой либо изъ книгъ священнаго* Писанія, то объяснялъ по порядку, текстъ за текстомъ, впрочемъ не произвольный давая смыслъ св. Писанію, но всегда руководствуясь принятымъ и утвержденнымъ ученіемъ прежнихъ св. отцевъ и учителей Церкви. Излагая свои бесѣды языкомъ яснымъ, простымъ, вразумительнымъ, всегда, какія бы ни изъяснялъ истины, догматическія или нравственныя, старался дѣлать приложенія къ утвержденію и уясне-

нію предметовъ вѣры и къ исправленію нравовъ и искорененію утвердившихся какъ либо зловредныхъ обычаевъ въ народѣ.

Приступая къ изъясненію какой либо книги или главы св. Писанія, онъ не рѣдко предначиналъ свою бесѣду какимъ либо внушеніемъ, которымъ служило или какое либо частное обстоятельство, или торжество дня, или какое либо происшествіе, совершившееся въ городѣ. Потомъ онъ спокойно приступалъ къ самому дѣлу, изъяснялъ предметъ, разсѣявалъ предубѣжденія, понемногу овладѣвалъ вниманіемъ слушателей, и такимъ образомъ, когда предстоявшіе бывали довольно приготовлены, онъ воспламенялся ревностію, обличалъ, запрещалъ и, какъ громомъ, поражалъ справедливыми укоризнами. Бесѣды его всегда полны были обличеніями и утѣшеніями, мудрыми изрѣченіями и неотразимыми доказательствами. Рѣчь его иногда являлась, какъ быстрый потокъ, который низвергаясь съ крутизны горъ, все низвергаетъ и увлекаетъ; а иногда же казалась величественною рѣкою, которая повсюду приноситъ своими водами плодородіе и изобиліе. Живыя и воодушевленныя описанія, сравненія, противоположенія, поразительныя картины воображенія, все находишь въ его сочиненіяхъ! Небо, землю, море, науки, искуства, обычныя потребности и занятія жизни общественной и семейной, всю природу со всѣми своими явленіями и произведеніями, все это съ необыкновенною способностью заставлялъ онъ служить къ поясненію, доказательству и торжеству истины и добродѣтели.

Слово Божіе служило главною силою поученій Златоуста. Оно было для него свѣтомъ разсѣвающимъ

мракъ, хлѣбомъ духовнымъ, огнемъ, истребляющимъ ржавщины душевныя, водою, омывающею нечистоты ея, божественнымъ оружіемъ, щитомъ непроницаемымъ, крѣпостью неприступною, въ которой онъ могъ отдохнуть, не опасаясь кораблекрушенія. На смиреніе онъ смотрѣлъ всегда, какъ на непоколебимое основаніе духовнаго зданія, матерь всѣхъ добродѣтелей, начало философіи, источникъ истинной мудрости, истиннаго руководителя къ царствію небесному, при содѣйствіи котораго раскаявшійся разбойникъ вселился въ рай прежде даже апостоловъ. Гордость напротивъ, почиталъ корнемъ всѣхъ золъ, подводнымъ камнемъ, о который разбивались нерѣдко тѣ, которые долго противились бурямъ страстей и разныхъ искушеній.

Молитва по его ученію есть свѣтъ и крылья для души, связь соединяющая насъ съ Богомъ; непроницаемый щитъ, стрѣла, страшная для демоновъ, благоуханный цвѣтъ милосердія и поста, пристань, открытая для всѣхъ обуреваемыхъ искушеніями, якорь спасенія для плавающихъ среди воздымающихся волнъ страстей, бѣдъ и напастей.

Когда св. Златоустъ убѣждаетъ къ подаянію милостыни, представляетъ ее какъ полезный для насъ заемъ, дѣлаемый Богомъ, какъ великое сокровище, скрытое въ безопасномъ мѣстѣ, какъ плодородное сѣмя, которое должно въ свое время произвести обильную жатву. Милостыня—это величественное украшеніе въ день всеобщаго суда, легкій путь къ небу; бѣдные—суть житница Божія, врачи нашихъ душъ, ходатаи и защитники.

Представляется ли ему случай говорить о Церкви; онъ указываетъ въ ней покойную пристань, безопас-

ное убѣжище во время непогоды, корабль, управляемый Самимъ Христомъ, который плывя на всѣхъ парусахъ, за ничто считаетъ самые усиленные порывы вѣтровъ, самыя страшныя бури.

Жизнь св. Златоуста представляетъ всегда какъ бы непрестанную борьбу, сраженіе, которое онъ часто сравниваетъ съ олимпійскими играми. «Христіанинъ, говорилъ онъ, есть борецъ, воинъ, земледѣлецъ, путешественникъ, мореплаватель, долженствующій непрестанно направлялъ свой путь къ пристани небеснаго отечества. Смерть есть ничто иное, какъ сонъ, успокоеніе, разрѣшеніе отъ узъ плоти». Можно бы многое сказать о его высокихъ достоинствахъ, раскрывшихся въ его писаніяхъ, но боимся слишкомъ отдалиться отъ главнаго предмета. Впрочемъ для того, чтобъ составить понятіе о красотѣ и богатствѣ воображенія святаго оратора, достаточно и сказаннаго нами.

Легкость, съ какою онъ выражалъ свои мысли, глубокія познанія, имъ пріобрѣтенныя, не были для него побужденіемъ къ лѣности. Не смотря на свои многочисленныя занятія, онъ всегда тщательно приготовлялъ свои бесѣды. Впрочемъ иногда, воспользовавшись какимъ либо неожиданно представившимся обстоятельствомъ, оставлялъ предназначенное для произношенія слово, а говорилъ уже безъ всякаго приготовленія, соотвѣтственно представившемуся случаю, а слушатели, при помощи стенографіи, записывали его слова. Однажды проходя по тѣснымъ улицамъ города и потомъ чрезъ площадь, находившуюся между домами и церковію, онъ увидѣлъ множество нищихъ и убогихъ, и этимъ такъ былъ тронутъ, что прибывъ въ собраніе правовѣрныхъ оставилъ то поученіе, которое при-

готовилъ было говорить, чтобъ сказать нѣсколько словъ въ пользу бѣдныхъ.

«Я явился теперь къ вамъ для того, чтобы высказать свое ходатайство за другихъ, которое, впрочемъ, и для васъ не менѣе будетъ пріятно и полезно. Теперь я не нахожу болѣе приличнаго предмета для бесѣды съ вами, какъ только бѣдныхъ нашего города. И къ этому меня расположило ихъ несчастное состояніе, видѣнное мною. Проходя къ вамъ чрезъ площадь, я пораженъ былъ плачевнымъ зрѣлищемъ. Я видѣлъ множество нищихъ въ крайней степени бѣдности; одни изъ нихъ, совершенно разслабленные лежали, распростершись на сырой и холодной землѣ; другіе едва передвигались съ мѣста на мѣсто. Одни изъ нихъ были слѣпы, у другихъ не было рукъ; а нѣкоторые были покрыты гнойными ранами, которыя они держали открытыми, чтобъ возбудить состраданіе въ проходящихъ; и всѣ они казались полуживыми отъ голода и холода. Я немогъ быть равнодушнымъ при взглядѣ на эту страшную картину, и подумалъ при этомъ, что было бы съ моей стороны слишковъ безчеловѣчно, еслибъ я не позаботился предложить объ этомъ благосклонному вниманію вашей сострадательной любви. Итакъ и я ходатайствую за нихъ предъ вами; и по этому случаю оставляю предметъ, о которомъ я долженъ былъ бы говорить нынѣ съ вами, чтобъ говорить съ вами о милостынѣ. И объ этомъ я тѣмъ болѣе нахожу приличнымъ говорить, что теперь зима, и зима суровая, и что мы сами имѣемъ нужду въ благости и милосердія Божіемъ».

Послѣ сего вступленія выставляетъ побужденія, которыя ихъ могли бы расположить къ подаянію ми-

лостыни: суровость зимы, несчастное положеніе бѣдныхъ, благочестивый примѣръ христіанъ Македоніи, Рима и Галатіи, и благословенія, связанныя съ милостынею. Совѣтуетъ имъ подавать милостыню съ радостію и поспѣшно всегда, а особенно въ воскресные дни; совѣтуетъ также подавать милостыню соотвѣтственно своему состоянію, и никогда не изслѣдывать жизни и нравовъ бѣдныхъ, чтобъ знать достойны ли они сострадапія; ибо еслибъ возможно было испытать жизнь бѣдныхъ и богатыхъ, никто бы неоказался достойнымъ милосердія. Убѣждаетъ подражать Господу, *Иже сіяетъ солнце на благія и злыя, и дождитъ на праведныя и неправедныя*; подавать щедро, быть сострадательнымъ къ бѣднымъ, чтобъ самимъ обрѣсти милосердіе въ день суда. Бѣдные, по его словамъ, суть какъ бы врачи нашихъ душъ, наши покровители и благодѣтели; потому что получаемъ гораздо болѣе, нежели даемъ; ибо намъ дадутъ блаженное небо въ замѣнъ небольшаго количества денегъ. Какъ умывальницы устрояются близь молитвенныхъ мѣстъ, чтобы можно было прежде умыть руки, а потомъ уже воздѣвать ихъ къ небу; такъ и бѣдные находятся у вратъ церковныхъ для того, чтобы мы прежде совершенія молитвъ могли омыть руки подаяніемъ бѣднымъ. Вода имѣетъ свойство отмывать грязь съ тѣла, а милостыня уничтожаетъ нечистоты душевныя [1].

Впрочемъ для проповѣдника недостаточно того, чтобъ онъ зналъ и хорошо понималъ смыслъ св. Писанія, ясно и со всею точностію излагалъ догматы вѣры и правила нравственности, говорилъ свободно

---

[1] О милостынѣ Злат. Т. II. бесѣд. 32, изд. Спб. д. Акад. 1849 г.

а краснорѣчиво; но онъ долженъ умягчить сердце слушателей, убѣдить ихъ и привести въ умиленіе. Онъ долженъ расположить къ себѣ слушателей; сообразовать свои разсужденія съ степенью развитія понятій тѣхъ, которымъ говоритъ, быть простымъ съ простыми, ученымъ съ учеными, возвышаться или унижаться, сображаясь съ обстоятельствами; съ искусствомъ перемѣнять двѣ пружины человѣческаго сердца, страхъ и надежду, соединять укоризну съ просьбою, важность судіи съ нѣжностью отеческою. Онъ долженъ жить, такъ сказать, въ небѣ съ Богомъ молитвою, смиреніемъ, кротостію и всѣми добродѣтелями, которыя проповѣдуетъ другимъ, и вмѣстѣ пребывать на землѣ между людьми пламенною ревностію о спасеніи другихъ и любовію къ нимъ. Предписывая такія правила пресвитеру въ своихъ бесѣдахъ о священствѣ, св. Златоустъ и самъ соблюдалъ ихъ и по мѣрѣ нужды говорилъ о всѣхъ предметахъ, и всѣмъ классамъ общества языкомъ соотвѣтствовавшимъ нуждамъ и степени пониманія ихъ. Этимъ превосходнымъ качествомъ, которое ясно обозначается во всѣхъ его бѣсѣдахъ, онъ обязанъ былъ отчасти, можетъ быть, и тому уроку, который преподала ему бѣдная женщина еще въ первые годы его пресвитерства.

Въ одно время, когда св. Златоустъ проповѣдывалъ съ гораздо большимъ краснорѣчіемъ, нежели всегда, и все собраніе ученыхъ и знатныхъ людей восхищалось возвышенностью его мыслей, изяществомъ языка и превосходствомъ изложенія, одна бѣдная женщина, простая, скромная и благочестивая подошла къ нему и съ откровенностью сказала: достоуважаемый и возлюбленнѣйшій отецъ! я благословляю Бога, даровав-

шаго намъ столь краснорѣчиваго проповѣдника, какъ ты, и благодарю Его за блага, изливаемыя чрезъ тебя на Антіохію. Я бы и сама желала воспользоваться словомъ Божіимъ, проповѣдуемымъ чрезъ твои уста; но увы! я, бѣдная, недостаточно образована, мой разумъ слишкомъ недостаточно развитъ для того, чтобъ слѣдить за всѣми видоизмѣненіями твоей краснорѣчивой рѣчи. И нынѣ особенно я слушала со вниманіемъ, но не могла воспользоваться твоею бесѣдою, потому что не понимала, и тогда какъ всѣ, восхищаясь твоею рѣчью, рукоплескали, я одна проливала слезы, оплакивая свое невѣжество. Внявши справедливой скорби бѣдной женщины, св. Златоустъ съ тѣхъ поръ старался говорить вразумительнѣе для всѣхъ.

Св. пресвитеръ такъ былъ преданъ пользѣ и спасенію своей паствы, что не только общественныя бѣдствія, каковы: моровыя повѣтрія, засухи, войны, возмущенія народныя, землетрясенія, но и частныя обстоятельства старался обращать въ ихъ пользу, извлекая изъ нихъ приличное назиданіе.

Такъ въ одно время онъ услышалъ, что нѣкоторые изъ его друзей и вообще слушателей жалуются на продолжительность его вступленій, и этимъ случаемъ воспользовался, чтобъ дать имъ полезное наставленіе. Взошедши на другой день на каѳедру, сказалъ: нѣкоторые изъ моихъ друзей пришли ко мнѣ съ жалобою на продолжительность моихъ бесѣдъ; справедливы они или нѣтъ, вы увидите изъ моихъ словъ, которыя скажу въ свое оправданіе. Но во первыхъ я долженъ сказать благодарность за такое объявленіе, потому что я увѣренъ, что они сдѣлали это не по желанію мнѣ зла, а по дружбѣ ко мнѣ и по

участію въ моей пользѣ. Друзей моихъ я люблю не тогда только, когда они хвалятъ меня, но и тогда, и еще болѣе, когда говорятъ мнѣ о моихъ недостаткахъ и укоряютъ за нихъ. Истинный другъ хвалитъ достойное похвалы, тогда какъ ложный другъ осыпаетъ похвалами и доброе и худое. Похвалы врага подозрительны, замѣчанія друга для меня всегда пріятны. Сей укоряя меня—радуетъ, а тотъ и похвалами огорчаетъ. Поцѣлуй льстеца меня уязвляетъ, а раны друга излечиваютъ.

При семъ онъ показываетъ пользу дружественныхъ замѣчаній и средство ими пользоваться. Потомъ уже начинаетъ оправдываться. Продолжительныя вступленія, говоритъ, употребляетъ онъ по тремъ причинамъ: 1) потому, что общество его слушателей не всегда состоитъ изъ такихъ лицъ, которые, сами прилежно занимаясь изученіемъ св. Писанія, не имѣютъ нужды въ продолжительныхъ объясненіяхъ для пониманія его, но бываютъ между ними и такіе, которые не только вовсе незанимаются чтеніемъ священ. Писанія, но, занятые непрестанно суетными дѣлами вѣка сего, рѣдко посѣщаютъ церковныя собранія, и которые, слѣдственно, всегда имѣютъ нужду въ пространномъ объясненіи для удобнаго пониманія говоримаго; 2) потому, что его слушатели стояли на разныхъ степеняхъ пониманія и усердія къ дѣлу благочестія, посему нужно было ободрить ревность однихъ, и пробудить отъ небреженія другихъ; 3) потому, что онъ иногда говорилъ двѣ или три бесѣды на одинъ и тотъ же предметъ, и потому необходимо было повторять конецъ предыдущей бесѣды, дабы показать связь предыдущаго съ послѣдующимъ своимъ слушателямъ

которые, забывъ прошедшее, могли затрудниться въ пониманіи настоящаго.

Вторая причина, приведенная св. Златоустомъ въ свое оправданіе, напоминаетъ намъ ревность его, съ какою онъ возбуждалъ народъ къ слушанію слова Божія. Число слушателей его невсегда было одинаково, но измѣнялось по разнымъ обстоятельствамъ. Онъ часто жаловался на малочисленность своихъ слушателей, изъ которыхъ большая часть были отвлекаемы общественными играми, народными празднествами или театромъ. Онъ сильно скорбѣлъ тогда, и горько жаловался на ихъ равнодушіе къ дѣлу спасенія, и ободрялъ и воодушевлялъ ревность присутствовавшихъ [1].

Если же правовѣрные не пользовались надлежащимъ образомъ его бесѣдами и ученіемъ св. Писанія, онъ вразумлялъ ихъ съ большею кротостію. Земледѣлецъ неохотно воздѣлывалъ поле, которое не приноситъ плодовъ соотвѣтственно его трудамъ, говорилъ онъ; врачь оставляетъ больнаго, когда онъ перестаетъ слѣдовать его наставленіямъ. Но одинъ изъ нихъ обработываетъ землю, другій лечитъ тѣло; но я долженъ воздѣлывать ваши души и трудиться надъ ихъ излеченіемъ, и на сколько душа превосходитъ тѣло, на столько мой трудъ превосходнѣе врача. И поэтому я стараюсь усиливать свою ревность, чтобъ не ослабѣть, тѣмъ болѣе, что моя награда не погибнетъ, еслибъ слушатели и не захотѣли воспользоваться моимъ совѣтомъ [2].

Св. Златоустъ говорилъ съ такимъ краснорѣчіемъ,

---

[1] Объ Аннѣ, бесѣд. 4.

[2] На Быт. бесѣд. 41.

что слушатели его проливали обильныя слезы и иногда, проникнутые сильнымъ чувствомъ сокрушенія, ударяли себя въ голову; иногда приходили въ страхъ при мысли о великихъ истинахъ, имъ возвѣщаемыхъ, иногда же проникались чувствомъ удивленія, слушая его поученіе, съ такою силою имъ произносимое. Нерѣдко случалось, что они вдругъ его прерывали, и храмъ оглашался рукоплесканіями и многочисленными возгласами: Златоустъ! уста золотыя, уста золотыя! Смиренный проповѣдникъ сильно огорчался этимъ, и умолялъ ихъ слушать въ молчаніи и не расточать безъ нужды своихъ рукоплесканій; говорилъ, что ни истины, возвѣщаемыя имъ, ни онъ самъ нисколько не нуждается въ ихъ шумныхъ рукоплесканіяхъ; но если хотятъ его восхвалить и надлежащимъ образомъ вознаградить за попечительность о ихъ спасеніи, то пусть съ надлежащимъ вниманіемъ размышляютъ о сихъ истинахъ и соображаютъ съ нимъ свое поведеніе [1].

Среди такого торжества его краснорѣчія и всеобщихъ похвалъ св. Златоустъ всегда сохранялъ невозмутимую скромность. Иногда случалось, что онъ начиналъ свои поученія съ осторожностію и боязливостію только вступающаго на поприще проповѣдническаго служенія. Я радуюсь за васъ, говорилъ онъ къ предстоящимъ, видя васъ стекающихся въ такомъ множествѣ и съ такою поспѣшностью для слушанія священныхъ служителей алтаря. Такая ревность ваша служитъ лучшимъ доказательствомъ вашихъ успѣховъ въ добродѣтели и дѣлахъ благочестія.

---

[1] На Матѳ. бесѣд. 7.

Желаніе слушать слово Божіе служитъ свидѣтельствомъ хорошаго состоянія вашихъ душъ, какъ потребность матеріальной пищи служитъ доказательствомъ хорошаго здоровья тѣла. Ваша горячность къ духовному просвѣщенію радуетъ меня, и я благодарю Господа за васъ; но я боюсь, дамъ ли вамъ пищу удовлетворительную и соотвѣтствующую вашимъ нуждамъ и желанію. Впрочемъ, какъ мать, хотя и необильные молокомъ имѣетъ сосцы, однакоже даетъ ихъ дитяти, и я предложу вамъ сегодня то, что имѣю. Богъ да поможетъ мнѣ соотвѣтственно моему желанію [1].

Заботы и отеческое попеченіе св. пресвитера о своей паствѣ не остались безъ награды: Богъ благословилъ его труды. Не смотря на безпорядки, неразлучные съ дѣйствіями человѣческими и столь обычные большимъ городамъ, благочестіе процвѣтало въ Антіохіи, праздничные и воскресные дни проводимы были съ надлежащимъ торжествомъ, воспѣвали хвалу Богу въ церквахъ; божественная литургія совершалась всегда, частныя и общественныя молебствія исполнялись неопустительно, семейная жизнь благоустроялась; многіе изъ родителей, желая научить дѣтей благонравію и благочестивой жизни, отсылали ихъ съ этою цѣлію къ пустынникамъ, жившимъ въ горахъ. Привычка клясться многими была совершенно оставлена, театры рѣже посѣщались и не въ такомъ множествѣ, какъ прежде; язычники, Іудеи и еретики, обличенные святымъ пресвитеромъ, не могли уже возвышать свой голосъ.

---

[1] О покаяніи бесѣд. 8.

Святый Златоустъ былъ душею, жизнію, радостію для Антіохіи, такъ какъ и Антіохія была любимымъ предметомъ для него. Когда частыя болѣзни святаго проповѣдника заставляли его удаляться въ селеніе или оставаться дома для поправленія своего здоровья; когда такимъ образомъ невидно было по улицамъ и многочисленной толпы народа, приходившей обыкновенно изъ отдаленныхъ частей города въ храмъ для слушанія проповѣди; то казалось, что бѣдствіе какое либо постигло городъ, или смерть заняла мѣсто жизни и движенія. Но когда, послѣ нѣсколькихъ дней отсутствія, святый Златоустъ, слабый, томный и еще болѣзненный, опять являлся во храмѣ, сколько кликовъ радости и благословенія неслось отвсюду! И святый Златоустъ, видя расположеніе къ себѣ народа, какою нѣжною любовію исполнялся, радость невольно просвѣчивалась на исхудаломъ лицѣ его! Согрѣтый всегда отеческою любовію къ народу, святый Златоустъ не жалѣлъ своихъ силъ и здоровья для блага своей паствы, и желалъ до конца жизни подвизаться на поприщѣ пресвитерскаго служенія; но потомъ, когда силы его ослабѣвали, и онъ не могъ уже болѣе возвѣщать слово Божіе, онъ надѣялся и желалъ для успокоенія возвратиться въ горы и поселиться среди пустынниковъ, которыхъ такъ любилъ, и къ которымъ посылалъ своихъ слушателей, чтобы ихъ поразить и возбудить зрѣлищемъ высокихъ христіанскихъ добродѣтелей. Уединеніе горъ — было покойное и безопасное пристанище, къ которому всегда были устремлены его желанія; онъ надѣялся тамъ умереть, и эта надежда его утѣшала. Но надежды и желанія его не сбылись; когда онъ мысленно утѣ-

шался видѣннымъ въ дали успокоеніемъ, дуновеніе Духа Божія ввергло его въ средину бурь и треволненій. Богъ призывалъ его къ новой борьбѣ, къ заключенію всегдашнему, безчисленнымъ гоненіямъ и, нѣкоторымъ образомъ, къ мученическому страданію.

ГЛАВА IV.

(398—400 г.)

Императоръ Θеодосій, побѣдивъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, умеръ въ 395 году. Онъ со всѣмъ усердіемъ благочестиваго христіанскаго царя покровительствовалъ православной Церкви. Умирая, оставилъ свое царство двумъ сыновьямъ, Аркадію и Гонорію; первый изъ нихъ управлялъ восточною частію имперіи, другой западною. Эти два молодые государя, получивъ отъ отца столь знаменитый престолъ царскій, наслѣдовали вмѣстѣ и его благочестіе.

Въ правленіе сихъ царственныхъ братьевъ скончался архіепископъ константинопольскій, Нектарій (29 сентября 397 г.), преемникъ св. Григорія Богослова.

По смерти его стали заниматься избраніемъ и назначеніемъ ему преемника. Чрезвычайная важность сего города, сдѣлавшагося вторымъ Римомъ съ тѣхъ поръ, какъ Константинъ великій избралъ его главнымъ мѣстомъ для своего пребыванія, и то важное вліяніе, которымъ пользовались константинопольскіе архіепископы при дворѣ, пробудило честолюбіе во многихъ пресвитерахъ и епископахъ. Много было

предложено лицъ достойныхъ, по мнѣнію избирателей, сей каѳедры, а нѣкоторые, движимые властолюбіемъ и честолюбіемъ, чрезъ разныя непозволенныя средства, сами искали сего мѣста. «О жалкіе люди! восклицаетъ Палладій: священники по названію, но недостойные священства»!—Многіе изъ жалкихъ честолюбцевъ почти ежедневно ходили во дворецъ, пресмыкаясь у ногъ царедворцевъ, которыхъ вліяніе сильно было на царя и на дѣла церковныя, нѣкоторые заискивали благорасположеніе другихъ важныхъ чиновниковъ низкою лестію, вымаливая у нихъ заступленія; иные подарками старались привлечь къ себѣ снисхожденіе; а нѣкоторые доходили даже до такого ослѣпленія, что, стоя на колѣняхъ на улицѣ, вымаливали у народа ходатайства за себя. Увы! до какой низости можетъ доходить честолюбивый и корыстолюбивый священникъ, когда, забывъ о славѣ Божіей и спасеніи душъ, ищетъ только своей славы и собственной выгоды. Но православные, и многіе, особенно изъ почетныхъ и благородныхъ лицъ, съ негодованіемъ смотрѣли на такія дѣйствія честолюбивыхъ искателей, и умоляли императора отвергнуть съ негодованіемъ всѣхъ сихъ низкихъ искателей, и найти человѣка искуснаго и свѣдущаго въ Божественномъ Писаніи, способнаго назидать другихъ святостію своей жизни, и потому достойнаго столь высокаго мѣста.

Тогда какъ дворъ былъ въ нерѣшимости и не зналъ, кого избрать на праздное святительское мѣсто, евнухъ Евтропій, первый министръ императора Аркадія и имѣвшій весьма большое вліяніе на него, указалъ государю на Іоанна, пресвитера антіохій-

скаго. Онъ узналъ его во время своего путешествія на востокъ, и кромѣ того слава о краснорѣчіи и святости жизни Златоуста разносилась по всей имперіи. И лишь только было произнесено имя Іоанна, нерѣшимость прекратилась, всѣ единодушно и въ одинъ голосъ, народъ и клиръ избрали его на мѣсто константинопольскаго архіепископа. Народъ былъ въ чрезвычайной радости по случаю сего избранія, и недоумѣвали только, какъ привести въ исполненіе свой выборъ. Ибо знали глубокое смиреніе сего святаго мужа, и то высокое понятіе, которое онъ имѣлъ объ епископскомъ санѣ, о тѣхъ высокихъ обязанностяхъ, которыя на него налагаются, и тѣхъ великихъ добродѣтеляхъ, которыя отъ него требуются; притомъ припоминали его поведеніе, когда собравшіеся въ Антіохіи епископы хотѣли наложить на него санъ святительскій, и потому опасались, чтобы онъ, узнавъ о своемъ избраніи, не захотѣлъ освободиться отъ него бѣгствомъ. Притомъ недоумѣвали, какъ взять его изъ Антіохіи, изъ его любимаго города и отечества, не возбудивъ всеобщаго ропота, или даже возстанія народа, который смотрѣлъ на св. Іоанна, какъ на своего мудраго наставника, на свою славу, какъ заступника и утѣшителя во время страшныхъ событій, увлекавшихъ весь городъ къ погибели. Въ сихъ обстоятельствахъ благоразумное, тайное и быстрое похищеніе было необходимо.

Евтропій нашелъ средство привести это столь важное и вмѣстѣ трудное дѣло къ счастливому концу. Отъ имени императора онъ написалъ къ Астерію, восточному правителю. Увѣдомивъ его объ избраніи св. Іоанна на константинопольскую каѳедру и о ска-

занныхъ нами трудностяхъ, и необходимости потому дѣйствовать осторожно, предписалъ взять его какимъ либо обманомъ и прислать въ Константинополь. Порученіе было исполнено во всей точности. Въ то время какъ св. Златоустъ думалъ только о точномъ исполненіи своего званія, вдругъ получилъ письмо отъ правителя восточнаго, который приглашалъ его придти въ церковь св. мучениковъ, находившуюся у римскихъ воротъ, для совѣщанія объ одномъ важномъ дѣлѣ. Св. Златоустъ, не подозрѣвая ничего, съ поспѣшностію явился на назначенное мѣсто. Но лишь только онъ прибылъ, Астерій, ничего неговоря, пригласилъ его сѣсть въ коляску, и потомъ отправившись съ нимъ на станцію, тамъ сдалъ его посланнымъ отъ императора [1], которые съ чрезвычайною скоростію привезли его въ Константинополь.

Въ Константинополѣ ждали съ нетерпѣніемъ новаго пастыря, чтобъ его рукоположеніе совершить съ большею торжественностію; императоръ созвалъ соборъ, на который былъ приглашенъ и Ѳеофилъ, патріархъ александрійскій, какъ старшій изъ епископовъ. Но этотъ патріархъ смотрѣлъ на избраніе Златоустаго завистливымъ окомъ. Онъ не могъ желать этой каѳедры для себя; но старался разными происками и своимъ вліяніемъ доставить это мѣсто нѣкоему пресвитеру Исидору, котораго дарованія, слишкомъ обыкновенныя, не могли быть преградою къ его честолюбію. Ѳеофилъ обязанъ былъ ему благодарностію за исполненіе одного очень важнаго порученія. Говорятъ, что во время возстанія тирана

---

[1] Паллад. стр. 13. Созоменъ кн. 8, гл. 2.

Максима, Ѳеофилъ далъ Исидору письмо поздравительное и подарки, которые велѣлъ отдать въ Римѣ тому, кто побѣдитъ, Максиму или Ѳеодосію; но письмо было похищено до окончанія войны, и Исидоръ убѣжалъ въ Александрію. Кромѣ чувства благодарности, побуждавшаго Ѳеофила содѣйствовать возвышенію Исидора, Ѳеофилъ надѣялся, сдѣлавъ его епископомъ константинопольскимъ, видѣть въ немъ ревностнаго сотрудника своихъ плановъ и чрезъ него имѣть вліяніе при дворѣ. Но этого онъ не могъ ожидать отъ Златоустаго. И потому съ тѣхъ поръ, какъ увидалъ его, старался препятствовать его избранію. Ѳеофилъ понималъ, что по утвержденіи св. Іоанна на епископской каѳедрѣ, онъ совершенно утратитъ всякое вліяніе при дворѣ и въ Константинополѣ. По этому-то скрывъ свои тайныя побужденія, онъ придумывалъ препятствія и, подъ разными предлогами, противился его рукоположенію. Но императоръ, весь дворъ и народъ такъ сильно желали его избранія, что ему трудно было сопротивляться. И чтобъ скорѣе рѣшить дѣло и положить конецъ кознямъ Ѳеофила, Евтропій призвалъ его къ себѣ, и тономъ важнымъ и рѣшительнымъ, показывая ему разныя жалобы на него отъ пресвитеровъ и епископовъ, сказалъ, чтобы онъ рѣшился или рукоположить св. Іоанна, согласно желанію всѣхъ епископовъ, или, въ противномъ случаѣ, готовился бы къ отвѣту предъ лицомъ всего собора на поданныя на него жалобы. Ѳеофилъ согласился съ мнѣніемъ епископовъ.

Весь городъ радовался, но Златоустъ сокрушался о случившемся. Сначала онъ жаловался на насиліе, сдѣланное ему, указывалъ на слабость своихъ силъ

и свое недостоинство; но когда увидѣлъ, что ни слезы, ни возраженія его не приносятъ никакой пользы, покорился избранію епископовъ, въ дѣйствіяхъ которыхъ онъ видѣлъ опредѣленіе Божіе, и съ смиреніемъ и благоговѣніемъ принялъ посвященіе 26-го февраля триста-девяносто-осьмаго года [1].

Прежде нежели начнемъ повѣствованіе о трудахъ св. Златоуста, подъятыхъ имъ во время епископства, необходимо изложить свѣдѣнія о церкви и паствѣ, ввѣренной его попеченію.

Присутствіе императора и его двора въ новосозданномъ городѣ Константинополѣ, въ непродолжительное время привлекли въ столичный городъ множество народа, иностранцевъ съ разныхъ сторонъ, пришедшихъ для того, чтобы воспользоваться привиллегіями, обѣщанными первымъ поселенцамъ. Эта толпа собравшихся изъ разныхъ странъ и областей принесла съ собою свои обычаи, пороки, заблужденія и предразсудки.

Кромѣ того, вскорѣ послѣ Константина Великаго, при императорахъ Канстанціѣ и Валентѣ, каѳедра Константинопольской Церкви почти постоянно занимаема была аріанскими епископами. Слѣдствіемъ сего было то, что православная Вѣра была подавлена аріанскими заблужденіями, православные подвергаемы были всевозможнымъ оскорбленіямъ, заблужденіямъ ума и порочнымъ стремленіямъ сердца и волѣ данъ былъ полный просторъ.

Св. Григорій Богословъ, въ краткое свое пребываніе въ Константинополѣ, въ качествѣ проповѣдника

---

[1] Сократъ кн. 6, гл. 2. Созоменъ тамъ же гл. 2.

православнаго ученія и архіепископа константинопольскаго, хоть успѣлъ достигнуть того, что при Императорѣ Θеодосіѣ, всѣ церкви, находившіяся въ Константинополѣ, предоставлены были въ пользованіе православнымъ, не имѣвшимъ доселѣ ни одной церкви, и того, что, вслѣдствіе его краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ поученій, православное ученіе скоро и сильно восторжествовало надъ сердцами и умами константинопольскихъ жителей, что городъ Константинополь можно было назвать вполнѣ православнымъ. Аріанъ осталось въ городѣ относительно не много, и тѣмъ дозволено имѣть общественныя собранія для молитвы только внѣ города. Но созданное св. Григоріемъ Богословомъ при его преемникѣ разшаталось и пришло въ упадокъ.

Нектарій, преемникъ св. Григорія, управлялъ константинопольскою церковію въ продолженіе шестнадцати лѣтъ: но не имѣлъ ни знанія, ни ревности, ни святости жизни своего предшественника [1], и потому дѣла церковныя подъ его управленіемъ пришли въ упадокъ: благочестіе ослабѣло, прежніе безпорядки возобновились, введено было много новыхъ злоупотребленій, такъ что Константинополь пришелъ почти въ то состояніе, въ какомъ онъ былъ до управленія св. Григорія.

---

[1] Когда онъ избранъ былъ на епископскую каѳедру, еще не былъ крещенъ, и потому естественно предположить, что не имѣлъ качествъ, потребныхъ для епископа, и это видно отчасти изъ того, что когда Діодоръ сталъ хвалить его епископу антіохійскому и просить его ходатайства за него, то епископъ, въ столь важномъ дѣлѣ, когда для избранія предлагаемы были уже многіе знаменитѣйшіе мужи, посмѣялся выбору Діодора. Созоменъ кн. 7 гл. 8.

И такимъ образомъ церковь константинопольская представляла поле, заросшее терніемъ, которое расчистить и засѣять новыми сѣменами благочестія предстояло уже новому архипастырю—св. Іоанну.

И св. Златоустъ, укрѣпившись новыми дарами Св. Духа, съ ревностію принялся за предлежавшій ему подвигъ пастырскаго служенія. Чрезъ нѣсколько дней послѣ своего посвященія, онъ, въ присутствіи многочисленнаго собранія народа, произнесъ первое слово; но это слово не дошло до насъ. Изъ послѣдующихъ бесѣдъ его можно видѣть, что предметомъ его была борьба Давида съ Голіаѳомъ. Онъ показалъ въ немъ, что Филистимляне въ полномъ вооруженіи, защищенные панцырями и щитами, укрѣпленные мечами и копьями, разсѣялись отъ одного удара юнаго пастуха, не имѣвшаго для своего охраненія ни панцыря, ни меча, вооруженнаго только вѣрою и упованіемъ на помощь Божію. Этимъ св. Златоустъ хотѣлъ показать своимъ слушателямъ, что онъ, какъ Давидъ, пришелъ къ нимъ безъ оружія, безъ краснорѣчія и безъ всякаго пособія человѣческаго, поддерживаемый только и воодушевляемый живою вѣрою и пламеннымъ желаніемъ ихъ спасенія. *Оружія бо воинства нашего*, восклицалъ онъ съ Павломъ, *не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердемъ: помышленія низлагающе и всякое возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово* (2 Кор. 10, 4—5). Это слово имѣло поразительное дѣйствіе на слушателей, и оно тѣмъ болѣе было сильно, что христіане константинопольскіе давно уже не слышали такого краснорѣчиваго проповѣдника, потому что Нектарій, частію по преклонности лѣтъ, частію, по

неимѣнію дара краснорѣчія, не могъ производить на нихъ сильнаго впечатлѣнія. Послѣ сего еще болѣе собралось народу въ новую церковь для слушанія второй бесѣды святаго епископа.— Я еще не болѣе, какъ только разъ бесѣдовалъ съ вами,—говорилъ св. Златоустъ въ началѣ слова,—и уже васъ возлюбилъ съ такою силою, какъ бы я жилъ всегда съ вами. Я чувствую, что привязанъ къ вамъ крѣпкими узами самой тѣсной любви, какъ будто я съ вами давно уже находился въ дружественныхъ отношеніяхъ, и это чувство дружественной любви къ вамъ происходитъ не отъ нѣжности моего сердца, но отъ сознанія превосходныхъ и любезнѣйшихъ качествъ вашихъ душъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли безъ удивленія и любви подумать о той пламенной ревности, о той нѣжной любви, которая воодушевляетъ и о той сильной привязанности, которую вы имѣете къ своимъ учителямъ и начальникамъ, о томъ мирѣ и согласіи, которыя царствуютъ между вами, и о тѣхъ рѣдкихъ качествахъ, украшающихъ васъ, которыя способны расположить къ себѣ самыя грубыя сердца? — Послѣ сего *вступленія*, св. пастырь много говорилъ объ окружающихъ Церковь опасностяхъ отъ нападеній еретиковъ, обличалъ ихъ заблужденія и утверждалъ истину доводами изъ свящ. Писанія.

Съ сердечнымъ умиленіемъ слушалъ народъ слово своего новаго святителя. При слѣдующихъ собраніяхъ, исключая нѣкоторыя частныя обстоятельства, каковы были общественныя увеселенія, которыя увлекали къ себѣ множество народа и на которыя св. Златоустъ сильно жаловался,—число его слушателей постоянно умножалось до тѣхъ поръ, пока Господу

угодно было скорбями испытать твердость и постоянство любви Своего служителя. Въ царственномъ городѣ повторились дивные опыты краснорѣчія и ревности Златоуста, произведенные имъ въ Антіохіи: безчисленное множество народа всѣхъ состояній и сословій прибѣгали со всѣхъ концовъ города, даже изъ окрестныхъ селеній, слушать его. Всѣ старались стать къ нему какъ можно ближе и съ глубокимъ вниманіемъ смотрѣли на него, боясь проронить и одно слово, иногда приходили въ трепетъ, поражаясь страшными картинами правосудія Божія надъ грѣшниками, иногда же проникаясь непритворнымъ чувствомъ сокрушенія о своей грѣховности, проливали источники слезъ; но бывало и то, что, поражаясь дивными красотами неподражаемаго краснорѣчія Златоустаго, наполняли воздухъ оглушительными рукоплесканіями и восклицаніями, и чрезъ то прерывали его бесѣду, приводя въ сильное замѣшательство смиреннаго проповѣдника.

И усердіе народа константинопольскаго не безплодно было для него. Ревность и просвѣщенный умъ св. епископа всегда находили средства удовлетворять всѣмъ ихъ нуждамъ. Онъ и здѣсь такъ же часто говорилъ поученія къ народу, какъ и въ Антіохіи, не затрудняясь въ выборѣ предметовъ для бесѣдъ. Онъ продолжалъ предлагать объясненія на священное Писаніе; Дѣянія Апостольскія, посланія св. Ап. Павла къ Филипписеямъ, къ Колосаямъ, къ Евреямъ, внушали ему множество превосходныхъ мыслей и чувствъ, которыми онъ дѣлился съ народомъ, всегда жаждавшимъ его слушать.

И здѣсь, какъ и въ Антіохіи, онъ сильно возста-

валъ противъ общаго развращенія нравовъ, противъ злоупотребленія богатствомъ, чрезмѣрной роскоши въ одеждѣ и домашняго убранства, и его обличительныя слова болѣе имѣли мѣста въ Константинополѣ, чѣмъ въ Антіохіи. Онъ со всею силою святой ревности вооружался противъ честолюбія, страсти къ богатству, любви къ зрѣлищамъ и общественнымъ играмъ, обычая клясться, и вообще противъ всѣхъ пороковъ, которые служили разрушительнымъ ядомъ для общества.

Намъ бы хотѣлось прослѣдить всѣ движенія этой благородной борьбы, которую онъ долженъ былъ выдерживать, и указать средства, которыя онъ употреблялъ для ниспроверженія разныхъ заблужденій и укоренившихся страстей: но это невозможно по многочисленности его поученій. Чтобъ имѣть вѣрное и ясное представленіе о Златоустѣ, какъ объ учителѣ и ораторѣ, нужно смотрѣть на него въ тѣхъ важныхъ и трудныхъ преобразованіяхъ, имъ при помощи Божіей совершенныхъ, въ которыхъ отразилась его ревность къ спасенію душъ и благоустроенію Церкви, которыя были, если не случаемъ, по крайней мѣрѣ отдаленною причиною тѣхъ безчисленныхъ скорбей и гоненій, которыя онъ испыталъ въ послѣдствіи.

Приступая къ обзору дѣятельности Св. І. Златоустаго въ санѣ святительскомъ, обратимъ прежде всего вниманіе на литургію извѣстную въ настоящее время подъ именемъ литургіи Златоустаго.

Что св. Іоанномъ Златоустымъ составленъ чинъ литургіи, это не подлежитъ никакому сомнѣнію.— Проклъ, ученикъ св. Златоуста и въ послѣдствіи патріархъ константинопольскій, имѣвшій полную возмож-

ность знать объ общественной дѣятельности его въ своемъ сочиненіи о литургіи говоритъ, что св. Златоустъ сократилъ чинъ литургіи, сокращенной прежде св. Василіемъ изъ древняго чина іерусалимской Церкви.—Причиною сего сокращенія Проклъ поставляетъ снисходительную любовь Златоуста къ народу, который тяготился продолжительностію древней литургіи и отъ того иногда не посѣщалъ литургіи, или посѣщая не былъ достаточно внимателенъ къ литургіи.

Послѣ Прокла, св. Софроній, патріархъ іерусалимскій, (ок. 644 г.), не только говоритъ о томъ, что св. Златоустъ, какъ и Василій Великій, оставилъ послѣ себя литургію, но и обобщилъ употребленіе Златоустаго: «нынѣ, говоритъ онъ, болѣе прочихъ въ уваженіи священнодѣйствіе великаго Василія и Іоанна Златоустаго съ литургіею преждеосвященныхъ».

Что извѣстная нынѣ литургія Златоустаго дѣйствительно была таже самая литургія и во времена Златоустаго, въ этомъ можно увѣриться сличеніемъ ея съ тѣми мѣстами бесѣдъ св. Іоанна, гдѣ онъ выставляетъ тѣ или другія части современной литургіи. Нужно впрочемъ замѣтить, что св. Златоустъ ни въ одной изъ своихъ многочисленныхъ бесѣдъ не предлагалъ собственно изъясненія литургіи въ порядкѣ ея совершенія, но, по обстоятельствамъ, упоминалъ только о нѣкоторыхъ частяхъ литургіи, и потому въ его Константинопольскихъ бесѣдахъ можно находить только по нѣскольку словъ, взятыхъ изъ литургіи.

Когда предстоятель церкви (епископъ) входилъ въ церковь, то онъ говорилъ: *миръ всѣмъ* [1]. Св. Софро-

[1] Бесѣд. 3 на посл. къ Колос. Бесѣд. 3, прот. Іуд.

ній, патріархъ іерусалимскій говоритъ, что предъ ектеніею діаконъ возглашаетъ: «благослови владыко», а священникъ говоритъ: «благословенно царство».— Литургія оглашенныхъ начиналась ектеніею: «при непосвященныхъ, говоритъ св. Златоустъ, совершаемъ молитвы общія за немощныхъ, за плодоносіе земли, за землю и море» [1].—Тѣ же предметы моленія содержатся и въ нынѣшней первой ектеніи.—За ектеніею слѣдовали чтенія изъ ветхаго завѣта [2], предварявшіеся возглашеніями діакона и чтеца. «Діаконъ возглашаетъ: *вонмемъ*». Это общій голосъ церкви и—никто не внимаетъ.... За нимъ чтецъ начинаетъ: *пророчество Исаіино*, и тогда ни кто не внималъ.... Потомъ въ слухъ возглашаетъ: *сія глаголетъ Господь*, и ни кто не внимаетъ [3]. Вслѣдствіе этой то невнимательности чтенія изъ ветхаго Завѣта оставлялись въ многихъ церквахъ еще при св. Златоустѣ, и замѣнялись пѣніемъ однихъ антифоновъ, т. е. избранныхъ стиховъ, заимствованныхъ изъ нѣкоторыхъ псалмовъ.— Въ настоящее время чтенія изъ ветхаго завѣта предлагаются только въ великій постъ, въ другое же время они составляютъ принадлежность вечерняго и утренняго богослуженія, при томъ только праздничнаго. На литургіяхъ же въ настоящее время, кромѣ праздничныхъ антифоновъ, въ воскресные и поліелейные дни антифонно поются 102 и 145 псалмы и стихи облаженствахъ, а въ обыкновенные дни нѣкоторые стихи изъ 91, 92 и 94 псалмовъ.

---

[1] Бесѣд. 78, на Іоан. Бесѣд. 3 о непостиж.

[2] Кон. бесѣд. 10. Бесѣд. 29 на Дѣян. Бесѣд. на посл. къ Евр.

[3] Конст. Бесѣд. на Дѣян. стр. 159—160. Бесѣд. 3 на посл. къ Солун.

Въ 7-мъ стихѣ послѣдняго псалма читается: *пріидите поклонимся и припадемъ ему*, а христіанская Церковь послѣ антифоновъ поетъ: *пріидите поклонимся и припадемъ ко Христу*. — Антифонное пѣніе употреблялось и при Златоустѣ. Изъ бесѣды его на 41 псаломъ видно, что и въ его время пѣлись пасхальные антифоны: *сей день, его же сотвори Господь* и проч.

Входъ съ Евангеліемъ при пѣніи пѣсни: *пріидите, поклонимся и припадемъ ко Христу* былъ и при св. Златоустѣ. За симъ слѣдовало чтеніе изъ Апостола съ пѣніемъ прокимновъ и аллилуія [1]. Предъ началомъ чтенія Евангелія предстоятель преподавалъ *миръ всѣмъ*, и ему отвѣчали: *и духу твоему* [2].

Св. Исидоръ Пелусіотъ, ученикъ св. Златоуста свидѣтельствуетъ, что предъ началомъ чтенія Евангелія епископъ вставалъ съ своего мѣста и слагалъ съ раменъ своихъ образъ подражанія Христу (омофоръ), показывая тѣмъ, что присутствуетъ самъ Господь, учредитель пастырскаго служенія, Богъ и Владыка [3]. Евангеліе читалъ діаконъ [4] и предъ Евангеліемъ, въ знакъ духовной радости, горѣла свѣча. Предъ чтеніемъ и по окончаніи чтенія Евангелія пѣли: *слава тебѣ, Господи* [5]. По прочтеніи Евангелія предстоятель предлагалъ поученіе [6] съ амвона. Поученіе потому предлагалось послѣ Евангелія, а не въ концѣ

---

[1] Бесѣд. 47 на Дѣян.

[2] Бесѣд. 3 на посл. Колос. Бесѣд. 36 на посл. Корин.

[3] Lib. I. Ep. 136.

[4] Бесѣд. 53 на Іоан.

[5] Бесѣд. 52 о рисгал.

[6] Бесѣд. о пятдесят.

литургіи, какъ, нынѣ, чтобы имъ могли воспользоваться, какъ вѣрные, такъ и оглашенные.

По прочтеніи Евангелія и поученія діаконъ возглашалъ: «вѣрные о оглашенныхъ помолимся», приглашалъ и самыхъ оглашенныхъ молиться за себя самихъ; послѣ сего священникъ читалъ молитвенное благословеніе надъ приклонившими главу оглашенными,—и за симъ діаконъ возглашалъ: «оглашенные изыдите» [1]. Послѣ сего слѣдовали молитвы о бѣсноватыхъ, о кающихся, о готовящихся къ просвѣщенію [2], тѣмъ и заканчивалась литургія оглашенныхъ.

По выходѣ оглашенныхъ и подобныхъ имъ начиналась литургія вѣрныхъ, предварявшаяся проскомидіею.

Діаконъ возглашалъ: вѣрные Господу помолимся,—и всѣ падали на колѣни [3]. За тѣмъ слѣдовали молитвы вѣрныхъ [4]. Послѣ этой ектеніи переносились дары съ жертвенника на престолъ (велик. входъ), и за симъ народъ, по гласу діакона, молился о предложенныхъ дарахъ и о своемъ мирѣ; а священникъ читалъ молитву, да удостоенъ будетъ приносить жертву благоуханную [5].

Священникъ преподавалъ миръ и всѣ лобызались [6]. Вмѣсто этого нынѣ діаконъ возглашаетъ: *возлюбимъ другъ друга...* и если въ служеніи участвуютъ нѣсколь-

[1] Бесѣд. на 2 посл. Кор. Бесѣд. 23 на Матѳ.

[2] Бесѣд. 82 на Матѳ. Бесѣд. 18 на 2 посл. Кор. Бесѣд. на посл. Еф. Бесѣд. 4 о не постиж.

[3] Бесѣд. 18 на 2 посл. Корин.

[4] Бесѣд. 2 на посл. Корин.

[5] Бесѣд. 3 на посл. Колос.

[6] Бесѣд. 78 на Іоан.

ко священнослужащихъ, то они лобызаются между собою или цѣлуютъ другъ друга въ плечо. Діаконъ возглашаетъ о заключеніи двери. «Когда видишь, говоритъ Златоустъ, что движется завѣса во вратахъ; тогда представляй себѣ, что низводится небо и нисходятъ Ангелы» [1].

Станемъ добрѣ, станемъ со страхомъ, вонмемъ св. возношенію, чтобы приносить въ мирѣ, возглашаетъ діаконъ, и народъ вставалъ отъ колѣнопреклоненія, дабы предстать предъ Господомъ съ непоколебимымъ помысломъ о Немъ [2].

Священникъ, благословляя народъ, говорилъ: «благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любовь Бога Отца, и причастіе св. Духа, да будетъ со всѣми вами». Ему отвѣчали «и со духомъ твоимъ» [3].

Когда за тѣмъ священникъ возглашаетъ: «горѣ имѣимъ сердца»; народъ отвѣчаетъ: имѣемъ ко Господу» [4]. Священникъ возглашаетъ: «благодаримъ Господа», народъ отвѣчаетъ: «достойно и праведно» и священникъ возносилъ хвалы великолѣпію святыни Божіей [5]. За симъ онъ напоминалъ народу, съ какимъ благоговѣйнымъ торжествомъ небесныя силы славятъ Бога; — и народъ повторялъ Серафимскую пѣснь [6].

Во время пѣнія Серафимской пѣсни, священникъ продолжалъ славить Господа, изчислялъ благодѣянія

---

[1] Бесѣд. 23 на Матѳ. Бесѣд. на поел. Ефес.

[2] Бесѣд. 4, о непостижим.

[3] Бесѣд. о Пятд. и Бесѣд. 3 на посл. Колос.

[4] Бесѣд. 9 о покаян. Бесѣд. 22 на посл. Евр.

[5] Бесѣд. 18 на 2 посл. Корин. Бесѣд. 25 на Матѳ.

[6] Бесѣд. 21 на Дѣян. Бесѣд. 18 на 2 посл. Корин.

его къ людямъ, открывшіяся въ твореніи, промышленіи и искупленіи, въ частности воспоминалъ о установленіи Сыномъ Божіимъ тайны Евхаристіи и повторялъ слова Его какъ непреложенную волю о совершеніи тайны [1]. Оканчивая благодаренія, молился молитвою сокрушенною о ниспосланіи св. Духа на дары. «Священникъ стоитъ предъ св. трапезою, говоритъ св. Златоусъ, и съ воздѣтыми къ небу руками призываетъ св. Духа, да снидетъ и коснется даровъ; глубокое молчаніе, глубокій покой, Духъ подаетъ благодать, нисходитъ, касается предложенныхъ даровъ» [2]. При семъ совершалось благословеніе даровъ крестнымъ знаменіемъ [3].

Во время призыванія св. Духа, народъ пѣлъ: «Тебе поемъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимся Тебѣ» [4]. Послѣ сего священникъ поминалъ имена святыхъ Божіихъ для умилостивленія Бога молитвами ихъ [5]. «И Ангелы, говоритъ Златоустъ, повергаются предъ Господомъ и Архангелы молятся: они считаютъ это время самымъ лучшимъ, такъ какъ содѣйствуетъ имъ возношеніе... Ангелы, предстоя предъ тѣломъ Господа, молятъ Господа за человѣческое естество и какъ бы такъ говорятъ: за тѣхъ молимъ Тебя, которыхъ ты благоволилъ столько возлюбить, что предалъ душу Свою; за коихъ Ты пролилъ кровь Свою; за тѣхъ, за которыхъ принесъ Ты въ жертву плоть Свою» [6].

---

[1] Бесѣд. 24 на 1 посл. Корин.

[2] Бесѣд. о наименов. кладбища.

[3] Бесѣд. 55 на Матѳ.

[4] Бесѣд. 25 на Матѳ.

[5] Бесѣд. 2 на Дѣян.

[6] Бесѣд. 3 о непостиж.

Прославляя святыхъ, священникъ вмѣстѣ молился за умершихъ [1] и живыхъ, особенно за епископовъ какъ правителей церкви и чадъ ея; молился, да даруетъ Господь единымъ сердцемъ славить Его [2]. За симъ діаконъ приглашалъ молиться, да Господь пріиметъ дары въ пренебесный жертвенникъ. По окончаніи этой ектеніи священникъ присовокуплялъ о неосужденномъ призываніи Отца небеснаго, и народъ пѣлъ: *Отче нашъ* [3]. Эту молитву Господню священникъ заканчивалъ словами: *яко Твое есть царство* [4], преподавалъ *миръ* народу и надъ преклонившими главу читалъ молитву [5]. Діаконъ возбуждалъ ко вниманію словомъ: *вонмемъ*, а священникъ возглашаетъ: *святая святымъ* [6]. Народъ пѣлъ: «Единъ Святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ». За симъ слѣдовало раздробленіе Агнца [7], моленіе о прощеніи грѣховъ произвольныхъ и непроизвольныхъ и приступали къ пріобщенію св. Таинъ [8]. Во время причащенія пѣли стихъ: вкусите и видите, яко благъ Господь. «Господь Іисусъ, говоритъ Златоустъ, совершилъ благодареніе прежде, чѣмъ преподалъ, чтобы и мы тоже творили; вознесъ благодареніе и воспѣлъ, дабы и мы также поступали» [9]. Въ

---

[1] Бесѣд. 41 на посл. Кор. Бесѣд. 3 на посл. Филип. Бесѣд. 21 на Дѣян.

[2] Бесѣд. 25 на Матѳ.

[3] Бесѣд. 10 на посл. Колос. Бесѣд. на Евтропія.

[4] Бесѣд. 20 на Матѳ.

[5] Бесѣд. 3 на посл. Колос.

[6] Бесѣд. 17 на посл. Евр.

[7] Бесѣд. 24 на 1 посл. Корин.

[8] Бесѣд. 17 на посл. Евр.

[9] Бесѣд. 32 на Матѳ.

благодареніе пѣли 144 псалмъ [1]. Причастники Тайны изъявляли радость о принятіи небеснаго дара. Діаконъ призывалъ къ молитвѣ, дабы причастившіеся сохранены и спасены были благодатію. Благословеніемъ священника оканчивалось служеніе.

Вышеуказанныхъ мѣстъ изъ бесѣдъ св. Іоанна Златоустаго достаточно для того, чтобы убѣдиться, что извѣстная нынѣ литургія Златоустаго въ главныхъ частяхъ своихъ совершенно согласна съ тою, которая употреблялась во дни Златоуста въ Константинополѣ. Въ послѣдующее время внесено было нѣчто въ составъ литургіи Златоустаго, но не многое, и притомъ нисколько не нарушающее общаго порядка древней литургіи.

1) Пѣснь: «Единородный Сыне»—введена во время Юстиніана. 2) Пѣснь: «Святый Боже» съ молитвою трисвятаго пѣнія: «Боже Святый» введена въ составъ богослуженія при св. Проклѣ. 3) Херувимская составлена при Имп. Юстинѣ младшемъ, тогда же и молитва, читаемая священникомъ во время пѣсни Херувимской, для которой она составляетъ изъясненіе. 4) Символъ вѣры введенъ въ составъ литургіи Патріархомъ Тимоѳеемъ въ 510 году. 5) Хвалебная пѣснь Честнѣйшей Херувимъ заимствована изъ четверопѣсница св. Козмы на великій пятокъ. 6) Пѣсни: во гробѣ плотски, Благообразный Іосифъ, Воскресеніе Христово видѣвше,—Свѣтися, свѣтися,—и Пасха велія—составлены св. Дамаскинымъ. 7) Въ концѣ литургіи пѣснь: «Даисполнятся уста наша хваленія» введена при патріархѣ Сергіѣ въ 620 году.

[1] Бесѣд. на псал. 144.

Установивъ порядокъ и благолѣпіе въ церковномъ богослуженіи св. Златоустъ обратилъ за тѣмъ вниманіе и на священнослужителей.

Нѣкоторые изъ священнослужителей, не связанныхъ узами брака, подъ разными предлогами, держали въ своихъ домахъ женщинъ, что подавало поводъ мірскимъ людямъ къ осужденію и разнымъ соблазнительнымъ разговорамъ. Понимая все зло, происходившее отъ такого порядка дѣлъ, св. Златоустъ принудилъ священнослужителей разстаться съ своими сожительницами.

Но для священнослужителя, который съ успѣхомъ желаетъ трудиться для спасенія ближняго, не достаточно того, чтобъ быть только облеченнымъ въ одежду неизмѣннаго цѣломудрія, но необходимо, чтобъ онъ съ этою добродѣтелью соединялъ безкорыстіе и удаленіе отъ всѣхъ прелестей мірскихъ; безъ этого, хоть бы онъ былъ Ангеломъ, его слова останутся безплодными, его служеніе не будетъ имѣть благотворныхъ послѣдствій для спасенія душъ. Но духовенство константинопольское, къ сожалѣнію, не было таково. Многіе изъ его членовъ заражены были сребролюбіемъ, многіе покупали собственныя земли, строили домы, употребляли въ свою пользу остатки подаяній, назначаемыхъ для ихъ содержанія; нѣкоторые же, движимые страстію, убѣждали многихъ отдавать имъ по завѣщанію свои имѣнія во вредъ прямымъ наслѣдникамъ; иные же предавались роскоши и роскошнымъ пиршествамъ, часто посѣщали домы знатныхъ и богатыхъ людей; присутствовали на балахъ, и своею лестію и рабскою угодливостію дѣлались презрѣнными въ глазахъ даже тѣхъ, кото-

рые, подъ видомъ притворной дружбы, приглашали ихъ какъ будто съ усердіемъ и сердечнымъ участіемъ. Необходимо было для пользы Церкви и для чести священства найти лекарство для этихъ безпорядковъ, и св. архіепископъ константинопольскій нашелъ и приложилъ къ дѣлу. Онъ взываетъ къ зараженнымъ корыстолюбіемъ священникамъ словами Ап Павла: *имуще пищу и одѣяніе сими довольни будемъ:* потомъ показавъ, какимъ бѣдствіямъ подвергались несчастные Іудеи за свою страсть къ сребролюбію, прибавляетъ, что *корень всѣмъ злымъ сребролюбіе есть* (1 Тим. 6, 8, 10), и вмѣстѣ съ этимъ раскрываетъ гибельныя слѣдствія сей смертоносной страсти. Но, поражая справедливыми обличеніями корыстолюбіе служителей олтаря, онъ въ тоже время напоминаетъ народу объ обязанности его доставлять всѣ средства для жизни служителямъ Слова, чтобы имъ не было нужды заботиться о вещахъ, необходимыхъ для жизни, чтобы они не унывали, и чтобы попеченіе о предметахъ вещественныхъ не отвлекало ихъ вниманія отъ попеченія о душахъ и отъ исполненія важныхъ обязанностей ихъ высокаго служенія. Убѣждаетъ также священнослужителей пребывать въ удаленіи отъ шумныхъ обществъ, заниматься предметами духовными и заботиться объ исполненіи своихъ священныхъ обязанностей. «Избѣгайте, говорилъ онъ имъ, пиршествъ богатыхъ, довольствуйтесь тѣмъ пропитаніемъ, которое дастъ вамъ усердіе правовѣрныхъ, бойтесь отъ испареній пышныхъ столовъ сихъ прейдти въ вѣчное пламя ада [1].

---

[1] Паллад. о жизни Злат. стр. 46.

О! какое могущественное вліяніе имѣетъ надъ сердцами слушателей проповѣдникъ, когда онъ самъ предварительно исполняетъ то, что проповѣдуетъ другимъ!

Вѣрный послѣдователь Божественнаго Учителя, который прежде жилъ такъ, какъ училъ въ послѣдствіи, несомнѣнно будетъ имѣть утѣшеніе видѣть слово Божіе приносящимъ обильные плоды въ его слушателяхъ, и свое служеніе увѣнчаннымъ большими успѣхами.

Златоустъ, какъ только принялъ санъ святительскій, прежде всего занялся исправленіемъ недостатковъ собственнаго дома. Разсмотрѣвъ отчеты эконома, распоряжавшаго имѣніемъ церковнымъ, говоритъ Палладій, св. Златоустъ уничтожилъ многія издержки, которыя его предшественники почитали необходимыми для поддержанія своего достоинства, но въ его глазахъ представлявшіяся пышнымъ излишествомъ, недостойнымъ преемника апостольскаго. Тотъ, который былъ ревностнымъ защитникомъ бѣдныхъ въ Антіохіи, которымъ предоставилъ и все свое имѣніе родовое, не забылъ ихъ и находясь на высотѣ, на которой поставило его Провидѣніе. Нектарій оставилъ ему богатую мебель и другія комнатныя украшенія; но онъ все это продалъ и употребилъ на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей бѣдныхъ жителей. Имѣя самую простую одежду и употребляя самую обыкновенную пищу, онъ хотѣлъ видѣть ту же простоту и скромность во всемъ его окружающемъ. Пышность, гордость и тщеславіе были для него несносны. Частію по слабости своего здоровья, частію по любви къ уединенію и внимательности къ самому

себѣ, частію по желанію сохранить время, потребное для занятія предметами Божественными и спасеніемъ душъ ввѣренной ему паствы, онъ никогда никого не приглашалъ къ своему столу, равно какъ и самъ никуда не ходилъ. Онъ ѣлъ всегда одинъ, употреблялъ пищу самую простую, приправленную любовію къ подвигамъ самоумерщвленія. Впрочемъ такой образъ жизни не препятствовалъ ему упражняться, по ученію Апостола Павла [1], въ страннолюбіи и успокоеніи страждущихъ разными недугами. Онъ принималъ странниковъ съ нѣжною любовію; домъ его всегда былъ отверстъ для нихъ, и онъ всегда убѣждалъ, приставленныхъ къ сему дѣлу служить имъ съ усердіемъ и искреннею привѣтливостію. Простота и скромность его жизни, удивительный порядокъ въ распоряженіи имуществомъ церковнымъ составили весьма значительныя суммы на вспоможеніе бѣднымъ и больнымъ. Онъ не только сохранилъ и улучшилъ больницу, съ давнихъ временъ существовавшую въ Константинополѣ, но и основалъ много другихъ, которыя ввѣрилъ надзору четырехъ священниковъ, извѣстныхъ по своему благочестію, подъ надзоромъ которыхъ находились врачи и служители, люди тоже извѣстные самому святителю по своему благонравію, благоразумію, усердію и благорасположенію къ несчастнымъ [2]. Принимая живое участіе въ несчастныхъ страдальцахъ, онъ самъ часто посѣщалъ ихъ. Онъ въ нихъ всегда видѣлъ Самаго Христа страждущаго; убѣждалъ ихъ переносить свои страданія съ терпѣ-

[1] Евр. 13, 2.

[2] Палладій. стр. 46, 47.

ніемъ и покорностію волѣ Божіей, указывая на благость Божію, которая если попускаетъ намъ терпѣть какія либо скорби, то собственно для нашей душевной пользы, чтобъ дать намъ средство смиреннымъ терпѣніемъ скорбей заслужить болѣе блистательный вѣнецъ. И своихъ слушателей онъ всегда убѣждалъ не оставлять безъ вниманія больныхъ; располагалъ ихъ помогать несчастнымъ, и желалъ даже, чтобъ каждый взялъ на свое попеченіе хоть одного больнаго.

Съ какою силою въ одной изъ своихъ бесѣдъ на Дѣянія апостольскія старается онъ внушить своимъ слушателямъ усердіе къ дѣламъ милосердія и въ особенности къ исполненію обязанности страннолюбія. Онъ убѣждаетъ ихъ принимать странниковъ съ усердіемъ и радостію, имѣть всегда въ готовности комнату для принятія Христа, когда Онъ придетъ въ лицѣ бѣднаго странника; Онъ не отвергнетъ ее, какъ бы она ни мала была. Хоть бы случилась ночь, но если бы странникъ попросилъ пріюта, убѣжища отъ темной ночи и непогоды, не должно ему отказывать, боясь показаться жестокимъ и безчеловѣчнымъ на судѣ самаго Іисуса Христа[1].

Любовь св. Златоуста къ бѣднымъ такъ была велика, что онъ все свое достояніе обращалъ въ ихъ пользу. Изъ исторіи его жизни видно, что онъ въ одинъ голодный годъ, за неимѣніемъ собственнаго достоянія, продалъ нѣсколько церковныхъ сосудовъ для вспомоществованія бѣднымъ. Для большаго удобства въ подаяніи помощи бѣднымъ, которыхъ нахо-

[1] На Дѣян. бесѣд. 13.

дилось въ городѣ болѣе пятидесяти тысячъ, онъ предполагалъ ихъ собирать всѣхъ въ одно мѣсто, и это предположеніе такъ же успѣшно было осуществлено въ Константинополѣ, какъ и въ Кесаріи св. Василіемъ. Хотя благія намѣренія его не всѣ приведены были въ исполненіе, однакоже, не смотря на то, онъ успѣлъ много облегчить бѣдствія народныя, частію вспомоществованіемъ отъ собственнаго достоянія, которое составлялось отъ его скромной и неприхотливой жизни, частію чрезъ содѣйствіе другихъ, возбуждаемыхъ къ благотворительности силою его краснорѣчія и примѣромъ его дѣйствій, исполненныхъ любви къ несчастнымъ. Онъ хорошо понималъ смыслъ и значеніе словъ Іисуса Христа: *блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ* (Матѳ. 5, 7); *понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (—25, 40); и слова псалмопѣвца: *блаженъ разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь* (Пс. 40, 1).

Въ томъ же 398 году, исправивъ пороки, омрачавшіе честь дѣвъ и служителей олтаря, внушивъ имъ скромность въ дѣйствіяхъ и усердіе къ дѣламъ своего званія, качества, дѣлающія принадлежащихъ къ симъ званіямъ пріятными Богу и почтенными въ глазахъ людей, св. Златоустъ сдѣлалъ и другія преобразованія, неменѣе нужныя, даже весьма необходимыя въ благоустроеніи состоянія вдовъ. Съ самаго основанія христіанской Церкви большее число христіанскихъ дѣвъ, чтобъ имѣть болѣе удобства къ достиженію высшей чистоты христіанскаго житія, посвящали себя, чрезъ обѣтъ дѣвства, на особое служеніе Богу. Вдовы, которыя послѣ перваго мужа

не хотѣли вступать во второй бракъ, а желали остальные дни жизни проводить въ служеніи Богу, были причисляемы къ разряду дѣвственницъ. Святый Ап. Павелъ въ первомъ своемъ посланіи къ Тимоѳею совѣтуетъ этому ревностному ученику своему чтить находящихся въ званіи вдовъ: *вдовицы чти сущія истинныя вдовицы.... Вдовица да причитается не меньши лѣтъ шестидесятихъ, бывши единому мужу жена: въ дѣлахъ добрыхъ свидѣтельствуема, аще чада воспитала есть, аще святыхъ ноз҃ умы, аще странныя пріятъ, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (1 Тим. 5, 3, 9—10). Эти жены, по своему возрасту, опытности и засвидѣтельствованному благонравію способны были приносить пользу Церкви; онѣ съ такою же торжественностію вступали въ состояніе посвященныхъ Богу вдовицъ, какъ и дѣвы; платье онѣ носили тоже, какъ и дѣвы, и благословеніе имъ преподавалось въ тѣхъ же выраженіяхъ. Изъ нихъ нѣкоторыя избираемы были въ діакониссы, которыхъ обязанность состояла въ наученіи догматамъ вѣры новопросвѣщаемыхъ женъ и служить иногда при совершеніи крещенія. Онѣ также посѣщали заключенныхъ въ темницахъ исповѣдниковъ и мучениковъ, служили больнымъ, раздавали милостыни бѣднымъ, принимали и служили странникамъ, и вообще упражнялись во всѣхъ дѣлахъ благочестія и любви. По своему состоянію и обѣтамъ онѣ находились подъ покровительствомъ и управленіемъ Церкви, которая употребляла большую осторожность въ избраніи ихъ. Званіе вдовъ въ четвертомъ вѣкѣ распространено было повсюду, но особенно оно было многочисленно въ Константинополѣ. Но,

какъ нерѣдко бываетъ, въ слѣдствіе слабости человѣческой, а еще чаще отъ нерадѣнія и прельщенія мірскими благами, закрались въ ихъ общества не малыя разслабленія и злоупотребленія: многія далеко не соотвѣтственно жили съ обѣтами того званія, которому себя посвятили. Ревность и благочестіе св. Златоуста не замедлили и здѣсь явиться на помощь и подать приличное болѣзни врачевство. Онъ показавъ имъ несообразность ихъ поведенія съ ихъ званіемъ и испорченность нравовъ, сильно убѣждалъ ихъ жить въ подвигахъ покаянія, проводить время въ непрестанной молитвѣ, въ воздержаніи, постѣ, соблюдать простоту въ одеждѣ, убѣгать міра и его нечистыхъ удовольствій. Однѣхъ, жившихъ соотвѣтственно своему званію, онъ утверждалъ въ терпѣніи и въ непоколебимомъ пребываніи въ предпринятомъ подвигѣ; другимъ совѣтовалъ лучше вступить въ бракъ, чтобъ своимъ растлѣннымъ нравомъ, или, по крайней мѣрѣ, неправильнымъ и подозрительнымъ поведеніемъ не подавали случая клеветать на самую вѣру христіанскую и хулить имя Господне.

Еще до пресвитерства св. Златоустъ написалъ одной молодой вдовѣ два поученія, которыя остались, какъ драгоцѣнный памятникъ пламенной ревности сего святаго пастыря, въ которыхъ высказаны весьма назидательныя мнѣнія и весьма полезныя правила. И въ другихъ случаяхъ онъ убѣждалъ вдовъ непоколебимо пребывать въ той святой рѣшимости, которую онѣ предприняли на себя предъ лицемъ невидимаго Бога. И его голосъ, его писанія, его совѣты и примѣръ святой жизни вдохнули въ сихъ благочестивыхъ женъ новую ревность къ дѣламъ благочестія. Поддер-

живаемыя своимъ пастыремъ, онѣ на землѣ проводили жизнь ангельскую, всецѣло предаваясь благочестію и любви христіанской. Но между ними сіяла преимущественнымъ свѣтомъ добродѣтелей святая Олимпіада.

Эта святая жена, украшеніе вдовъ Церкви восточной, произошла отъ одного изъ знаменитыхъ семействъ и окружена была всѣми благами земли. Господь приготовлялъ ее съ самаго дѣтства разными испытаніями. Родившись въ 368 году, она оставалась сиротою съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста. Прокопій, ея дядя, былъ ей вмѣсто отца. Воспитаніе ея поручено было Ѳеодосіи, сестрѣ Амфилохія, епископа иконійскаго, совершеннѣйшему образцу благочестія. Олимпіада научилась отъ ней познавать и любить Бога отъ всего сердца и служить Ему со смиреніемъ и непоколебимою преданностію. Она еще была въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, когда ее обручили молодому юношѣ, главному управителю царскихъ имѣній Ѳеодосія Великаго и префекту Константинополя. Но женихъ ея чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончался. Освободившись отъ узъ, которые она наложила на себя болѣе изъ повиновенія, чѣмъ по склонности, и принявъ это обстоятельство за опредѣленіе Божіе, не хотѣла уже имѣть другаго жениха, а рѣшилась всецѣло посвятить себя единому небесному Жениху въ дѣвственной и цѣломудренной жизни, опредѣливъ себя на служеніе бѣднымъ и больнымъ. Но ея твердая рѣшимость принадлежать единому небесному Жениху потребовала отъ нея многихъ предварительныхъ жертвъ. Вскорѣ послѣ смерти ея жениха хотя многіе изъ знатныхъ особъ государственныхъ и придвор-

ныхъ желали вступить съ нею въ бракъ; однако же Олимпіадѣ не трудно было освободиться отъ ихъ предложеній и преслѣдованій. Но не такъ легко ей было устоять въ своемъ намѣреніи, когда императоръ Θеодосій Великій предлагалъ ей соединиться узами брака съ его близкимъ родственникомъ, по имени Елпидіемъ. Олимпіада отвѣчала, что ей не назначена Промысломъ супружеская жизнь; и что еслибъ къ этой жизни ее Богъ призывалъ, то Онъ сохранилъ бы для нея и перваго жениха, но такъ какъ смерть похитила его, конечно, не безъ воли Даровавшаго жизнь, то она твердо рѣшилась посвятить себя единому Богу. Но Θеодосій, побуждаемый Елпидіемъ, хотѣлъ силою и своимъ достоинствомъ вынудить согласіе юной вдовы, и съ сею цѣлію онъ отнялъ у нея право распоряжать своими имѣніями и передалъ ихъ въ управленіе префекта константинопольскаго. Сей, чтобъ доставить удовольствіе Елпидію исполнилъ приказаніе императора съ строгостію большею надлежащаго. Онъ лишилъ Олимпіаду не только всякаго участія въ управленіи собственнымъ имѣніемъ, но даже стѣснилъ ея личную свободу, запретивъ ей имѣть всякое сношеніе съ епископами и священниками; онъ, наконецъ, простеръ свою дерзость до того, что запретилъ ей ходить въ церковь и выѣзжать изъ Константинополя, надѣясь такими притѣсненіями утомить и разслабить ея терпѣніе, и такимъ образомъ вынудить согласіе на предложеніе Θеодосія. Но на самомъ дѣлѣ случилось не такъ: св. Олимпіада приняла рѣшеніе императора не только безъ ропота, но и съ благодарностію за то, что онъ избавилъ ее отъ заботъ и попеченій объ имуществѣ,

и даже просила его оказать ей еще большую милость, чтобъ приказалъ продать все ея имущество и роздать бѣднымъ. Послѣ сего Θеодосій, убѣдившись въ ея истинномъ благочестіи, не хотѣлъ ее болѣе безпокоить своими притязаніями, но предоставилъ ей жить и распоряжать своимъ имѣніемъ по собственному ея благому произволенію. Получивъ такую свободу, Олимпіада дышала уже свободнѣе, всецѣло посвящая себя дѣламъ благочестія и самоумерщвленія.

Палладій, въ своей исторіи, выставляетъ Олимпіаду во всемъ совершенствѣ. Онъ говоритъ, что ея простота и скромность были такъ же велики, какъ и знаменитость ея рода; въ молитвѣ упражнялась непрестанно и постъ всегда соблюдала строгій; она никогда не ходила въ баню и не ѣла мяса, и большую часть ночи проводила въ молитвѣ и сокрушеніи о грѣхахъ. Ея кротость и любовь дѣлали ее доступною для всѣхъ, и въ особенности она бывала внимательна къ немощнымъ, на которыхъ она всегда смотрѣла, какъ на своихъ дѣтей. Св. Златоустъ сравнивалъ ея обильныя милостыни съ обширною рѣкою, которая, протекая до конецъ земли, обиліемъ водъ своихъ превосходила самый океанъ. Города самые отдаленные, острова и пустыни, самыя уединенныя, всѣ испытывали на себѣ дѣйствія ея щедрой благотворительности; нуждающіяся церкви, въ какомъ бы мѣстѣ ни находились, всѣ имѣли не малую часть въ раздѣлѣ ея имѣній. Она обладала чрезвычайнымъ богатствомъ и жизнь ея, обреченная на подвиги самоумерщвленія, давала ей возможность посвятить все это всецѣло Господу. Она во всемъ выражала преданность въ волю Божію, была смиренна во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ,

привѣтлива въ обращеніи съ ближнимъ, исполнена любви и сострадательности къ бѣдствіямъ страждущихъ: такова была Олимпіада! пользуясь совѣтами и благорасположеніемъ патріарха Нектарія и св. Златоуста, она и сама много служила къ ихъ утѣшенію своимъ добрымъ нравомъ и достояніемъ, помогая многимъ въ нуждахъ, по ихъ назначенію. Находясь въ главѣ многочисленнаго общества вдовъ, она устрояла между ними порядокъ своими совѣтами, и вмѣстѣ назидала ихъ примѣромъ своей жизни. Богъ приготовлялъ ее въ уединеніи къ перенесенію скорбей, которыя она должна была претерпѣть за вѣру вмѣстѣ съ тѣмъ, котораго Провидѣніе дало ей, какъ руководителя, и котораго она чтила какъ пастыря и отца.

Вникая во всѣ обстоятельства жизни своего духовенства и другихъ посвященныхъ на служеніе Богу сословій, и неутомимо занимаясь ихъ преобразованіемъ, св. Златоустъ въ тоже время не опускалъ изъ виду своихъ обязанностей и по отношенію къ множеству другихъ вѣрующихъ, ввѣренныхъ его попеченію. Слишкомъ далекій отъ тѣхъ пастырей, которые собственное благополучіе и спокойствіе предпочитаютъ славѣ Божіей и спасенію душъ, онъ никогда не страшился высказывать прямо истину. Подобно Апостолу, онъ былъ всѣмъ, отцемъ, учителемъ, врачемъ и пастыремъ для всѣхъ, онъ всѣмъ служилъ безъ различія, не взирая на лица: богатые и бѣдные, великіе и малые, ученые и невѣжды, всѣ одинаковое мѣсто занимали въ его сердцѣ. Всѣми его словами, и дѣйствіями всегда руководило желаніе славы Божіей и св. Церкви, и душевной пользы вѣрующимъ. Дворъ видалъ его рѣдко; онъ являлся туда только по нуж-

дамъ церковнымъ. При первомъ свиданіи съ императоромъ Аркадіемъ и императрицею Евдоксіею, онъ преподалъ имъ спасительные совѣты, говорилъ имъ о царствіи небесномъ и о необходимости, для достиженія его, подвиговъ благочестія.

Великіе, богатые и императорскіе высшіе чины также не забыты были св. пастыремъ; онъ ихъ часто убѣждалъ не увлекаться тщеславіемъ и гордостію, напоминалъ объ обязанности отрываться отъ привязанности къ богатству и подавать щедрою рукою милостыни бѣднымъ. Со всею заботливостью стараясь внушить и бѣднымъ и богатымъ необходимость молитвы общественной и частной, онъ съ особенною силою старался убѣдить ихъ въ великой важности молитвы нощной, какъ главнаго средства удалить душу отъ всего земнаго и привести ее къ ангельской жизни въ тѣлѣ смертномъ.

«Повѣрь мнѣ, говоритъ св. Златоустъ, не столько огнь обыкновенно очищаетъ ржавчину, сколько ночная молитва очищаетъ ржавчину грѣховъ нашихъ. Устыдимся по крайней мѣрѣ нощныхъ стражей, если не стыдимся кого другаго. Они въ исполненіе человѣческаго закона съ громкимъ крикомъ ходятъ по ночамъ во время стужи, и ходятъ по улицамъ, часто обмокшіе и иззябшіе; ходятъ для тебя, для твоей безопасности и для сохраненія твоихъ денегъ. Стражъ о твоихъ деньгахъ такъ печется; а ты не печешься о своей душѣ. Я не принуждаю тебя ходить на открытомъ воздухѣ, какъ онъ, ни кричать громко, ни надрываться; но дома, въ самой спальнѣ, преклони колѣна и призови Владыку своего. Для чего Самъ Христосъ проводилъ ночи на горѣ? Не для того ли, чтобы быть намъ примѣромъ? Тогда, т. е. ночью, оживаютъ ра-

стенія; тогда и душа, болѣе нежели онѣ, принимаетъ росу благодати. Что днемъ опалено солнцемъ, то ночью прохлаждается. Болѣе всякой росы ночныя слезы погашаютъ похоть, запальчивость и разгоряченіе, и недопускаютъ до порочныхъ страстей. Если же душа не получитъ сей росы, то днемъ она будетъ опалена. Да не будетъ кто либо изъ васъ опаленъ симъ огнемъ. Но да прохладитъ и усладитъ насъ Богъ человѣколюбіемъ Своимъ, дабы всѣ мы освободились отъ тяжести грѣховъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа» [1].

Св. Златоустъ заботился не о томъ только, чтобы разрушить власть діавола, но и чтобы возсоздать домъ Божій;—не о томъ только, чтобы очистить поле отъ плевелъ, но и чтобы засѣять его сѣменами христіанскихъ добродѣтелей; онъ не довольствовался отверженіемъ пороковъ и разныхъ безпорядковъ, но старался и о томъ, чтобы на развалинахъ ихъ возсоздать христіанскую ревность и самоусовершенствованіе чрезъ подвиги вѣры и благочестія. Чтобъ утвердить въ народѣ усердіе къ денноношнымъ молитвамъ, которыхъ самъ былъ лучшимъ образцемъ, къ посѣщенію темницъ, къ вспомоществованію бѣднымъ, онъ учредилъ въ Константипополѣ, такъ какъ сдѣлалъ и въ Антіохіи, чтеніе псалмовъ въ церкви, пѣніе священныхъ пѣсней въ домахъ, въ мастерскихъ и среди работъ полевыхъ.

«Ничто», говоритъ онъ при изъясненіи 41-го псалма, «такъ не возбуждаетъ и не окрыляетъ душу, ничто съ такою силою не отторгаетъ ее отъ земли и не разрѣшаетъ отъ узъ плоти, ничто столько не располагаетъ

[1] Злат. Томъ IX, стр. 214. Хр. Чт. 1821 г. Ч. IV, стр. 256.

ее къ любомудрію и не возвышаетъ надъ всѣмъ житейскимъ, какъ гармоническій стихъ и священная пѣснь, сложенная по закону риѳма. Природа наша такъ услаждается пѣснопѣніемъ и стихами, такое имѣетъ съ ними сродство, что и грудныя дѣти, если плачутъ и дѣлаются безпокойными,—оными усыпляются. Кормилицы, нося ихъ на рукахъ, ходятъ туда и сюда, и, напѣвая имъ дѣтскія пѣсенки, тѣмъ и утишаютъ ихъ безпокойный плачь. Часто такъ же и путешественники, въ жаркій полдень ѣдущіе на подъяремныхъ животныхъ, поютъ, и пѣніемъ облегчаютъ тягость путешествія. Равно и земледѣльцы, выжимаютъ ли сокъ изъ виноградныхъ кистей, или другое что дѣлаютъ, обыкновенно поютъ. И мореходцы, работая веслами, тоже дѣлаютъ. Наконецъ и женщины, когда ткутъ, или спутавшіяся на станѣ нити разбираютъ челнокомъ,—иногда каждая порознь, иногда всѣ въ одинъ голосъ, поютъ какую нибудь пѣсню. Всѣ же, и женщины, и путешественники, и земледѣльцы, и мореплаватели, дѣлаютъ сіе для того, чтобы пѣніемъ усладить труды свои: такъ какъ душа, при звукахъ стиховъ и пѣсней, легче можетъ выносить все—и скуку и труды. Итакъ, поелику сей родъ увеселенія столько сроденъ душѣ нашей, Богъ, въ предотвращеніе того, чтобы обольститель не развращалъ людей, внушая имъ блудныя пѣсни, — установилъ псалмы, коихъ свойство таково, что отъ нихъ человѣкъ получаетъ и удовольствіе и пользу. Отъ мірскихъ пѣсней бываетъ много вреда, развращенія и другихъ золъ: ибо все то, что есть въ нихъ худаго и безнравственнаго, проникая въ душу, разслабляетъ ее и развращаетъ. Напротивъ духовныя пѣсни до-

ставляютъ великую пользу и назиданіе: это источники освященія, руководители къ любомудрію; потому что и слова въ нихъ очищаютъ душу, и Св. Духъ нисходитъ въ души поющихъ оныя: ибо тѣ, которые поютъ псалмы съ сознаніемъ, дѣйствительно призываютъ на себя благодать Его. О семъ свидѣтельствуетъ Ап. Павелъ такъ: *не упивайтеся виномъ, въ немъ же есть блудъ; но паче исполняйтеся Духомъ;* въ объясненіе же способа, какъ исполняться Духомъ, присовокупляетъ: *глаголюще себе во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви* (Еф. 5, 18. 19). Я сказалъ: съ сознаніемъ, не такъ, т. е., чтобы въ то время, какъ уста произносятъ псаломъ, умъ блуждалъ по внѣшнимъ предметамъ, но такъ, чтобы вся душа внимала тому, что произноситъ языкъ. Гдѣ много нечистоты, туда сбѣгаются и животныя нечистыя: равно, гдѣ цвѣты и благоуханія, туда и пчелы слетаются. Подобнымъ образомъ, гдѣ поются срамныя пѣсни, туда стекаются и демоны: напротивъ, гдѣ возглашаются духовныя пѣснопѣнія, туда нисходитъ благодать Св. Духа, которая освящаетъ и уста и души поющихъ. Сіе говорю я не съ тѣмъ, чтобы только васъ самихъ расположить къ псалмопѣнію, но чтобы вы и дѣтей и женъ своихъ учили пѣть духовныя пѣсни, не только во время домашнихъ занятій, но въ особенности при трапезѣ [1].

Благочестивое усердіе св. Златоуста расположить народъ къ частому повторенію духовныхъ пѣсней, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ; пѣніе псалмовъ заняло

---

[1] Хр. Чт. 1833 г. Ч. I, стр. 289—292.

мѣсто свѣтскихъ пѣсенъ, и жители Константинополя весьма часто освящали свои уста пѣніемъ псалмовъ.

Св. Златоустъ, движимый искреннимъ усердіемъ поддержать въ ввѣренной его попеченію паствѣ вѣру, ревность и благочестіе, не съ меньшимъ успѣхомъ и другое средство предлагалъ; онъ располагалъ ихъ къ призыванію въ молитвѣ святыхъ, къ посѣщенію храмовъ, посвященныхъ ихъ имени, и къ усердному почитанію святыхъ мощей. Царственный городъ Константинополь богатъ былъ драгоцѣнными мощами св. мучениковъ и другихъ угодниковъ Божіихъ. Св. Златоустъ называлъ ихъ нетлѣнными памятниками добродѣтели, сокровищницею и непреодолимою оградою городовъ, ужасомъ для демоновъ и неизсякаемымъ источникомъ радости и благословеній небесныхъ.

Народъ константинопольскій, вѣрный голосу своего пастыря, возбуждаемый его живою вѣрою и истиннымъ благочестіемъ, всегда благоговѣйно чтилъ мѣста, освященныя присутствіемъ святыхъ останковъ мучениковъ. Грозы ли устрашали, проливные ли дожди и чрезвычайная засуха опустошали сады и поля, или землетрясеніе угрожало ниспроверженіемъ городовъ, или всеобщій голодъ, моровое повѣтріе и набѣги варваровъ поставляли въ опасность конечной погибели: всѣ прибѣгали въ эти глубокочтимыя святилища, надѣясь найти въ нихъ безопасное убѣжище. Въ сихъ обстоятельствахъ св. епископъ учреждалъ обыкновенно общественныя молебствія съ крестнымъ ходомъ, при стеченіи многочисленнаго народа, къ гробамъ почившихъ святыхъ. Въ такихъ случаяхъ весь городъ приходилъ въ движеніе, переплывали иногда Босфоръ,

для совершенія молебствія въ храмѣ св. Апостолъ Петра и Павла, устроенномъ на томъ берегу пролива.

Но самое замѣчательное въ этомъ родѣ торжество совершено было въ 398 году, по случаю перенесенія мощей многихъ мучениковъ. Въ этомъ году Константинополь подвергся страшному землетрясенію, такому, подобнаго которому городъ еще никогда не испытывалъ. Море кипѣло, воздымая страшныя волны; грозныя тучи, закрывъ весь горизонтъ непроницаемымъ покровомъ, распространили повсюду глубокій мракъ; ослѣпительная молнія, съ оглушительными раскатами грома, по всѣмъ направленіямъ разсѣкала воздухъ своими огненными стрѣлами; всѣ зданія и стѣны, во всѣхъ частяхъ города, отъ сильнаго сотрясенія съ шумомъ разрушались; устрашенные жители оставляли свои домы и сокровища, убѣгая отъ угрожавшей смерти. Опустошенія, произведенныя симъ землетрясеніемъ, были такъ велики, что святый Златоустъ послѣ, нѣсколько дней оплакивалъ бѣдствіе народное, называя совершившееся землетрясеніе страшнымъ разрушеніемъ благоденствія народнаго.

Это ли страшное происшествіе вложило императрицѣ Евдоксіи мысль утишить праведный гнѣвъ Бога торжественнымъ перенесеніемъ святыхъ мощей мучениковъ, или она, движимая благочестіемъ, захотѣла почтить ихъ особеннымъ торжествомъ и положить въ великолѣпнѣйшемъ изъ храмовъ, только святыя мощи были перенесены изъ церкви Великой, находившейся въ центрѣ города, въ храмъ св. Ап. Ѳомы, созданной на противоположномъ берегу моря и отстоявшій отъ Константинополя на девять миль. Это перенесеніе мощей совершено было въ сентябрѣ мѣсяцѣ съ

чрезвычайнымъ великолѣпіемъ, при многочисленномъ стеченіи народа, и, что особенно удивительно, совершено было ночью.

По совершеніи всенощнаго бдѣнія св. пастырь, въ сопровожденіи клира и многочисленнаго собранія народа, пошелъ въ церковь, называемую Великою, за мощами святыхъ, оттуда же направились къ храму св. Ап. Өомы, и при этомъ перенесеніи присутствовала и царица Евдоксія. Вотъ какъ описываетъ самъ св. Златоустъ это великолѣпное и умилительное шествіе въ своемъ словѣ, сказанномъ по принесеніи святыхъ мощей въ назначенный храмъ. «Жены, обыкновенно сидящія во внутреннихъ своихъ чертогахъ, оставя сокровенныя храмины, не уступали въ ревности крѣпчайшимъ мужамъ и шли пѣшкомъ толикое пространство пути (десять стадій); и это дѣлали не только молодыя, но и престарѣлыя, такъ что ни слабость ихъ естества, ни изнѣженность образа жизни, ни надменность знаменитости, не воспрепятствовали ихъ усердію. Далѣе начальники, и они, оставя свои колесницы, ликторовъ и оруженосцевъ, вмѣшались въ толпу простолюдиновъ. Но что я говорю о женахъ и начальникахъ? Сама царица, украшенная діадимою и облеченная въ порфиру, во все продолженіе пути, нимало не отставала отъ мощей; но подобно рабынѣ слѣдовала за святыми останками, придерживаясь раки и возлежащаго на немъ покрова, поправъ всю человѣческую гордость и среди толикаго зрѣлища являясь всему народу,—та, которую и евнухи, живущіе при дворѣ царскомъ не всѣ могутъ видѣть. Но великое расположеніе и пламенная любовь къ мученикамъ, заставили ее отринуть всѣ оныя прикрасы и види-

мымъ усердіемъ обнаружить ревность къ святымъ мученикамъ» [1]. Обращая вниманіе на многочисленность народа, говоритъ: «какъ бы нѣкое новое море разлилось отъ самаго города до сего мѣста,—море, не воздымаемое волнами, не угрожающее кораблекрушеніемъ, не имѣющее подводныхъ камней, море съ водою сладчайшею всякаго меда и болѣе всякой другой воды годное къ питію. Не ошибется тотъ, кто море сіе назоветъ огненною рѣкою. Подлинно, въ продолженіи ночи свѣтильники въ великомъ множествѣ и непрерывно чрезъ весь путь, даже до самаго сего храма распространенные, прдставляли видъ рѣки огненной» [2].

Положивъ святыя мощи на жертвенникъ, св. Златоустъ, упоенный радостію, съ высоты священной каѳедры восклицалъ: «Что мнѣ сказать и очемъ говорить? Я весь исполненъ радости, я въ изступленіи, но гораздо лучшемъ спокойнаго состоянія; летаю, ликую и ношусь восхищенный; я совершенно упоенъ симъ духовнымъ веселіемъ. Итакъ что сказать и о чемъ говорить? О силѣ ли мучениковъ? О усердіи ли города? О ревности ли царицы? О стеченіи ли начальниковъ? О посрамленіи ли діавола и пораженіи демоновъ? О торжествѣ ли Церкви? О силѣ ли креста? О чудесахъ ли Распятаго, о славѣ ли Отца, и благодати ли св. Духа? О радости ли всего народа и веселіи города? О соборѣ ли монаховъ, ликахъ дѣвъ и и чинахъ священниковъ? О множествѣ ли свѣтскихъ людей, рабовъ, свободныхъ, начальниковъ, подчинен-

[1] Хр. Чт. 1829 г. Ч. III, стр. 67.
[2] Тамъ же, стр. 71.

ныхъ, убогихъ, ботатыхъ, чужестранцевъ, здѣшнихъ гражданъ? поистинѣ прилично теперь сказать: *кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его»* (Пс. 105, 2) [1].... «Потому-то я играю и летаю отъ радости, что вы пустыню сдѣлали городомъ, оставя пустымъ городъ, что вы нынѣ показали намъ богатство Церкви. Смотри: сколько овецъ, и ни одного волка! Сколько винограда, и нѣтъ тернія» [2].

Послѣ сего, показавъ все величіе сего торжества, указываетъ причину онаго, которая заключалась въ ракѣ, «содержавшей въ себѣ не скрижали каменныя, подобно древнему кивоту, предъ которымъ порфироносный Давидъ прыгалъ и скакалъ, но скрижали духовныя, благодать процвѣтающую, даръ лучезарный и кости, сіяніемъ не только неуступающія лучамъ солнечнымъ, но еще гораздо ярчайшій блескъ испускающія. Ибо, взирая на лучи солнечные, демоны ничего не терпятъ; напротивъ не терпя исходящаго отъ мощей свѣта, они ослѣпляются, обращаются въ бѣгство и удаляются. Такова-то сила самаго праха святыхъ! Она не останавливается внутри — токмо въ мощахъ, но проходитъ далѣе, прогоняетъ нечистыя силы и преизобильно освящаетъ приступающихъ къ нимъ съ вѣрою» [3].

Но торжество не окончилось однимъ этимъ днемъ; на другой день прибылъ туда же и императоръ Аркадій со всѣми придворными чинами и войсками. Слово, сказанное по сему случаю, св. Златоустъ началъ сими словами:

---

[1] Тамъ же, стр. 68.

[2] Тамъ же, стр. 70.

[3] Тамъ же, стр. 68—69.

«Благословенъ Богъ! сколь велики силы мучениковъ! Вчера привлекли они весь городъ къ намъ и императрицу, а нынѣ императора съ воинствомъ и съ великимъ благочестіемъ, не оковами, но узами любви, никогда нерасторгаемыми. Ибо, по истинѣ, удивительно не то, что императоръ пришелъ, но то, что онъ пришелъ съ великимъ усердіемъ, не по нуждѣ, но по расположенію, не для раздаянія милостей, но для полученія оныхъ. Тотъ, кто благодѣтельствуетъ всѣмъ въ государствѣ, пришелъ, желая самъ принять благодѣянія отъ сихъ святыхъ и получить великую себѣ пользу. Посему и самъ онъ,—отложивъ діадиму, и всѣ спутники его, бросивъ щиты и копья, оставивъ всю пышность, пришли съ смиреннымъ духомъ, какъ бы пришли съ земли на небо, гдѣ нѣтъ мѣста ни почестямъ, ни знаменитости, ни всему множеству достоинствъ, и гдѣ сіяютъ одни только примѣры жизни и плоды добродѣтели [1].

Послѣ сего вступленія и похвалы императору, св. Златоустъ, показавъ превосходство славы и блаженство св. мучениковъ, которымъ они наслаждаются на небеси, въ сравненіи съ страданіями, претерпѣнными ими на земли, убѣждаетъ слушателей не унывать при встрѣчѣ съ скорбями въ сей жизни, тѣмъ болѣе, что онѣ всегда служатъ средствомъ къ отторженію нашего сердца отъ привязанности къ земному и возвышенію мыслей къ небесному. «Поелику многіе, говоритъ онъ, служа плоти и находясь подъ владычествомъ житейскихъ попеченій, охотно предаются онымъ, то Богъ, прекращая ихъ привязанность къ нимъ, соеди-

[1] Хр. Чт. 1838 г. Ч. III, стр. 152—153.

нилъ съ удовольствіями много огорченій, опасеній, заботъ, безпокойствъ, скорбей, опасностей, страховъ, тѣлесныхъ болѣзней, искушеніе плоти и многое другое, чего нельзя выразить никакимъ словомъ; дабы, по крайней мѣрѣ, устрашась множества такихъ золъ, они возжелали поспѣшить къ безмятежному пристанищу и насладиться постояннымъ спокойствіемъ, въ которомъ зло не примѣшано къ добру» [1].

Въ заключеніе говоритъ, что и теперь есть возможность достигнуть одинаковой славы съ мучениками. «Ибо, хотя теперь нѣтъ пылающихъ костровъ, но есть похоти, сильнѣйшія пламени. Хотя нѣтъ зубовъ звѣрей, но есть злоба, страшнѣйшая звѣря. Хотя не окружаютъ насъ палачи и не терзаютъ нашихъ тѣлъ; но есть зависть, терзающая душу сильнѣе всякаго палача. Посему мы должны провождать настоящую жизнь, вооружаясь противъ сихъ страстей и противопоставляя имъ силу любомудрыхъ помышленій, должны всегда быть готовы къ борьбѣ съ ними, дабы за кратковременные подвиги получить неувядаемый вѣнецъ и насладиться благами вѣчными,—быть нѣкогда съ Господомъ» [2].

Такъ прошелъ первый годъ епископства св. Златоуста. Его ревность о славѣ Божіей и спасеніи душъ не ослабѣвала. Какъ добрый вертоградарь въ винограднике Господнемъ, онъ воздѣлывалъ его со всевозможнымъ стараніемъ, не щадилъ ни трудовъ, ни поту, только бы принести обильный плодъ Домовладыкѣ. Такимъ образомъ призванный Господиномъ виноград-

---

[1] Тамъ же стр. 166.
[2] Тамъ же стр. 17.

ника почти въ послѣдній часъ, онъ успѣлъ сдѣлать, такъ сказать, въ нѣсколько минутъ, столько, сколько другіе не сдѣлали въ нѣсколько лѣтъ. Такимъ мы видѣли его въ первый годъ, таковъ былъ онъ и въ послѣдующіе, всегда одинаково ревностный къ образованію и освященію своей паствы, непрестанно проповѣдуя слово спасенія, управляя дѣйствіями своего клира, поддерживая и укрѣпляя ослабѣвавшихъ монаховъ, дѣвъ и вдовъ, утѣшая скорбящихъ, посѣщая больныхъ, помогая бѣднымъ, преслѣдуя пороки, ограничивая излишества, благоговѣйно чтя Христову вѣру и Церковь, утверждая ея догматы, охраняя святость ея нравственныхъ правилъ отъ хитрыхъ нападеній развращенныхъ еретиковъ, устроя, возсозидая народъ своими бесѣдами. Но оставимъ пока его пастырскія дѣла, и взглянемъ на него въ особыхъ и чрезвычайныхъ событіяхъ, окружавшихъ его въ послѣдующіе годы.

ГЛАВА V.

(389—400 г.)

Какъ пламя тѣмъ болѣе возвышается, растетъ и укрѣпляется въ своей силѣ, чѣмъ болѣе получаетъ для своего питанія горючаго вещества: такъ и ревность апостольская всегда возгарается и возрастаетъ по мѣрѣ встрѣчаемыхъ препятствій и величія жертвъ, которыя она должна принести для славы Божіей и спасенія ближнихъ. Человѣкъ съ апостольскою ревностію, чѣмъ болѣе сдѣлалъ, тѣмъ болѣе желаетъ дѣлать; и такъ какъ онъ заимствуетъ свою силу отъ Бога, то съ усердіемъ дѣлаетъ не тогда только, когда видитъ успѣхъ въ дѣлахъ, но и при встрѣчающихся препятствіяхъ не унываетъ и не ослабѣваетъ въ усердіи къ дѣлу. Какъ потокъ течетъ всегда, хотя бы никто не черпалъ изъ него воды: такъ и пастырь духовный, согрѣтый пламенною любовію къ ближнимъ не перестаетъ заботиться о спасеніи своей паствы, не смотря на безплодіе почвы, имъ воздѣлываемой.

Какъ ни велика была привязанность св. Златоуста къ Константинополю, но онъ не забывалъ и своей любезной Антіохіи. Живая вѣра и истинное благочестіе ея жителей всегда присущи были его сознанію; онъ никогда не забывалъ также о превосходныхъ ка-

чествахъ благочестиваго ея епископа Флавіана. Желая засвидѣтельствовать свою привязанность и любовь, которую имѣлъ къ Антіохіи и ея епископу, онъ всѣми силами старался прекратить несогласія, появлявшіяся не только между вѣрными сей церкви, но и даже между египетскими и западными епископами, изъ за Мелетія и Павлина, которымъ наслѣдовалъ Флавіанъ. Но чтобы имѣть большій успѣхъ въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ, онъ просилъ Θеофила, патріарха александрійскаго, содѣйствовать ему въ примиреніи римскаго епископа съ Флавіаномъ. А какъ скоро это было положено, тотчасъ избраны для сей цѣли берійскій епископъ Акакій и Исидоръ, изъ за котораго Θеофилъ противился рукоположенію Іоанна. Прибывъ въ Римъ и совершивъ посольство согласно съ своимъ желаніемъ, они отплыли оттуда въ Египетъ, а изъ Египта Акакій отправился въ Сирію и отъ египетскихъ и западныхъ іереевъ разносилъ примирительныя грамоты державшимъ сторону Флавіана [1]. Такимъ образомъ церкви, хотя и не скоро, освободились наконецъ отъ этого раздора и пришли въ общеніе между собою, и этимъ благомъ по преимуществу обязаны были благочестивой ревности и любви св. Златоуста.

Окончивъ счастливо это дѣло, онъ занялся дѣлами церквей θракійскихъ и разныхъ областей Понта.

398-й годъ, по предсказанію языческихъ оракуловъ, долженствовалъ быть роковымъ для христіанской вѣры. Язычники, видя, что вѣра христіанская, не смотря на противодѣйствіе сильныхъ государей,

---

[1] Созоменъ кн. 8, гл. 3.

возраженія и ухищренія философовъ, при всѣхъ страшныхъ гоненіяхъ, проливавшихъ по городамъ и селеніямъ обильные потоки крови, распространяется до послѣднихъ предѣловъ земли, въ ущербъ прежнимъ вѣрованіямъ,—удивлялись; но чудеснаго распространенія христіанства не приписывали Божественной силѣ, а хитрости и нѣкоей магической силѣ распространителей, и согласно съ этимъ убѣжденіемъ ихъ оракулы утверждали, что начальникъ и основатель сей религіи утвердилъ оную только на 365 лѣтъ, по прошествіи коихъ христіанство должно прекратиться. Эти 365 лѣтъ, считая съ начала исповѣданія Петра, оканчивались въ 398 году. Язычники, оставшіеся въ имперіи (а ихъ было еще очень много, не смотря на законы царскіе, воспрещавшіе жертвоприношенія и повелѣвавшіе разрушать храмы) жили въ непрестанномъ ожиданіи исполненія сихъ предсказаній. Начали даже поговаривать о наступившемъ времени исполненія предсказаній, и въ слѣдствіе этого волноваться и поднимать голову. Но это волненіе язычниковъ произвело только то, что императоры Аркадій и Гонорій издали новые законы противъ идолопоклонства. Первый издалъ указъ, которымъ повелѣвалось разрушать языческіе храмы во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ; другой издалъ такой же указъ, но повелѣлъ только сохранять храмы въ городахъ, какъ памятники древности.

Св. Златоустъ не замедлилъ воспользоваться сими законами къ уничтоженію язычества и распространенію христіанства.—Узнавъ, что нѣкоторые кочующіе Скиѳы, поселившіеся при Истрѣ, жаждутъ спасенія, но не имѣютъ никого, кто бы принесъ имъ

живой воды истиннаго ученія, онъ отыскалъ мужей, съ ревностію къ апостольскимъ трудамъ, и отправилъ ихъ къ Скиѳамъ. Посланные имѣли желаемый успѣхъ въ дѣлѣ обращенія къ истинной вѣрѣ скитавшихся во мракѣ невѣдѣнія о Божественныхъ истинахъ спасенія. При содѣйствіи царскаго указа, изгналъ изъ окрестныхъ селеній города Кира распространявшихъ тамъ заблужденія Маркіона, и такимъ образомъ далъ возможность расти сѣменамъ истиннаго ученія, не стѣсняясь терніемъ заблужденій еретическихъ [1]. Узнавъ такъ же, что въ Финикіи есть еще безумцы, служащіе демонамъ, онъ собралъ пламенѣвшихъ Божественною ревностію подвижниковъ и, уполномочивъ ихъ царскими указами, послалъ для сокрушенія идольскихъ капищъ, вмѣстѣ съ симъ для выполненія этого дѣла далъ имъ мастеровыхъ и рабочихъ, которые были наняты на деньги, пожертвованныя благоговѣйными и богатыми женами [2]. И лишь только прибыли на мѣсто ревностные служители славы божественной, тотчасъ идольскіе храмы и лѣса, служившіе вмѣстилищемъ суевѣрій и разныхъ нечистыхъ обрядовъ языческихъ, пали подъ ударами ихъ, и язычники, убѣдившись изъ сего въ лживости предсказаній оракуловъ о возстановленіи язычества, въ большомъ числѣ обратились къ христіанству.

Между тѣмъ, какъ миссіонеры обращали Скиѳовъ и финикійскихъ язычниковъ, самъ св. Златоустъ заботился о приведеніи къ православной вѣрѣ Готѳовъ, бывшихъ прежде исповѣдниками истиннаго ученія,

---

[1] Ѳеодоритъ кн. 5, гл 31.
[2] Тамъ же гл. 29.

но потомъ, въ царствованіе Валента, чрезъ хитрое посредство Евдоксія, бывшаго епископа константинопольскаго, впавшихъ въ аріанство [1]. Хотя св. Златоустъ самъ не зналъ языка сихъ народовъ, но его благоразумная ревность нашла средство къ ихъ вразумленію. Посвятивъ единоплеменныхъ имъ пресвитеровъ, діаконовъ и чтецовъ священнаго Писанія, онъ далъ имъ одну церковь, посвященную имени св. Апостола Павла. Готѳы, жившіе во множествѣ въ городѣ и внѣ его, часто посѣщали сей храмъ, и священники, поставленные св. Златоустомъ, проповѣдывали имъ истинное ученіе православной Церкви и чрезъ то весьма многихъ отвращали отъ ихъ заблужденій. Св. пастырь нерѣдко и самъ присутствовалъ при ихъ поученіяхъ, своимъ присутствіемъ придавая большую твердость ученію, а иногда и самъ бесѣдовалъ съ ними чрезъ искусныхъ переводчиковъ [2].

Но сей великій архипастырь, привлекая во множествѣ къ истинной вѣрѣ язычниковъ и еретиковъ, не прекращалъ своихъ краснорѣчивыхъ и спасительныхъ бесѣдъ и къ жителямъ Константинополя. Къ нему ежедневно стекалось множество людей, частію для того, чтобъ послушать его съ назиданіемъ, а частію, чтобъ испытать его. Онъ обращался ко всѣмъ и, касательно Божества, убѣждалъ каждаго исповѣдывать одно и тоже съ собою. Народъ такъ жаждалъ его рѣчей и до того не могъ насытиться его бесѣдою, что когда, вышедши на среду толпы, онъ садился на амвонъ чтеца и начиналъ учить, слушатели

[1] Тамъ же кн. 4, гл. 37.
[2] Тамъ же кн. 5, гл. 30.

толкали и тѣснили другъ друга, желая пройдти впередъ и стать къ нему ближе, чтобы яснѣе слышать его бесѣду [1]. Такъ, сей великій учитель, окруженный тысячами слушателей, изъяснялъ книгу Дѣяній апостольскихъ, и говорилъ всегда съ такимъ пріятнымъ и усладительнымъ краснорѣчіемъ, съ такою неотразимою убѣдительностію и съ такою теплотою чувства, что часто оглушительныя восклицанія и рукоплесканія надолго прерывали его бесѣду.

Одно необыкновенное и, по истинѣ, чудесное событіе, совершившееся въ храмѣ, послужило къ утвержденію его ученія, къ посрамленію еретиковъ и къ утвержденію въ истинной вѣрѣ правовѣрующихъ. Въ Константинополѣ весьма много находилось послѣдователей разныхъ ересей. Аріане, аномеи, маркіониты, манихеи, македоніане, всѣ имѣли здѣсь своихъ представителей. С. Златоустъ, изъясняя какое либо мѣсто изъ св. Писанія, всякій разъ, пользуясь представлявшимся случаемъ, всегда дѣлалъ выводы къ утвержденію православнаго ученія и къ обличенію какой либо ереси. Его бесѣдами многіе изъ заблуждавшихъ въ понятіяхъ объ истинной вѣрѣ вразумлялись, и къ этому числу обращенныхъ принадлежалъ одинъ человѣкъ, державшійся македоніанской ереси. Сей, открывъ глаза для свѣта истиннаго ученія и убѣдившись въ совершенной нелѣпости еретическаго, убѣждалъ и свою жену къ единомыслію съ собою, желая ее содѣлать участницею того высокаго блага, котораго удостоивались всѣ истинные сыны Церкви чрезъ таинство причащенія. Но жена, удерживаемая частію

---

[1] Созоменъ кн. 8, гл. 5.

привычкою, частію совѣтами другихъ женщинъ, оставалась непреклонною въ своемъ заблужденіи. Мужъ, видя, что всѣ его усилія остаются безполезными, что ни совѣты, ни убѣжденія, ни добрые примѣры правовѣрныхъ, ни мольбы его, ничто на нее не дѣйствуетъ, рѣшился употребить угрозу. Онъ сказалъ ей: если ты не пріобщишься Божественныхъ таинъ вмѣстѣ со мною, то не будешь болѣе моею супругою. Но эта развращенная женщина, всѣми силами стараясь избѣжать развода съ мужемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая остаться въ прежнемъ заблужденіи, обѣщала ему исполнить все, что онъ требовалъ, и казалась даже совершенно убѣдившеюся. Но она скоро убѣдилась въ томъ, какъ Богъ обличаетъ притворство и какъ всемогуща Его десница. Въ одно время, бывши вмѣстѣ съ своею служанкою въ Церкви, она принуждена была вмѣстѣ съ другими правовѣрными, принять часть св. Христовыхъ таинъ. Но не желая употребить ее къ своему освященію, она, по предварительному соглашенію съ служанкою, наклонившись, какъ бы для молитвы, отдала эту часть служанкѣ, а отъ нея взяла простой хлѣбъ. Но лишь только она вложила этотъ хлѣбъ въ уста, онъ тотчасъ превратился въ камень. Устрашившись этого необыкновеннаго чуда и боясь привлечь на себя еще большее наказаніе правосудія Божія за свое нечестіе, она тотчасъ пришла къ архіепископу, и, павши предъ нимъ на колѣна, со слезами на глазахъ разсказала ему о своемъ грѣхѣ и совершившемся чудѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ подала ему этотъ необыкновенный камень. Онъ сохранилъ на себѣ слѣды укушенія, былъ неизвѣстнаго вещества и имѣлъ какой-то необыкновенный цвѣтъ. Этотъ камень, во свидѣ-

тельство совершившагося чуда, долго хранился въ константинопольской церкви [1].

Аркадій, управлявшій восточною частію имперіи, хотя наслѣдовалъ отъ отца склонность къ благочестію, но не наслѣдовалъ отъ него дарованій душевныхъ, необходимыхъ для государя. При всемъ стараніи Ѳеодосія, ни прилежное обученіе, ни примѣры великихъ мужей, окружавшихъ отрочество Аркадія, не сильны были вдохнуть въ него качества, необходимыя для управленія великою имперіею. Онъ не имѣлъ ни свѣтлаго ума, ни способности правильно разсуждать, ни твердости въ волѣ, ни самъ не могъ благоразумно дѣйствовать, ни воспользоваться совѣтами другихъ, чтобы слѣдовать имъ съ постоянствомъ. Но и внѣшность его была такова, что не могла закрыть сколько нибудь внутреннихъ недостатковъ. Ростомъ онъ былъ малъ, тѣломъ сухощавъ, лице имѣлъ исхудалое и смуглое, дрожащій голосъ, глаза полусонные и едва открытые, вообще все въ немъ изобличало слабость души. Исторія приписываетъ ему только сіи добродѣтели: кротость и ревность о благѣ Церкви; но и эти качества, столь драгоцѣнныя въ государѣ, министры и евнухи придворные нерѣдко у него извращали, направляя ихъ часто ко вреду Церкви.

Но особенно Аркадіемъ управлялъ одинъ изъ евнуховъ, самыхъ приближенныхъ къ царю, человѣкъ, который служилъ съ рабскою покорностью корыстолюбію и честолюбію, употребляя средствами къ удовлетворенію ихъ лесть и кощунство. Этотъ человѣкъ былъ Евтропій. Онъ, родившись въ Арменіи, много

[1] Тамъ же.

разъ былъ продаваемъ и перепродаваемъ, какъ рабъ, но наконецъ, по ходатайству одного военнаго сановника, занялъ мѣсто между послѣдними евнухами двора. Своею услужливостію и оборотливостію онъ привлекъ къ себѣ вниманіе императора Ѳеодосія и удостоенъ былъ отъ него нѣкотораго довѣрія. По смерти Ѳеодосія онъ сильно овладѣлъ расположеніемъ Аркадія, и часто направлялъ его дѣйствія по своимъ расчетамъ. Руфинъ, бывшій тогда министръ, предполагалъ выдать свою дочь за императора. Но Евтропій уничтожилъ это предположеніе, и, согласно своимъ расчетамъ, склонилъ Аркадія къ супружеству съ Евдоксіею, дочерью одного знаменитаго консула. По смерти Руфина, Евтропій, при содѣйствіи Евдоксіи, пріобрѣлъ почести, постепенно и въ скоромъ времени пріобрѣлъ званія камергера, министра и наконецъ консула и патриція,—званія, которыхъ прежде никто не удостоивался изъ евнуховъ [1]. Но для достиженія этой высоты почестей, Евтропій не пренебрегалъ ни какими средствами, какъ бы они ни были низки и противузаконны. Сдѣлавшись чрезъ свои ласкательства главнымъ двигателемъ воли слабаго императора, онъ, пользуясь пріобрѣтенною властію, отдалялъ отъ государя всѣхъ, которые своими достоинствами могли навести хотя слабую тѣнь на его честолюбіе.

Движимый страстями, онъ однихъ низвергалъ съ должностей, противъ другихъ воздвигалъ нерасположеніе царя, а иныхъ ссылалъ; до такого безстыдства дошелъ наконецъ, что сослалъ въ ссылку своего благо-

---

[1] Созоменъ кн. 8, гл. 7.

дѣтеля, содѣйствовавшаго къ его возвышенію, а имѣнія его обратилъ въ свою пользу. Дерзость его съ каждымъ днемъ возрастала, по мѣрѣ увеличенія его власти, и вскорѣ дошла до того, что его лихоимству и разнымъ злодѣйствамъ не было границъ. Онъ продавалъ высшія общественныя должности, возставлялъ и низвергалъ по произволу съ низшихъ должностей, старался уничижать благородныхъ, которыми былъ презираемъ. Въ его глазахъ достоинство было преступленіемъ; въ его правленіе люди съ великими способностями и добродѣтелями были преслѣдуемы до чрезвычайности, и пустыни Ливіи были наполнены множествомъ знаменитыхъ ссыльныхъ. Но изъ всѣхъ, пользовавшихся уваженіемъ при дворѣ никто столько не помрачалъ его своими достоинствами, какъ Тимасій—знаменитый своими заслугами военачальникъ. Честолюбивый и гордый евнухъ рѣшился его погубить, и успѣшно достигъ своего преступнаго намѣренія. Несчастная жертва временщика—Тимасій былъ оклеветанъ въ посягательствѣ на царскую власть, и въ слѣдъ за этимъ осужденъ на вѣчное заточеніе въ египетскія пустыни и тамъ погибъ несчастнымъ образомъ [1]. Сынъ скрылся неизвѣстно куда. Жена его Пантадія, желая укрыться отъ преслѣдованій и мщенія Евтропія, убѣжала въ церковь, гдѣ уже много находилось знатныхъ лицъ, скрывавшихся отъ свирѣпости этого варвара.

Церкви въ то время были самымъ безопаснымъ убѣжищемъ, всегда открытымъ для преслѣдуемыхъ

[1] Тамъ же.

строгостью правосудія или мстительностію гордыхъ властелиновъ. Однимъ закономъ Θеодосій объявилъ, что будутъ оставаться въ совершенной безопасности скрывшіеся не только въ храмѣ, но и въ зданіяхъ, принадлежащихъ какъ церкви, такъ и епископу. Церковь, всегда внимательная къ благу своихъ чадъ, во всей строгости сохраняла этотъ законъ. И этотъ законъ объ укрывательствѣ въ храмѣ необходимъ былъ во времена варварскія; ибо слабые и бѣдные только въ покровительствѣ Церкви могли находить для себя защиту отъ притѣсненій богачей и преслѣдованій сильныхъ земли. Но цѣль этого закона не та была, чтобы защитить преступниковъ отъ преслѣдованій правосудія, или, уменьшить важность законовъ и властей, но чтобы невиннымъ, несправедливо обвиняемымъ дать убѣжище, судьямъ время здраво обсудить обстоятельства дѣла, иногда весьма спутанныя и затруднительныя, а епископамъ возможность ходатайствовать за невинно преслѣдуемыхъ. Но этотъ законъ, благодѣтельный для невинныхъ, былъ весьма неблагопріятенъ для зложелательныхъ намѣреній евнуха Евтропія, и потому, чтобы имѣть большую возможность къ удовлетворенію звѣрской мстительности своего характера, онъ убѣдилъ Аркадія отмѣнить этотъ законъ и замѣнить новымъ, дозволяющимъ всѣхъ преступниковъ извлекать отвсюду, даже и изъ храма [1]. И этотъ законъ изданъ былъ въ 398 году. Получивъ чрезъ это возможность казнить всѣхъ, казавшихся врагами его честолюбія, Евтропій наводилъ ужасъ на всѣхъ своими злодѣйствами; всѣ рабски преклонялись

[1] Сократъ кн. 6. гл. 5.

предъ нимъ, всѣ трепетали его. Но сей, несчастный, забывъ Бога и превратность счастія земнаго, стремился къ обладанію всѣмъ и всѣми не думая о томъ, что уже близокъ былъ его конецъ, что Правосудіе Божіе готовило уже ему достойное воздаяніе, что похищая у невинно преслѣдуемыхъ спасительное убѣжище во храмѣ, онъ лишалъ самаго себя средства къ спасенію въ годину несчастія.

Онъ скоро былъ обвиненъ въ оскорбленіи супруги царя [1] и, убѣгая отъ заслуженной казни, скрылся въ храмѣ. Тогда какъ онъ лежалъ предъ жертвенникомъ и трепеталъ отъ страха, св. Златоустъ, взошедъ на амвонъ, произнесъ противъ него обличительное слово [2], въ которомъ разоблачилъ тщеславіе людей сильныхъ, показалъ суету всѣхъ почестей и земнаго величія.

Въ это же время случилось, что начальникъ войска, находившагося во Фригіи Требигальдъ, весною 398 года, произвелъ тамъ великое возмущеніе, такъ что многія племена стали отпадать отъ Аркадія. Гайна, предводитель римской пѣхоты и конницы, имѣя въ виду сдѣлаться независимымъ правителемъ, испросилъ у императора позволенія отправиться туда для усмиренія Требигальда [3]. Аркадій, ничего не подозрѣвая, согласился на это. Гайна, пользуясь этимъ случаемъ, захотѣлъ уничтожить Евтропія, который своею надменностію наносилъ оскорбленіе его самолюбію, и потому писалъ къ царю, что Требигальда можно

[1] Созоменъ кн. 8, гл. 7.
[2] Сократъ кн. 6, гл. 5. Созоменъ тамъ же.
[3] Сократъ кн. 6, гл. 6.

привести къ повиновенію только тогда, когда ему выдадутъ главнаго виновника всѣхъ золъ, евнуха Евтропія. Аркадій услышавъ это, лишилъ Евтропія всѣхъ достоинствъ и, извлекши изъ церкви, послалъ его на островъ Кипръ, 26 февраля 399 года, откуда, немного спустя, онъ взятъ и обезглавленъ.

Но едва волненіе народное, произденное паденіемъ могучаго и страшнаго временщика, утихло, какъ открылись новыя обстоятельства, угрожавшія возмущеніемъ Церкви, ниспроверженіемъ Константинополя, и всей имперіи, въ которыхъ особенно проявились поразительная ревность, искусство, характеръ и сила души св. Златоуста, и то уваженіе, которое онъ внушалъ всѣмъ, даже врагамъ, своими добродѣтелями.

Внезапное паденіе и позорная смерть Евтропія не удовлетворили еще хитраго и злобнаго Гайны. Сей надмѣнный варваръ, въ ослѣпленномъ самомнѣніи, почелъ себя предназначеннымъ къ занятію высшихъ должностей имперіи. Но обманутый въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ, онъ, за мнимую несправедливость къ нему и невниманіе къ его достоинствамъ, рѣшился отмстить императору, унизить его, давъ ему почувствовать свое могущество, и истребить тѣ, несносныя для него личности, на которыя имѣлъ причину за что либо жаловаться, или которыя своими высокими достоинствами дѣлали его незамѣтнымъ, поставляя какъ бы въ тѣни.

Движимый такими разрушительными страстями, и имѣя въ своемъ распоряженіи многочисленные полки варваровъ, онъ пришелъ во Фригію; и тамъ, при содѣйствіи Требигальда, началъ все разрушать, предавая огню и мечу всѣ города и селенія. Римляне,

видя многочисленныя полчища варваровъ, пришли въ ужасъ, представляя неминуемую опасность, угрожавшую богатымъ восточнымъ областямъ. Въ такихъ обстоятельствахъ царь, не находя въ себѣ достаточныхъ силъ къ отраженію страшнаго врага, по совѣту опытныхъ и благонамѣренныхъ вельможъ, отправилъ къ нему пословъ, изъявляя свою готовность служить ему словомъ и дѣломъ. Когда же Гайна потребовалъ въ заложники двухъ первѣйшихъ сенаторовъ, облеченныхъ въ консульское достоинство, Сатурнина и Авреліана, въ которыхъ видѣлъ противниковъ своему стремленію, то царь, уступая необходимости, невольно выдалъ ихъ. И эти мужи, для общаго блага рѣшившись пожертвовать своею жизнію, охотно покорились волѣ царя: они вышли далеко за Халкидонъ и, приготовившись потерпѣть все, что угодно будетъ варвару, встрѣтились съ нимъ въ мѣстѣ, называемомъ Ипподромъ. Впрочемъ Гайна не сдѣлалъ имъ никакого зла [1], повелѣвъ только ихъ содержать подъ строжайшимъ надзоромъ. Но Гайна не удовлетворился симъ; онъ требовалъ, чтобы императоръ самъ пришелъ къ нему для личныхъ переговоровъ объ условіяхъ мира.

Какъ ни было оскорбительно такое требованіе для чести римскаго императора, но сынъ великаго Өеодосія, уступая необходимости, нашелъ себя вынужденнымъ вести переговоры съ возмутившимся военачальникомъ: мѣстомъ для свиданія назначенъ былъ Халкидонъ, куда прибыли Гайна и Аркадій. Вошедши въ церковь, гдѣ почиваютъ мощи св. мученицы Евфиміи, оба—и царь и варваръ—дали другъ другу клятву, что

[1] Тамъ же.

не будутъ злоумышлять одинъ противъ другаго. Въ слѣдствіе сего договора, Гайна, получивъ отъ царя власть управлять конницею и пѣхотою, снова могъ безопасно входить въ Константинополь.

Вскорѣ послѣ сего переговора, Гайна, какъ аріанинъ, просилъ царя о томъ, чтобы единовѣрцамъ его дана была одна изъ церквей въ городѣ; ибо несправедливо, говорилъ онъ съ досадою, да и всячески неприлично ему, римскому военачальнику, выѣзжать для молитвы за городскія стѣны [1]. Это требованіе привело въ большое затрудненіе Аркадія. Онъ, съ одной стороны, уступкою православнаго храма аріанину не хотѣлъ нанести оскорбленія истинной церкви, а съ другой боялся отказомъ раздражить страшнаго врага; потому, не отвергая его требованія, обѣщалъ подумать. Потомъ, призвавъ къ себѣ св. Іоанна, онъ объявилъ ему о просьбѣ Гайны, напомнилъ о его силѣ, намекнулъ о замышленной имъ тираніи и убѣждалъ епископа уступкою обуздать гордость варвара. Но Златоустъ сказалъ: «не дѣлай такого обѣщанія, государь, не приказывай отдавать *святая псамъ*. Я не допущу, чтобы исповѣдающіе и прославляющіе Бога-Слово, выведены были изъ Божественнаго храма и сдали его хулителямъ Христа. Да и не бойся этого варвара, государь, но, призвавъ обоихъ насъ — меня и его, спокойно слушай, что будетъ говорено. Я обуздаю его языкъ и заставлю не требовать того, чего не слѣдуетъ отдавать». Выслушавъ это, царь обрадовался. На слѣдующій день св. Іоаннъ, взявъ епископовъ, случившихся въ то время въ столицѣ,

---

[1] Созоменъ кн. VIII, гл. 4.

пришелъ во дворецъ, и въ слухъ царя на требованіе Гайны отвѣчалъ, что царю, предъизбравшему благочестіе, не должно оскорблять святыню. Когда же тотъ сказалъ, что и ему нужно имѣть молитвенный домъ,—великій Іоаннъ отвѣчалъ: для тебя отверстъ каждый Божественный храмъ, и, если хочешь молиться, никто не останавливаетъ. Но я, возразилъ Гайна, принадлежу къ другому обществу и съ своими сообщниками требую одного храма Божія, требую очень справедливо, потому что совершилъ для Римлянъ много воинскихъ подвиговъ. — А полученныя тобою награды, сказалъ Іоаннъ, еще больше твоихъ трудовъ; ибо ты и военачальникъ и удостоенъ консульскаго облаченія. Тебѣ слѣдовало бы посмотрѣть, что былъ ты прежде, и что сталъ теперь; какая прежде была бѣдность и какое теперь изобиліе, какія носилъ ты одежды, и какія носишь нынѣ. Такъ посмотри, сколь малы твои труды, и сколь велики твои почести, и не будь неблагодаренъ къ тѣмъ, которые почтили тебя [1]. Напомнилъ также ему, что онъ клялся, цареву отцу благопріятствовать Римлянамъ, и ему самому, и дѣтямъ его, и законамъ, которые теперь старается дѣлать безсильными. Говоря это, онъ показалъ изданный Θеодосіемъ указъ, воспрещавшій иновѣрцамъ дѣлать церковныя собранія въ стѣнахъ города. Потомъ, обративъ рѣчь къ царю, Іоаннъ убѣждалъ его—положенный законъ, касательно другихъ ересей, сохранять неприкосновеннымъ, и совѣтовалъ лучше отказаться отъ царствованія, чѣмъ,

---

[1] Θеодоритъ кн. V, гл. 32.

сдѣлавшись предателемъ дома Божія, поступить нечестиво [1].

Такими рѣчами вселенскій учитель связалъ уста Гайны и принудилъ его замолчать. Но варваръ, оскорбленный отказомъ, замышлялъ уже нарушить клятву и разорить городъ, и, собравъ во Ѳракіи войско, произвелъ тамъ весьма много грабительствъ и опустошеній. Узнавъ объ этомъ, всѣ упали духомъ— и начальствующіе и подчиненные, такъ что никто не хотѣлъ идти противъ него войною, ни отправиться къ нему посланникомъ [2]. Тогда, оставивъ всѣхъ робкихъ, начали убѣждать св. Златоуста, чтобы онъ принялъ на себя посольство, и онъ, не обративъ вниманія, ни на бывшее противодѣйствіе, ни на произшедшую изъ того вражду, охотно отправился во Ѳракію. Гайна же, узнавъ о посланникѣ и вспомнивъ о его дерзновеніи въ защиту благочестія, еще издали усердно встрѣтилъ его, приложилъ руку его къ своимъ очамъ, а дѣтей наклонилъ къ священнымъ его колѣнамъ. Такъ-то добродѣтель и въ людяхъ непріязненныхъ обыкновенно поселяетъ къ себѣ уваженіе и страхъ [3].

Вскорѣ послѣ сего гнѣвъ Божій началъ преслѣдовать вѣроломнаго варвара. Царь объявилъ его врагомъ имперіи, и Гайна, тѣснимый народомъ, преслѣдуемый войсками царскими, хотѣлъ спастись бѣгствомъ. Оставивъ Ѳракію, онъ поспѣшно отправился въ Херсонесъ и старался перейдти за Геллеспонтъ.

---

[1] Созоменъ кн. VIII, гл. 4.

[2] Ѳеодоритъ тамъ же. Созоменъ тамъ же.

[3] Ѳеодоритъ кн. V, гл. 33.

Но и въ этомъ надежды его не исполнились; потому что и здѣсь Римляне пользовались (говоритъ Созоменъ) Божіею помощію. Какъ на сушѣ, такъ равно и на морѣ, явилось посланное царемъ войско. Не имѣя кораблей, варвары пытались переплыть Геллеспонтъ и достигнуть противоположнаго берега на паромахъ; но вдругъ подувшій стремительный вѣтеръ разорвалъ своею силою паромы и погналъ ихъ на римскіе корабли. Тогда большая часть варваровъ потонула вмѣстѣ съ лошадьми, а другіе были побиты войскомъ. Гайна же съ немногими спасся, но вскорѣ преслѣдуемый по Ѳракіи и убѣгая отъ преслѣдованій встрѣтился съ другимъ войскомъ и погибъ съ бывшими при немъ варварами. Таковъ былъ конецъ дерзостей и жизни Гайны [1].

Впрочемъ и возстаніе Гайны, по дѣйствію благодати Божіей, не безполезно было, въ отношеніи къ вѣрѣ и благочестію. Страхъ, который онъ навелъ на всѣхъ, опасность непрестанно угрожавшая Константинополю и другимъ городамъ, заставили грѣшниковъ обратиться къ себѣ и подумать о своемъ внутреннемъ устроеніи. Множество язычниковъ и еретиковъ, обратившись къ истинной вѣрѣ, восприняли св. крещеніе, и православные, мало заботившіеся о спасеніи своемъ, отвратились отъ жизни чувственной и усердно предались спасительнымъ подвигамъ вѣры и благочестія христіанскаго.

Изъ сказаннаго нами видно, сколько мирные годы епископства св. Златоуста были исполнены заботъ,

[1] Созоменъ тамъ же. Сократъ кн. VI, гл. 6.

страха и попеченій. Впрочемъ произшествія политическія, нашествія варваровъ и непрестанный страхъ, ими внушаемый, его гораздо менѣе занимали, нежели попеченія о церквахъ, о сохраненіи благочинія и объ удаленіи разныхъ злоупотребленій. По устроеніи дѣлъ, относительно дѣвъ, вдовицъ и священнослужителей, св. Златоустъ обратилъ вниманіе на епископовъ разныхъ церквей, находившихся въ зависимости отъ константинопольскаго престола. Ревнуя о славѣ Церкви, о чистотѣ этой невѣсты Христовой, онъ, чтобы только предохранить ее и соблюсти безъ порока, употребилъ на это всѣ силы, дарованныя ему Провидѣніемъ: знаніе, власть, великія способности ума и всѣ добрыя качества сердца и воли. Имѣя характеръ сильный, возвышающійся надъ всѣми мелкими разсчетами, которые внушаютъ тщеславіе и человѣкоугодливость, онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ имѣлъ всегда въ виду только славу Божію, пользу Церкви и спасеніе душъ. Онъ чуждъ былъ боязливости и преступной уклончивости, которыя такъ много вредятъ истинѣ и добродѣтели. Онъ никогда не примирялся съ порокомъ и безпорядками; но всегда нападалъ на нихъ со всею силою пастырской ревности, хотя въ тоже время съ кротостію и благоразуміемъ преслѣдовалъ ихъ вездѣ, гдѣ только усматривалъ, безъ всякаго лицепріятія. Когда дѣло касалось обязанности его высокаго служенія, онъ всегда имѣлъ руководителемъ для себя слова Божественнаго Писанія: *аще бо быхъ еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (Галат. 1, 10). Открывшееся въ 400 году дѣло, относительно епископовъ азійскихъ, въ новомъ и большемъ свѣтѣ открыло его ревность, его мужество,

его благоразуміе, его твердость святительскую и его любовь ко благу Церкви.

Узнавъ, что церкви въ Азіи и около ея управляются людьми недостойными, и что одни, обольщаясь взятками и подарками, другіе лицепріятіемъ, торгуютъ священными должностями, св. Іоаннъ отправился въ Ефесъ. При этомъ случаѣ онъ частію въ Ликіи и Фригіи, частію въ самой Азіи, низложилъ тринадцать епископовъ и на мѣсто ихъ поставилъ другихъ, а надъ церковію ефесскою, гдѣ тогда епископъ скончался, епископство ввѣрилъ Гераклиду, родомъ Кипрянину, діакону изъ подчиненныхъ себѣ скитскихъ монаховъ, ученику монаха Евагрія. Св. Іоаннъ изгналъ также изъ никомидійской церкви Геронтія—за то, что онъ, хотѣлъ ли пугать кого нибудь, или, обольщаемый призраками демонскими, — разсказывалъ, будто, въ бытность свою діакономъ при медіоланскомъ епископѣ Амвросіѣ, поймалъ ночью призракъ и, разбивъ ему голову, бросилъ подъ мельницу. За такія недостойныя служителя Божія рѣчи Амвросій приказалъ ему до времени оставаться при себѣ и очиститься покаяніемъ; но онъ, какъ отличный врачъ и человѣкъ, имѣющій даръ говорить и убѣждать и способный пріобрѣтать себѣ друзей, посмѣявшись надъ Амвросіемъ, отправился въ Константинополь, и тамъ въ короткое время снискавъ дружбу нѣкоторыхъ сильныхъ при дворѣ людей, скоро получилъ епископство никомидійское. Рукоположилъ его епископъ Кесаріи Каппадокійской Элладій, платя ему за то, что онъ выхлопоталъ его сыну славную при дворѣ военную должность. Узнавъ объ этомъ, Амвросій написалъ предстоятелю константинопольской цер-

кви Нектарію, чтобы онъ отнялъ у Геронтія священство и не позволялъ ему оскорблять себя и церковное чиноначаліе. Но для Нектарія, сколько ни старался онъ, это было неисполнимо; потому что Никомидійцы всѣ сильно противостояли ему. Іоаннъ же святый, низложивъ его, рукоположилъ Пансофія, бывшаго наставникомъ супруги царя, человѣка благочестиваго, нравомъ скромнаго и кроткаго, который однакожь не нравился Никомидійцамъ, и потому они сначала не хотѣли принять его. Но наконецъ, вынужденные необходимостію, одного они отпустили съ плачемъ, а другаго приняли со страхомъ и ненавистью. Съ этого времени низложенные и друзья ихъ стали обвинять св. Іоанна, будто онъ есть причина нововведеній въ церквахъ, и будто, вопреки законамъ отеческимъ, отмѣнены имъ хиротоніи справедливыя. Бывъ огорчены, они порицали и тѣ поступки его, которые по мнѣнію многихъ, были достойны похвалы [1].

Ненависть къ Іоанну еще болѣе увеличилась по слѣдующему случаю. Въ одно время съ нимъ были въ славѣ два епископа, родомъ Сирійцы, Северіанъ и Антіохъ. Северіанъ управлялъ церковію въ сирійскомъ городѣ Гавалахъ, а Антіохъ въ финикійскомъ Птолемаидѣ. Антіохъ однажды проѣзжалъ въ Константинополь, и здѣсь, въ продолженіе нѣкотораго времени, усердно проповѣдуя по церквамъ, собралъ множество денегъ и возвратился къ своей паствѣ. Въ послѣдствіи узнавъ, что Антіохъ сдѣлалъ въ Константинополѣ великій сборъ, и Северіанъ захотѣлъ подражать его примѣру. Долго трудившись и составивъ

---

[1] Созоменъ кн. VIII, гл. 6.

много поученій, онъ прибылъ въ Константинополь и, принятый св. Іоанномъ ласково, своими проповѣдями пріобрѣлъ себѣ славу и сдѣлался извѣстенъ многимъ вельможамъ и самому государю. И этими обстоятельствами Северіанъ искусно пользовался ко вреду славы и благоденствія св. Іоанна. Но о всѣхъ его проискахъ и неблагонамѣренныхъ дѣйствіяхъ одинъ изъ священнослужителей константинопольскихъ, по имени Серапіонъ, вполнѣ преданный своему епископу, доносилъ св. Златоусту, стараясь между тѣмъ, сколько возможно, противодѣйствовать ухищреніямъ Северіана. Вскорѣ по своемъ возвращеніи (въ апрѣлѣ 401 г.) послѣ стодневнаго отсутствія, св. Златоустъ произнесъ, въ похвалу своему народу, бесѣду, въ которой, между прочимъ, выразилъ свое удовольствіе, что нашелъ свою паству въ томъ же состояніи, въ какомъ оставилъ, тогда какъ Израильтяне совершили тяжкій грѣхъ въ отсутствіе Моисея. Онъ ихъ хвалилъ за то, что они мужественно противились аріанамъ, и сравнивалъ ихъ съ доброю женою, которая въ отсутствіе своего мужа съ негодованіемъ отвергаетъ нечистыя предложенія порочныхъ людей. Послѣ сего св. Златоустъ, услышавъ, что Северіанъ произносилъ слова, противныя православному ученію о воплощеніи Сына Божія, выслалъ его изъ города. Узнавъ объ этомъ, императрица приказала, какъ можно скорѣе, возвратить Северіана изъ Халкидона виѳинскаго, а потомъ всѣ усилія употребляла къ примиренію его съ св. Іоанномъ, и, наконецъ, достигла сего: они примирились, хотя только наружно [1].

---

[1] Сократъ кн. VI, гл. 11.

Такъ кончился четвертый годъ епископства св. Златоуста. Еслибъ мы стали судить по понятіямъ міра, то могли бы сказать, что вмѣстѣ съ этимъ годомъ кончились слава и власть его. Но, въ самомъ дѣлѣ, онъ только перестамъ видимо присутствовать среди своего народа; а слава его, напротивъ, увеличивалась чрезъ преслѣдованія и безчисленныя клеветы, которыхъ онъ былъ предметомъ,—и посредствомъ чрезвычайныхъ страданій, которыя онъ терпѣлъ до конца своего епископства и своей жизни за пастырскую ревность о благѣ Церкви и соблюденіи истиннаго благочестія.

ГЛАВА VI.

(402—402 г.)

Тогда какъ св. Златоустъ былъ совершенно преданъ попеченію о своей паствѣ и, возбуждаемый своею пламенною ревностію, жертвовалъ, до самозабвенія, вспоможенію и утѣшенію бѣдныхъ и больныхъ, защищенію Церкви, назиданію и спасенію народа, своимъ покоемъ, своими силами и самою жизнію,—противъ него воздвигалась страшная буря преслѣдованій и клеветы, возбужденная завистью, поддерживаемая гордостью и развиваемая всѣми страстями человѣческими. Въ его жизни ощутительнѣйшимъ образомъ оправдались слова Богодухновеннаго Апостола Павла: *вси хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ гонимы будутъ.*

Но буря застала его не спящимъ и не съ разслабленными силами. Онъ давно уже приготовлялся къ срѣтенію ея молитвеннымъ общеніемъ съ Богомъ, умерщвленіемъ чувствъ и ежедневными лишеніями, которыя пріучили его не только къ отреченію отъ всѣхъ вещей, но даже и къ пожертвованію самою жизнію. Онъ выдержалъ преслѣдованія съ непоколебимымъ мужествомъ и твердостью, какъ истинный христіанинъ, какъ вѣрный ученикъ Того, Который

сказалъ: въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь, Я побѣдилъ міръ (Іоан. 16, 33). Ученикъ не выше учителя, и рабъ не выше господина своего... Если хозяина дому назвали Велзевуломъ; кольми паче домашнихъ его (Матѳ. 10, 24—25).

Но какъ случилась эта буря, и кто ее воздвигъ, какія были къ тому причины, кто былъ главнымъ двигателемъ ея, какія обстоятельства сопутствовали ей, и какія послѣдствія изъ того произошли? Уста спѣшатъ все это высказать, но рука отказывается начертить это печальное событіе. Однакоже желаніе содѣйствовать къ распространенію славы Божественной, всегда удивительнымъ образомъ проявляющейся въ дѣйствіяхъ Божественнаго Промысла о святыхъ, польза тѣхъ душъ, которыя понимаютъ, что *ихъ же любитъ Господь, наказуетъ*, и утѣшеніе, которое могутъ извлечь изъ этого произшествія такъ же гонимые, заставляютъ побѣдить отвращеніе и со всею подробностію высказать то, что съ перваго раза болѣзненно дѣйствуетъ на сердце.

Было уже около четырехъ лѣтъ, какъ св. Златоустъ занималъ константинопольскую каѳедру. Этотъ вѣрный вертоградарь со всею заботливостію и съ неутомимымъ бодрствованіемъ трудился въ виноградникѣ, ввѣренномъ ему Домовладыкою. И его труды, его преданность обязанностямъ епископства удостоены были благословенія свыше; его пламенныя молитвы, его святыя желанія, его добрый примѣръ, принесли обильный плодъ. Въ его правленіе церковь константинопольская пришла въ цвѣтущее состояніе [1]. Духо-

[1] Паллад. о жизни св. Злат. Созоменъ кн. VIII. гл. 7.

венство было устроено, симонія уничтожена, ереси стѣснены, бѣдные и больные снабжены посильнымъ вспомоществованіемъ; монашествующіе, дѣвы и вдовицы представляли высокіе образцы нравственнаго усовершенствованія. Даже тѣ, которые жили только для міра, которые, можно сказать, съ бѣшенствомъ, устремлялись на игры цирка и театральныя представленія, уступили наконецъ неутомимой ревности и увлекательному краснорѣчію своего пастыря, оставили свою преступную разсѣянность и перестали ходить въ театры—въ сіи училища діавола, и вмѣсто того съ радостію ходили въ церковь Божію [1]. Хвалебныя пѣсни Богу день и ночь были воспѣваемы; благочестивыя собранія дѣлались многочисленнѣе; живая и дѣйственная вѣра и благочестіе были во всеобщемъ уваженіи: Константинополь совершенно перемѣнился.

Но такія мудрыя преобразованія, столь счастливыя измѣненія не могли, конечно, совершиться безпрепятственно; врагъ человѣческаго спасенія съ досадою смотрѣлъ, какъ души исторгались изъ подъ его владычества, и потому старался, какъ бы ниспровергнуть дѣло Божіе. Ревность св. Златоуста возбудила противъ него множество враговъ во всѣхъ состояніяхъ общества. Между враждовавшими епископами первое мѣсто занимали: Ѳеофилъ александрійскій, завидовавшій его сильному вліянію на всѣхъ и досадовавшій на то, что не успѣлъ воспрепятствовать его посвященію во епископа; Акакій беррійскій, враждовавшій на св. епископа за то, что не былъ принятъ съ особенными почестями въ палаты архіерейскія;

---

[1] Паллад. тамъ же, стр. 47, 48,

Северіанъ габальскій, который, движимъ будучи честолюбіемъ, старался, въ отсутствіе св. Златоуста, занять его мѣсто; Антіохъ птолемаидскій, епископъ завистливый, честолюбивый и возмутительный и другіе.

Между священниками и діаконами особенно вооружались противъ него увлекавшіеся корыстолюбіемъ, люди съ буйнымъ характеромъ, безъ правилъ и благородныхъ стремленій; всѣ тѣ, для которыхъ чистая жизнь и благочестивый примѣръ св. Златоуста служили укоризною, и которыхъ разные пороки часто подвергались обличеніямъ ревностнаго архипастыря. Въ числѣ враговъ св. Златоуста были даже нѣкоторыя изъ благородныхъ и богатыхъ женъ, которыя своими связями и богатствомъ содѣйствовали врагамъ святителя.

Всѣ таковыя лица, движимыя ненавистію и жаждою мщенія, изыскивали случаи къ оклеветанію святаго. Имѣя доступъ ко двору, они старались преклонить на свою сторону императрицу Евдоксію. И въ этомъ, впрочемъ, не трудно имъ было успѣть. Эта женщина тщеславная, гордая, раздражительная, хотѣла совмѣстить порокъ съ добродѣтелью, правила вѣры съ обычаями міра, осуждаемыми евангельскимъ ученіемъ, и потому не могла любить всегда смѣло возвѣщавшаго невозможность единовременнаго служенія Богу и мамонѣ. Кромѣ того, обладая своимъ супругомъ и имперіею, она обладаема была, въ тоже время, по свидѣтельству историка Зосимы, ненасытнымъ сребролюбіемъ: ея неправды и грабительства не имѣли границъ. Она наполнила дворъ доносчиками, которые захватывали имѣніе богатыхъ по смерти ихъ, не взирая на обиду дѣтей и другихъ законныхъ

наслѣдниковъ [1]. А св. Іоаннъ непрестанно возставалъ противъ сребролюбія въ народѣ [2], и потому бесѣды его противъ сребролюбія и жестокости сильныхъ властелиновъ болѣзненно уязвляли ее. Враждовавшіе епископы между тѣмъ пользовались всякимъ случаемъ чтобъ привести св. Златоуста въ нерасположеніе у императрицы; но такъ какъ не находилось ничего достаточнаго къ обвиненію, то они стали внимательно слѣдить за его поученіями, имѣя въ виду замѣтить что либо къ его осужденію и потому, извращая иногда смыслъ его рѣчей, употребляли къ обвиненію слова по намѣренію самыя чистыя. Св. Златоустъ въ одно время сказалъ слово, въ которомъ порицалъ всѣхъ вообще женщинъ, за ихъ хитрый и тщеславный нравъ. Это слово народъ понялъ, какъ намекъ на царицу, и молва о немъ чрезъ недоброжелателей Іоанна дошла до двора. Узнавъ это, императрица жаловалась царю на причиненное ей оскорбленіе и говорила, что, оскорбляя ее, оскорбляютъ и его [3]. Это обстоятельство окончательно вооружило императрицу противъ св. Златоуста и доставило радость его врагамъ. Епископы, діаконы, священники и всѣ вообще недовольные воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ соединиться, и разомъ, со всею силою непримиримой ненависти, напасть на неустрашимаго обличителя ихъ пороковъ. Нечестивое сборище скоро собралось; для насыщенія ихъ мщенія недоставало только случая къ исторженію святаго епископа изъ среды любимой паствы. Но онъ скоро представился. И этимъ случаемъ былъ приходъ

[1] Зосим. стр. 799.

[2] Палладій тамъ же, стр. 45.

[3] Сократъ кн. VI, гл. 15. Созоменъ кн. VIII, гл. 16.

въ Константинополь нитрійскихъ монаховъ, изгнанныхъ изъ пустыни Θеофиломъ, патріархомъ александрійскимъ. Но такъ какъ вражда противъ св. Іоанна началась еще гораздо прежде сего, то обратимся нѣсколько назадъ и посмотримъ на событія нѣсколько предшествовавшія.

Θеофилъ, хотѣвшій нѣкогда поставить на константинопольскій престолъ Исидора, по одному случаю, вмѣсто любви, сталъ питать къ нему нерасположеніе. Одна богатая и благочестивая вдова, по имени Θеодотія, дала Исидору тысячу золотыхъ монетъ, съ тѣмъ, чтобы онъ на эти деньги купилъ разныхъ одеждъ для бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, но вмѣстѣ съ этимъ просила его, чтобы онъ ихъ никакъ не давалъ Θеофилу, такъ какъ она боялась, что онъ, по страсти къ постройкамъ, не удовлетворитъ ея просьбы и оставитъ бѣдныхъ безъ помощи. Исидоръ обѣщалъ со всею точностію исполнить ея желаніе, и вскорѣ накупилъ платья и раздавалъ всѣмъ бѣднымъ.

Но это дѣло не долго скрывалось отъ Θеофила. Узнавъ объ этомъ, онъ позвалъ къ себѣ Исидора и спрашивалъ о случившемся. Исидоръ разсказывалъ о дѣлѣ со всею откровенностью. Этотъ разсказъ привелъ въ сильное негодованіе Θеофила, однакоже онъ затаилъ въ себѣ досаду и выжидалъ удобнаго случая къ отмщенію. Но кромѣ этого Θеофилъ досадовалъ на Исидора еще за то, что онъ, свидѣтельствуя истину, воспрепятствовалъ ему невинно обвинить одного пресвитера александрійскаго [1].

Послѣ сего событія прошло два мѣсяца, и Θео-

---

[1] Созоменъ, тамъ же, гл. 12.

филъ показалъ видъ, будто все забылъ, и одежды раздавались всѣмъ бѣднымъ, находившимся въ Александріи. Но въ самомъ дѣлѣ спокойствіе его было только наружное, а въ душѣ своей онъ измышлялъ средства, какъ бы лучше отмстить правдивому Исидору. Но такъ какъ не находилось дѣйствительной вины къ осужденію его, то Ѳеофилъ выдумалъ самъ на него клеветы и подкупилъ лжесвидѣтелей, и такимъ образомъ Исидоръ былъ обвиненъ и отлученъ отъ общенія св. таинъ. Но лжесвидѣтели, мучимые угрызеніями совѣсти, вскорѣ объявили публично, что они по справедливости ничего не имѣли сказать къ обвиненію пресвитера, а что говорили противъ него, то говорили по наущенію патріарха. Это произвело сильное негодованіе въ народѣ. Но Исидоръ недолго послѣ сего оставался въ городѣ; услыхавъ вскорѣ о тѣхъ злыхъ намѣреніяхъ Ѳеофила, о которыхъ мы скажемъ впереди, онъ сталъ опасаться за свою жизнь, и потому ушелъ въ нитрійскую пустыню, гдѣ провелъ свою юность [1].

Гора, или пустыня нитрійская, которую блаженный Іеронимъ называетъ градомъ Божіимъ [2], по святости пустынножителей, обитавшихъ въ ней, была обширная пустыня [3], на югъ отъ озера Мареатскаго, граничившая къ востоку съ пустынею Скитскою, съ другой стороны съ Ливіею и землею Мазиковъ, и простиралась до Еѳіопіи. Она получила названіе отъ сосѣдней горы, гдѣ въ озерахъ было большое коли-

---

[1] Созоменъ, тамъ же.

[2] Посл. 27.

[3] Палл. Лавс. гл. 7.

чество селитры (нитра). Святый Аммонъ, ученикъ св. Антонія великаго, первый поселился въ сей горѣ. Высокія добродѣтели сего великаго подвижника и трудные подвиги пустыннаго житія перешли отъ него и къ его ученикамъ. Молитва, псалмопѣнія, молчаніе, рукодѣліе, строгій постъ, неусыпное почти бодрствованіе, подвиги самоумерщвленія и упражненія въ дѣлахъ любви, были непрестаннымъ занятіемъ ихъ днемъ и ночью, послѣ кратковременнаго сна. Пустынники проводили на землѣ жизнь ангельскую. Между пустынножителями много находилось отцовъ, которые прославились, кромѣ высокихъ подвиговъ монашескаго житія, и даромъ чудотвореній. Но извѣстнѣйшими по высокому житію отцами пустыни въ описываемое нами время почитались настоятели скитовъ: Аммоній, Діоскоръ, Евсевій и Евѳимій, по прозванію—Длинные; они были братья между собою. Александрійскій епископъ Ѳеофилъ весьма любилъ и уважалъ ихъ, такъ что одного изъ нихъ, Діоскора, извлекши изъ пустыни силою, поставилъ во епископа въ Гермополисѣ. Они были извѣстны многимъ и внѣ пустыни по своему глубокому знанію слова Божія, живой вѣрѣ и совершенной преданности св. Церкви, за что должны были вытерпѣть гнѣвъ и преслѣдованія отъ Валента.

Тогда какъ эти благочестивые пустынножители, забывшіе міръ и забытые міромъ, упражнялись въ хваленіи Бога и дѣлахъ христіанскаго благочестія, выражавшагося особенно въ благотворительности, въ пустыню пришелъ Исидоръ, надѣясь найдти въ ней успокоеніе и мирно окончить дни свои. Но онъ обманулся: его отъѣздъ не утишилъ гнѣва его врага, и

вмѣсто успокоенія, онъ привлекъ на себя и на другихъ пустынножителей всѣ гибельныя дѣйствія мстительности патріарха.

Чтобы отмстить убѣжавшему пресвитеру и пустынникамъ, любезно принявшимъ его, этотъ человѣкъ, не умѣвшій владѣть своими страстями, увлеченный гнѣвомъ и досадою, хитрый и изобрѣтательный, задумалъ обвинить сихъ братьевъ — Длинныхъ и всѣхъ пустынниковъ въ увлеченіи Оригеновыми мнѣніями. Одно частное обстоятельство придало этому несправедливому обвиненію видъ истины.

За нѣсколько лѣтъ прежде сего происшествія, небольшое число египетскихъ пустынниковъ, простыхъ и грубыхъ, по своей необразованности, привязавшись къ внѣшнимъ выраженіямъ священнаго Писанія, и ложно понимая слова изъ книги Бытія: *сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (гл. 1), впали въ заблужденіе антропоморфистовъ. Они представляли себѣ, что Богъ, также какъ и люди, имѣетъ глаза, руки, ноги и самое тѣло. Когда лица, болѣе просвѣщенныя, желая вывести ихъ изъ заблужденія, вступали съ ними въ состязаніе, и подобно Оригену, давали объясненіе нѣкоторымъ мѣстамъ св. Писанія, слишкомъ отдаленное отъ ихъ грубыхъ понятій, антропоморфисты всѣхъ состязавшихся съ ними называли оригенистами. Заблужденіе этихъ пустынниковъ такъ глубоко вкоренилось въ душахъ ихъ, что одинъ изъ нихъ, по имени Серапіонъ, старецъ почтенный, служившій образцомъ по своей святости и строгости житія, будучи выведенъ изъ заблужденія святымъ Пафнутіемъ, палъ на землю и кричалъ изъ всѣхъ силъ: горе мнѣ! отняли у меня Бога, кому теперь

мнѣ покланяться?—желая этимъ сказать, что онъ потерялъ тотъ чувственный образъ, который онъ рисовалъ въ своемъ воображеніи, желая представить себя въ молитвѣ стоящимъ предъ лицемъ Самаго Бога.

Обитатели скита особенно держались сего заблужденія, но жившіе въ горѣ Нитрійской утверждали, напротивъ, духовность существа Божественнаго, и за это были называемы оригенистами. Правда, что въ пустынѣ Нитрійской читали сочиненія Оригена; однакоже они далеки были отъ его заблужденій. Но въ это время существовали два разряда оригенистовъ: сектаторы и защитники Оригена. Первые усвоивали себѣ всѣ заблужденія Оригена, безъ всякихъ объясненій, и они были виновны, потому что держались такихъ мнѣній, которыя были отвергнуты ученіемъ Церкви. Другіе утверждали, что книги Оригеновы испорчены, что самъ Оригенъ никогда не училъ подобнымъ заблужденіямъ, и что можно очистись отъ примѣси яда, и съ великою пользою читать уроки добродѣтели, которые онѣ въ себѣ заключаютъ. Это мнѣніе въ то время могло держаться потому, что Церковь еще не произнесла рѣшительнаго суда о сочиненіяхъ Оригена, по крайней мѣрѣ ея рѣшенія еще не пришли въ общую извѣстность. Многіе благочестивые и ученые мужи одобрили писанія Оригена, самъ даже Ѳеофилъ, произнося свое мнѣніе о нихъ, говоритъ: Оригеновы сочиненія подобны лугу, усѣянному цвѣтами всякаго рода: если среди ихъ я нахожу что либо хорошее, то срываю, а что кажется мнѣ тернистымъ, оставляю какъ колючее [1].

---

[1] Сократъ кн. 6, гл. 7.

Но нѣсколько позже, желая привлечь на свою сторону Епифанія, саламинскаго епископа, мужа, уважаемаго за жизнь [1], и удовлетворить возмутившихся египетскихъ пустынниковъ-антропоморфистовъ [2], онъ обвинилъ сочиненія Оригена, и въ своихъ *посланіяхъ*, по обычаю разсылаемыхъ къ разнымъ церквамъ для возвѣщенія о праздникѣ Пасхи, осуждалъ всѣ его заблужденія. Онъ впрочемъ сначала довольно равнодушно смотрѣлъ на это дѣло, но вскорѣ сталъ преслѣдовать пустынножителей, не принимавшихъ его мнѣнія, съ злобою и ожесточеніемъ. Убѣжденія монаховъ нитрійскихъ, старавшихся еще защищать сочиненіе Оригена, особенно ихъ любовь, съ которою они приняли Исидора, представлялись глазамъ Ѳеофила непростительнымъ грѣхомъ. Увлекаемый оскорбленнымъ самолюбіемъ, движимый жаждою мщенія, онъ приказалъ выгнать изъ горы всѣхъ монашествующихъ, даже изъ самой глубины пустыни извлечь почтеннѣйшихъ между ними, т. е. начальствующихъ, о которыхъ мы сказали. Эти смиренные пустынники, удивленные столь страннымъ приказаніемъ, но не зная причины этому, пришли въ Александрію, чтобъ припасть къ ногамъ патріарха и изъ собственныхъ устъ его узнать, какая цѣль и побужденіе его, столь ужаснаго для нихъ приказанія. Ѳеофилъ, увидѣвъ ихъ, страшнымъ гнѣвомъ запылалъ, и поспѣшно обратившись къ Аммонію, уже почтенному старцу, подвергнулъ его даже біенію, громогласно называя Оригена проклятымъ богохульникомъ. Послѣ сего бѣднымъ пустынникамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ

---

[1] Созоменъ, тамъ же гл. 14.

[2] Тамъ же гл. 11.

возвратиться въ свои мѣста. И они тихо побрели къ своимъ уединеннымъ келліямъ, въ которыхъ снова и съ большею ревностію начали свои обычные молитвенные подвиги, находя успокоеніе въ свидѣтельствѣ своей непорочной совѣсти. Ѳеофилъ впрочемъ не довольствовался оскорбленіемъ, лично нанесеннымъ этимъ многочтимымъ отцамъ; но созвалъ соборъ изъ подвѣдомственныхъ епископовъ [1], и, не позвавъ на него никого изъ пустынножителей къ отвѣту и не давъ имъ никакого другаго средства къ защищенію себя, произнесъ отлученіе на трехъ старшихъ, въ числѣ коихъ были Аммоній и Діоскоръ; такую же несправедливость оказать всѣмъ онъ не осмѣлился. Однакоже мстительность Ѳеофила не ограничивалась и этимъ; онъ вовлекъ въ обманъ множество скитскихъ монаховъ, людей простыхъ и неученыхъ, изъ которыхъ иные не знали даже и грамоты, и писалъ скитамъ въ пустынѣ, что не должно вѣрить Діоскору и его братьямъ, которые утверждаютъ, будто Богъ безтѣлесенъ. Богъ, по свидѣтельству священнаго Писанія, говорилъ онъ, имѣетъ очи и уши, руки и ноги, какъ и люди; а сообщники Діоскора, подражая Оригену, вводятъ нечестивое ученіе, будто у Бога нѣтъ ни очей, ни ушей, ни ногъ, ни рукъ. Такимъ лжемудрованіемъ онъ обманулъ многихъ монаховъ, — и между ними произошло смятеніе. Образованные между ними, конечно, не увлеклись этою хитростію и остались на сторонѣ Діоскора и Оригена; но необразованные, которыхъ было числомъ гораздо болѣе, и которые отличались особенно ревностію, тотчасъ возстали

---

[1] Тамъ же, гл. 14.

противъ братій. Итакъ между ними произошло раздѣленіе, и одна сторона начала упрекать другую въ нечестіи. Отсюда произошла сильная вражда, — и между монахами возгорѣлась война непримиримая. Узнавъ, что цѣль его достигнута, Θеофилъ съ многочисленною толпою и воинами, взятыми у префекта египетскаго, прибылъ въ Нитрію, гдѣ было много скитовъ, сталъ все истреблять огнемъ и мечемъ и побивать державшихся мнѣнія его главныхъ противниковъ, такъ что Діоскоръ съ братьями едва могли спастить отъ угрожавшей опасности [1]. Когда Θеофилъ съ соучастниками своего злодѣянія удалился въ Александрію,—Діоскоръ и Аммоній съ многими другими пустынниками, не имѣя болѣе пристанища въ пустыни, удалились въ Іерусалимъ, а оттуда пришли въ Скиθополисъ и остались тамъ на нѣкоторое время; ибо пребываніе тамъ, по причинѣ множества пальмъ, листьями которыхъ монахи пользовались для обычныхъ своихъ работъ, признали удобнымъ [2]. Но Θеофилъ, преслѣдуя бѣдныхъ изгнанниковъ повсюду, писалъ къ подвѣдомственнымъ себѣ епископамъ, чтобы они нигдѣ не давали имъ пріюта. Между тѣмъ въ это же время послалъ отъ себя людей въ Константинополь, частію для того, чтобы они предварительно распространили тамъ клевету противъ Длинныхъ, а частію и для того, чтобы противодѣйствовали имъ, если бы стали они просить о чемъ либо царя. Узнавъ о томъ, Аммоній и его спутники отплыли въ Константинополь;—съ ними былъ и Исидоръ—и общими

[1] Сократъ кн. 6, гл. 7.

[2] Созоменъ кн. 8, гл. 13.

силами старались направленныя противъ себя козни обличить предъ судомъ царя и епископа Іоанна. Они надѣялись, что сей послѣдній, какъ защитникъ законнаго дерзновенія, можетъ помочь имъ въ правомъ дѣлѣ. Св. Іоаннъ благосклонно принялъ пришедшихъ къ себѣ мужей, относился къ нимъ съ честію, и не возбранилъ имъ молиться въ церкви, хотя не позволялъ пріобщаться св. Таинъ, — ибо допустить это прежде изслѣдованія дѣла было бы противно законамъ,—но написалъ Ѳеофилу, чтобы онъ возвратилъ имъ общеніе, такъ какъ они право мыслятъ о Богѣ, а если бы понадобилось разбирать дѣло ихъ на судѣ, обѣщалъ послать въ судіи кого ему угодно. Но Ѳеофилъ ничего не отвѣчалъ. Между тѣмъ въ Александріи разнесся ложный слухъ, будто Іоаннъ имѣлъ общеніе съ Діоскоромъ и его спутниками, и готовъ во всемъ помогать имъ; поэтому Ѳеофилъ началъ всячески стараться, какъ бы не только отмстить Діоскору и Исидору, но и св. Іоанна низвести съ епископскаго престола. Онъ разсылалъ къ епископамъ всѣхъ городовъ посланія, въ которыхъ скрывая свое намѣреніе, явно порицалъ только сочиненія Оригена [1]. Разсудивъ же, что будетъ весьма полезно для него къ соучастію въ замышленномъ дѣлѣ склонить саламинскаго въ Кипрѣ епископа Епифанія, мужа уважаемаго за жизнь и славнѣйшаго изъ всѣхъ современниковъ, онъ началъ искать его дружбы. Епифаній, съ давнихъ поръ нелюбившій сочиненій Оригена, легко повѣрилъ посланію Ѳеофила и въ собраніи кипрскихъ епископовъ запретилъ чтеніе Оригеновыхъ книгъ; потомъ

[1] Тамъ же гл. 13. Сократъ кн. 6, гл. 9.

написалъ опредѣленіе объ этомъ и другимъ епископамъ и константинопольскому, убѣждая ихъ созвать соборы и утвердить тоже самое. Өеофилъ тоже и о томъ же писалъ св. Іоанну. Но св. Златоустъ попеченіе объ этомъ не считалъ достойнымъ вниманія, и на посланія Епифанія и Өеофила смотрѣлъ, какъ на дѣло второстепенное. Между тѣмъ нѣкоторые изъ придворныхъ и клира, имѣвшіе непріязнь къ св. Іоанну узнавъ, что Өеофилъ заботится о низверженіи его, и тщательно содѣйствуя александрійскому епископу, старались о созваніи въ Константинополѣ великаго собора. Узнавъ объ этомъ, Өеофилъ сталъ еще дѣятельнѣе, и приказалъ египетскимъ епископамъ отправиться въ Константинополь. О томъ же просилъ онъ письменно Епифанія и другихъ восточныхъ епископовъ и торопилъ ихъ отъѣздомъ, вскорѣ и самъ отправился туда же [1]. Немного спустя послѣ сего, Епифаній прибылъ въ Константинополь, и приставъ близь церкви св. Іоанна, отстоявшей на семь верстъ отъ города, и вышедши изъ корабля, сдѣлалъ собраніе, и рукоположивъ діакона, немедленно прибылъ въ городъ [2]. Чтобы почтить его, св. Іоаннъ вышелъ къ нему на встрѣчу со всѣмъ клиромъ. Но Епифаній ясно далъ разумѣть, что вѣритъ клеветамъ на св. Іоанна; ибо, бывъ убѣждаемъ остановиться въ церковныхъ зданіяхъ, не согласился и избѣгалъ свиданія съ св. Іоанномъ, а между тѣмъ, созывая часто жившихъ въ Константинополѣ епископовъ, показывалъ имъ опредѣленіе противъ Оригеновыхъ сочиненій и

[1] Созоменъ тамъ же гл. 14.

[2] Созоменъ тамъ же гл. 12.

нѣкоторыхъ убѣдилъ подписать его. Впрочемъ большая половина ихъ отлагалась [1].

Св. Златоустъ, сохраняя еще въ душѣ глубокое уваженіе къ сѣдинамъ и прославляемымъ добродѣтелямъ Епифанія, не только не оскорбился, что вопреки постановленію совершилъ онъ въ его церкви рукоположеніе, но еще просилъ его жить вмѣстѣ съ собою въ епископскомъ домѣ. Однако же Епифаній въ отвѣтъ на то сказалъ, что не станетъ ни жить, ни молиться вмѣстѣ съ нимъ, пока онъ не изгонитъ изъ города приверженцевъ Діоскора и не объявитъ согласія на осужденіе Оригеновыхъ сочиненій. А такъ какъ св. Златоустъ медлилъ исполнить это требованіе, утверждая, что безразсудно было бы рѣшиться тутъ на что либо прежде опредѣленія вселенскаго собора, то враги его совѣтовали Епифанію употребить другое средство. Они готовились сдѣлать соборъ въ церкви Апостоловъ, и убѣждали кипрскаго епископа выдти впередъ и предъ всѣмъ народомъ осудить Оригеновы книги, отлучить отъ Церкви приверженцевъ Діоскора и обвинить Іоанна въ томъ, что и онъ держитъ ихъ сторону. Это пересказано было св. Іоанну, — и на слѣдующій день, когда Епифаній вошелъ уже въ церковь, Сераніонъ отъ имени Іоанна объявилъ ему слѣдующее: «Епифаній! ты дѣлаешь много противнаго постановленіямъ: во первыхъ, въ церквахъ, мнѣ подчиненныхъ, совершаешь рукоположеніе,—во вторыхъ, безъ моего позволенія, пользуясь только собственною властію, отправляешь въ нихъ богослуженіе. Нѣкогда я приглашалъ тебя,—и ты отказался, а теперь вхо-

---

[1] Созоменъ тамъ же.

дишь самовольно. Берегись, чтобъ въ народѣ не произошло возмущенія и чтобы тогда самому тебѣ не подвергнуться опасности». Выслушавъ это, Епифаній въ страхѣ удалился изъ церкви и, осыпавъ Іоанна жестокими укоризнами, отплылъ въ Кипръ. Но не доѣхавъ до Кипра, умеръ во время пути на кораблѣ [1].

Тяжело переносить злословія и клеветы и отъ злыхъ, неблагонамѣренныхъ людей, но испытывать тоже самое отъ лицъ, которыхъ мы привыкли уважать и любить, во сто разъ тяжелѣе, невыносимо. Послѣ этого понятнымъ дѣлается, какъ велика должна быть скорбь св. Златоуста, встрѣтившаго въ св. Епифаніѣ столь сильное нерасположеніе. Впрочемъ ихъ отношенія, мрачныя по наружности, не таковы въ существѣ своемъ. Епифаній былъ обманутъ Θеофиломъ; но дѣйствуя подъ вліяніемъ его совѣтовъ, страстныхъ цѣлей, которыхъ онъ немогъ проникать, онъ самъ въ себѣ былъ чистъ по намѣреніямъ, ибо дѣйствовалъ по побужденію благочестивой ревности и для сохраненія чистоты вѣры. Относительно св. Златоуста это обстоятельство было благотворно тѣмъ, что въ большемъ свѣтѣ проявлялось его православіе и чрезъ терпѣніе новыхъ испытаній давало ему возможность заслужить болѣе блистательный вѣнецъ.

По отъѣздѣ Епифанія пустынники нитрійскіе, доведенные до изнеможенія преслѣдованіями Θеофила, принуждены были искать правосудія и защиты у самаго императора. Они подали ему жалобу, въ которой, изложивъ всѣ козни и злодѣянія Θеофила, а такъ же и злословія и клеветы монаховъ, дѣйствовавшихъ

[1] Сократъ тамъ же гл. 14.

въ Константинополѣ по его внушенію, просили его, вызвавъ Θеофила, отдать это дѣло на судъ и разсмотрѣніе константинопольскаго архіепископа.

Императоръ согласился на ихъ требованіе, и послалъ одного чиновника за Θеофиломъ. Между тѣмъ судьи разсматривали обвиненія, составленныя противъ его повѣренныхъ. Сіи, не имѣя силъ оправдать своихъ неправыхъ дѣйствій, признались, что они дѣйствовали по внушенію патріарха александрійскаго. Въ слѣдствіе такого признанія они объявлены были злонамѣренными клеветниками, и заключены въ темницу. Нѣкоторые изъ нихъ тамъ и умерли, а нѣкоторыхъ сослали въ ссылку. Но этотъ справедливый судъ надъ преступниками не прекратилъ злонамѣренныхъ дѣйствій противъ самаго святаго архіепископа константинопольскаго, а, можно сказать, только послужилъ началомъ враждебныхъ преслѣдованій противъ него, окончившихся наконецъ его изгнаніемъ и смертію.

Θеофилъ, услыхавъ объ участи, постигшей монаховъ, посланныхъ имъ въ Константинополь, пришелъ въ сильное негодованіе. Призываемый въ столицу указомъ царя для оправданій, онъ спѣшилъ туда, но не съ тѣмъ, чтобъ быть подсудимымъ, а судить. Убѣжденный въ слабости характера императора Аркадія, поддерживаемый императрицею Евдоксіею, которая, въ поученіи, сказанномъ св. Златоустомъ вообще противъ женщинъ, видя личное оскорбленіе для себя, писала ему, чтобы онъ поспѣшилъ освободить ее отъ ненавистнаго епископа; увѣренный въ содѣйствіи епископовъ, клира и разныхъ лицъ придворныхъ, негодовавшихъ на св. Златоуста за его стро-

гость и сильныя обличенія, — онъ отправлялся въ Константинополь съ увѣренностію обвинить, наконецъ, и низложить казавшагося непримиримымъ врагомъ св. Златоуста. По этому Θеофилъ созвалъ многихъ епископовъ изъ разныхъ городовъ и прибылъ съ ними въ Константинополь. На соборъ съѣхались большею частію такіе, которые по какимъ либо причинамъ питали вражду противъ св. Іоанна. Явились и такіе, которыхъ св. Златоустъ лишилъ епископства [1]. Когда прибылъ Θеофилъ, св. Златоустъ просилъ его остановиться съ своими въ одномъ изъ принадлежащихъ церкви домовъ, и предлагалъ ему все нужное къ содержанію. Но Θеофилъ отвергъ гостепріимство св. Златоуста, и остановился въ одномъ изъ царскихъ домовъ, называемомъ Плакиднымъ [2]. Онъ не хотѣлъ даже видѣться съ св. Златоустомъ, ни говорить съ нимъ, ни участвовать вмѣстѣ съ нимъ въ молитвахъ, вообще выражалъ совершенное уклоненіе отъ общенія съ нимъ. Но св. Златоустъ и послѣ неоднократно посылалъ просить къ себѣ Θеофила, чтобъ объясниться съ нимъ о причинѣ неудовольствія, испросить у него прощеніе, ежели онъ въ чемъ согрѣшилъ предъ нимъ, и чрезъ то прекратить соблазнъ, производимый въ народѣ ихъ несогласіемъ; но Θеофилъ далекъ былъ отъ того, чтобы подражать ему въ подобныхъ чувствахъ кротости и миролюбія. Онъ не только не былъ у него и не далъ никакого отвѣта, но и всячески старался низвергнуть его съ каѳедры и даже умертвить. Для этого онъ сначала старался сколько возможно болѣе

---

[1] Тамъ же, гл. 15.

[2] Палладій стр. 64, 65. Сократъ тамъ же. Созоменъ кн. 8, гл. 17.

возставить противъ него его враговъ, чтобы имѣть въ нихъ для себя поддержку. Къ этой цѣли онъ стремился всѣми путями, всѣ средства считалъ позволенными. Придворнымъ и другимъ знатнымъ лицамъ въ Константинополѣ онъ сыпалъ деньги щедрою рукою, людей чувственныхъ и сластолюбивыхъ привлекалъ къ себѣ пышными обѣдами; однихъ обольщалъ льстивыми словами, другимъ обѣщалъ высшія почести и достоинства; недовольныхъ еще болѣе раздражалъ, указывая на оскорбленія, нанесенныя имъ его гордыми, по его понятіямъ, и презрительными поступками [1]. Его намѣреніямъ особенно помогали Северіанъ, епископъ габальскій, Акакій, епископъ берріискій, и Исаакъ, епископъ исавріискій. Когда такимъ образомъ подготовлены были умы къ единодушному обвиненію св. Златоуста, Өеофилъ позвалъ къ себѣ двухъ діаконовъ Церкви константинопольской, которые сдѣлались непримиримыми врагами св. Златоуста за то, что онъ исключилъ ихъ изъ клира, одного за убійство, а другаго за нечистую жизнь. Өеофилъ, какъ бы сжалившись надъ ихъ участью, обѣщалъ имъ возставить ихъ на прежнія мѣста, если они рѣшатся дѣйствовать за одно съ обвинителями ихъ епископа, и подписать обвинительные пункты, которые онъ имъ скажетъ [2]. Эти два человѣка, достойные смерти, по словамъ Палладія, съ радостію приняли предложеніе и подписались на предложенной имъ бумагѣ. Это уже было великое пріобрѣтеніе для

---

[1] Палладій тамъ же. Письмо св. Іоанна къ папѣ Иннокентію том. 3, стр. 516.

[2] Палладій тамъ же, стр. 65.

Өеофила. Заговоръ составлялся успѣшно сверхъ ожиданій его. Лишь только онъ получилъ обвинительную записку, тотчасъ же отправился въ домъ Евграфы, богатой и знатной вдовы, которая извѣстна была по особому нерасположенію къ св. Златоусту. Здѣсь были собраны: Северіанъ, Акакій и другіе епископы, ненавидѣвшіе святаго. Долго разсуждали о томъ, какъ начать дѣло, и, наконецъ, рѣшили подать прошеніе императору о дозволеніи собрать соборъ для суда надъ св. Златоустомъ, и дѣло тотчасъ было приведено въ исполненіе. Золото Өеофила отворило ему двери въ царскія палаты и расположило къ нему высшихъ чиновъ; Евдоксія, по личному неудовольствію на епископа, старалась имъ содѣйствовать своимъ вліяніемъ на императора, — и прошеніе ихъ получило желаемое удовлетвореніе.

Но собора они не смѣли составить въ Константинополѣ, потому что боялись любви народной къ своему пастырю. По этому епископы обвинители, оставивъ столицу, собрались въ одномъ предмѣстіи Халкидона, которое называлось Дубъ [1], гдѣ Руфинъ построилъ великолѣпный дворецъ, монастырь и церковь въ честь апостоловъ Петра и Павла [2].

Лишь только составился соборъ изъ 36-ти епископовъ подъ предсѣдательствомъ Өеофила, въ сопровожденіи многихъ недовольныхъ клириковъ, явился и діаконъ Іоаннъ, и представилъ собору записку, въ которой заключалось 29-ть обвинительныхъ пунктовъ противъ св. Златоуста.

[1] Сократъ тамъ же, гл. 15.

[2] Созоменъ кн. 8, гл. 17.

Въ этихъ пунктахъ его обвиняли въ томъ, что онъ исключилъ изъ клира діакона Іоанна за то, что онъ ударилъ нѣкоего слугу; что заключилъ въ темницу одного монаха, клеветавшаго на Длинныхъ братьевъ; что злословилъ духовенство, написалъ слово противъ клириковъ, имѣвшихъ въ своихъ домахъ женщинъ, въ видѣ помощницъ; что осудилъ трехъ діаконовъ за воровство; что принялъ Акакія, епископа беррійскаго, не съ надлежащимъ почтеніемъ; что бранилъ и билъ нѣкоторыхъ. Обвиняли такъ же въ томъ, что онъ всегда ѣлъ одинъ и никого не приглашалъ къ себѣ; что онъ гордъ, надмененъ и скупъ; что давалъ деньги епископамъ, имъ поставляемымъ, чтобы они строже обращались съ духовенствомъ; что входилъ въ церковь и выходилъ безъ молитвы; что раздѣвался и одѣвался на епископскомъ сѣдалищѣ; что ѣлъ постилу и другимъ совѣтывалъ ее ѣсть и пить воду послѣ св. причастія; что заставлялъ топить баню для себя одного; что продалъ мраморъ, приготовленный его предшественникомъ Нектаріемъ для украшенія церкви св. Анастасіи.

Враги св. Златоуста съ такою заботливостію старались объ открытіи обвиненій на него, что посылали нѣкоторыхъ довѣренныхъ лицъ въ Антіохію, для изслѣдованія его прежней жизни, надѣясь открыть что либо къ его осужденію; но усилія ихъ были тщетны. Изъ всѣхъ обвиненій, на него представленныхъ—одни были лживы, другія противорѣчили одно другому, и потому другъ друга взаимно уничтожали, а иныя были ничтожны, и потому не могли быть основаніемъ къ осужденію; нѣкоторые хотя были и истинны, но служили къ похвалѣ и славѣ св. Златоуста, а не къ

безчестію его. Всѣ же обвиненія были плодомъ ненависти и несправедливости нечестивыхъ обвинителей.

Однакоже, не смотря на все это, нечестивый соборъ послалъ звать св. Златоуста для оправданія во взносимыхъ на него обвиненіяхъ. Вмѣстѣ съ нимъ приказано было явиться и Серапіону, пресвитеру Тигру и чтецу Павлу, потому что съ Іоанномъ и они подвергались обвиненіямъ. Но св. Іоаннъ, видя въ судьяхъ своихъ одпихъ враговъ, не пошелъ къ нимъ, требуя вселенскаго собора для произведенія суда надъ нимъ [1]. Соборъ, составлявшійся для защищенія св. Златоуста въ Константинополѣ изъ 40 епископовъ, отправилъ отъ себя трехъ епископовъ и двухъ пресвитеровъ святой жизни, сказать Дубскому собору, что никакой епископъ не можетъ быть судимъ внѣ своей епархіи и что ихъ соборъ многочисленнѣе и большей важности, ибо онъ состоитъ изъ сорока епископовъ, между которыми находится семь митрополитовъ. Но какъ скоро эти епископы объявили свое мнѣніе на соборѣ Дуба; то сей соборъ пришелъ въ такое неистовство, что одного изъ нихъ подвергли біенію, у другаго истерзали одежды, а третьему повѣсили цѣпи желѣзныя на шею, которыя готовили св. Іоанну. Узнавъ объ этомъ, св. Іоаннъ рѣшительно отказался явиться на такой соборъ, требуя для суда надъ собою вселенскаго собора и удаленія его личныхъ враговъ [2]. Но епископы, не смотря на это, звали его еще четыре раза [3]. Въ тотъ же день при-

---

[1] Сократъ. Тамъ же, гл. 15.

[2] Паллад. Тамъ же стр. 63—73.

[3] Сократъ. Тамъ же.

сланы были и изъ дворца скороходъ и скорописецъ и побуждали св. Іоанна отправиться на соборъ для отвѣтовъ. Но такъ какъ призываемый четырекратно, св. Іоаннъ всякій разъ требовалъ вселенскаго собора; то епископы, враждебные ему, не приписывая ему никакой другой вины, кромѣ той, что онъ будучи званъ, не повиновался, низложили его [1]. Опредѣленіе свое соборъ отправилъ на утвержденіе императору, который, не читавъ дѣлопроизводства св. Іоанна, и даже не видавъ его, тотчасъ далъ повелѣніе сослать архіепископа въ заточеніе [2].

Низложеніе св. Златоуста сдѣлалось извѣстно вечеромъ и произвело величайшее смятеніе въ народѣ. Народъ цѣлую ночь стерегъ церковь, чтобы изъ нея не увлекли его, и кричалъ, что взносимыя на него обвиненія надобно разсмотрѣть на соборѣ многочисленнѣйшемъ, и людей, назначенныхъ отъ царя для отведенія его въ ссылку, не допускалъ до этого. Но отъ царя вышелъ новый указъ, повелѣвавшій какъ можно скорѣе взять епископа и отправить его въ ссылку. Св. Златоустъ, узнавъ объ этомъ и опасаясь, чтобы изъ за него не произошло мятежа, и враги не выдумали новаго на него обвиненія въ неповиновеніи царю, и чтобы народъ не подвергнуть отвѣтственности и наказанію за возмущеніе, вознамѣрился скрытно отъ народа предать себя въ руки чиновника, которому поручено было отвести его въ Пренету, въ Виѳиніи [3]. Но желая проститься съ любезною паст-

---

[1] Созоменъ кн. 8, гл. 17.

[2] Палладій, стр. 64.

[3] Сократъ. Тамъ же. Созоменъ. Тамъ же, гл. 18.

вою, онъ сказалъ народу бесѣду, въ которой старался внушить имъ терпѣніе и покорность волѣ Промысла, которыми воодушевлено было его собственное сердце.

«Сильныя волны, жестокая буря! Но я не боюсь потопленія: ибо стою на камнѣ. Пусть свирѣпствуетъ море; оно не можетъ сокрушить камня! Пусть подымаются волны; онѣ не могутъ поглотить корабля Іисусова! Скажите, чего бояться мнѣ? Ужели смерти? *Мнѣ еже жити Христосъ, а еже умрети, пріобрѣтеніе* (Филипп. 1, 21). Ужели ссылки? *Господня земля и исполненіе ея* (Пс. 23, 1). Ужели описи имѣнія? *Ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ* (1 Тим. 6, 7). Я презираю устрашенія міра сего, и посмѣиваюсь надъ его благами. Я не боюсь нищеты, не желаю богатства; не боюсь смерти и не желаю жизни, развѣ только для вашего успѣха. Я для того говорю о настоящихъ моихъ обстоятельствахъ, и для того вопрошаю васъ, возлюбленные, чтобъ васъ успокоить. Никто не можетъ раздѣлить насъ! Что Богъ совокупилъ, того человѣкъ раздѣлить не можетъ. Если о мужѣ и женѣ сказано: *еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Мѳ. 19, 6), ежели брака нельзя расторгнуть, то кольми паче нельзя расторгнуть Церковь Божію. Ничего нѣтъ сильнѣе Церкви! Сколь многіе тираны покушались разрушить Церковь! Сколько употребили они сковородъ, сколько печей? Сколько зубовъ звѣриныхъ? Сколько острыхъ мечей? Но ни мало не успѣли. Гдѣ враги оные? Никто не говоритъ объ нихъ: всѣ они забыты. Гдѣ Церковь? Она сіяетъ свѣтлѣе солнца. Если христіане остались непобѣдимы и тогда, когда ихъ было не много, то можно ли побѣдить ихъ нынѣ, когда вся вселенная

исполнена благочестіемъ? Не тревожьтесь настоящимъ событіемъ. Окажите мнѣ въ этомъ любовь вашу, въ непоколебимой вѣрѣ. Я имѣю залогъ Господа, и не полагаюсь на силы мои. Я имѣю Его Писаніе. Оно мнѣ опора, оно мнѣ крѣпость, оно мнѣ спокойная пристань. Пусть вся земля придетъ въ смятеніе! У меня есть письмецо, его читаю я: слова въ немъ для меня стѣна и ограда. Какія слова? *Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка* (Мѳ. 28, 20). Христосъ со мною, кого мнѣ бояться? Пусть поднимаются на меня волны, пусть море, пусть неистовство сильныхъ! сіе для меня слабѣе паутины. И если бы не вы останавливали меня своею любовію, то я нынѣ же удалился бы отсюда. Я всегда молюсь: да будетъ воля Твоя, Господи! Не какъ хочетъ тотъ или другой, но какъ Ты хочешь. Вотъ моя крѣпость, вотъ мой камень неподвижный, вотъ моя трость непоколеблемая! Если Богу угодно, то да будетъ! Если Ему угодно остановить меня здѣсь, благодарю Его. Я буду благодарить Его, гдѣ Онъ ни захочетъ меня поставить». «Ни отъ чего не приходите въ смущеніе. Старайтесь быть въ молитвѣ. Это сдѣлалъ діаволъ, чтобъ погасить въ васъ расположеніе къ молитвѣ. Но онъ не успѣлъ нимало. Я вижу васъ болѣе ревностными и усердными. Завтра я выйду съ вами для молитвы. Гдѣ я, тамъ и вы; а гдѣ вы, тамъ и я. Мы одно тѣло. А тѣло отъ головы, какъ и голова отъ тѣла, не отдѣляется. Мы раздѣляемся мѣстомъ, но любовію соединены; даже смерть не можетъ разлучить насъ. Хотя умретъ тѣло мое, но душа будетъ жива, и станетъ воспоминать о семъ народѣ. Вы мнѣ отцы, какъ я могу забыть васъ. Вы мнѣ родные мои, вы моя жизнь, вы моя слава. Если вы

преуспѣваете; это — слава мнѣ, и жизнь моя, какъ богатство, лежитъ въ сокровищницѣ вашей. Я готовъ тысячекратно положить за васъ душу свою, и не стою никакой благодарности; потому что исполняю долгъ. *Добрый пастырь душу свою полагаетъ за овцы своя* (Іоан. 10, 11). Пусть тысячекратно меня удавятъ, тысячекратно отсѣкутъ мнѣ голову! Смерть сія поведетъ къ безсмертію. Все претерпѣваю я за любовь мою къ вамъ: ибо я все предпринимаю, чтобъ вамъ доставить безопасность; чтобъ никто чужой не вошелъ въ стадо мое, и оно сохранилось непорочнымъ. Сей подвигъ мой доставитъ мнѣ вѣнецъ. И что я не потерплю для васъ? Вы мнѣ сограждане, вы мнѣ отцы, вы мнѣ братія, вы дѣти мои, вы члены мои, вы тѣло мое, вы свѣтъ мой, и лучше свѣта. Вы всегда доставляли мнѣ то, что я желалъ. Вы презирали временное, отказывались отъ земнаго; возвышались къ небу, отрекались отъ узъ тѣлесныхъ и старались о блаженномъ исполненіи ученія Господа. Впрочемъ можетъ быть Богъ попускаетъ мнѣ терпѣть злоумышляемое на меня для того, чтобъ испытать меня несчастіями; потому что побѣда, конечно, отъ трудовъ зависитъ, и вѣнецъ уготовляется за подвиги. Ибо и божественный Павелъ сказалъ: *теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды* (2 Тим. 4, 7). Вѣчный Господь всѣхъ да удостоитъ и васъ вѣнца сего»! [1].

Такимъ образомъ на третій день послѣ своего осужденія, послѣ полудня, онъ тайно предалъ себя въ руки царскаго чиновника, и въ продолженіи ночи

[1] Злат. томъ III стр. 415—419. Христ. Чт. 1821 года, ч. 4, стр. 290.

перевезенъ былъ на кораблѣ на другой берегъ пролива въ Пренету, мѣсто назначенное для ссылки.

Но лишь только разнеслась молва объ удаленіи св. епископа, весь народъ пришелъ въ сильное негодованіе. Өеофилъ съ другими епископами прибылъ было на утро въ Константинополь для успокоенія волненія народнаго: но такъ какъ всѣ знали о его злонамѣренныхъ дѣйствіяхъ противъ св. Златоуста и видѣли въ немъ одного изъ главнѣйшихъ виновниковъ постигшаго ихъ бѣдствія; то отвсюду слышались противъ него крики негодованія и проклятія, даже самая жизнь его могла быть въ опасности, если бы не охранялась вооруженною силою. И ропотъ въ народномъ крикѣ выражался не только противъ епископовъ, но и противъ самаго царя. Многіе даже изъ нерасположенныхъ къ св. Златоусту стали жалѣть о немъ и говорили, что онъ оклеветанъ, хотя не задолго предъ тѣмъ сами нетерпѣливо ждали его низложенія.

Северіанъ, желая оправдать предъ народомъ дѣйствія собора, вышедъ на каѳедру, сталъ порицать св. Іоанна, говоря, что еслибъ и ни въ чемъ другомъ онъ не былъ обличенъ, то одинъ высокомѣрный нравъ его былъ бы достаточною причиною къ низложенію сего епископа, потому что всѣ грѣхи прощаются людямъ, но гордымъ Богъ противится [1]. Это еще болѣе возбудило негодованіе въ народѣ, и онъ неукротимо волновался. Многочисленными толпами переходили приверженцы св. Златоуста изъ церкви на площадь, съ площади ко дворцу и обратно. Повсюду слышны были вопли, рыданія, ропотъ, ругательства и про-

[1] Сократъ, тамъ же гл. 16.

клятія на соборъ и самаго Аркадія [1]. Всѣ требовали возвращенія св. епископа, но напрасно; имъ никто не внималъ.

Наконецъ приблизилась ночь, и на помощь безсильному народу явились страшныя силы природы и заговорили своимъ сотрясающимъ душу голосомъ. Съ наступленіемъ ночи небо покрылось мрачными облаками, и оглушительные удары грома смѣняли страшныя вопли народа; море кипѣло, стоны бушующихъ волнъ, обыкновенные предвѣстники великихъ бѣдствій, слышались повсюду. Всеобщій страхъ овладѣлъ жителями города, всѣ ждали съ трепетомъ чего то ужаснаго; и вотъ среди мрака ночи вдругъ восколебался городъ отъ сильнаго землетрясенія.

Въ этомъ разрушительномъ явленіи природы всѣ видѣли казнь Божію за несправедливо осужденнаго невиннаго епископа, и со всѣхъ концевъ города неслись страшные крики. «Это казнь Неба», всѣ взывали, «это явленіе гнѣва праведнаго Неба! Горе намъ! погибли мы, если святой епископъ не будетъ возвращенъ»!

Царица, устрашенная землетрясеніемъ и воплями народа, упросила императора возвратить святаго Златоуста, и на разсвѣтѣ отправила къ нему своего евнуха Бризона съ письмомъ, въ которомъ, увѣряя его, что она невинна въ устроенныхъ противъ него замыслахъ, и что уважаетъ его, какъ Божія служителя и тайноводителя дѣтей ея [2], просила возвратиться какъ можно скорѣе въ столицу и спасти городъ отъ

[1] Созоменъ, тамъ же гл. 18.

[2] Созоменъ тамъ же.

опасности [1]. И императоръ и императрица, движимые нетерпѣніемъ видѣть св. епископа, какъ единственную причину къ успокоенію возставшихъ бурь, непрестанно посылали одного за другимъ пословъ, такъ что по всему пространству Босфора виднѣлись посольскія ладьи [2]. Но лишь только разнесся слухъ въ народѣ о возвращеніи нѣжно-любимаго пастыря, въ безчисленномъ множествѣ устремились къ нему на встрѣчу мущины и женщины, старики и дѣти, богатые и бѣдные; весь Константинопольскій проливъ покрылся судами, весь берегъ усѣянъ былъ многочисленнѣйшими толпами народа; все духовенство, предшествуемое многими епископами, явилось у пристани, и ожидало страдальца-святителя съ зажженными въ рукахъ восковыми свѣчами [1]. Такъ св. Златоустъ, возвратившись изъ Пренеты, вступилъ на европейскій материкъ съ торжествомъ славнаго побѣдителя всѣхъ козней вражескихъ, привѣтствуемый возгласами искренней радости любимой паствы. Вышедъ на берегъ, онъ остановился въ загородномъ дворцѣ самой царицы близъ Анапла и рѣшительно отказался вступить въ городъ прежде суда большаго собора, дабы всѣ убѣдились, что онъ лишенъ епископства несправедливо. Когда же народъ увидѣлъ, что виновникъ ихъ радости не хочетъ вступить въ городъ, снова предался ропоту, снова пробудилось негодованіе противъ враговъ, снова послышались ругательства и проклятія на нихъ. Св. Златоустъ, видя и слыша все это, покорился необходимости, и сопровождаемый

---

[1] Θеодоритъ кн. 5. гл. 34.

[2] Тамъ же.

[3] Тамъ же.

многочисленнѣйшимъ собраніемъ жителей, изъ которыхъ весьма многіе шли съ зажженными свѣчами, и воспѣвали особо на этотъ случай приготовленныя пѣснопѣнія, съ великолѣпнымъ торжествомъ вступилъ въ городъ и потомъ въ церковь [1]. Здѣсь народъ просилъ его сѣсть на епископскій престолъ и по обыкновенію преподать предстоящимъ миръ. Когда же св. Златоустъ началъ отказываться, говоря, что онъ можетъ сдѣлать это только по приговору судей, и что прежніе судіи должны напередъ оправдать его; то народъ еще болѣе воспламенился желаніемъ видѣть его на епископскомъ престолѣ и слышать его ученіе,—и наконецъ склонилъ его къ этому. Св. Златоустъ взошелъ на каѳедру и, по обыкновенію, возвѣстилъ народу миръ, даже, уступая необходимости произнесъ поученіе [2].

«Что мнѣ сказать? что мнѣ произнесть»?—Такъ началъ онъ свое слово къ народу. — «Благословенъ Богъ! такъ говорилъ я, когда удалялся отъ васъ; такъ говорю и теперь, такъ не преставалъ говорить и тамъ. Вы помните, какъ я сказалъ слова Іова: *буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1, 21). Сей залогъ оставилъ я вамъ, и имъ же начинаю теперь благодаренія. *Буди имя Господне благословенно во вѣки!* Различны обстоятельства, но славословіе одно. Я благодарилъ Бога при изгнаніи, благословляю Его при возвращеніи. Различны обстоятельства, но цѣль одна и зимы и лѣта; одна цѣль—плодородіе земли. Благословенъ Богъ, удалявшій меня! Благословенъ Онъ, возвратившій меня! Благословенъ Богъ, попустившій

[1] Сократъ кн. гл. 16. Созоменъ кн. 8, гл. 18.

[2] Сократъ, тамъ же.

на меня бурю и благословенъ Онъ, удалившій ее! Я говорю сіе для того, чтобъ васъ расположить къ благодаренію Бога. Пришло благополучіе, благодари Бога, и благополучіе твердо будетъ. Пришли несчастія,— благодари Бога, и несчастія прекратятся. Іовъ благодарилъ Бога, когда онъ былъ богатъ; и славословилъ Его, когда сталъ бѣденъ. Смотрите, что сдѣлали коварства враговъ: усилили расположеніе, воспламенили усердіе, тысячи пріобрѣли, которые возлюбили меня. Донынѣ меня любили только мои, а теперь и Іудеи меня уважаютъ. Они надѣялись отлучить меня отъ моихъ, но присоединили чужихъ Какой миръ произвели ихъ коварства! Какую приготовили славу! Донынѣ народъ наполнялъ только церковь, а нынѣ всѣ улицы сдѣлались церковію. Нынѣ день играмъ цирка, и нѣтъ тамъ никого; но всѣ, какъ ручьи, стеклись въ церковь — мужья и жены: ибо *во Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. 3, 8). Могу ли изрѣчь могущество Господа»? [1]

На другой день св Златоустъ сказалъ народу болѣе обширное слово, которое, начавъ прекраснымъ сравненіемъ, показалъ, что подвѣдомственную ему церковь Θеофилъ покушался осквернить подобно тому, какъ египетскій царь хотѣлъ оскорбить супругу патріарха Авраама. Потомъ, похваливъ народъ за усердіе и державныхъ за благорасположеніе, прочиталъ предъ народомъ письмо, писанное къ нему императрицею [2]. Народъ, упоенный радостію о его возвращеніи и восхищенный благоволеніемъ къ нему царственныхъ

[1] Злат. томъ III, стр. 424. 425. Чр. 1825 г. част. 4 стр. 299.

[2] Созоменъ, тамъ же

особъ, пришелъ въ такой восторгъ, что своими радостными восклицаніями и рукоплесканіями принудилъ св. Златоуста на половинѣ прекратить свое слово.

Чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи своемъ въ Константинополь, св. Златоустъ просилъ императора, чтобы онъ повелѣлъ собрать многочисленнѣйшій соборъ, на кокоторомъ бы могли быть разсмотрѣны несправедливыя обвиненія противъ него Дубскаго собора, и предъ лицемъ всѣхъ раскрыть его невинность. Императоръ согласился на его желаніе и вскорѣ разосланы были узазы къ епископамъ разныхъ областей съ тѣмъ, чтобы они явились немедленно въ столицу для присутствованія на соборѣ. Вскорѣ 60 благонамѣренныхъ и благорасположенныхъ къ св. Златоусту епископовъ явились, и на общемъ совѣтѣ единодушно признали всѣ дѣйствія Дубскаго собора несправедливыми и потому недѣйствительными и опредѣлили утвердить св. Іоанна во всѣхъ правахъ законнаго епископа [1]. Но св. Златоустъ не довольствовался симъ опредѣленіемъ, а просилъ императора, чтобъ онъ созвалъ для суда надъ нимъ и всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ Дубскомъ, дабы самые обвинители его волею или неволею признали несправедливость своихъ дѣйствій, а его невинность. Указы были посланы къ Ѳеофилу и всѣмъ его соучастникамъ; но они всѣ, угрызаемые упреками совѣсти, а еще болѣе боясь быть постыжденными за свои злонамѣренныя дѣйствія на многочисленномъ соборѣ, всѣ убѣжали изъ Константинополя, даже самъ Ѳеофилъ, не смотря на наступленіе зимы, какъ бѣглецъ, отплылъ въ Алек-

---

[1] Тамъ же гл 19

сандрію[1]. Императоръ посылалъ туда вторично указъ, но онъ не явился[2]. Послѣ сего общее осужденіе пало на Θеофила, и ненависть къ нему сдѣлалась еще сильнѣе[3]. Святый же Златоустъ, послѣ бѣгства враговъ, довольствуясь рѣшеніемъ 60 епископовъ, признавшихъ его невинность и ненарушимость его епископскихъ правъ, сталъ по прежнему священнодѣйствовать, рукополагать, проповѣдывать слово Божіе и дѣлать все, что слѣдуетъ совершать предстоятелямъ[4].

Когда Θеофилъ плылъ въ Александрію, морскія волны случайно занесли его въ Герасъ, небольшой городокъ, отстоявшій стадій на пятьдесятъ отъ Пелузіи. Въ Герасѣ тогда случилось умереть епископу, и граждане рѣшили, чтобы въ ихъ церкви предстоятельствовалъ Нилламонъ, мужъ добрый и восшедшій на высоту иноческаго любомудрія, жившій близъ города, заключившись въ кельѣ и входъ въ нее заградивъ камнями. Такъ какъ Нилламонъ избѣгалъ священства, то Θеофилъ самъ пришелъ къ нему и убѣждалъ его принять рукоположеніе. Но тотъ, отрекаясь нѣсколько разъ и не внимая убѣжденіямъ епископа, наконецъ сказалъ: завтра, если угодно тебѣ, сдѣлаю это; а сегодня позволь мнѣ самому распорядиться собою. На другой день тотъ, по условію, пришелъ и приказывалъ отворить дверь. Но помолимся прежде, сказалъ Нилламонъ, — и Θеофилъ, похваливъ его мысль, сталъ молиться. Между тѣмъ во время молитвы отшельникъ оставилъ земную жизнь, и этого сначала

---

[1] Тамъ же.

[2] Златоустъ въ письмѣ къ Иннок. т. III стр. 518.

[3] Сократъ кн. 3, гл. 17.

[4] Созоменъ, тамъ же.

не зналъ ни Θеофилъ, ни бывшіе съ нимъ и стоявшіе внѣ келліи. Уже подъ конецъ дня, когда онъ не отвѣчалъ на многократные вопросы звавшихъ, люди разобрали лежавшіе передъ дверью камни и нашли его мертвымъ. Такъ умеръ Нилламонъ, если только можно назвать смертію ту смерть, о которой онъ молился и которой просилъ прежде, чѣмъ будетъ ввѣрено ему священство, коего по глубокому смиренію считалъ себя недостойнымъ. Удивительный примѣръ смиренія и безкорыстія, который Господь, по Своей благости, сохранилъ къ этому времени для того, чтобы чрезъ него исцѣлить гордость и честолюбіе Θеофила, и чрезъ это вразумить его;—но, увы! онъ неумѣлъ воспользоваться имъ.

Торжественное возвращеніе св. Златоуста въ Константинополь, дѣйстія Провидѣнія Божія въ защиту невинно гонимаго св. епископа, раскаяніе двора, постыдное бѣгство враговъ, усердіе и восклицанія народныя, все давало право надѣяться на совершенное и продолжительное возстановленіе св. пастыря, на ненарушимый миръ народа и невозмутимое спокойствіе Церкви константинопольской. Но Господь судилъ иначе; Онъ, частію для наказанія грѣховъ обитателей столицы, частію для испытанія вѣры св. Златоуста и его благочестивыхъ друзей, и ихъ покорности судьбамъ Промысла, частію для того, чтобъ представить міру свѣтлый образецъ непобѣдимой силы добродѣтели въ борьбѣ съ препятствіями, попустилъ еще разъ дѣйствовать страстямъ человѣческимъ, и злымъ людямъ оскорбить своего вѣрнаго служителя и своего святителя. Слѣдующій случай послужилъ началомъ къ

новымъ преслѣваніямъ противъ св. Златоуста, которыя навсегда уже отторгли его отъ любимой паствы.

Спустя два мѣсяца по возвращеніи св. Златоуста, въ честь императрицы Евдоксіи воздвигнута была на порфировой колоннѣ серебрянная статуя, одѣтая въ тонкую женскую одежду; эта статуя стояла на высокомъ подножіи, не вдалекѣ отъ церкви, называвшейся Софіею, такъ что ихъ раздѣляла одна средняя дорога площади [3]. Открытіе статуи совершено было въ воскресный день вся площадь покрылась многочисленнѣйшимъ собраніемъ любопытныхъ. Поэтому случаю, для увеселенія народа, устроены были разныя игры, пляски и увеселительныя зрѣлища. Префектъ города, бывши изъ секты манихеевъ, но и несовсѣмъ еще отставшій отъ заблужденій языческихъ, частію потому, чтобъ выказать свое усердіе императрицѣ, частію по нерасположенію къ правовѣрнымъ, до того простеръ свое стараніе о пріумноженіи увеселеній, что допускалъ всѣ роды заблужденій и невоздержанія, которые могли быть терпимы только въ язычествѣ, и многіе изъ христіанъ до того увлекались, вмѣстѣ съ другими иновѣрцами, такими увеселеніями, что, забывъ о правилахъ христіанской нравственности и близости храма Божія, предавались съ самозабвеніемъ всѣмъ родамъ непозволенныхъ удовольствій и безчинныхъ кликовъ. Безчиніе наконецъ зашло такъ далеко, что невозможно было служителю Божію смотрѣть на это безъ сокрушенія сердечнаго. Ревность св. епископа, и его благоговѣніе къ святынѣ храма, въ которомъ совершались божественныя таин-

---

[1] Сократъ тамъ же гл. 18.

ства, не позволяли ему долѣе хранить молчаніе, которое могло показаться для нѣкоторыхъ даже одобреніемъ, или покрайней мѣрѣ снисхожденіемъ къ подобнымъ безпорядкамъ. И вотъ, воодушевленный такою святою ревностію, онъ сказалъ народу слово, въ которомъ горько жаловался на окорбленіе причиненное храму и на неуваженіе даже къ самимъ таинствамъ; сильно нападалъ на нелѣпыя заблужденія, его такъ сильно занимавшія, и обвинялъ не только присутствовавшихъ при сихъ зрѣлищахъ, но и дозволившихъ оныя [1].

Этотъ случай былъ самый благопріятный для враговъ св. Златоуста, чтобъ клеветать на него. Эти люди достойные смерти, по выраженію Палладія, сильно были поражены возстановленіемъ св. Іоанна, однакоже не оставили своихъ злодѣйскихъ намѣреній. Напротивъ ихъ ненависть еще болѣе возбуждена неудачами ихъ предположеній, и тѣмъ что они принуждены были со стыдомъ скрыться и замолчать. И ихъ ненависть, на время затаенная, вскорѣ открылась; обрадованные представившимся случаемъ, враги св. Златоуста спѣшили имъ воспользоваться для его погубленія. Бесѣда противъ увеселеній и торжественныхъ игръ, учрежденныхъ по случаю поставленія статуи императрицѣ, была поводомъ самой безстыдной клеветы на него. Его обвиняли въ гордости и нестерпимой сварливости характера; называли врагомъ счастія народнаго; особенно префектъ-манихеянинъ старался представить его предъ глазами царственныхъ особъ и всего двора въ чертахъ самыхъ безобразныхъ

[1] Тамъ же

и ложныхъ. Онъ указывалъ на него, какъ на человѣка, упоенннаго своимъ вліяніемъ на умы невѣжественной толпы, и такого врага императора, а особенно императрицы Евдоксіи, который нехотѣлъ даже потерпѣть почестей, учрежденныхъ въ честь ея статуи. Это злорѣчіе, эти клеветы, развиваемыя и распространяемыя повсюду врагами святаго, произвели свое дѣйствіе. Они, поколебавъ слабый характеръ Аркадія, возбудили противъ него весь дворъ и возжгли непримиримую вражду въ Евдоксіи. И вотъ приговоръ о погубленіи св. Златоуста снова былъ произнесенъ.

Сократъ, церковный историкъ, говоритъ, что св. Златоустъ, узнавъ о нерасположеніи къ нему императрицы, сказалъ противъ нея ту бесѣду, которая начинается словами: «Иродіада опять бѣснуется, опять возмущается, опять пляшетъ, опять старается получить на блюдѣ главу Іоанна» [1]. Но лучшіе изъ ученыхъ критиковъ почитаютъ невозможнымъ, чтобы сія бесѣда могла быть сказана св. Златоустомъ, потому что она нисколько несогласна съ духомъ его. Какъ сильно ни возгаралась иногда ревность его противъ злоупотребленій; но она всегда обнаруживалась весьма назидательнымъ образомъ для всѣхъ; а эта бесѣда состоитъ въ поношеніи, и потому думаютъ, что она сочинена кѣмъ либо изъ его враговъ въ осужденіе ему.

Но какъ бы то нибыло, враги св. Златоуста, находя при дворѣ сочувствіе своимъ желаніямъ, просили императрицу снова составить соборъ для блага кон-

---

[1] Тамъ же.

стантинопольской Церкви». Евдоксія ходатайствовала за нихъ, Аркадій согласился на составленіе собора, и вскорѣ явились епископы: Леонтій, епископъ анкирскій, Акакій берійскій, и въ слѣдъ за ними всѣ присутствовавшіе на Дубскомъ соборѣ [1]. Ѳеофилъ александрійскій однакоже не явился вмѣстѣ съ другими [2], хотя его ненависть, его изворотливый, лукавый умъ, его познанія необходимы были въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ не смѣлъ явиться въ Константинополь, потому что боялся народа, ненавидѣвшаго его: однакоже, желая удовлетворить своей ненависти противъ Златоуста, послалъ отъ себя, въ видѣ депутатовъ, трехъ епископовъ, которымъ далъ тайныя и подробныя правила, для суда надъ епископомъ константинопольскимъ, по которымъ нѣкогда аріане низвергали св. Аѳанасія [3]. Такъ соборъ нечестивыхъ опять составился, и св. Златоустъ былъ призываемъ на него для отвѣтовъ противъ обвиненій; когда же онъ не хотѣлъ къ нимъ явиться, а между тѣмъ приблизился праздникъ рождества Спасителя, то императоръ, по просьбѣ несправедливыхъ судей, сказалъ ему, что онъ не прежде вступитъ съ нимъ въ молитвенное общеніе, пока онъ, не оправдается противъ дѣлаемыхъ на него обвиненій [4]. Св. Златоустъ обѣщалъ исполнить его желаніе [5].

Вскорѣ за симъ составился соборъ изъ большаго числа епископовъ, пришедшихъ изъ Сиріи, Каппа-

---

[1] Тамъ же. Созоменъ кн. 8, гл. 20.

[2] Палладій, стр. 76.

[3] Тамъ же.

[4] Сократъ, тамъ же.

[5] Палладій, стр. 76—77.

докіи, Понта, Фригіи и другихъ сосѣдственныхъ областей. Къ этому времени прибыли многіе изъ епископовъ, которые знали высокія достоинства св. Златоуста и чтили его. Когда все было готово для суда, св. Златоустъ явился на соборъ, сопровождаемый многими изъ своихъ епископовъ. Обвиненія на него тѣже были представлены, по которымъ судили его и на Дубскомъ соборѣ. Когда же св. Златоустъ сталъ защищаться со всею силою и убѣдительностію невинно обвиняемаго человѣка, тогда враги его, признавая неотразимую силу его доказательствъ въ свое оправданіе, и вмѣстѣ безсиліе и лживость своихъ обвиненій оставивъ все прочее, какъ недѣйствительное, обратили свое вниманіе на одинъ пунктъ, и ставили ему въ вину то, что онъ, низложенный однажды соборомъ, взошелъ опять на епископскій престолъ самовольно, не принесши предварительно оправданія въ сдѣланныхъ на него обвиненіяхъ, а таковый поступокъ осуждается правиломъ одного собора [1]. Правило же, на которомъ они утверждались, состояло въ слѣдующемъ: «если какой епископъ или священникъ, справедливо или несправедливо низложенный, входитъ въ церковь (т. е. вступаетъ въ свои прежнія права) самъ собою, безъ собора, таковый да низвергнется безъ оправданія и совершенно». Но это правило постановлено было не православнымъ соборомъ, но аріанскимъ; ибо аріане, собравшись въ Антіохіи для прекращенія вѣры въ единосущіе, издали такое правило по ненависти къ св. Аѳанасію, чтобъ положить ему этимъ правиломъ преграду къ возвращенію на

[1] Созоменъ, тамъ же.

прежній престолъ [1]. Св. Златоустъ въ оправданіе свое говорилъ, что онъ возстановленъ шестидесятью пятью епископами [2]; и что судъ собора Дубскаго не имѣетъ никакой важности, потому что онъ состоялъ изъ однихъ его враговъ, и потому что онъ не былъ на этомъ соборѣ, не слышалъ никакихъ обвиненій и не дѣлалъ отвѣтовъ; а что онъ изгнанъ былъ только императоромъ, который увлекся несправедливымъ гнѣвомъ, по навѣту враговъ, и имъ же возвращенъ. Наконецъ, говорилъ онъ, и то правило, на основаніи котораго его теперь осуждаютъ, не есть православное, но аріанское, и потому неимѣетъ никакого достоинства на судѣ. Послѣ сего св. Златоустъ оставилъ собраніе [3].

Епископы, знавшіе его высокія добродѣтели, одобрили его отвѣты, и разными восклицаніями удовольствія выразили свои убѣжденія о его невинности. Но враждебные ему епископы не приняли его оправданія и низложили, забывая, что, пользуясь означеннымъ правиломъ, они низлагали вмѣстѣ съ нимъ и Аѳанасія [4]. Свое опредѣленіе они предположили послать на утвержденіе Аркадію, прося его, чтобы онъ удалилъ св. Іоанна изъ Константинополя, какъ уже низложеннаго дважды. Такъ кончился этотъ единственный въ своемъ родѣ соборъ, собранный ненавистью и управляемый страстями.

Между тѣмъ приблизился праздникъ пасхи, страстная недѣля уже оканчивалась, и враги св. Златоу-

---

[1] Сократъ, тамъ же.

[2] Тамъ же.

[3] Ѳеодоритъ кн. 5, гл. 34. Палладій тамъ же.

[4] Сократъ, тамъ же.

ста стали настоятельно просить императора, чтобъ онъ удалилъ его до праздника. Аркадій, увлекаемый настоятельными просьбами враговъ, и возбуждаемый Евдоксіею, рѣшился исполнить ихъ желаніе, и послалъ сказать св. Златоусту, чтобы онъ оставилъ храмъ, и удалился изъ Константинополя, какъ осужденный двумя соборами. Но св. Златоустъ сознавая свою невинность, сказалъ въ отвѣтъ на повелѣніе царя: «я получилъ сію Церковь отъ Бога, чтобы наставлять ее ко спасенію, и потому немогу оставить ее. Если же тебѣ угодно, ты можешь изгнать меня изъ нея силою, ибо она въ твоей имперіи. А безъ того я небуду имѣть извиненія, если оставлю ее» [1]. Аркадій послалъ въ другой разъ съ такимъ же повелѣніемъ, но св. Златоустъ, отвѣтивъ тѣми же словами, продолжалъ свои пастырскія занятія, совершалъ таинства и поучалъ народъ. Такъ какъ наступилъ уже послѣдній день страстной недѣли, то Аркадій, нехотя частію оскорбить святыни дней и наступавшаго великаго праздника, частію боясь возмущенія народнаго, пришелъ въ недоумѣніе, незная, что дѣлать, и поэтому послалъ за Акакіемъ берійскимъ и Антіохомъ птолемаидскимъ. Объяснивъ имъ свои недоумѣнія, онъ спрашивалъ ихъ, какъ ему поступить, предваряя ихъ, что въ случаѣ неблагопріятныхъ послѣдствій, отвѣтственность падетъ на ихъ главу. Эти зложелательные епископы, подобно іудейскимъ первосвященникамъ, говорили: «да обратится на нашу голову его низверженіе».

Между тѣмъ сорокъ два епископа, пребывавшіе

---

[1] Паллад. стр. 81, 82.

въ единеніи съ св Златоустомъ, желая испытать послѣднія усилія къ спасенію его, пошли къ императору и императрицѣ, находившимся въ это время въ церкви Мучениковъ, за стѣнами городскими. Тамъ, павши къ ихъ ногамъ, со слезами на глазахъ, умоляли ихъ пощадить Церковь Христову и возвратить ей ея пастыря ради праздника пасхи и ради готовившихся воспринять таинство крещенія. Но ихъ мольбамъ не внимали. Видя это, одинъ изъ нихъ сталъ угрожать императрицѣ. «Побойся Бога, говорилъ онъ ей, устрашись Его праведнаго гнѣва; сжалься надъ своими дѣтьми и не оскверняй праздника Господня пролитіемъ крови». Послѣ сего съ скорбію въ сердцѣ они возвратились въ церковь, гдѣ находился и св. Златоустъ; за ними вошли въ храмъ вооруженные воины, изгнали изъ храма св. патріарха въ домъ его; за нимъ послѣдовали и другіе епископы, и весь народъ, устрашенный дерзостью воиновъ, въ ужасѣ разбѣжался. Церкви опустѣли. Когда наступила ночь, пресвитеры константинопольскіе, и нѣкоторые епископы, остававшіеся вѣрными своему епископу, собрались въ общественныхъ крещальняхъ, чтобъ тамъ провести, по обычаю, пасхальную ночь въ молитвахъ, чтеніи священнаго Писанія и крещеніи новопросвѣщаемыхъ. Къ нимъ собралось множество народа, какъ для празднованія пасхи, такъ и для крещенія; здѣсь можно было видѣть лица всякаго званія, возраста, пола и состоянія. Антіохъ, Акакій и Севиріанъ, узнавъ объ этомъ, просили военачальника, чтобъ онъ разсѣялъ это собраніе. Но военачальникъ отказывался, говоря, что теперь ночь, народъ сильно раздраженъ, и можетъ произойти смятеніе. Акакій же ему говорилъ: «церкви

опустѣли, и мы боимся, чтобы императоръ, пришедши въ храмъ и не видя тамъ никого, не подумалъ, что народъ не пришелъ по любви къ Іоанну, и по ненависти къ нимъ. Военачальникъ, уступая ихъ усильнымъ просьбамъ, далъ имъ одного изъ подчиненныхъ себѣ начальниковъ, язычника, по имени Люцiя, съ находившимся подъ его распоряженiемъ отрядомъ воиновъ; но отпуская его, онъ приказывалъ ему, чтобы онъ не употреблялъ насилiя, а кротко убѣждалъ народъ идти въ церковь. Люцiй отправился туда съ намѣренiемъ въ точности исполнить приказанiе начальника, и кротко убѣждалъ народъ идти въ церкви; но народъ его не слушалъ. Не желая употребить насилiя, онъ возвратился къ Акакiю, сказывая ему, что народъ сильно раздраженъ и сильно упорствуетъ въ своемъ намѣренiи, такъ что безъ строгихъ мѣръ ничего съ нимъ нельзя сдѣлать. Они, давая ему золото и обѣщая ходатайствовать за него предъ высшими начальниками, просили его возвратиться опять туда, и, какими знаетъ средствами, только бы привелъ народъ въ церковь, или, по крайней мѣрѣ, разсѣялъ его. Люцiй, сопровождаемый нѣкоторыми лицами изъ клира сихъ епископовъ, опять возвратился къ собранiю уже въ девять часовъ вечера. Четыреста отборныхъ воиновъ, отважныхъ до дерзости, слѣдовали за нимъ съ мечами въ рукахъ. Они съ разу ворвались въ средину собранiя и стали разгонять народъ, махая во всѣ стороны обнаженными мечами. Самъ Люцiй подошелъ къ крещальнѣ, чтобъ воспрепятствовать совершенiю таинства, и съ такою силою толкнулъ дiакона, что тотъ розлилъ священное мvро. Пресвитеровъ, стоявшихъ въ облаченiи, били и изгоняли

вонъ, забывъ о томъ почтеніи, которое внушали ихъ санъ и старческія лѣта; въ самой крещальнѣ даже пролита была кровь. Женщины, готовившіяся къ воспріятію крещенія, боясь быть убитыми, или обезчещенными, бѣжали полунагія отъ сихъ дерзкихъ злодѣевъ, не имѣя времени прикрыться, какъ того требовала благопристойность; а нѣкоторыя даже были сильно ранены. Слышались по всюду крики, вопли и рыданія бѣдныхъ женъ и ихъ дѣтей; священники и діаконы, насильственно изгоняемые, убѣгали въ своемъ священномъ облаченіи. Воины, изъ коихъ многіе еще были не крещены, вторгались въ самое святилище, въ которомъ хранились св. тайны, съ дерзостію разсматривали и касались самыхъ таинственныхъ и самыхъ священныхъ предметовъ, самыя одежды ихъ обагрились Божественною кровію Господа Іисуса. Священниковъ и діаконовъ заключали въ темницу; мірскихъ людей, сохранявшихъ уваженіе къ святому епископу, изгоняли вонъ изъ города; повсюду разносились объявленія, въ которыхъ грозили жестокимъ наказаніемъ тѣмъ, которые не хотѣли отказаться отъ общенія съ св. Златоустомъ. Такимъ образомъ темницы наполнились исповѣдниками, которые и тамъ не переставали воспѣвать псалмопѣнія и пѣсни духовныя, и чрезъ то мѣста заключенія обращали въ храмы, тогда какъ св. церкви въ самый день пасхи оставались пустыми. Но, кромѣ заключенія, приверженныхъ къ св. Златоусту подвергали разнымъ пыткамъ и мученіямъ, которыми хотѣли ихъ принудить произнесть проклятіе на своего пастыря. И враги его тѣмъ болѣе употребляли усилій и притѣсненій, чѣмъ многочисленнѣе составлялись собранія. Со вре-

мени изгнанія изъ общественной крещальни, друзья св. Златоуста собирались для молитвы за городскими воротами въ томъ мѣстѣ, которое царь Константинъ, еще до построенія города, очистилъ для конскаго ристалища и обнесъ деревянными стѣнами. Когда же и отсюда были вытѣснены, то уже не имѣли опредѣленнаго пристанища, а собирались то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, гдѣ находили болѣе удобства и безопасности [1].

Со времени своего изгнанія изъ церкви, св. Златоустъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ не выходилъ никуда изъ своего дому, пока не получилъ царскаго указа—отправиться въ ссылку [2]. Въ это время враги много разъ покушались лишить его жизни. Однажды поймали съ кинжаломъ одного бѣсноватаго или притворявшагося бѣсноватымъ, и открыли, что онъ готовился убить св. Іоанна, но еще не исполнилъ своего замысла. Такъ какъ народъ призналъ его подкупленнымъ для такого поступка, то онъ приведенъ былъ къ префекту. Однако же св. Іоаннъ послалъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ съ нимъ епископовъ и освободилъ его, прежде чѣмъ онъ подвергнутъ былъ казни. Вскорѣ послѣ сего слуга пресвитера Элпидія, который былъ явнымъ врагомъ св. Златоуста, торопливо вбѣжалъ въ епископскій домъ. Но кто-то изъ случившихся тутъ въ сію минуту, узнавъ его остановилъ и спрашивалъ о причинѣ поспѣшности. Но убійца, ничего не отвѣчая, вдругъ поразилъ кинжаломъ сперва этого самого человѣка, затѣмъ другаго, который, увидѣвъ

---

[1] Созоменъ кн. 8, гл. 21.
[2] Сократъ кн. 6, гл. 18.

первый ударъ, закричалъ, а наконецъ кромѣ ихъ и третьяго. Когда же бывшіе тутъ подняли шумъ и крикъ,—онъ воротился назадъ и убѣжалъ. Однакоже его преслѣдовали и преслѣдовавшіе кричали передъ нимъ, чтобы схватили бѣгущаго. Поэтому кто-то, вымывшись въ банѣ и возвращаясь назадъ, схватилъ его, но бывъ смертельно раненъ, палъ мертвымъ. Наконецъ онъ былъ окруженъ и, едва схваченный народомъ, отведенъ во дворецъ. Тогда всѣ увидѣли въ этомъ умыселъ враговъ св. Златоуста, и съ тѣхъ поръ преданнѣйшіе изъ народа стерегли его днемъ и ночью, поочередно окружая домъ епископскій [1].

Враги св. Златоуста, раздражаемые такими знаками народной любви къ нему, и сожигаемые враждебнымъ желаніемъ скорѣе видѣть его въ изгнаніи, говорили императору, что спокойствіе въ народѣ не можетъ быть возстановлено, пока виновникъ всѣхъ безпокойствъ будетъ находиться въ городѣ, и что за справедливость произведеннаго надъ нимъ суда они берутъ на себя отвѣтственность [2]. Это предложеніе императору сдѣлано было спустя пять дней послѣ пятьдесятницы, 5-го іюня 404-го года. Акрадій обманутый лживыми судіями, 20-го числа того мѣсяца [3] отправилъ къ Златоусту чиновника съ имяннымъ повелѣніемъ немедленно оставить городъ и отправиться въ ссылку.

Св. Златоустъ, не желая противиться волѣ царской, оставилъ домъ епископскій и вышелъ въ цер-

---

[1] Созоменъ тамъ же гл. 21, 22.

[2] Тамъ же.

[3] Сократъ тамъ же.

ковь. Пригласивъ съ собою своихъ друзей епископовъ, сказалъ имъ: «помолимся и простимся съ Ангеломъ сей церкви». Въ это время нѣкто изъ благочестивыхъ и богобоязненныхъ лицъ совѣтовалъ ему выдти тайно, дабы непроизошло новаго какого либо бѣдствія; ибо народъ, проникнутый скорбію разлуки и раздраженный противъ враговъ Златоуста, при видѣ взятія его подъ стражу, могъ возмутиться и вступить въ борьбу съ воинами. Св. изгнанникъ принялъ этотъ совѣтъ и сталъ прощаться съ епископами. Прощаясь съ нѣкоторыми, онъ цѣловался: но скорбь разлуки съ святилищемъ, съ друзьями, съ паствою, такъ сильно потрясли его душу, что онъ залился слезами, и уже не могъ всѣмъ оказать подобнаго знака духовнаго братскаго общенія; но уходя, сказалъ только имъ: «пребывайте въ единеніи мира, а я иду немного отдохнуть». Потомъ зашелъ въ притворъ крещальный, позвалъ къ себѣ Олимпіаду и нѣкоторыхъ другихъ діакониссъ, и, прощаясь съ ними, сказалъ: «конецъ мой, кажется, приблизился; я кончилъ свое дѣло, и вы можетъ быть уже не увидите болѣе моего лица. Но я васъ прошу, продолжайте служить Церкви съ такою же ревностію, съ такимъ же усердіемъ, какъ служили при мнѣ. И если хотите, чтобы и вамъ Господь оказалъ Свое милосердіе, воспоминайте обо мнѣ въ своихъ молитвахъ». Эти благочестивыя вдовы, прощаясь съ нимъ, обняли ноги его и залились слезами; но св. Златоустъ одному пресвитеру приказалъ отвесть ихъ въ уединенное мѣсто, чтобы это плачевное зрѣлище не возмутило болѣе народа. Такъ простившись со всѣми, онъ вышелъ изъ церкви съ восточной стороны, тогда какъ съ западной стороны предъ главнымъ

входомъ держали лошадь совершенно готовую къ отъѣзду; такъ было сдѣлано для того, чтобъ отклонить вниманіе народа, ожидавшаго его выхода. Чиновникъ, присланный для отправленія его, сѣлъ съ нимъ на судно и переправился въ Виѳанію, и тамъ въ городѣ Никеѣ св. изгнанникъ пробылъ до 4-го числа іюля.

Но лишь только коснулись слуха народнаго слова, *патріарха ужь нѣтъ*, — скорбь и гнѣвъ овладѣли всѣми; весь городъ пришелъ въ сильное волненіе: вопль, плачь и рыданія осиротѣвшей паствы, проклятіе врагамъ, благословеніе удалившемуся, все это сливалось вмѣстѣ; городъ представлялъ изъ себя въ это время плачевное и страшное зрѣлище. Одни устремились къ морю съ мыслію, какъ бы остановить удалявшагося пастыря, другіе убѣгали въ свои домы, опасаясь какихъ либо строгихъ мѣръ со стороны царя для усмиренія волненія народнаго, иные же, какъ оцѣпенѣвшіе, стояли неподвижно на одномъ мѣстѣ. Христіане и язычники, іудеи и еретики, друзья и враги св. Златоуста стояли теперь вмѣстѣ; одни издавали крики радости объ удаленіи ихъ строгаго обличителя, другіе испускали вопли скорби о потерѣ отца, всѣ дышали ненавистію одинъ противъ другаго и выражали свои чувства въ дерзкихъ насмѣшкахъ и грубыхъ оскорбленіяхъ. Наконецъ между враждовавшими завязалась сильная борьба, слѣдствіемъ которой было страшное кровопролитіе. Но борьба еще не кончилась, какъ вдругъ, неизвѣстно почему и отъ чего, епископская каѳедра, стоявшая среди соборнаго храма, съ которой такъ часто св. Златоустъ поучалъ народъ, объята была пламенемъ. Огонь быстро распространился по всему храму, потомъ обхватилъ и всѣ принадлежав-

шія церкви зданія, и въ самое короткое время все было истреблено разрушительною силою пожара. Отъ церкви движеніемъ сильнаго вѣтра пламя перенеслось на обширнѣйшее зданіе сената; и все это великолѣпное зданіе, не болѣе, какъ въ три часа времени, обращено было въ пепелъ [1]. Это несчастіе, случившееся въ такихъ обстоятельствахъ, обратило на себя вниманіе всѣхъ; каждый разсуждалъ о семъ событіи сообразно съ своими чувствами, которыми воодушевлялся. Друзья св. Златоуста смотрѣли на это событіе, какъ на казнь, ниспосланную правосудіемъ Божіимъ за совершенное злодѣяніе; но враги св. изгнанника почитали виновниками этого бѣдствія друзей его [2].

Префектомъ города былъ язычникъ, и онъ воспользовался этимъ случаемъ къ выраженію своей ненависти, которую питалъ къ христіанамъ. Этотъ человѣкъ, жестокій по природѣ, еще болѣе увлекаемый фанатизмомъ въ пользу язычества, привелъ въ дѣйствіе всѣ орудія казни для открытія мнимыхъ виновниковъ пожара между христіанами [3]. Съ этою цѣлію воины бѣгали по улицамъ и всѣхъ, кто попадался изъ христіанъ, брали и заключали въ темницу. Но чтобы составить себѣ понятіе о той жестокости, съ которою производился судъ надъ несправедливо подозрѣваемыми христіанами, укажемъ на нѣкоторые случаи, упоминаемые Созоменомъ. Въ числѣ многихъ взятъ былъ нѣкто Евтропій чтецъ. Чтобы принудить его сказать о виновникахъ пожара, его терзали бичами,

[1] Сократъ, тамъ же. Созоменъ, тамъ же. Палладій, тамъ же, стр. 91, 92.

[2] Созоменъ и Сократъ, тамъ же.

[3] Тамъ же.

палками и ногтями по ребрамъ и щекамъ, и кромѣ того онъ переносилъ жженіе тѣла посредствомъ горящаго факела; но, при всей молодости и нѣжности, свидѣтельствовалъ, что ничего не знаетъ. Послѣ такихъ мученій онъ заключенъ былъ въ темницу, гдѣ скоро и скончался. Среди этихъ мученій мужественною явилась и діаконисса Олимпіада; ибо когда потому же дѣлу она приведена была въ судилище, то на вопросъ префекта, зачѣмъ зажгла она церковь, отвѣчала: не такова цѣль моей жизни; напротивъ огромное свое состояніе я употребила на обновленіе храмовъ Божіихъ.—Знаю я жизнь твою, сказалъ префектъ. — Такъ стань на мѣсто обвинителя, сказала она, и пусть другой разсудитъ насъ. — Но поелику обвиненіе было безъ доказательствъ; то префектъ, не находя, за что можно было бы справедливо ее порицать, сталъ кротче, и не сдѣлавъ ей ничего непріятнаго, отпустилъ; но на другой день, призвавъ ее, присудилъ къ большому денежному взысканію съ нея. Въ это же время и пресвитеръ Тигрій, обнаженный, нещадно бичуемый, связанный по рукамъ и ногамъ и потомъ растянутый, доведенъ былъ до разслабленія членовъ [1]. Впрочемъ всѣ сіи истязанія производились сколько по подозрѣнію въ поджигательствѣ, столько же и за уклоненіе отъ общенія съ епископомъ Арзакіемъ, преемникомъ св. Златоуста. Невозможно описать всѣхъ страшныхъ произшествій, бывшихъ тогда въ городѣ: смятеніе и безпорядокъ царствовали во всѣхъ частяхъ его; клеветы съ одной стороны, и плачь и рыданіе съ другой; радость не-

---

[1] Созоменъ, тамъ же гл. 24.

честивыхъ язычниковъ и Іудеевъ, торжество еретиковъ, злоумышлявшихъ противъ правовѣрныхъ, ясно высказывались при всякомъ случаѣ; церкви были въ запустѣніи; богослуженіе совершалось съ небреженіемъ, на священную каѳедру никто не входилъ для назиданіе народа; благоговѣйные мужи и жены принуждены были собираться для общественныхъ молитвословій въ загородныхъ уединенныхъ мѣстахъ или селеніяхъ. Бѣдные оставались безъ помощи, больныхъ никто не утѣшалъ, слабыхъ не поддерживалъ, народъ оставался безъ руководителя, блуждалъ, какъ стадо безъ пастыря. Тысячи умилительныхъ молитвъ, тысячи болѣзненныхъ стенаній постоянно возносились къ Господу о благоденствіи св. епископа, преслѣдуемаго и изгнаннаго. Еще неизвѣстно было, что дѣлалось съ св. изгнанникомъ, а св. Златоустъ, оторванный отъ любимой паствы, изнуренный сердечною скорбію за бѣдствующій народъ, по кроткій и покорный волѣ Промысла, оставилъ Никею, чтобъ начать снова трудный путь изгнанія и страданій до самой смерти. Пойдемъ за нимъ среди пустынь до самаго мѣста заточенія. На этомъ пути мы увидимъ, что онъ собственнымъ примѣромъ подтверждаетъ тѣ уроки святой ревности любви и терпѣнія, которые онъ преподавалъ своей паствѣ во дни благоденствія.

ГЛАВА VI.

(404—407 г.)

Буря устремившаяся на св. Златоуста, клеветы, его омрачавшія, разныя несправедливости, претерпѣнныя имъ, гоненія отъ враговъ, скорбь друзей, огорчали его, но не могли ни сразить его непоколебимаго мужества, ни возмутить мира душевнаго. Покорный и вполнѣ преданный волѣ Божіей, онъ хранилъ смиренное молчаніе, благоговѣйно чтя неисповѣдимые пути Промысла. Онъ уже давно принесъ въ жертву Богу свои личныя достоинства, свои богатства, свою славу, свою жизнь и свою волю; давно предвидѣлъ случившіяся событія, и къ нимъ былъ уже приготовленъ сердечною молитвою, а особенно размышленіемъ о примѣрахъ святой жизни великихъ подвижниковъ. Во время самой сильной бури, когда грозы неслись на него со всѣхъ сторонъ, когда весь дворъ дышалъ противъ него гнѣвомъ, онъ спокойно утѣшалъ своихъ друзей и старался укрѣпить въ нихъ мужество въ несчастіяхъ. Для меня, говорилъ онъ, нѣтъ несчастія, кромѣ грѣха. Если императрица захочетъ сослать меня, пусть сошлетъ, меня это не страшитъ; земля и вся вселенная принадлежитъ Богу. Если повелитъ распилить, я умру, какъ умеръ св.

пророкъ Исаія; велитъ бросить въ море, я найду для себя утѣшеніе въ жизни пророка Іовы; ввергнетъ въ раскаленную печь, я вспомню о трехъ святыхъ отрокахъ вавилонскихъ; отдастъ на съѣденіе звѣрямъ, то я уподоблюсь Даніилу, вверженному въ ровъ львиный; побьетъ ли камнями; но это казнь св. архидіакона Стефана, перваго изъ мучениковъ христіанскихъ; если она захочетъ меня обезглавить, я охотно преклоню главу свою, воодушевляемый примѣромъ св. Іоанна Крестителя; если восхитить мое имущество, я скажу вмѣстѣ съ Іовомъ: я вышелъ нагъ изъ чрева мотери моей, нагъ возвращусь и въ землю. Я не боюсь никакого несчастія на землѣ, и не желаю никакого блага, я одного боюсь, прогнѣвать Бога неисполненіемъ своихъ обязанностей. Я могъ бы пріобрѣсть дружбу двора, еслибы захотѣлъ измѣнить истинѣ и Церкви, но св. Апостолъ мнѣ этѣ запрещаетъ словами: *или ищу человѣкомъ угождати; аще бо быхъ еще человѣкамъ угождалъ, Христовъ рабъ не быхъ убо былъ* (Галат. 1, 10).

Мы сказали уже, что св. Златоустъ отведенъ былъ сначала въ Никею, въ Виѳиніи. Во время своего пребыванія здѣсь, онъ менѣе думая о своихъ несчастіяхъ, чѣмъ о славѣ Божіей и спасеніи душъ, занимался благоустроеніемъ церкви финикійской, изъ которой изгналъ идолопоклонство. Онъ писалъ Констансу, который туда посланъ былъ миссіонеромъ, чтобы онъ неослабѣвалъ въ своей ревности по причинѣ настоящихъ обстоятельствъ. Кормчій, писалъ онъ ему, не уходитъ съ своего мѣста по причинѣ возставшей бури; врачь не оставляетъ больнаго потому, что онъ слабо поправляется; но напротивъ тотъ и другой въ по-

добныхъ обстоятельствахъ усиливаютъ свои попеченія, труды и бодрствованіе. И ты подражай ихъ примѣру и помышляй о тѣхъ наградахъ, которыя тебѣ Господь уготовляетъ. Посылаю къ тебѣ одного монаха, котораго я извлекъ изъ его уединенія въ Никеѣ; онъ будетъ для тебя добрымъ помощникомъ въ богоугодномъ дѣлѣ. Сообщи мнѣ, въ мѣсто моего заключенія, о числѣ церквей тобою утвержденныхъ, о степени развитія благочестія въ сихъ областяхъ и о всемъ, что̀ касается распространенія вѣры, не только въ Финикіи, но и въ Аравіи и другихъ пограничныхъ провинціяхъ восточной имперіи [1]. Какое спокойствіе въ несчастіяхъ, какая удивительная ревность среди обстоятельствъ, слишкомъ способныхъ разслабить ее!

Между тѣмъ прибыло повелѣніе отъ императора, и св. Златоустъ узналъ, что мѣстомъ его ссылки, по указанію самой императрицы [2], назначается Кукузъ. Этотъ городокъ, уже прославленный пребываніемъ въ немъ Павла, архіепископа константинопольскаго, котораго тамъ аріане за непоколебимое исповѣданіе вѣры удушили,—расположенъ былъ въ Арменіи, среди дикихъ и холодныхъ холмовъ, на разстояніи восмидесяти дней пути отъ Константинополя. Этотъ небольшой городокъ былъ, такъ сказать, совершенно отдѣленъ отъ остальной части міра,—и лишенъ былъ вообще всѣхъ удобствъ жизни. Зима тамъ была почти безпрерывная, а земля такъ безплодна, что жители, при большихъ усиліяхъ, едва могли извлекать изъ нея самое необходимое для жизни. Къ страшнымъ

---

[1] Злат. том. 3, письмо 54, 76.

[2] Злат. письмо 11.

неудобствамъ жизни здѣшней присоединялось еще то, что сія страна часто подвергалась опустошительнымъ набѣгамъ Исавряпъ, народа дикаго и жестокаго. Они, выходя изъ ущелій горы Тавра, обыкновеннаго мѣста своего пребыванія, появлялись въ городѣ и окрестныхъ селеніяхъ большею частію тогда, когда ихъ меньше всего ожидали, быстро нападали со всѣхъ сторонъ и, произведши страшное опустошеніе и убійства, убѣгали и опять скрывались въ своихъ неприступныхъ ущеліяхъ. Но св. епископъ со всею покорностью выслушалъ повелѣніе, назначавшее ему мѣсто ссылки. Въ минуту своего отъѣзда онъ написалъ письмо своей духовной дочери, блаженной Олимпіадѣ. Въ этомъ письмѣ онъ проситъ ее не безпокоиться относительно его путешествія. «Тѣло у меня здорово, писалъ онъ ей,—и придало себѣ большія силы; воздухъ обошелся со мною хорошо; ведущіе меня въ изгнаніе оказываютъ мнѣ всевозможное попеченіе, заботятся о моемъ спокойствіи больше, нежели сколько я хочу» [1]. Воины, сопровождавшіе его изъ Никеи, такъ были внимательны, и столь глубокое уваженіе питали къ нему, что почитали себя счастливыми, имѣя возможность служить ему [2]. Но усталость и утомленіе отъ труднаго и продолжительнаго пути, нестерпимый жаръ дневной, изнурительная безсонница, недостатокъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей, совершенное отсутствіе врачебной помощи, повергли его въ такую сильную лихорадку, что онъ едва достигъ Кесаріи уже, какъ самъ говорилъ, до

[1] Издан. 1853 г. въ рус. перев. къ Олимпіадѣ, письмо 10.
[2] Тамъ же письмо 11.

чрезвычайности утомленный, исчахшій, находясь въ самой высшей степени огненной лихорадки, почти мертвый. Но лишь только прибылъ онъ въ городъ, встрѣченъ былъ самыми живыми знаками искренняго радушія: его окружили духовенство, монахи, дѣвственницы и весь народъ, и наперерывъ другъ передъ другомъ старались выразить предъ нимъ знаки глубочайшаго своего уваженія и искреннѣйшей любви, съ рабскою покорностью служили ему, всевозможно старались доставить все нужное къ его успокоенію и утѣшенію. Приглашены были также къ нему самые искусные врачи, которые частію своимъ знаніемъ, а еще болѣе дружественнымъ участіемъ, скоро подали ему хорошую помощь, и онъ мало по малу сталъ укрѣпляться въ своемъ здоровьѣ [1]. Окруженный такими знаками нѣжной попечительности, св. Златоустъ надѣялся отдохнуть въ Кесаріи нѣсколько дней, пока силы совершенно укрѣпятся; но надежды его не сбылись. Провидѣніе готовило ему сильнѣйшія скорби со стороны тѣхъ, которые должны бы были принять его съ искреннѣйшею любовію, и возлить на раны его душевныхъ скорбей елей сострадательности и дружественнаго участія.

Въ это время въ Кесаріи каппадокійской, вмѣсто св. Василія великаго, архіепископскую каѳедру занималъ епископъ Фаретрій, слишкомъ непохожій на своего предшественника не только познаніями, но, и еще болѣе, благочестіемъ, справедливостью и христіанскою любовію. Онъ принадлежалъ къ числу враговъ св. Златоуста, и давно уже непріязненно дѣйствовалъ

---

[1] Тамъ же письмо 14.

противъ него, признавая все законнымъ и справедливымъ, что совершено было на соборѣ Дуба. Съ завистью смотря на почести и усердіе народа и духовенства кесарійскаго къ знаменитому изгнаннику, онъ этимъ еще болѣе ожесточился противъ него и сдѣлался исполнителемъ мстительности враждебныхъ епископовъ, несправедливо его обвинившихъ. Никто, конечно, не могъ описать такъ живо всѣхъ скорбей, которыя вытерпѣлъ св. Златоустъ при проѣздѣ чрезъ Кесарію, какъ онъ самъ. Итакъ выпишемъ нѣкоторыя мѣста изъ 14-го его письма къ Олимпіадѣ, въ которомъ онъ все это описываетъ. Подавъ утѣшеніе этой благочестивой женѣ, скорбѣвшей о постигшей его участи, и выразивъ ей свое желаніе хранить въ тайнѣ подробности окружающихъ его скорбей, продолжаетъ:—«Не огорчайся много тѣмъ, что я тебѣ разскажу: напротивъ радуйся о Господѣ. Всѣ скорби и гоненія, которыя я долженъ былъ вытерпѣть отъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ менѣе всего могъ ожидать этого, даютъ мнѣ случай заслужить прощеніе грѣховъ; скажу еще болѣе, — въ этомъ мои побѣдныя пальмы, мои вѣнцы, мои безчисленныя богатства, мое безсмертное сокровище. Избѣжавъ отъ рукъ Галатянина [1], который угрожалъ мнѣ почти смертію, я готовился вступить въ предѣлы Каппадокіи, но на дорогѣ многіе встрѣтили меня и говорили, что епископъ Фаретрій ожидаетъ меня съ нетерпѣніемъ, ищетъ по всѣмъ путямъ, чтобъ имѣть удовольствіе обнять меня и оказать всѣ знаки всевозможнаго по-

---

[1] Здѣсь, кажется, разумѣется Леонтій, архіепископъ города Анкиры въ Галатіи, бывшій въ числѣ первѣйшихъ враговъ св. Златоуста.

ченія и любви, и съ этимъ намѣреніемъ онъ послалъ ко мнѣ на встрѣчу множество монаховъ и монахинь. Зная хорошо, какія чувства питалъ ко мнѣ Фаретрій, я чрезвычайно былъ удивленъ этимъ; впрочемъ никому не выразилъ своей недовѣрчивости къ словамъ говорившихъ. Наконецъ я достигъ Кесаріи; но я былъ чрезвычайно утомленъ и изнуренъ до изнеможенія продолжительностью пути, нестерпимымъ жаромъ солнечныхъ лучей; невыносимый жаръ лихорадки, достигшей высшей степени своего развитія, такъ сильно сожигалъ меня, что я испытывалъ муки предсмертныхъ страданій. Я остановился на концѣ города; спѣшилъ найти какую либо помощь, спрашивалъ лекаря, который бы могъ погасить эту печь, которая палила меня, но не находилъ. Наконецъ Богъ сжалился надо мною: вскорѣ меня обступили весь клиръ, народъ, иноки, инокини, врачи, всѣ спѣшили помочь мнѣ, всѣ старались оказать мнѣ какую либо услугу. Жаръ лихорадки, пожигавшій меня и доводившій до чрезвычайнаго изнеможенія наконецъ, при содѣйствіи врачей и отраднаго участія окружавшихъ меня, мало по малу сталъ утихать и ослабѣвать. Но Фаретій не являлся, а нетерпѣливо ожидалъ только моего выхода, и я никакъ немогъ понять этому причины. Когда я почувствовалъ, что болѣзнь моя стала проходить, я сталъ помышлять о дальнѣйшемъ путешествіи въ Кукузъ. Мнѣ хотѣлось сколько можно скорѣе прибыть туда, чтобы насладиться необходимымъ отдохновеніемъ послѣ тревогъ и безпокойствъ моего труднаго путешествія. Когда я занятъ былъ такими мыслями, вдругъ разнесся слухъ,—вооруженные Исавряне расхищаютъ окрестности Кесаріи, и уже одно важное

мѣстечко истребили, предавъ все огню и мечу.—Трибунъ, взявъ воиновъ, какіе у него были, вышелъ изъ Кесаріи, чтобъ защитить ее отъ нападеній враговъ. Всѣ жители пришли въ чрезвычайный страхъ. Молодые люди присоединялись къ вооруженнымъ воинамъ, а старики оставались охранять стѣны. Ночь прошла въ страхѣ и трепетѣ. Впрочемъ я былъ покоенъ, во всемъ предаваясь въ волю Божію; но думая только о нападеніи Исавряпъ, я не ожидалъ удара съ противоположной стороны. Каково же было мое удивленіе, когда на разсвѣтѣ дня окружило мой домъ множество монаховъ, съ яростію кричали и угрожали, что сожгутъ его, обратятъ въ пепелъ, и причинятъ всевозможное мнѣ зло, если я не выйду изъ города. Напрасно говорили имъ о жалкомъ состояніи моего разстроеннаго здоровья, объ опасности попасть въ руки враговъ: ничто не могло ихъ утишить. Мои преторіанцы, устрашенные, прибѣжали ко мнѣ и умоляли скорѣе выйти изъ города, чтобъ только избѣжать ярости сихъ дикихъ звѣрей, не смотря на то, что намъ предстояла опасность впасть въ руки Исаврянъ. Когда слухъ о семъ дошелъ до губернатора, онъ поспѣшилъ къ моей квартирѣ, желая мнѣ помочь. Но и его убѣжденія не тронули ихъ: не находя послѣ сего никакихъ средствъ къ устроенію спокойствія, онъ послалъ къ Фаретрію и убѣждалъ его, чтобы онъ далъ мнѣ хотя нѣсколько дней сроку, какъ ради болѣзни моей, такъ и ради окружавшихъ опасностей. Но его просьба осталась безъ отвѣта, на другой день монахи приступили еще съ большимъ неистовствомъ, съ большею яростью. Съ этой минуты я уже не видѣлъ ни одного священника. Всѣ открыто говорили, что все

это дѣлается по мысли епископа Фаретрія, и самые смѣлые изъ пресвитеровъ скрылись, не смѣя болѣе посѣщать меня: никто послѣ сего не хотѣлъ подать мнѣ сего утѣшенія, не смотря на мои смиренныя просьбы. Итакъ я рѣшился отправиться, и хотя я былъ убѣжденъ, что иду на явную смерть, однако же въ самый полдень бросился на носилки, и вышелъ изъ города. Весь народъ плакалъ, рыдалъ, проклиналъ виновника моихъ несчастій; всѣ сокрушались и проливали слезы».

«Вскорѣ по выходѣ моемъ изъ города, нѣкоторые изъ клириковъ вышли тайно и шли со мною, выражая знаки самой искренней и нѣжной любви. Я слышалъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ разговаривали между собою обо мнѣ: «куда вы ведете его на явную смерть»? Но одинъ клирикъ, больше всѣхъ любившій меня, подошелъ ко мнѣ, и сказалъ: «иди, умоляю тебя; попадись ты Исаврянамъ, только избавься отъ насъ: ибо куда бы ты ни попалъ, ты вездѣ будешь безопаснѣе, если только уйдешь отъ нашихъ рукъ».

«Между тѣмъ среди множества знавшихъ меня нашлась одна благородная особа, Селевкія, жена министра Руфина, которую я зналъ, и которая уже много оказала мнѣ услугъ. Тронутая состраданіемъ, при видѣ окружавшихъ меня бѣдствій и угрожавшихъ мнѣ опасностей, пригласила меня на время удалиться въ одинъ изъ ея домовъ, находившійся въ ея селеніи, отстоявшій отъ Кесаріи на пять миль; дала мнѣ также вѣрныхъ проводниковъ, и я туда удалился съ сопровождавшими меня воинами. Но несчастія мои этимъ не кончились, гоненія враговъ преслѣдовали меня и въ этомъ смиренномъ уединеніи».

«Лишь только Фаретрій узналъ о мѣстѣ моего пребыванія, сталъ дѣлать страшныя угрозы этой благочестивой женѣ, доставлявшей мнѣ успокоеніе. Но я ничего такого не зналъ: Селевкія не говорила мнѣ объ этомъ; напротивъ приказала своимъ слугамъ предпринять всѣ средства къ моему успокоенію; даже приказала управителю собрать поселянъ изъ другихъ селеній на тотъ случай, если придутъ для возмущенія моего спокойствія, и отразить ихъ силою оружія».

«На третій день послѣ сего, Селевкія, заботясь о моемъ благосостояніи, тогда какъ я ничего не зналъ, просила меня удалиться въ одну изъ ея деревень, въ которой былъ укрѣпленный замокъ, прибавляя, что это мѣсто будетъ болѣе прилично для моего помѣщенія и удобно для успокоенія; но такъ какъ я не имѣлъ надлежащаго понятія о происходившемъ внѣ моего жилища, а между тѣмъ былъ доволенъ своимъ помѣщеніемъ, то отказался отъ сдѣланнаго ею предложенія. Между тѣмъ мои гонители не удовольствовались своимъ бѣшенствомъ противъ меня. Фаретрій съ страшными угрозами сталъ требовать отъ Селевкіи, чтобы она выгнала меня вонъ изъ своего дому. Эта благоговѣйная жена, не имѣя силъ болѣе противиться ему, рѣшилась отпустить меня на произволъ судьбы. Но не смѣя открыть мнѣ этой постыдной тайны, какъ послѣ мнѣ она сказала, рѣшилась выслать меня подъ предлогомъ набѣга варваровъ. Въ самую полночь, по ея наставленію, прибѣжалъ ко мнѣ пресвитеръ Евсевій, разбудилъ и кричалъ мнѣ громко: «встань, умоляю тебя; варвары приступили, они близко здѣсь».— Ты конечно можешь понять, въ какомъ былъ я тогда ужасѣ. Недоумѣвая, что предпринять, я спра-

шивалъ его мнѣнія и онъ сказалъ мнѣ, что лучше совѣтуетъ скорѣе отправиться въ путь, чѣмъ возвратиться въ городъ. Но была полночь: непроницаемый мракъ покрывалъ всю землю; мы не имѣли никого, кто бы помогъ намъ или указалъ путь; всѣ насъ оставили. Мучимый страхомъ, изнуренный болѣзнію, совершенно обезсиленный, едва живой, я наконецъ всталъ, и велѣлъ зажечь факелы. Но этотъ пресвитеръ тотчасъ ихъ загасилъ, изъ опасенія, какъ онъ говорилъ, чтобы варвары, привлеченные свѣтомъ, не напали на насъ».

Итакъ мы отправились въ путь безъ путеводителя, безъ свѣтильниковъ, по дорогѣ узкой, каменистой, шероховатой. Но едва успѣли пройдти полмили, какъ мулъ, несшій носилки со мною, споткнулся и упалъ на колѣна. Носилки вмѣстѣ со мною свалились, и я такой сильный ударъ получилъ, что едва не умеръ. Однакожъ я кое какъ поднялся и шелъ, держась за пресвитера Евсевія, который и самъ упалъ съ лошади. Такъ-то путешествовалъ я, когда меня вели за руку, или, лучше сказать, волокли, потому что невозможно было идти въ такомъ неудобномъ мѣстѣ, по этимъ тяжкимъ горамъ, и еще въ полночь. Подумай, что я долженъ былъ вытерпѣть,—всюду окруженный такими бѣдами, страждущій сильною лихорадкою, ничего не знавшій о томъ, что со мною строятъ, только занятый страхомъ отъ варваровъ, трепещущій и съ часу на часъ ожидающій попасть въ ихъ руки. Но я не могу тебѣ разсказать всѣхъ неудобствъ моего путешествія, страха, утомленія, безчисленныхъ лишеній, которыя я долженъ былъ вытерпѣть, опасностей, которыхъ избѣжалъ.—Но благодареніе Богу за все случившееся:

я воспоминаю о всемъ этомъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и, перебирая теперь въ умѣ своемъ всѣ непріятности путешествія, радуюсь, какъ человѣкъ обладающій огромнымъ богатствомъ. И тебя, почтенный другъ, умоляю радоваться о моихъ приключеніяхъ, веселиться и прославлять Бога, удостоившаго меня столько потерпѣть».

Однакоже св. изгнанникъ не попалъ въ руки Исавранъ, и путь его послѣ сего совершался покойно: сила его мужественной души возрастала по мѣрѣ ослабленія силъ тѣлесныхъ; его крѣпко поддерживала та утѣшительная мысль, что каждый шагъ его въ ссылку, среди такихъ неудобствъ, страха, скорбей и озлобленій, даетъ ему новые мученическіе вѣнцы. Онъ могъ сказать вмѣстѣ съ Ап. Павломъ: *въ путныхъ шествіихъ множицею: бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ языкъ, бѣды во градѣхъ, бѣды въ пустыни, бѣды въ мори, бѣды въ лжебратіи; въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи, въ зимѣ и наготѣ* (2 Кор. 11, 26 — 27). Такія мысли, порождаемыя живою вѣрою въ Божественный Промыслъ, поддерживали его мужество, радовали въ страданіяхъ и помогали переносить всѣ непріятности. Наконецъ знаменитый изгнанникъ, прошедъ Виѳинію, Фригію, Галатію, Каппадокію, прибылъ въ Кукузъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 404 года. Это многотрудное путешествіе продолжалось 70 дней. Но какъ бы оно ни было многотрудно, оно служило скорѣе торжествомъ для него, чѣмъ уничиженіемъ; на всемъ пути его, народъ и клиръ оказывали ему знаки самаго

искренняго усердія и уваженія [1]. Въ Кукузъ давно уже пришла вѣсть о прибытіи его туда, и его тамъ ожидали съ нетерпѣніемъ; и, когда прибылъ, приняли со всѣми знаками искреннѣйшей любви и уваженія, которыхъ заслуживали его добродѣтели и его достоинства [2]. Люди, самые почетные въ городѣ, съ соревнованіемъ старались услужить ему, и всѣ съ искреннимъ усердіемъ предлагали ему свои домы, считая для себя особенною честію его пребываніе. Но св. Златоустъ избралъ домъ Діоскора, человѣка извѣстнаго по своей благотворительности и особенному благочестію. Сей почтенный мужъ, узнавъ о назначеніи св. Златоуста въ Кукузъ, еще въ Кесарію посылалъ своего слугу просить его, чтобы онъ ничей домъ не предпочиталъ его дому [3]. Діоскоръ такъ былъ внимателенъ ко всѣмъ нуждамъ св. Златоуста, и съ такимъ усердіемъ заботился о доставленіи всѣхъ средствъ къ его успокоенію, что самъ св. Златоустъ часто вступалъ въ споръ съ нимъ за большую роскошь и щедрость, съ какою онъ хотѣлъ содержать его. Благочестивый хозяинъ простеръ наконецъ свое усердіе къ досточтимому гостю до того, что предоставилъ въ его распоряженіе весь домъ свой, а самъ уѣхалъ въ другое селеніе; сверхъ того онъ выстроилъ вскорѣ для него особый домъ, болѣе удобный для зимы. Но кромѣ Діоскора, было еще много и другихъ владѣльцевъ, которые со всѣмъ усердіемъ предлагали ему свои

---

[1] Тамъ же, *письма* 8 и 9.

[2] Тамъ же, письмо 13.

[3] Тамъ же.

услуги, готовые всѣми способами доставить ему успокоеніе [1]. Не смотря на пустынность и бѣдность мѣста, не взирая на то, что городъ, по скудости своей, не имѣлъ ни площади, ни торжища, св. Златоустъ, окруженный дружественнымъ участіемъ и искреннимъ усердіемъ многихъ лицъ, все потребное имѣлъ съ избыткомъ; — къ нему, по его словамъ, все лилось, какъ изъ источника [2].

Но Адельфій, епископъ кукузскій, кажется, всѣхъ превзошелъ своимъ почтеніемъ, своею любовію и своею попечительностію о св. изгнанникѣ. Онъ каждый день посѣщалъ его, употреблялъ всѣ усилія къ возстановленію его здоровья, къ удовлетворенію всѣхъ его нуждъ; своимъ почтительно-дружественнымъ обращеніемъ, своею бесѣдою, старался успокоить, развлечь, и, если возможно, заставить забыть о томъ, что онъ былъ въ ссылкѣ. Его попечительность о св. изгнанникѣ, такъ была велика, что св. Златоустъ говорилъ, что, смотря на заботливость его и Діоскора объ немъ, можно подумать, что у нихъ нѣтъ другаго дѣла, кромѣ его успокоенія [3]. Но и св. Златоустъ съ своей стороны искренно почиталъ попечительнаго епископа и любилъ быть вмѣстѣ съ нимъ; онъ писалъ даже къ пресвитеру Констансу, что бесѣда Адельфія служитъ для него не только утѣшеніемъ и подкрѣпленіемъ въ скорбяхъ, но источникомъ духовнаго богатства, и прибавляетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ взошелъ съ нимъ въ искреннія, сердечныя отношенія,

---

[1] Тамъ же.

[2] Тамъ же, письмо 14.

[3] Тамъ же.

содѣлался какъ бы другимъ человѣкомъ. Пребываніе его въ Кукузѣ, спокойствіе и тишина, которыми онъ тамъ наслаждался, весьма благотворно дѣйствовали на его здоровье; лихорадка, мучившая его въ продолженіе тридцати дней, прекратилась и онъ сталъ укрѣпляться силами. Вотъ какъ онъ самъ пишетъ въ 13-мъ письмѣ къ Олимпіадѣ.

«Наконецъ я отдохнулъ пришедши въ Кукузъ, писалъ онъ къ ней, «наконецъ я увидѣлъ свѣтъ сквозь этотъ дымъ, сквозь тучу бѣдствій, которымъ подвергался въ продолженіи дороги. Почти тридцать дней, или болѣе непрестанно боролся я съ самою жестокою лихорадкою, и въ такомъ положеніи продолжалъ я путь свой—длинный и тягостный. Кромѣ того меня мучили и другія жесточайшія болѣзни желудочныя.... Но теперь все то исчезло и прошло. Какъ скоро пришелъ я въ Кукузъ, то прогналъ всю болѣзнь и съ ея остатками, пользуюсь самымъ лучшимъ здоровьемъ».

Въ день своего прибытія въ Кукузъ св. Златоустъ, слишкомъ утѣшенъ и обрадованъ былъ приходомъ той, которая почти никогда его не оставляла, служила нѣкоторымъ образомъ вмѣсто матери, раздѣляла съ нимъ радость и горе, и оставивъ всѣ удовольствія родины, послѣдовала за нимъ изъ Антіохіи въ Константинополь, несмотря на разстояніе, трудности и опасности, неразлучныя съ столь продолжительнымъ путемъ. Эта, любезная для него особа, была его тетка по отцу, Савиніана, діаконисса константинопольская [1]. Эта благочестивая женщина, уже довольно преклонныхъ лѣтъ, отличавшаяся знаменитостью сво-

[1] Тамъ же.

его рода, своими богатствами, особенно святостью своей жизни, которую она посвятила на попеченіе о бѣдныхъ и больныхъ, всегда принимала живѣйшее участіе во всѣхъ скорбяхъ святаго епископа. По своей привязанности къ нему, она все еще надѣялась, что возставшая противъ него буря гоненій и клеветы утихнетъ, и она будетъ имѣть утѣшеніе окончить дни свои подъ его руководствомъ. Но когда увидѣла, что ея надежды обмануты, что ея пастырь, по кознямъ нечестивыхъ, сосланъ; она не могла терпѣть съ нимъ разлученія, и жить въ томъ городѣ, гдѣ царствовали распри и нечестіе. Рѣшившись умереть или слѣдовать за изгнанникомъ до послѣднихъ предѣловъ земли, въ пустыни скиѳскія, куда, носился слухъ, его хотѣли отправить, повсюду, куда только онъ пойдетъ, она исполнила свою благородную рѣшимость съ непоколебимою твердостью. Ни преклонныя лѣта, ни слабость силъ, ни продолжительность путешествія, ни трудность и неудобство пути, ни совѣты друзей, указывавшихъ ей на опасности, которымъ она себя подвергала, не могли ее удержать. Произвольная изгнанница, она оставила Константинополь, и, хотя изнуренная, но съ радостью въ душѣ, пришла въ Кукузъ въ тотъ же день, какъ св. Златоустъ. Народъ и клиръ ее встрѣтили такъ же съ почтеніемъ и любовію, которыхъ заслуживалъ ея столь благородный подвигъ; на нее смотрѣли, какъ на славу ея пола, и всѣ восхваляли ея благородное и мужественное странствованіе. Провидѣніе назначило ее къ великимъ скорбямъ: изъ всѣхъ родныхъ св. Златоуста ей одной суждено было быть зрительницею всѣхъ скорбей, ссылки и смерти его.

И по удаленіи св. Златоуста миръ не былъ возстановленъ въ Константинополѣ. Между тѣмъ какъ онъ отдыхалъ послѣ своихъ трудовъ и писалъ Олимпіадѣ и Пеанію, своему другу, чтобы они прекратили свои попеченія объ измѣненіи мѣста его ссылки, онъ узналъ, что столичный городъ былъ въ большомъ волненіи и тревогѣ.

Порочные торжествовали, еретики и язычники радовались, освободившись отъ того, который ихъ удерживалъ отъ злоупотребленій силою своей власти и безпокоилъ всегда дѣйствіями своей ревности и краснорѣчивымъ словомъ; но истинные христіане погружены были въ глубокую скорбь, и плакали, какъ плачетъ семейство, потерявшее отца и главу семейства. Церковь константинопольская уподоблялась стаду, которое, пасшись прежде на тучныхъ пастбищахъ, орошаемыхъ источниками свѣжей воды, вдругъ потеряло своего пастыря и находясь среди пустыни, подвергалось ярости дикихъ звѣрей. Враждебные св. Златоусту епископы, поддерживаемые и покровительствуемые дворомъ, всѣ силы свои употребляли, чтобъ уничтожить раздѣленіе. Они всячески старались оправдать свои дѣйствія, возобновить противъ св. епископа нелѣпыя клеветы, при всякомъ случаѣ указывая на нечестивыя опредѣленія, которыми обвинили его. Приписывая чрезвычайную важность опредѣленіямъ своимъ, они утверждали, что обвиненія и ссылки св. Златоустъ по всей справедливости заслужилъ, что всѣ православные должны со всею покорностію признать это опредѣленіе, забыть осужденнаго епископа и соединиться съ старцемъ, который съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ церковныхъ избранъ на его мѣсто.

Но другіе изъ православныхъ не такъ разсуждали; Арзакій въ ихъ глазахъ представлялся пастыремъ безъ призванія, взошедшимъ на константинопольскій престолъ — вопреки всѣмъ правиламъ св. Церкви; судъ надъ св. Златоустомъ признавали совершенно несправедливымъ, и потому почитали для себя преступленіемъ имѣть общеніе съ участниками раскола. Такимъ образомъ они удалялись отъ тѣхъ церквей, въ которыхъ совершали служеніе друзья Арзакія, и собираясь въ баняхъ, въ поляхъ и лѣсахъ, здѣсь совершали и таинства и слушали слово Божіе; ихъ ревность и благочестіе не были удерживаемы ни затруднительностію временъ и мѣстъ, ни страхомъ угрозъ и наказаній. На нихъ исполнялись слова Спасителя: *нѣсть рабъ болій Господа своего; аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ* (Іоан. 15, 20).

Со времени удаленія св. Златоуста подъ благовидною причиною разысканія виновниковъ пожара, заключали въ темницы епископовъ, пресвитеровъ, діаконовъ, дѣвъ и вдовъ и всякаго состоянія мущинъ и женщинъ. Гоненіе развивалось мало по малу, и наконецъ дошло до крайности. Однихъ подвергали смертной казни, другіе гибли въ темницахъ, обремененные оковами; съ нѣкоторыхъ брали денежную пеню, а иныхъ ссылали въ ссылку; всѣ лица, извѣстныя подъ именемъ іоаннитовъ болѣе или менѣе принимали участіе въ страданіяхъ великаго мученика. Между друзьями св. Златоуста при дворѣ былъ нѣкто Студій — одинъ изъ важныхъ сановниковъ Константинополя, который всѣ усилія употреблялъ съ своей стороны, чтобъ исторгать изъ рукъ несправедливыхъ судей несчастныхъ, которыхъ все преступленіе состояло въ любви и привязанности къ св. Златоусту. Святый

писалъ къ нему письмо, въ которомъ благодарилъ его за ревность къ защищенію невинныхъ и подавалъ ему утѣшенія по случаю смерти его брата. «Ты знаешь, говорилъ онъ ему, что все человѣческое удобоизмѣняемо и проходитъ съ быстротою низвергающагося водопада; если тотъ, о которомъ мы скорбимъ, былъ золъ и преданъ преступленіямъ, то должно о немъ плакать и сѣтовать о его участи; но если онъ былъ добръ, то почтемъ его счастливымъ; ибо онъ не умеръ, но перешелъ отъ борьбы къ наградамъ, съ моря бурнаго въ покойную пристань.

Исаній, который отличался нестолько высокими добродѣтелями, сколько важными должностями, имъ занимаемыми, тоже подвергался гоненіямъ. Св. Златоустъ въ четырехъ письмахъ, писанныхъ къ нему, хвалитъ его за его ревность и непоколебимую вѣру; вмѣстѣ съ симъ совѣтуетъ ему сожалѣть о слѣпотѣ гонителей и радоваться объ участи гонимыхъ «Твое письмо, писалъ св. Златоустъ къ нему, наполнило мою душу святою радостію и невыразимымъ утѣшеніемъ, не тѣми печальными извѣстіями, которыя ты мнѣ сообщилъ, но тѣмъ, что, сказавъ о всемъ этомъ, ты прибавляешь, что во всякомъ случаѣ должно предаваться въ волю Божію и говорить: слава Богу о всемъ! Эти слова—смертоносная стрѣла для діавола, они водворяютъ въ душѣ миръ и тишину, укрѣпляютъ ее и разсѣяваютъ мрачныя облака печали, навѣянныя уныніемъ. Да, слава Богу о всемъ! Будемъ непрестанно повторять эти слова и всѣ бури утихнутъ, облака печали разсѣются, уныніе отбѣжитъ, а заслуги наши увеличатся и награда будетъ нашимъ достояніемъ Слава Богу о всемъ! Эти слова были

щитомъ и мечомъ для Іова, которыя дали ему побѣду надъ діаволомъ, радугою, возвѣстившею ему миръ, и наконецъ украсили святаго патріарха вѣнцемъ безсмертнымъ».

Бризонъ, евнухъ императрицы Евдоксіи и нотаріусъ императора, возвратившій свят. Златоуста изъ Пренеты послѣ первой его ссылки, также не былъ имъ забытъ. Въ своемъ письмѣ къ нему св. Златоустъ выражаетъ свое сожалѣніе о его молчаніи. Я одной милости у тебя прошу, писалъ онъ ему, пиши ко мнѣ чаще, и не лишай меня этого утѣшенія подъ тѣмъ предлогомъ, что я слишкомъ удаленъ отъ тебя. Ты знаешь, какое для меня утѣшеніе среди скорбей знать, что ты и твои друзья здоровы и благополучны».

Онъ писалъ также Леонтію, одному изъ знатныхъ особъ и искреннѣйшему его другу. «Я изгнанъ изъ вашего города, говорилъ онъ ему, но не изъ сердца твоего. Никто не въ силахъ похитить у меня этого блага, и куда я ни иду, повсюду ношу воспоминаніе съ собою о твоей дружбѣ.

Его письмо къ Кратерію, правителю Каппадокіи, который употреблялъ всѣ усилія къ укрощенію ярости нѣкоторыхъ монаховъ, не менѣе замѣчательно. «Я никогда не забуду того, что ты сдѣлалъ въ Кесаріи къ укрощенію страшнаго возстанія, возбужденнаго противъ меня, говорилъ ему св. Златоустъ. Вездѣ, куда бы я ни пошелъ, повсюду понесу съ собою воспоминаніе о величайшей для меня твоей услугѣ, и сохраню навсегда искреннѣйшую признательность за ту нѣжную попечительность, которую ты имѣлъ обо мнѣ».

Много было и между свѣтскими людьми, которые навсегда сохраняли къ нему привязанность и утѣшали его своею дружбою.

Между духовенствомъ также не мало было людей, истинно расположенныхъ къ св. Златоусту; не смотря на отпаденіе многихъ изъ клириковъ, увлеченныхъ его врагами, еще оставалось много истинныхъ чтителей и защитниковъ святителя между епископами и пресвитерами, которые засвидѣтельствовали свою расположенность къ нему, или страданіемъ за него, или сочувствіемъ его страданіямъ. Таковы были: Элпидій, епископъ лаодикійскій, который защищалъ св. Златоуста на соборѣ, собранномъ противъ него; Палладій, описатель его жизни, епископъ еленопольскій; Киріакъ, епископъ эмесскій, сосланный въ Пальмиру; Димитрій, сосланный къ Мазикамъ, въ Ливіи; Евлизій, епископъ бострскій, заключенный въ замкѣ у Сарацинъ и многіе другіе. Между пресвитерами и діаконами, преданнѣйшими св. Златоусту, почитаются Крецій, сопутствовавшій ему въ мѣсто изгнанія, Констанцій, дожидавшій его тамъ; Ипатій, претерпѣвшій много гоненій; діаконъ Өеодотъ, къ которому святый написалъ семь писемъ, въ которыхъ говоритъ о его ревности, о его трудахъ и дружбѣ къ нему, ради которой онъ претерпѣлъ много скорбей.

Привязанность, которую выражали нѣкоторыя благочестивыя жены къ изгнанному ихъ пастырю, привлекла на нихъ гнѣвъ враговъ св. Златоуста. Кромѣ блаженной Олимпіады, которая для избѣжанія преслѣдованій отъ злонамѣренныхъ лицъ, принуждена была оставить Константинополь, мы можемъ еще указать на Прокулу, святую вдову, родомъ Сиріянку, ко-

торая за свою любовь къ бѣднымъ и больнымъ и удивительное благочестіе, была причислена къ разряду діакониссъ константинопольскихъ. Она за свое усердіе и ревностную попечительность о славѣ Божіей и св. Церкви подвергалась многимъ скорбямъ и гоненіямъ, которыя раздѣляла съ нею Евталія, ея подруга, не менѣе отличавшаяся живою вѣрою и любовію. Св. Златоустъ утѣшаетъ ихъ въ скорбяхъ размышленіемъ о суетѣ дѣлъ человѣческихъ, которыя скоро измѣняются и проходятъ, и надеждою невыразимыхъ и вѣчныхъ наградъ, обѣщанныхъ претерпѣвшимъ до конца. Онъ писалъ также много писемъ Картеріи, которая многочисленныя богатства свои всѣ раздала на вспоможеніе бѣднымъ. Привязанность къ св. Златоусту, удивленіе къ его высокимъ добродѣтелямъ и святости жизни, внушили ей рѣшимость предпринять путешествіе въ Кукузъ. И она исполнила бы это предположеніе, если бы не была удержана продолжительною и сильною болѣзнію; вмѣсто этого она должна была довольствоваться тѣмъ, что послала нѣсколько благовонныхъ мастей и лекарствъ епископу-изгнаннику. Св. Златоустъ благодаритъ ее въ одномъ къ ней письмѣ и проситъ ее увѣдомить о своемъ здоровьѣ.

Три другія благоговѣйныя жены, Халцидія, Асинкритія и Онезикратія такъ же претерпѣли скорби и гоненія за него. Двѣ первыя долгое время жили подъ руководствомъ св. Златоуста. Онѣ, желая доказать святителю свою любовь и преданность къ нему, хотѣли было отправиться въ Кукузъ, не смотря на суровость времени и страхъ отъ нападенія Исавряиъ. Но св. Златоустъ писалъ имъ, что нѣтъ нужды пред-

принимать столь трудное путешествіе, и что искренняя любовь ихъ къ нему такъ ему извѣстна, что онъ не имѣетъ нужды въ особенныхъ доказательствахъ. Первыя двѣ благочестивыя жены жили въ уединеніи вмѣстѣ съ другими благоговѣйными женами. Св. Златоустъ много имъ писалъ писемъ для укрѣпленія и утѣшенія ихъ. Онезикратія, которую нѣкоторые историки смѣшиваютъ съ Асинкритіею, не менѣе была привязана къ св. Златоусту. Много разныхъ скорбей, а въ особенности потеря единственной дочери, которую она любила со всею материнскою нѣжностію, были тяжкимъ испытаніемъ для ея терпѣнія и вѣры въ Промыслъ. Св. Златоустъ вмѣстѣ скорбѣлъ съ нею и старался утѣшать мыслію о безсмертной жизни. Еще была благоговѣйная жена по имени Помея, которая, благоговѣйно чтя святаго изгнанника, такъ же много потерпѣла гоненій и озлобленій, и въ письмѣ своемъ къ нему такъ же изъявляла сильное желаніе видѣться съ нимъ, — желаніе, котораго впрочемъ по слабости силъ и разстроенному здоровью не могла исполнить. Св. Златоустъ отвѣчалъ ей, что она хотя и первая написала къ нему, однакоже этимъ не освобождается совершенно отъ обвиненія, потому что написала слишкомъ поздно, и если хочетъ вознаградить свою вину, то для этого одно только есть средство, чтобъ къ нему писала чаще.

Но между духовными дочерьми св. Златоуста, которыя подвергались болѣе жестокимъ преслѣдованіямъ, были, какъ мы уже сказали, Олимпіада, Пентадія, и Никаретта. Пентадія по своему рожденію и по своимъ связямъ принадлежала къ первѣйшимъ фамиліямъ имперіи. По смерти консула Тимаса, ея мужа,

она была діакониссою Константинополя. Она сдѣлалась особенно извѣстною по строгости своей жизни и по своимъ добродѣтелямъ. Она усердно помогала бѣднымъ, утѣшала больныхъ и принимала странниковъ и богомольцевъ. Никто въ Константинополѣ не былъ столько извѣстенъ дѣлами милосердія, обиліемъ любви, живою вѣрою, истиннымъ благочестіемъ, удаленіемъ отъ раскола и привязанностію къ св. Златоусту, какъ она; никто не испытывалъ на себѣ столько дѣйствій ненависти враговъ его, какъ она. Эта благочестивая жена, незнавшая ничего кромѣ церкви, больницъ и своей комнаты, была приведена вмѣстѣ съ другими на судъ, какъ преступница. И какъ много взносили на нее клеветъ, сколько гнусныхъ, столько же и несправедливыхъ! Сколько являлось лжесвидѣтелей! Несправедливые судьи о томъ только заботились, чтобы страхомъ и оскорбленіями принудить ее признать ихъ клеветы и говорить противъ своихъ чувствъ; но эта, по выраженію св. Златоуста, святая вдова, полная мужества, подобно орлу, парящему въ небесахъ, разорвавъ сѣти нечестивыхъ клеветниковъ, вознеслась на высоту святой свободы. Далекая отъ того, чтобъ позволить себя запутать нечестивыми хитросплетеніями злыхъ людей, она съумѣла обличить ихъ клеветы, защитить невинность сосланнаго епископа и чистоту тѣхъ, которые заключены были въ оковы ради его. Св. Златоустъ, узнавъ, что она хочетъ оставить Константинополь и прійти въ Кукузъ, чтобъ раздѣлить съ нимъ изгнаніе и всѣ скорби, написалъ ей письмо съ намѣреніемъ отвратить ее отъ этого намѣренія и умолялъ ее, изъ любви къ Богу, и ради пользы вѣрныхъ, для которыхъ

она служила подпорою и утѣшеніемъ, остаться на жительство въ Константинополѣ. Это письмо его къ Пентадіи сообщаетъ довольно подробныя извѣстія, какія скорби претерпѣли въ Константинополѣ всѣ остававшіеся ему вѣрными. Потоки крови лились, говоритъ онъ въ немъ, много знаменитыхъ лицъ подверглось казни, даже самые невинные дѣти, измученныя и изувѣченныя, испускали духъ на рукахъ жестокихъ злодѣевъ.

Никаретта принуждена была оставить Константинополь, чтобъ избѣжать преслѣдованій и не видѣть страшныхъ злодѣяній, тамъ совершавшихся. Она родилась въ Никомидіи отъ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій этого города. Съ самаго отрочества она обѣтомъ дѣвства была посвящена Богу и пришла въ Константинополь, чтобы тамъ, въ одномъ изъ женскихъ монастырей, остаться на всегдашнее жительство. Лишенная почти всего своего имѣнія, она не только съ удивительнымъ великодушіемъ перенесла эту потерю, но и изъ малыхъ остатковъ многое удѣляла на вспомоществованіе нуждамъ несчастныхъ. Непрестанная сердечная молитва, псалмопѣнія, вспомоществованіе бѣднымъ и больнымъ, которыхъ она питала, и которымъ подавала лекарства, приготовленныя собственными ея руками, были ежедневнымъ занятіемъ всей ея жизни. Она любила молчаніе и уединеніе, и въ обществѣ людей показывалась только тогда, когда ея услуги нужны были для вспомоществованія бѣднымъ. По глубокому смиренію своему всячески старалась избѣгать похвалы отъ людей; кротость ея въ обращеніи съ ближними была поразительна; христіанское мужество никогда не остав-

ляло ее среди самыхъ тяжкихъ испытаній, и какъ бы ни были трудны обстоятельства, въ которыхъ она находилась, всегда оставалась вѣрною своему святому призванію.

Св. Златоустъ, чтя ея высокія добродѣтели, хотѣлъ было ее причислить къ дѣвственницамъ, находившимся подъ надзоромъ и попеченіемъ константинопольской Церкви; но она всегда отказывалась отъ этого высокаго званія, считая его превышающимъ свои силы. Она всегда принимала самое живое участіе во всѣхъ скорбяхъ своего св. епископа и отца; осудивши себя на произвольное изгнаніе, она жила вдали отъ города, въ которомъ царствовали непрестанныя смуты и безпорядокъ, и умерла уже въ глубокой старости, не имѣвши утѣшенія видѣть возстановленія мира и тишины.

Тогда какъ всѣ эти благочестивые почитатели святаго Златоуста, доведенные до крайней степени уничиженія и скорбей, съ непобѣдимымъ мужествомъ защищали святое дѣло вѣры и справедливости, возставали противъ нарушенія правилъ ученія святой Церкви,—святый изгнанникъ изъ глубины пустыни старался поддерживать въ нихъ огнь святой ревности, утѣшалъ ихъ въ скорби и выражалъ свою радость объ ихъ торжествѣ надъ зломъ. Чрезъ свои письма, писанныя къ нимъ, св. Златоустъ оставилъ потомству отраднѣйшее воспоминаніе о ихъ удивительной ревности и непобѣдимомъ мужествѣ въ страданіяхъ. Много всѣхъ его писемъ сохранилось доселѣ, но мы приведемъ только то, которое онъ писалъ епископамъ, пресвитерамъ и всѣмъ вѣрнымъ, заключеннымъ въ темницы за приверженность къ нему.

«Блаженны узы, блаженны темницы, вас вмѣщающія, восклицаетъ онъ, но въ тысячу разъ счастливѣе вы сами, знаменитые плѣнники Господа! Вы привлекли къ себѣ расположеніе со всѣхъ концевъ земли; васъ любятъ даже тѣ, которые васъ никогда не видали. Да, васъ восхваляютъ небо и земля, прославляютъ васъ повсюду, куда только достигаетъ слухъ о вашемъ постоянствѣ, о вашей непоколебимой твердости, непреклонной рѣшимости и величіи души вашей, которыя вы показали въ вашихъ скорбяхъ. Какую удивительную борьбу вы выдержали, какое непобѣдимое мужество показали! Нѣтъ, васъ не могли побѣдить ни страшное зрѣлище суда, ни угрозы, ни даже самыя разнообразныя казни, темница, самыя безстыдныя клеветы, бѣшенство обвинителей, жестокія оскорбленія, зрѣлище и страхъ тысячи смертей, безсильны были для того, чтобъ васъ поколебать. Вы восторжествовали, и ваши доблестные подвиги прославляются повсюду, не только вашими друзьями, но даже вашими врагами, ихъ безсиліемъ воспрепятствовать вамъ удивляться въ душѣ. Радуйтесь тому, что ваши имена написаны на небесахъ въ числѣ св. мучениковъ. Если Господь повелѣваетъ радоваться, когда только клевещутъ и поносятъ; *яко мзда многа на небесѣхъ* уготовляется терпящимъ все это ради Бога, то какъ не радоваться, какъ не ожидать великой награды тогда, когда съ злословіемъ и клеветою, соединяются узы, темницы, мечи, мученія, раны, изгнанія и всѣ роды страданій и озлобленій».

«Итакъ радуйтесь, мои, возлюбленные братья, радуйтесь и торжествуйте, будьте тверды, вооружайтесь силою и постоянствомъ, помышляйте о спаси-

тельныхъ дѣйствіяхъ вашего примѣра: изчислите, если можете, множество тѣхъ, которыхъ вы поддержали, ободрили и утвердили въ добрѣ не только между вашими согражданами, но жителями и другихъ мѣстъ. Размышляйте чаще о словахъ св. Апостола: *не достойны страсти нынѣшняго вѣка, къ хотящей славѣ явитися въ насъ* (Римл. 8, 18). Также прошу, молитесь непрестанно о мнѣ; хотя я уже давно разстался съ вами, и великое разстояніе раздѣляетъ насъ: однакоже я ежедневно ношусь мыслію среди васъ. Мнѣ кажется, что я васъ вижу, васъ слышу, что я лобызаю васъ святымъ лобзаніемъ, и радуюсь вѣнцамъ, украшающимъ ваши главы. Я жду награды отъ Господа за любовь, которую я всегда имѣлъ къ вамъ, славные узники ради Господа. Пишите ко мнѣ сколько возможно чаще, опишите мнѣ подробнѣе ваши страданія, вотъ одна милость, которой я у васъ прошу. Ваши письма составляютъ для меня величайшее утѣшеніе въ мѣстѣ моего изгнанія».

Вскорѣ послѣ этого узники были освобождены стараніемъ Студія, градоначальника константинопольскаго, но мѣсто темницъ заступило изгнаніе. Императоръ Аркадій объявилъ указъ слѣдующаго содержанія: «Такъ какъ невозможно открыть виновниковъ пожара, то мы повелѣваемъ всѣхъ лицъ духовнаго званія освободить изъ темницъ, посадить на одинъ корабль и удалить изъ города. Если же кто осмѣлится послѣ сего держать у себя пришельца епископа, или кого либо изъ клириковъ, то домъ такого взятъ будетъ въ казну». Подобными указами подъ опасеніемъ денежной пени, воспрещалось рабамъ и свободнымъ

выходить изъ города для совершенія Божественныхъ Таинъ.

Между тѣмъ, какъ гоненія противъ истинныхъ сыновъ Церкви продолжались, Арзакій послѣ шестнадцатимѣсячнаго пребыванія на константинопольской каѳедрѣ, умеръ. Смерть его снова привела въ движеніе умы людей страстныхъ, честолюбіе опять пробудилось у многихъ и враги св. Златоуста усиливались поставить на упразднившееся мѣсто такого епископа, который бы могъ помогать имъ въ ихъ намѣреніяхъ, и содѣйствовать къ продолженію начатаго дѣла. Избраніе пало на Аттика, пресвитера константинопольскаго клира, который принадлежалъ также къ числу недоброжелателей святаго Златоуста. Родомъ онъ былъ изъ Севастіи армянской, съ юности учился у послѣдователей македоніанской ереси, и уже достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, перешелъ въ каѳолическую Церковь [1]. Этотъ человѣкъ, обладая хорошимъ по природѣ умомъ, не имѣлъ большаго образованія, но былъ хитръ, лукавъ, рѣшителенъ и непреклоненъ въ предположенныхъ намѣреніяхъ, не разбирая ихъ достоинства и непримиримъ въ ненависти. Подъ его управленіемъ, злословія, клеветы, преслѣдованія, обвиненія, притѣсненія и нестроенія такъ же продолжались, какъ и прежде; лица всѣхъ возрастовъ и состояній, дѣвы, старики и дѣти, подвергались самымъ оскорбительнымъ насмѣшкамъ и поруганіямъ, лишаемы были свободы, имѣній и даже самой жизни. Слухъ о подобныхъ злодѣяніяхъ невольно исторгалъ слезы изъ глазъ св. изгнанника;

---

[1] Созоменъ кн. 8. гл. 27.

впрочемъ онъ не столько скорбѣлъ о бѣдствіи невинно-страждущихъ, смотря на утѣшеніе, уготованное имъ въ небесномъ царствіи, сколько о страшныхъ казняхъ, ожидавшихъ гонителей, которыя скоро должны были излиться на нихъ.

Но св. Златоустъ, готовый на всѣ скорби ради Христа, не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ страшныхъ бурь, волновавшихъ Церковь константинопольскую и сокрушавшихъ немощныхъ членовъ ея. Самъ въ себѣ онъ уже не находилъ силъ къ водворенію мира, разрушеннаго его врагами, и потому сталъ просить пособія у другихъ. Въ это время Иннокентій, папа римскій, пользуясь благорасположеніемъ и довѣріемъ Гонорія, императора западной имперіи, и, сохраняя въ себѣ ненарушимымъ пастырское вліяніе на подчиненныхъ себѣ епископовъ, могъ содѣйствовать, если не къ прекращенію раздора разсмотрѣніемъ дѣлъ на новомъ многочисленнѣйшемъ соборѣ, по крайней мѣрѣ къ уменьшенію соблазна, обличеніемъ клеветъ на св. Златоуста и злонамѣренныхъ толковъ объ немъ, распространяемыхъ повсюду врагами его. Поэтому къ нему отправлены были четыре епископа [1] съ письмами; одно было отъ святаго Златоуста, другое отъ 40 епископовъ, имѣвшихъ съ нимъ общеніе, третіе отъ клира, остававшагося вѣрнымъ своему епископу. Въ письмѣ своемъ къ Иннокентію св. Златоустъ со всею искренностію объясняетъ всѣ хитрыя и злонамѣренныя дѣйствія Ѳеофила, всѣ неблагонамѣренныя дѣйствія собора, бывшаго при Дубѣ, несправедливыя обвиненія противъ

[1] Тамъ же гл. 26.

него, отпаденіе нѣкоторыхъ клириковъ, увлеченныхъ его врагами, осужденіе на изгнаніе, ссылку, потомъ возвращеніе и наконецъ его заточеніе въ Кукузъ, и смуты, произведенныя его врагами въ Константинополѣ. Изложивъ все это, св. Златоустъ прибавляетъ: «но особенно плачевно то, что всѣ эти бѣдствія еще не кончились, напротивъ умножаются съ каждымъ днемъ, и изъ Константинополя зло разливается и по всѣмъ областямъ. Мы содѣлались всеобщимъ посмѣшищемъ народовъ, или лучше, нѣтъ столь злаго человѣка, который бы сталъ смѣяться надъ нами, такъ велико зло! Повсюду священнослужители отдѣляются отъ своихъ епископовъ, епископы съ народомъ также разъединяются, вездѣ видишь только болѣзненное возрожденіе разныхъ скорбей и всеобщее превращеніе земли».

«Умоляю тебя: покажи въ этихъ обстоятельствахъ силу и усердіе, столь обычные тебѣ, и поспѣши исцѣлить зло, вкравшееся въ Церковь. Если допустить укореняться этому столь гибельному обычаю, чтобы одинъ епископъ самоуправно дѣйствовалъ въ епархіи другаго, какое бы ни было между ними разстояніе; если дать свободу епископу, дѣйствовать по своей волѣ, низлагать и изгонять своихъ сослужителей по одному капризу, то вся вселенная скоро обнимется огнемъ, и повсюду будемъ видѣть только искательство епископовъ и стараніе занять одному мѣсто другаго. Чтобы избѣжать всѣхъ этихъ золъ, святѣйшій отецъ, объяви ничтожнымъ все сдѣланное противъ меня, въ мое отсутствіе, людьми, не имѣвшими права судить меня, тогда какъ я готовъ былъ явиться на законный судъ. Подвергни зоконной оттвѣт-

ственности тѣхъ, которые дѣйствовали вопреки правилъ св. Церкви; и не лишай меня впередъ своего братскаго общенія. Я, будучи ни въ чемъ не виноватъ, ни въ чемъ не изобличенъ и не осужденъ законнымъ образомъ, прошу тебя, святѣйшій отецъ, не лишай меня твоихъ писемъ и другихъ знаковъ твоей ко мнѣ любви, которыми я такъ давно пользовался, и которые всегда составляли для меня радость и утѣшеніе. И если враги мои будутъ упорствовать въ обвиненіи меня въ тѣхъ мнимыхъ преступленіяхъ, за которыя они, вопреки всѣхъ правилъ, меня изгнали; я готовъ защищаться на законно составленномъ соборѣ, и доказать мою невинность. Когда такимъ образомъ ты совершенно убѣдишься въ истинѣ всего этого чрезъ несомнѣнное удостовѣреніе нашихъ любезнѣйшихъ и благоговѣйнѣйшихъ братьевъ епископовъ; прошу тебя, окажи мнѣ пособіе, какое только можешь. Милость, которую ты мнѣ окажешь въ этихъ обстоятельствахъ, не остановится только на мнѣ, но разольется и на всѣ Церкви, и Самъ Богъ, желающій мира Церквамъ, воздастъ тебѣ достойную награду».

Вскорѣ послѣ сего прибыли въ Римъ съ письмомъ къ папѣ отъ Ѳеофила пресвитеръ и діаконъ, вмѣстѣ съ собою принесли и акты собора Дуба, по которымъ 36 епископовъ обвинили св. Златоуста. Но при одномъ взглядѣ на нихъ Иннокентій усмотрѣлъ, что они суть произведеніе злобы и коварства, однакоже не считая своего опредѣленія обязательнымъ для всѣхъ, и не почитая себя въ правѣ отвергать опредѣленія даже частнаго собора, не рѣшился произнесть окончательнаго суда по этому дѣлу. Но изъявляя же-

ланіе сохранить общеніе съ обоими, писалъ, что онъ употребитъ съ своей стороны стараніе составить другой соборъ изъ епископовъ восточныхъ и западныхъ, который разсмотритъ дѣла сообразно съ опредѣленіями никейскаго собора [1]. Друзья св. Златоуста старались о перемѣнѣ мѣста его ссылки, думая приблизить его къ Константинополю, но тщетно; дворъ и самъ императоръ, возбуждаемые противъ него врагами его, оставались глухи ко всѣмъ ихъ мольбамъ и попеченіямъ. Св. Златоустъ со всею искренностію благодаритъ своихъ друзей за ихъ живое участіе въ его состояніи, и прося ихъ болѣе не заботиться объ немъ, со смиреніемъ остался въ назначенномъ мѣстѣ, въ которомъ преблагій Господь опредѣлилъ ему провести послѣдніе дни жизни. Впрочемъ онъ не долго былъ въ Кукузѣ, съ небольшимъ годъ, и въ концѣ 406 года, по случаю набѣга Исаврянъ, опустошавшихъ Арменію, переведенъ былъ въ Арабисскую крѣпость, на горѣ Таврѣ [2]. Въ слѣдующемъ году, когда Исавряне удалились, онъ опять возвратился въ прежнее мѣсто. Но сколько онъ претерпѣлъ здѣсь, въ продолженіе трехъ лѣтъ, разныхъ непріятностей, трудно пересказать. Его здоровье, начавшее было поправляться, вскорѣ по прибытіи въ Кукузъ, опять сильно разстроилось. Съ октября мѣсяца 404 года снѣгъ покрылъ горы, и такой страшный холодъ распространился по всей странѣ, какого никогда прежде не было [3]. Не смотря на попеченія Діоскора и всѣхъ его друзей константинопольскихъ и антіохійскихъ,

---

[1] Палладій о жизни Злат. стр. 9, 23, 24.

[2] Златоуст. письмо 69.

[3] Къ Олимпіадѣ письмо 6.

доставлявшихъ въ изобиліи все потребное къ удовлетворенію его нуждъ, онъ не могъ защищаться отъ вліянія холода, и суровый воздухъ разрушительно дѣйствовалъ на его здоровье. Онъ всю зиму не могъ выходить изъ комнаты для освѣженія себя чистымъ воздухомъ безъ опасенія совершенно разстроить свое слабое здоровье. Съ этого времени, за исключеніемъ непродолжительныхъ промежутковъ его кратковременнаго выздоровленія, его жизнь была продолженіемъ непрестанныхъ скорбей и болѣзней. Особенно зимы 405 и 406 годовъ жестокимъ страданіямъ подвергали его, и едва не довели до смерти. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ зиму 405 года въ письмѣ своемъ къ Олимпіадѣ. «Поднявшись отъ самыхъ дверей смерти, пишу къ тебѣ настоящее письмо.... Нынѣшняя зима, суровая не по обыкновенію, навела и на слабый желудокъ мой зиму, очень жестокую. Ни чѣмъ не лучше, даже гораздо хуже, чѣмъ мертвецы, провелъ я эти два мѣсяца. Я жилъ только для того чтобъ чувствовать однѣ несчастія, которыя со всѣхъ сторонъ обложили меня, все было для меня ночь и день, и разсвѣтъ и полдень; цѣлые дни дневалъ я пригвожденный къ постелѣ. Тысячи употреблялъ средствъ, но не могъ удалить вреда, который нанесла мнѣ стужа; зажигалъ огонь, вытерпливая самый несносный чадъ, сидѣлъ въ одной комнатѣ, укрывался множествомъ ветоши, не отваживался выступить за порогъ; и при всемъ этомъ терпѣлъ крайнія мученія – частую рвоту, головную боль, отвращеніе въ пищѣ, непрестанную безсонницу. Длинное море—эти безсонныя ночи которыя проводилъ я [1]. Къ страданіямъ тѣлеснымъ

[1] Тамъ же.

присоединились бѣдствія отъ набѣга Исаврянъ, которые всю страну расхищали, предавая все огню и мечу». Во многихъ своихъ письмахъ къ друзьямъ св. Златоустъ самъ описываетъ то печальное состояніе, въ которомъ онъ находился.

«Знаю, что тебѣ хочется хорошо знать обстоятельства теперешней моей жизни», писалъ онъ изъ Арабиссы въ 406 г. къ Олимпіадѣ,—«поэтому извѣщаю тебя, что хотя я освободился отъ жесточайшей болѣзни моей, но остатки ея еще ношу съ собою. Меня пользуютъ отличные врачи, только недостатокъ въ необходимѣйшихъ вещахъ для жизни уменьшаетъ пользу отъ врачеванія. Ибо здѣсь не только недостатокъ нужныхъ лѣкарствъ и другихъ вещей, которыя бы могли поправить изнуренное тѣло мое, но сверхъ того угрожаетъ голодъ и моровая язва. Эти бѣдствія усугубляются безпрестанными набѣгами отъ разбойниковъ, которые далеко—далеко разсыпаются по дорогамъ, заграждаютъ ихъ, со всѣхъ сторонъ, пересѣкаютъ ихъ,—отъ чего путешественники подвергаются великой опасности.... Поэтому прошу тебя, Олимпіада, не посылай сюда никого; я боюсь, чтобъ путешествіе ко мнѣ не было причиною смерти для путешествующаго. Ты знаешь, какое мученіе причинитъ мнѣ подобный случай [1]». Св Златоустъ въ этомъ же письмѣ намекаетъ ей на несчастіе, постигшее Андроника, слугу ея, который, попавъ въ руки разбойниковъ, былъ ограбленъ и уже обнаженный едва спасся.

Въ другомъ письмѣ къ діакону Ѳеодоту, онъ го-

---

[1] Тамъ же письмо 15.

ворить: «бѣдствія Арменіи такъ велики, что я не могу тебя просить сюда придти. Куда ни поди, вездѣ увидишь потоки крови, множество мертвыхъ труповъ, домы ниспровергнутые, или сожженные, города разрушенные». А въ письмѣ къ Полибію такъ выражается: «жители Арменіи уподобляются львамъ и леопардамъ, которые только въ пустыняхъ находятъ для себя безопасность. Мы точно кочующіе и Скиѳы ежедневно измѣняемъ мѣсто пребыванія». — Еще въ письмѣ къ епископу Елпидію тоже касается этого печальнаго предмета. «Не пренебреженію и не нерадѣнію припиши, святѣйшій епископъ, мое долгое молчаніе, но бѣдствіямъ, окружающимъ насъ, которыми мы осаждены со всѣхъ сторонъ. Я не имѣю, и не могу имѣть постояннаго мѣстопребыванія: я живу, то въ Кукузѣ, то въ Арабисской крѣпости, то скрываюсь среди холмовъ и лѣсовъ, то убѣгаю во внутрь пещеръ и пустынь. Все здѣсь въ развалинахъ и въ огнѣ, и мечь разрушаетъ домы и губитъ самыхъ жителей. Многіе города съ ихъ жителями погибли; мучимые страхомъ мы непрестанно должны перемѣнять свой ночлегъ; наши страданія превышаютъ самыя скорби ссылки, мы каждую минуту ожидаемъ смерти. Крѣпость, служащая для меня темницею, не есть безопасное убѣжище, ибо она не можетъ защищаться отъ нападеній Исаврянъ. Изъ уваженія ко всѣмъ симъ бѣдствіямъ я прошу тебя благоговѣйнѣйшій владыка, проститъ меня за медленность и помолиться за меня къ Богу, поддерживающему меня среди сихъ волненій и скорбей».

Среди скорбей своего изгнанія св. Златоустъ, кажется, забывалъ самаго себя для друзей своихъ. Въ

250 письмахъ его къ нимъ, дошедшихъ до насъ, которыя всѣ написаны были имъ въ заточеніи, выражается искреннее и живое его участіе, которое онъ принималъ во всемъ, касавшемся ихъ. Невозмутимымъ спокойствіемъ своей души и твердою вѣрою онъ укрѣпляетъ ихъ при самыхъ возмутительныхъ тревогахъ, утѣшаетъ въ скорбяхъ, воодушевляетъ ихъ и ободряетъ воспоминаніемъ о будущихъ благахъ, и даже надеждою свиданія съ нимъ. Во время его пребыванія въ пустынѣ онъ томился жаждою свѣдѣній о друзьяхъ своихъ, и ничто такъ сильно и пріятно не поражаетъ, какъ его пламенное усердіе, съ которымъ онъ проситъ ихъ писать къ нему чаще. «Я желалъ бы, писалъ онъ Исихію, одному изъ своихъ друзей въ Константинополѣ, чтобъ ты меня предупредилъ, и, написавъ первый, доставилъ мнѣ чрезъ это пріятный залогъ твоей ко мнѣ искренней и живой дружбы; однакоже я не дождался твоихъ писемъ, и вынужденъ былъ самъ написать, чтобъ выразить чрезъ это мою нѣжную привязанность къ тебѣ. Но я охотно извиняю твое молчаніе, потому что я увѣренъ, что это произошло не отъ небреженія твоего, а отъ чрезвычайной скромности. Но впредь прошу тебя, пиши мнѣ чаще и увѣдомляй о своемъ здоровьѣ, это будетъ свидѣтельствомъ твоей дружбы ко мнѣ. Но еслибъ я получалъ твои письма въ моемъ изгнаніи, когда я находился на послѣднихъ предѣлахъ міра, въ мѣстахъ самыхъ пустынныхъ, какое бы отрадное утѣшеніе я нашелъ въ твоей дружбѣ; ибо любить и быть любимымъ есть лучшее средство укрѣпить духъ и усладить сердце, и это конечно ты хорошо понимаешь, потому что никто такъ не умѣетъ любить, какъ ты».

«Ты вѣрно не знаешь, писалъ онъ къ Марселину, что я считаю тебя въ числѣ моихъ друзей; и такъ окажи мнѣ милость, пиши мнѣ чаще и увѣдомь о своемъ здоровьѣ».

Но между лицами, къ которымъ писалъ св. Златоустъ изъ мѣста своего заточенія, самою любезною для его сердца особою была его родная сестра. «Двукратныя крѣпкія узы связываютъ меня съ тобою, писалъ онъ ей, любезнѣйшая сестра, самымъ тѣснымъ образомъ,—природа и благодать. Я тебя люблю, потому что мы имѣемъ одну и туже мать, но еще болѣе люблю и почитаю потому что ты, оторвавшись отъ міра, поправъ ногами всю его суету, презрѣвъ какъ дымъ и пыль его почести и удовольствія, вознеслась къ небу на крыльяхъ вѣры и благочестія. Я радуюсь, видя, что твое стремленіе къ небу не задерживается ни услугами мужу, ни заботами о воспитаніи дѣтей, ни попеченіями о домѣ, ни развлеченіями мірскими. Я радуюсь, что никакія связи, никакія дѣла не останавливаютъ твоего быстраго теченія къ небу, и что всѣ препятствія, которыя могли бы задержать тебя, ты разрываешь, какъ паутину. Я считаю нужнымъ выразить тебѣ истинную мою радость твоему образу жизни; но еще болѣе почитаю нужнымъ объяснить тебѣ случай къ гоненіямъ, которыя терплю, и ссылкѣ, на которую осужденъ. Впрочемъ о всемъ этомъ ты имѣешъ много средствъ и безъ меня узнать, и твое нѣжное участіе и безпокойство за меня болѣе имѣетъ нужды въ успокоеніи. Успокойся же и утѣшься тою мыслію, что жизнь человѣческая есть путешествіе, и что путь добродѣтели есть путь страданій, тогда какъ порокъ идетъ по

стезямъ наслажденій. Не скорби о людяхъ гонимыхъ; но почитай ихъ счастливыми, потому что ихъ терпѣніе увѣнчается славою и безсмертіемъ, если они будутъ терпѣть съ преданностію волѣ Божіей. Не безпокойся и о моей участи; несчастія претерпѣваемыя мною, ничтожными кажутся въ моихъ глазахъ, когда я помыслю о наградѣ. Переноси сама съ мужествомъ свои собственныя страданія, а обо мнѣ не думай много; вмѣсто этого займись лучше воспитаніемъ своихъ дѣтей, а особенно твоего милаго дитяти Епифанія. Тебѣ извѣстна важность обученія ихъ и тѣ награды, которыя Господь уготовляетъ родителямъ, тщательно исполняющимъ свою священную обязанность.... Св. Апостолъ Павелъ убѣждаетъ родителей воспитывать дѣтей въ страхѣ и любви Божіей».

«И если ты, любезнѣйшая сестра, будешь такъ вести себя, то заслужишь безсмертныя награды и мнѣ доставишь безпредѣльную радость; я забуду всѣ свои несчастія; они тогда ничтожны будутъ въ моихъ глазахъ, я мысленно буду вмѣстѣ съ тобою и съ твоимъ семействомъ, и это послужитъ для меня счастіемъ и успокоеніемъ».

Сестра св. Златоуста принимала живое участіе въ его страданіяхъ; однако же ей не суждено было видѣть опять своего брата; по крайней мѣрѣ исторія умалчиваетъ объ этомъ. Его друзья. св. пресвитеры и благочестивыя вдовы, Олимпіада, Никаретта и Пентадія также лишены были утѣшенія видѣть своего достойнаго пастыря, который долго руководилъ ихъ по стезямъ вѣры и христіанскаго благочестія.

Хотя св. Златоустъ и самъ надѣялся на возвращеніе: однако же Церковь константинопольская ни-

когда уже болѣе не оглашалась звуками его краснорѣчивой бесѣды. Впрочемъ прежде, нежели начнемъ повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ его жизни, скажемъ нѣсколько словъ о его заботахъ относительно друзей, которыя его занимали во все продолженіе его пребыванія въ изгнаніи.

Какъ ни велики были скорби, претерпѣваемыя св. Златоустомъ, однако же живая вѣра его оставалась неколеблемою, упованіе неизмѣннымъ, любовь къ Богу одинаково пламенною. Всегда и за все благословляя Господа, онъ хотѣлъ показать, что во всякое время и во всякомъ мѣстѣ одинаково любитъ Господа. Онъ какъ неутомимый виноградарь въ виноградникѣ своего Домовладыки, съ ранняго утра начавъ работать, до послѣдняго часа дня хотѣлъ нести трудъ и зной.

Изъ его многочисленныхъ писемъ, которыя онъ писалъ изъ Кукуза, видно что онъ всегда былъ занятъ мыслями, достойными усерднаго пастыря и пламенно ревностнаго епископа. Его письма по содержанію своему весьма разнообразны. Одни изъ нихъ предметомъ своимъ имѣютъ дружественную бесѣду съ лицами, остававшимися ему вѣрными. Нѣкоторыя заключали въ себѣ утѣшеніе, каково письмо въ Студію, префекту константинопольскому, по случаю смерти его сына; подобнаго содержанія было письмо Мальху, скорбѣвшему о смерти дочери. «Полное участіе принимаю въ твоей скорби», писалъ св. Златоустъ Мальху, «но въ тоже время прошу тебя, достойный почтенія мужъ, не допускай себя до разслабленія отъ сильной печали. Нѣтъ, смерти своей любимой дочери не приписывай твоимъ грѣхамъ. Это

былъ уже созрѣвшій для неба плодъ, и ты положилъ его въ самое безопасное мѣсто, въ руки нашего отца. Утѣшься, она вошла въ покойную пристань жизни безконечной. Убѣжавъ отъ ярости волнъ настоящей жизни, она теперь находится вдали отъ всякой опасности, стоитъ на недвижимомъ камнѣ, на которомъ сокрыты всѣ ея сокровища. Размышляй о сихъ утѣшительныхъ словахъ, повторяй ихъ благоговѣйнѣйшей особѣ, матери этого любезнаго дитяти, и составляй изъ нихъ спасительное лекарство, могущее успокоить ея скорбь; и ты самъ, съ совершенною покорностію волѣ Божіей, переноси скорбь отсутствія ея и благословляй десницу Того, Который посылаетъ намъ скорби для того, чтобъ увеличить наши заслуги и награды, обѣщанныя душамъ кроткимъ и смиреннымъ.

Но св. Златоустъ недовольствовался тѣмъ, чтобъ подавать чрезъ письма только утѣшеніе и выражать состраданіе. Хотя онъ былъ посланъ въ заточеніе и находился вдали отъ Константинополя, однако же всегда смотрѣлъ на себя, какъ на пастыря и епископа. Злоба враговъ могла удалить его отъ среды его народа, но она не могла оторвать его любящаго сердца отъ попеченій о любимой своей паствѣ. Движимый ревностію о просвѣщеніи оной, онъ въ своихъ письмахъ укорялъ тѣхъ изъ пресвитеровъ, которые нерадиво исполняли свои обязанности. Таковы были два пресвитера въ Константинополѣ, Ѳеофилъ и Саллюстій; Саллюстій говорилъ поученія въ храмѣ только пять разъ съ іюня мѣсяца до октября; а Ѳеофилъ и одного разу не говорилъ въ этоже время. Св Златоустъ въ одномъ своемъ письмѣ жалуется на это.

«Я съ чрезвычайнымъ прискорбіемъ узналъ, что вы небрежете объ исполненіи своихъ обязанностей; съ самаго моего отъѣзда, вы не ходите къ церковной службѣ и не проповѣдуете слова Божія; никакое извѣстіе въ моемъ изгнаніи не могло принести мнѣ столько скорби, какъ это. Напишите мнѣ въ свое оправданіе, или по крайней мѣрѣ, если виноваты, скажите, что этого впередъ не случится никогда. Не огорчайте вашего друга лѣностію, недостойною священства. Неизчислимыя награды назначены за дѣла благочестивой ревности; но также какое наказаніе должно ожидать васъ за нерадѣніе о вашихъ обязанностяхъ! Подумайте, что лѣнивый рабъ евангельскій обвиненъ и наказанъ не за то, что потерялъ талантъ, но за то только, что зарылъ его. Какъ же вы осмѣливаетесь предаваться преступному бездѣйствію, тогда какъ изъ прочихъ епископовъ и пресвитеровъ, одни подвергаются гоненіямъ, другіе изгоняются вонъ, а нѣкоторые заточаются въ ссылку? Утѣшьте же вашею ревностною дѣятельностію мою опечаленную душу. Сколько я радуюсь, узнавая объ усиліи однихъ доставить своими дѣйствіями торжество вѣрѣ и Церкви, столько же скорблю, слыша о нерадивомъ исполненіи нѣкоторыми своихъ обязанностей. И такъ (прошу васъ) поддержите этотъ бѣдный народъ скорбящій, это стадо Іисуса Христа, преслѣдуемое, и старайтесь заслужить вашими трудами награду, которую Домовладыка обѣщалъ вѣрнымъ и прилѣжнымъ дѣлателямъ». Слова св. Златоуста имѣли могущественное вліяніе на сердца, будучи подтверждаемы примѣромъ его собственной благочестивой ревности.

Изгнаніе его, по распоряженію Промысла Божія,

было весьма полезно для распространенія между языческими народами св. вѣры,—распространенія, которое было постояннымъ занятіемъ его и въ Константинополѣ. И разныя скорби и непріятности, окружавшія его въ ссылкѣ, не препятствовали ему упражняться въ этомъ святомъ дѣлѣ, и дѣлахъ милосердія. Имѣя изобиліе въ деньгахъ, получаемыхъ имъ отъ его друзей константинопольскихъ и антіохійскихъ, онъ выкупалъ у Исаврянъ многихъ плѣнныхъ, доставлялъ необходимое многимъ бѣднымъ [1], а также избытки приношеній посылалъ въ пособіе миссіонерамъ, подвизавшимся въ обращеніи языческихъ народовъ къ свѣту истиннаго богопознанія, въ Персіи, въ Финикіи, въ Аравіи и у Готѳовъ. Въ одномъ своемъ письмѣ къ Олимпіадѣ, проситъ ее оказать епископу Маруѳѣ, подвизавшемуся въ обращеніи иновѣрцевъ въ Персіи, всевозможное пособіе и утѣшеніе, и увѣдомить объ его успѣхахъ въ проповѣданіи евангельскаго ученія въ сей странѣ [2]. Въ письмѣ къ пресвитеру Николаю, миссіонеру финикійскому, св. Златоустъ убѣждаетъ его усерднѣе заниматься обращеніемъ иновѣрцевъ, какъ самому, такъ и чрезъ тѣхъ, которые могутъ быть употреблены въ этомъ дѣлѣ съ пользою, и вмѣстѣ совѣтуетъ озаботиться пріисканіемъ новыхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, такъ чтобы вся страна могла наполниться людьми, воодушевленными благочестивою ревностію о распространеніи славы Божественной и спасеніи душъ. Не много спустя послѣ сего онъ отправилъ въ эту страну двухъ

---

[1] Созоменъ кн. 8, гл. 27.

[2] Письмо 14, § 5.

пустынниковъ, Іоанна и Геронтія. «Когда пастухъ, говорилъ онъ имъ, видитъ свое стадо въ опасности, онъ мужественно возстаетъ на его защиту, вооружается палкою, каменьями и пращею. Если Іаковъ терпѣлъ въ продолженіи четырнадцати лѣтъ холодъ и зной, безсонныя ночи и утомленіе отъ трудовъ, если все это сносилъ онъ, имѣя въ виду цѣль только земную, чтобъ обезопасить благосостояніе неразумныхъ овецъ; подумайте же, какую должны имѣть ревность въ дѣлѣ мы, когда дѣло идетъ о спасеніи погибающихъ душъ? Не бойтесь угрожающихъ бѣдъ, противьтесь встрѣчающимся препятствіямъ и бурямъ, вооружитесь святымъ мужествомъ, ведите съ собою ревностныхъ сотрудниковъ, которыхъ только можете найти, и отправляйтесь безъ замедленія. Не бойтесь, вы ни въ чемъ не будете имѣть недостатка, ни въ пріютѣ для ночлега, ни въ обуви, ни въ пищѣ. Я озабочусь объ удовлетвореніи всѣхъ вашихъ нуждъ. Вы можете тамъ упражняться въ обычныхъ дѣлахъ благочестія, какъ и въ пустынѣ; вы тамъ найдете также постъ, бдѣніе и подвиги самоумерщвленія, и еще болѣе—спасеніе безчисленнаго множества душъ, награды соединенныя съ опасностями, которымъ вы тамъ будете подвергаться, и, наконецъ, вѣнцы блаженнаго безсмертія. Пишите мнѣ объ успѣхахъ вашей вѣры, сообщайте свѣдѣнія о вашихъ трудахъ и опасностяхъ, дабы я могъ порадоваться о Господѣ». Послѣ сего св. Златоустъ послалъ туда же Руфина и нѣкоторыхъ другихъ пресвитеровъ, изгнанныхъ изъ Антіохіи тамошнимъ епископомъ Порфиріемъ.

Между миссіонерами, посланными св. Златоустомъ въ Финикію, также былъ и монахъ, обитатель антіо-

хійскихъ горъ, давнишній другъ его и ревностный защитникъ его невинности, св. Афраатъ. Намъ уже извѣстна ревность этого святаго мужа, его независимость отъ внѣшнихъ условій общественной жизни, его свобода въ выраженіи убѣжденій, его горячность, съ которою онъ возставалъ противъ ереси и его отвѣтъ Валенту, въ которомъ выражалась его мужественная и благородная душа. Соединенный чувствами святой любви съ св. Златоустомъ и со всѣми страдавшими за вѣру, Афраатъ, не смотря на удаленіе св. Златоуста изъ Антіохіи, всегда сохранялъ къ нему уваженіе и любовь; и даже во время его изгнанія, когда многіе знатные и богатые оставили его, онъ всегда пребылъ ему вѣренъ. И этотъ преданнѣйшій другъ посѣтилъ святаго изгнанника и въ самомъ Кукузѣ; онъ принесъ св. Златоусту отъ Діогена, одного изъ богатѣйшихъ и добродѣтельныхъ жителей Антіохіи, очень большую сумму серебра. Но приношенія св. Златоусту со всѣхъ сторонъ были такъ велики, что онъ сначала сталъ было отказываться отъ даровъ, ему приносимыхъ. Но Афраатъ заставилъ его принять и оцѣнить даръ, несенный такъ далеко и съ такими опасностями. Св. Златоустъ хотя взялъ усердное приношеніе, однакоже не для себя, но поручилъ Афраату испросить у Діогена позволеніе отослать присланныя имъ деньги въ Финикію подвизавшимся тамъ миссіонерамъ.

Между тѣмъ папа Иннокентій, скорбя о несогласіи, возмущающемъ восточную Церковь и сожалѣя о невинно страждущемъ св. епископѣ, собралъ епископовъ западныхъ, общимъ совѣтомъ которыхъ положено собрать новый многочисленнѣйшій соборъ изъ

епископовъ восточной и западной Церкви, и, для большаго успѣха въ этомъ, просили императора Гонорія написать письмо къ брату Аркадію, прося его содѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Гонорій охотно принялъ предложеніе и написалъ Аркадію письмо, которое было уже третіе, прося его собрать восточныхъ епископовъ въ Ѳессалоникѣ для обсужденія вмѣстѣ съ западными епископами дѣлъ св. Златоуста, по мнѣнію многихъ благонамѣренныхъ лицъ, несправедливо осужденнаго.

Такъ пять епископовъ съ двумя пресвитерами римской Церкви и епископами, присланными прежде по этому дѣлу съ востока, отправились въ Константинополь, имѣя при себѣ письма отъ императора Гонорія и Иннокентія съ епископами, — просить согласія Аркадія и его содѣйствія къ созванію собора [1]. Главная цѣль этого посольства была возвратить св. Іоанна на константинопольскій престолъ, и чрезъ то водворить миръ и согласіе въ Церкви; но врагъ мира, діаволъ, дѣйствуя въ лицѣ враговъ св. Златоуста, и теперь воздвигъ препятствія къ достиженію столь благотворной цѣли. Посланные отъ папы, прежде прибытія въ Константинополь, должны были заѣхать въ Ѳессалонику для передачи писемъ епископу св. Анисію, также дружественно расположенному къ св. Златоусту, какъ и всѣ македонскіе епископы. Но въ то время, какъ корабль ихъ шелъ близъ береговъ Греціи, чтобъ пристать въ Аѳинахъ, они были остановлены военнымъ трибуномъ, который, передавъ ихъ сотнику—подъ надзоръ, воспрепятствовалъ имъ быть

[1] Созоменъ, тамъ же гл. 28.

въ Ѳессалоникѣ. Вскорѣ послѣ сего ихъ разсадили на два корабля и отправили въ Константинополь. Уносимые попутнымъ вѣтромъ, они скоро переплыли Архипелагъ и Дарданельскій проливъ, и на третій день были въ виду города. Въ это время они оставались безъ пищи. По прибытіи въ Константинополь посланные надѣялись вскорѣ быть представленными Аркадію и вручить ему письмо отъ Гонорія, но надежды ихъ не сбылись и въ этомъ случаѣ. Дворъ, по клеветамъ враговъ, дѣйствовалъ не согласно съ ихъ намѣреніями. Въ ту минуту, когда корабль лишь только присталъ къ пристани, его тотчасъ же повернули назадъ и направили къ берегамъ Ѳракіи, и тамъ всѣхъ, посланныхъ изъ Рима, заключили въ одной изъ приморскихъ крѣпостей. Тамъ, раздѣленные одинъ отъ другаго, часто оставаясь безъ пищи, лишенные всякаго общенія съ людьми благорасположенными, не получая ни откуда пособія, принуждены были претерпѣвать всевозможныя скорби. Письма, привезенныя ими, были похищены, и такимъ образомъ всѣ усилія папы, императора и собора къ возстановленію мира, имѣли послѣдствіями только то, что привлекли еще большія гоненія и скорби на епископовъ и пресвитеровъ, остававшихся вѣрными св. Златоусту. Всѣ его друзья были осуждаемы и заточаемы въ самыя пустынныя страны на послѣднихъ предѣлахъ имперіи.

Св. Златоустъ, узнавъ въ своемъ изгнаніи о попечительности объ немъ папы и благорасположеніи къ нему многихъ западныхъ епископовъ, писалъ многимъ благодарственныя письма, между прочими и Исихію салонскому: «хотя я изгнанъ,—писалъ онъ ему,—на конечные предѣлы міра и отдаленъ отъ вашего свя-

тѣйшества на неизмѣримое пространство; однакоже, переносясь на крыльяхъ дружбы, соединяющей меня съ вами, безъ труда всегда бываю близъ васъ; ибо дружба знаетъ средства сокращать самыя длинныя разстоянія. Я васъ обнимаю со всею нѣжностію искренней любви, и благодарю за ваше стараніе къ умиротворенію восточной Церкви, и прошу васъ вмѣстѣ съ симъ продолжать начатое до тѣхъ поръ, пока тишина заступитъ мѣсто бури, и вмѣсто войны водворится миръ».

«Вы конечно не имѣете нужды въ моихъ убѣжденіяхъ, потому что благочестивое дѣло начали еще до полученія моего письма; но я самъ имѣю нужду просить васъ, потому что зло не слабѣетъ въ своей силѣ. Итакъ мужайтесь, прошу васъ, не уступайте бурѣ, и соотвѣтственно предстоящему злу прилагайте приличное лекарство; чѣмъ сильнѣйшую выдержите борьбу, чѣмъ болѣе перенесете трудовъ, тѣмъ большую заслужите награду у Бога». Такого же рода письма писалъ онъ и къ другимъ епископамъ. Его признательность къ оказаннымъ услугамъ, искренняя привязанность къ народу, равно какъ и пламенная ревность, наполнявшая его сердце, преданное благу Церкви, также ясно высказывались въ его письмахъ и къ восточнымъ епископамъ и пресвитерамъ, терпѣвшимъ гоненіе за него. Но особенно ясно высказываются сіи чувства въ его второмъ письмѣ, писанномъ къ Иннокентію въ третій годъ его изгнанія.

«Хоть мое тѣло сковано и лежитъ въ одномъ темномъ углѣ земной поверхности», писалъ онъ ему, «но душа моя, носимая на крылахъ любви, облетаетъ всѣ страны, достигая послѣднихъ предѣловъ вселен-

ной. Чрезвычайно обширное разстояніе мѣстъ нашего пребыванія не въ силахъ меня удалить отъ твоего благочестія, и не проходитъ ни одного дня, когда бы я не имѣлъ съ тобою душевнаго общенія. Такъ каждый день я удивляюсь благородству твоей души, нѣжности твоей любви и твоей непоколебимой твердости, каждую минуту вспоминаю о томъ невыразимомъ утѣшеніи, которое ты мнѣ подалъ и воспоминаніе объ этомъ вѣчно пребудетъ со мною. Твое бодрствованіе, благочестивѣйшій архипастырь и отецъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ выше поднимаются волны, чѣмъ скрытнѣе подводные камни, и чѣмъ съ большею силою поднимается буря: ни разстояніе мѣстъ, ни продолжительность времени, ни затруднительность обстоятельствъ,—ничто не ослабляетъ твоей ревности».

«Подобныя размышленія обязываютъ меня засвидѣтельствовать тебѣ мою искреннѣйшую благодарноть, и вмѣстѣ съ симъ сказать, что имѣть возможность часто писать къ тебѣ всегда будетъ для меня величайшимъ утѣшеніемъ. Но пространство, насъ раздѣляющее, недостатокъ случаевъ удобныхъ и вѣрныхъ, нападеніе варваровъ, запершихъ всѣ пути, служатъ величайшимъ препятствіемъ къ тому. И я прошу тебя, благоговѣйнѣйшій отецъ, приписать мое долгое молчаніе не нерадѣнію, но невозможности частаго общенія; я увѣренъ впрочемъ, что твое благочестіе не обвинитъ меня, но скорѣе пожалѣетъ. Твое благочестіе сдѣлало все, что можно было сдѣлать доселѣ; и если бы успѣхъ соотвѣтствовалъ твоимъ желаніямъ, то всѣ возмущенія утихли бы, ошибки исправились, соблазнъ прекратился; церкви наслаждались бы глубокимъ спокойствіемъ, и вмѣсто презрѣнія законовъ и прене-

бреженія правилами святыхъ отцевъ, мы увидѣли бы повсюду порядокъ и удивительную стройность во всѣхъ дѣлахъ. Но такъ какъ злость человѣческая не только не уврачевалась отъ твоихъ усилій, но еще увеличились смуты и бѣдствія до того, что нѣтъ словъ къ выраженію всего происходящаго; то я заклинаю твою пастырскую бдительность не ослабѣвать въ борьбѣ, не оставлять злыхъ людей при ихъ упорствѣ, но мужественно подвизаться при излеченіи нравственныхъ ранъ, хоть бы онѣ казались неисцѣльными. И ничего не можетъ быть достойнѣе твоей ревности! Дѣло идетъ о пользѣ вселенской Церкви, о возстановленіи ниспровергнутыхъ церквей, о приведеніи народа къ единенію, о возвращеніи сосланныхъ епископовъ и о возвращеніи надлежащей силы всѣмъ священнымъ постановленіямъ святыхъ отцевъ, теперь находящимся въ попраніи. Вотъ почему я тебя прошу, умоляю, святѣйшій отецъ, обратить вниманіе на силу бури и дѣйствовать съ твердостію къ ея утишенію. Ты въ этомъ успѣешь, я увѣренъ. Но хоть бы этого и не случилось, твои заслуги не потеряютъ цѣнности въ глазахъ Господа; одна попечительность твоей любви исполнитъ неописаннымъ утѣшеніемъ тѣхъ, которые стенаютъ подъ тяжестію несправедливости. Я не жалуюсь на собственныя страданія, болѣзни, голодъ, войны, убійства, ужасъ уединенія, страхъ быть убитымъ отъ варваровъ, тысячи смертей, висящія надъ моей головою, все для меня ничто, нисколько не смущаетъ; твоя постоянная любовь, нѣжная дружба и благоволеніе, выраженныя тобою ко мнѣ, заставляютъ меня забыть собственныя мои скорби и страданія, и доставляютъ столько утѣшенія, что нѣтъ словъ къ

выраженію сего. Твое благорасположеніе служитъ для меня крѣпкою стѣною, безопаснымъ убѣжищемъ, спокойною пристанью, драгоцѣннымъ сокровищемъ, источникомъ безпредѣльныхъ утѣшеній и истиннымъ счастіемъ. Хоть бы меня изгнали изъ Кукуза, хоть бы сослали въ мѣсто еще болѣе пустынное, — ничто не возмутитъ меня; вездѣ я буду счастливъ, лишь бы только я могъ быть увѣреннымъ въ твоемъ ко мнѣ благорасположеніи».

Это письмо, въ которомъ такъ ясно выражается душа и сердце св. Златоуста, было написано въ 406 году. Сказанныя нами происшествія, т. е. оскорбленія и насиліе, сдѣланныя посланнымъ отъ папы епископамъ, были извѣстны св. Златоусту. Онъ имѣлъ скорбь слышать о возобновившихся съ новою силою преслѣдованіяхъ въ Константинополѣ, Антіохіи, и во всей имперіи; епископы, пресвитеры и всѣ вѣрные снова подверглись злословію, клеветамъ, насилію, преслѣдованію и ссылкѣ. Чѣмъ болѣе западные епископы употребляли усилій къ умиротворенію Церкви, тѣмъ болѣе нечестивые изъ восточныхъ епископовъ старались воздвигнуть препятствій къ возстановленію мира.

Св. изгнанникъ воздыхалъ и сѣтовалъ о всѣхъ сихъ бѣдствіяхъ, и, желая подать утѣшеніе однимъ, вразумить и поддержать другихъ, не смотря на разстроенное здоровье, непрестанныя опасности и бѣдствія изгнанія, написалъ сочиненіе, коего одно заглавіе заключаетъ въ себѣ сущность христіанской философіи. Объ этомъ сочиненіи св. Златоустъ упоминаетъ въ 4-мъ письмѣ своемъ къ Олимпіадѣ. «Посылаю къ тебѣ нѣчто, говоритъ онъ, недавно мною на-

писанное о томъ, что кто самъ себѣ не дѣлаетъ обиды, того никто обидѣть не можетъ».

«Многіе, говоритъ св. Златоустъ, по своимъ погрѣшительнымъ мнѣніямъ почитаютъ вреднымъ для себя совсѣмъ не то (что есть въ самомъ дѣлѣ вредно), одни бѣдность, другіе болѣзнь, иные потерю имѣнія, клевету, смерть, и о подвергшихся симъ несчастіямъ сокрушаются и плачутъ... Но никто не плачетъ о живущихъ худо; но что всего хуже,— часто и счастливыми даже называютъ ихъ, что самое и служитъ причиною всѣхъ золъ» [1]. Потомъ показавъ, что совершенство человѣка состоитъ не въ обладаніи большими суммами денегъ, ни въ крѣпости силъ тѣлесныхъ, ни въ хорошемъ мнѣніи народномъ, ни въ покойной и безпечальной жизни, ни въ зависимости отъ чуждой власти; но въ вѣрномъ и правильномъ образѣ мыслей и въ доброй жизни, говоритъ, что этого сокровища немогутъ отнять не только люди, но и самъ діаволъ, если только имѣющій его сберегаетъ съ надлежащимъ раченіемъ [2]. И это подтверждаетъ примѣрами святыхъ, которые, лишаясь, по видимому, всего, подвергаясь даже злостраданіямъ, но сохраняя при этомъ непорочную совѣсть съ любовію къ Богу, не только не теряли ничего, но въ самыхъ лишеніяхъ находили для себя пріобрѣтеніе и славу.

«Скажи мнѣ, вопрошаетъ онъ, какой вредъ принесло Апостоламъ то, что они непрестанно боролись съ голодомъ и жаждою и наготою? Не это ли самое и содѣлало ихъ болѣе славными и знаменитыми, и не

[1] Хр. Чтен. 1824 года, ч. 13, стр. 8, 9.

[2] Тамъ же стр. 11.

этимъ ли особенно привлекли на себя благоволеніе Божіе и небесную помощь? Какой вредъ Лазарю причинила болѣзнь, и раны и нищета и безпомощное состояніе? Не изъ сего ли паче сплетены ему вѣнцы? Какой вредъ для Іосифа то, что онъ въ худомъ былъ мнѣніи въ собственной землѣ и чужой? Ибо его звали и прелюбодѣемъ и блудникомъ. Повредило ли ему рабство и удаленіе изъ отечества? Не потому ли болѣе хвалимъ его и удивляемся? Но что я говорю о удаленіи изъ отечества, и о бѣдности, и о худомъ мнѣніи и о рабствѣ? Самая смерть какой причинила вредъ Авелю, смерть и насильственная и безвременная, и такая, которую дерзнула нанести рука брата? Не потому ли вездѣ во вселенной прославляется онъ» [1]? «Но хотя праведные, страждущіе отъ злоумышленниковъ, и дѣлаются славнѣе; но сіе зависитъ не отъ намѣренія злоумышляющихъ, а отъ мужества тѣхъ, на кого злоумышляютъ. Посему симъ послѣднимъ опредѣляются и готовятся награды за здравомысліе, а тѣмъ наказаніе за зло» [2].

Такъ скорби и лишенія никому не могутъ вредить, они полезны, даже необходимы. Жизнь есть училище терпѣнія, непрестанная борьба, пещь пламенѣющая. Богъ ввергаетъ въ эту пещь бѣдствій для того, чтобъ чрезъ то очистить насъ, пробудить отъ разслабленія, содѣлать души болѣе сильными, и въ тоже время отвѣять зерно отъ покрывающей ее плевы. Итакъ покоримся распоряженіямъ Божественнаго Промысла съ вѣрою въ Его благость, не будемъ требовать отчета

---

[1] Тамъ же стр. 14.
[2] Тамъ же стр. 16.

въ Его дѣйствіяхъ, тѣмъ болѣе, что и больной не требуетъ у врача отчета въ дѣйствіяхъ, когда тотъ производитъ новыя раны на тѣлѣ его, чтобъ излечить. Не удивляйтесь скорбямъ, которыя вы видите въ Церкви; вспомнимъ, что тоже было всегда съ мучениками, неустрашимыми свидѣтелями истины. Размышляйте о всемъ этомъ, возлюбленные братья, смотрите на примѣръ святыхъ, и воодушевляйтесь симъ созерцаніемъ, пребывайте тверды и непоколебимы въ ожиданіи уготованныхъ намъ благъ; эти блага, эти награды не сравнются только съ вашими трудами и страданіями, но несравненно превзойдутъ ихъ. Вы получите не награды только временныя, гибнущія, но радости нескончаемыя.

Такія убѣжденія произвели конечно свое дѣйствіе: терпѣвшіе за истину воодушевлялись большимъ мужесвомъ. Но миръ церкви не возстановлялся; епископы, пресвитеры, весь клиръ и весь народъ, приверженные къ св. Златоусту, все удалялись отъ общенія съ врагами его, а враги еще съ большимъ ожесточеніемъ преслѣдовали ихъ.

Иннокентій, зная о всѣхъ бѣдствіяхъ волновавшихъ восточную Церковь, и увѣренный въ невинности св. Златоуста, все еще страдавшаго въ изгнаніи, за невозможностію вдругъ прекратить эти бѣдствія, хотѣлъ по крайней мѣрѣ подать утѣшеніе нѣкоторымъ страждующимъ, и потому написалъ одно письмо св. Златоусту, а другое константинопольскимъ клирикамъ. Приведемъ здѣсь письмо, писанное къ св. страдальцу.

«Возлюбленному брату Іоанну — Иннокентій». — Такъ началъ свое письмо предстоятель римской Церкви. — «Хотя невинный всего добраго долженъ ожи-

дать отъ Бога и у Него просить милости; однако и мы, какъ совѣтники незлобія, чрезъ діакона Киріака посылаемъ тебѣ приличное письмо, чтобы обида не столько удручала силы, сколько добрая совѣсть укрѣпляетъ надежду. Ты, пастырь и учитель стольких народовъ, не имѣешь нужды въ томъ, чтобы тебя учили; ты знаешь, что отличные люди всегда и часто искушаются, если сохраняютъ всю силу терпѣнія и не поддаются никакому тяжкому чувству злостраданія. Совѣсть, по истинѣ, есть твердыня противъ всѣхъ незаслуженныхъ бѣдствій. Кто не побѣдитъ ихъ терпѣніемъ, тотъ подастъ поводъ къ худому о себѣ мнѣнію; ибо слушающійся сперва Бога, а потомъ своей совѣсти долженъ переносить все. Добрый и честный человѣкъ въ терпѣніи сильно упражняться можетъ, но побѣжденнымъ быть не можетъ, потому что помыслы его сохраняются божественнымъ Писаніемъ; а предлагаемыя нами народу чтенія о дѣлахъ божественныхъ весьма обильны примѣрами и свидѣтельствуютъ, что почти всѣ святые страдали различнымъ образомъ, и, постоянно искушаясь, какъ бы на какомъ испытаніи, чрезъ то сподоблялись воспринять вѣнецъ терпѣнія. Итакъ любовь твою, честнѣйшій братъ, да утѣшитъ сама совѣсть, которая въ скорбяхъ обыкновенно утѣшаетъ добродѣтельныхъ; ибо чистая совѣсть, по смотрѣнію Господа Іисуса Христа, приводитъ къ пристанищу мира» [1].

Сердечное участіе Иннокентія, выражавшееся въ этомъ письмѣ, очень радовало св. Златоуста. Онъ надѣялся, что при его содѣйствіи, возмущенія, раздѣляющія восточную Церковь, и разсѣвающія его стадо,

[1] Созоменъ гл. 26.

вскорѣ утихнутъ; изгнанные за него епископы будутъ возстановлены, и всѣ вѣрные, ежедневно проливающіе горькія слезы о его удаленіи, будутъ наконецъ, подъ его руководствомъ, служить въ мирѣ Господу и содѣлывать свое спасеніе. Эти сладкія надежды онъ выражалъ въ своемъ письмѣ къ Олимпіадѣ, писанномъ въ 407 году. «Если печалитъ тебя разлученіе со мною, говоритъ онъ ей, то подожди конца ему. Это сказалъ я теперь не для того, чтобы повеселить тебя; нѣтъ, — я знаю вѣрно, что будетъ такъ. Ибо еслибы я не надѣялся конца моимъ испытаніямъ, которыя постигли меня, то мнѣ кажется, я давно бы уже оставилъ жизнь свою. Не говорю уже о бѣдствіяхъ, какія терпѣлъ я въ Константинополѣ; но ты можешь вообразить, сколько потерпѣлъ я по удаленіи изъ Константинополя, сколько перенесъ непріятностей во время долгаго и тяжкаго путешествія моего..., а многія изъ этихъ непріятностей достаточны были къ тому, чтобы уморить человѣка..., сколько перенесъ по прибытіи сюда, сколько по переселеніи моемъ изъ Кукуза, сколько, наконецъ, послѣ пребыванія моего въ Арабиссѣ. Но всѣхъ тѣхъ опасностей я избѣжалъ, и теперь наслаждаюсь здоровьемъ, и большею безопасностію» [1].

Таковы были надежды св. Златоуста; но онѣ не осуществились. Богъ попустилъ быть такъ безъ сомнѣнія для того, чтобы дать ему нѣкоторое услажденіе въ страданіяхъ, или для того, чтобы сохранить его въ святомъ смиреніи до послѣдняго часа.

Но въ ту минуту, когда святый изгнанникъ пи-

---

[1] Къ Олимпіадѣ письмо 4 § 4.

салъ къ Олимпіадѣ эти строки, полныя надежды, его непримиримые враги, Северіанъ гавальскій, Аттикъ константинопольскій, Порфирій антіохійскій и нѣкорые другіе, составляли уже новые замыслы противъ него. Иначе впрочемъ и немогло быть. Никогда св. Златоустъ, ни въ Антіохіи, ни въ Константинополѣ, не былъ въ такой славѣ, какъ теперь; его имя повторялось на всѣхъ концахъ земли; разсказъ о гоненіяхъ, имъ терпимыхъ, слухъ о его высокихъ добродѣтеляхъ разносился повсюду; весь міръ былъ занятъ мыслію объ немъ. Но по чувствамъ къ нему всѣ дѣлились на двѣ части: на одной сторонѣ были папа и римскій дворъ, епископы, пресвитеры, дѣвственницы, и всѣ вообще жаждавшіе правосудія, ревновавшіе о славѣ св. Церкви и любившіе св. Златоуста; съ другой бродяги, низкіе душею царедворцы, недостойные своего званія епископы и пресвитеры, движимые завистію, увлекаемые честолюбіемъ, и достигшіе высшихъ степеней священства низкими происками и преступнымъ ласкательствомъ. Кукузъ и Арабисса сдѣлались безсмертными въ памяти потомства. Письма, писанныя св. Златоустомъ изъ этихъ мѣстъ, поставили его въ тѣсныя отношенія со всѣми знаменитѣйшими и вмѣстѣ благочестивыми лицами имперіи; въ эти пустынныя и отдаленныя мѣста стекались лица достопочтенныя со всѣхъ концевъ земли: изъ Финикіи. Сиріи, Сициліи, Константинополя и Антіохіи, Одни приходили для того, чтобъ припасть къ ногамъ святаго изгнанника въ знакъ своего благоговѣнія къ нему, услышать изъ его устъ добрый совѣтъ и утѣшеніе и испросить охраненіе въ святыхъ его молитвахъ; другіе, увлекаемые разсказами о высокихъ его достоин-

ствахъ, не хотѣли умереть, не видѣвши столь знаменитаго изгнанника; нѣкоторые же даже поселялись въ Кукузѣ, или окрестностяхъ его для того только, чтобъ имѣть счастіе чаще наслаждаться его бесѣдою. Тѣ же, которые не имѣли возможности сами придти къ нему, присылали своихъ служителей съ разными подарками, знаками искренней любви къ нему и попечительности о его благосостояніи. Къ нему прибѣгали епископы, пресвитеры и всѣ вѣрные, преслѣдуемые и изгоняемые изъ своихъ мѣстъ двумя епископами антіохійскимъ и константинопольскимъ. Изъ Кукуза и Арабиссы, наконецъ разносились письма съ пастырскими распоряженіями и ободреніемъ пустынникамъ и пресвитерамъ, занимавшимся проповѣданіемъ Евангелія въ Арменіи, Финикіи, Аравіи, Персіи и другихъ мѣстахъ; вмѣстѣ съ этимъ посылаемо было миссіонерамъ для вспоможенія нуждающимся множество разныхъ пожертвованій отъ лицъ усердствующихъ и отъ самаго св. Златоуста, имѣвшаго всегда избытокъ въ приношеніяхъ друзей.

Враги св. Златоуста не могли равнодушно смотрѣть на усердіе и преданность, съ которою къ нему всѣ прибѣгали. Всеобщее уваженіе къ нему сильно возмущало ихъ, пробуждая въ душѣ мучительную зависть; хотя св. Златоустъ былъ изгнанникъ, но его пастырская ревность о благѣ Церкви, его могущество приводило ихъ въ смущеніе. Притомъ путешествіе восточныхъ епископовъ въ Римъ, посольство римскихъ епископовъ къ Аркадію императору, все это приводило ихъ въ непріятное положеніе, заставляло опасаться потерять свое вліяніе на дѣла церковныя и даже подвергнуться осужденію при разсмотрѣніи дѣлъ

ихъ на новомъ многочисленнѣйшемъ соборѣ. И по этому они всевозможно старались возставить Аркадія противъ св. Златоуста и всѣхъ епископовъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Они говорили, что спокойствіе Церкви дотолѣ не можетъ возстановиться, пока изгнанника будутъ окружать друзья его, а Кукузъ съ Арабиссою будутъ сборнымъ мѣстомъ для приверженцевъ его. Эти мѣста, говорили они, слишкомъ близки къ Антіохіи и Константинополю, и потому просили перемѣнить мѣсто его изгнанія и перевесть въ отдаленнѣйшую часть имперіи, въ мѣста самыя дикія и пустынныя. Слабодушный Аркадій согласился на ихъ требованіе, и св. Златоустъ долженъ былъ предпринять снова мучительное для него путешествіе и окончательное въ его земной жизни.

Много было конечно мѣстъ въ имперіи и дикихъ и пустынныхъ, но ни одно изъ нихъ не соотвѣтствовало такъ злымъ намѣреніямъ враговъ святаго, какъ Питіунтъ. Этотъ небольшой малоизвѣстный городокъ находился въ Колхидѣ, на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ сосѣдствѣ съ Сарматами, народомъ самымъ жестокимъ изъ всѣхъ Скиѳовъ. Туда можно было прибыть и моремъ, но въ такомъ случаѣ нужно было проплыть все пространство Чернаго моря, и сухимъ путемъ, который простирался около 600 верстъ. Но этотъ путь представлялъ очень много затрудненій, нужно было переплывать много рѣкъ, проходить дикія пустыни, чрезвычайно высокія и утесистыя горы. Св. Златоустъ не только съ спокойствіемъ выслушалъ опредѣленіе объ осужденіи его на новое изгнаніе; но покорный во всемъ волѣ Господней, онъ находилъ даже утѣшеніе въ самыхъ страданіяхъ. «Мое сердце,—пи-

салъ онъ Олимпіадѣ,—находитъ величайшее утѣшеніе въ страданіяхъ; въ нихъ сокрыто мое сокровище. И ты должна со мною радоваться и благословлять Господа, удостоившаго меня благодати столько пострадать за Него».

Прибыли, наконецъ, и два чиновника въ Кукузъ, долженствовавшіе вести его; избраны они были самыми врагами его. Враги святаго, боясь, чтобы чиновники, тронутые изнуреннымъ видомъ его и увлеченные всеобщимъ къ нему уваженіемъ, и сами не сдѣлались къ нему сострадательнѣе, обѣщали имъ повышеніе въ чинахъ, если они грубымъ и жестокимъ обращеніемъ съ нимъ на пути доведутъ его до того, что онъ умретъ. И они во всей точности исполнили данныя имъ приказанія. Одинъ изъ нихъ еще имѣлъ нѣкоторое чувство состраданія, и когда видѣлъ св. Златоуста изнемогающимъ отъ пути и почти умиравшимъ отъ изнеможенія, извиняясь говорилъ, что они не могутъ оказать ему облегченія, потому что они получили такого рода приказанія; но другой имѣлъ столь звѣрскій нравъ, что сильно сердился на своего товарища за его снисхожденіе къ бѣдному изгнаннику, самъ же обращался съ святымъ безъ всякаго состраданія и заставлялъ его идти день и ночь. Этотъ человѣкъ, чуждый всякаго чувства состраданія, заставлялъ его преимущественно идти при особенно сильномъ дѣйствіи палящихъ лучей полуденнаго солнца, надѣясь, что слабый путникъ отъ разслабленія заболитъ; сильныя бури и проливные дожди также доставляли ему удовольствіе подвергнуть новымъ страданіямъ святаго изгнанника. Къ жестокости дѣйствій онъ присоединялъ еще злую насмѣшку; когда замѣ-

чалъ, что св. Златоустъ, промокши до костей, дрожалъ, онъ не только не оказывалъ ему никакого сострадапія и пособія, но и смѣялся надъ нимъ. Все, что только могло подкрѣплять силы въ пути, запрещено было: ни питательной пищи, ни перемѣны одежды, ни нѣсколькихъ дней отдыха, ни удобнаго ночлега, ничего не имѣлъ св. Златоустъ. Его жестокіе путеводители ни на минуту не дозволяли ему останавливаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ могъ найти себѣ сострадапіе и облегченіе въ страданіяхъ. Но для необходимаго отдыха избирали мѣста самыя дикія, селенія самыя бѣдныя, гдѣ едва находили одинъ кусокъ хлѣба, и нѣсколько полуразрушенныхъ хижинъ, въ которыхъ проводили два, или три часа ночью.

И этотъ жестокій путь продолжался три мѣсяца. Знаменитый изгнанникъ достигъ наконецъ до Команъ, небольшаго городка въ провинціи Понта, и его силы совершенно истощились. Но грубые воины, не имѣя нисколько сожалѣнія къ нему, не смотря на его изнеможенія, принудили его идти еще далѣе, и онъ едва передвигаясь, еще прошелъ около шести миль. Но пришедъ въ пустынное мѣстечко, гдѣ была церковь съ мощами св. Василиска, епископа команскаго, окончившаго жизнь мученически во время гоненій Максимина, онъ уже нисколько не могъ продолжать путь. Здѣсь оказано было ему одно и единственное во все продолженіе пути снисхожденіе,—ему позволено было пробыть ночь въ молитвенной комнатѣ священника, поставленнаго для священнодѣйствія въ томъ храмѣ, въ которомъ покоились мощи святаго. Но это мѣсто было послѣднимъ предѣломъ страдальческаго путешествія св. Златоуста; здѣсь же должны окон-

читься всѣ его скорби, его изгнаніе, его мученичество; здѣсь же долженъ былъ онъ освободиться отъ ярости гонителей и начать путь уже не въ мѣсто изгнанія, а въ небесное свое отечество.

Въ слѣдующую ночь, по прибытіи сюда, когда св. Златоустъ возносилъ свои теплыя молитвы къ Господу, умоляя Его подать ему помощь къ благодушному несенію невыносимыхъ злостраданій, ему явился св. Василискъ и сказалъ; «Не унывай братъ Іоаннъ! Завтра мы будемъ вмѣстѣ». Это посѣщеніе исполнило его сердце величайшею радостію и утѣшеніемъ; св. Златоустъ принялъ его за предвозвѣщеніе о близкой кончинѣ его. На другой день утромъ онъ просилъ своихъ путеводителей позволить ему здѣсь пробыть до одинадцати часовъ утра; но жестокіе приставники остались глухи къ его прошенію. Даже его прошеніе послужило побужденіемъ къ скорѣйшему отъѣзду, и онъ принужденъ былъ пройти еще тридцать стадій. Но наконецъ силы его до того разслабѣли, болѣзнь такъ сильно овладѣла, что онъ никакъ не могъ далѣе двигаться, и стражи принуждены были возвратиться на то мѣсто, съ котораго начали свой путь, по особенному устроенію Промысла Божія, давая возможность святому страстотерпцу окончить дни жизни своей близь мощей святаго мученика.

Св. Златоустъ, зная, что насталъ послѣдній его исходъ, снялъ съ себя пропитанныя потомъ и грязью одежды и облекся въ чистыя бѣлыя. Раздавъ все свое имущество, оставшееся у него, окружавшимъ его, пріобщился св Таинъ и произнесъ обыкновенную молитву свою: *слава Богу за все!* потомъ сказавъ: *аминь*, и сотворивъ на себѣ крестное знаменіе, по-

койно предалъ духъ свой *въ руки Господа*[1]. Днемъ преставленія его было четырнадцатое число сентября 407 года[2].

Между тѣмъ какъ происходили тѣ печальныя событія, о которыхъ мы говорили, въ Константинополѣ и другихъ областяхъ Римской имперіи епископы, пресвитеры и другіе изъ благоговѣйныхъ христіанъ, устрашенные множествомъ неправдъ и злодѣяній, содрогаясь при мысли о дѣйствіяхъ Правосудія Божественнаго, воздѣвали очи и руки къ небу, умоляя Господа, не наказывать виновныхъ, но пощадить ихъ, обративъ ихъ на путь покаянія. Но молитва ихъ не была услышана. Господь, праведный Судія и мститель угнетаемой невинности, хотѣлъ показать, что тѣ, которые радуются объ успѣхахъ своей злобы и лукавства, будутъ радоваться не долго, и что если Онъ, повидимому, оставляетъ иногда своихъ святыхъ ярости ихъ враговъ, когда думаетъ ихъ очистить чрезъ страданія, то оставляетъ не надолго, и по окончаніи спасительнаго испытанія подвергаетъ справедливой казни безпечныхъ злодѣевъ, которые, забывъ о долготерпѣніи Божіемъ, льстятъ себя гибельною надеждою ненаказанности. Скажемъ теперь о событіяхъ, совершившихся во время изгнанія св. Златоуста, которыя были яснымъ проявленіемъ гнѣва Божественнаго.

30-го сентября небо вдругъ покрылось самыми грозными облаками. Вскорѣ засверкали молніи по всѣмъ направленіямъ, разсѣкая сгустившіяся тучи;

---

[1] Палладій, о жизни Злат. стр. 97—100.

[2] Сократъ кн. гл. 21.

удары грома такъ были страшны, что никогда подобнаго не слыхивали; наконецъ эта страшная гроза разрѣшилась необыкновенной величины градомъ, который произвелъ сильное опустошеніе въ Константинополѣ и окрестностяхъ его. Всѣ жители видѣли въ этой разрушительной грозѣ повтореніе той страшной бури, которая свирѣпствовала при первомъ изгнаніи св. Златоуста. Всѣ благочестивые жители города смотрѣли на это событіе какъ на выраженіе гнѣва Божественнаго за неправое осужденіе святаго епископа.

Гнѣвъ Божій также ощутительнымъ образомъ проявился въ наказаніи главныхъ виновниковъ произведеннаго злодѣянія. Въ четвертый день послѣ описаннаго событія императрица Евдоксія умерла въ жесточайшихъ мукахъ дѣторожденія [1].

Северіанъ габальскій, Акакій беррійскій, Антіохъ птолемаидскій также вскорѣ поражены были смертію. Изъ участвовавшихъ въ совершенномъ злодѣяніи многіе подверглись страшнымъ болѣзнямъ, а иные умерли неестественною смертію.

Въ это время славился святостію своей жизни и былъ извѣстенъ всѣмъ знаменитый пустынникъ св. Нилъ. Императоръ Аркадій, признавая въ совершавшихся предъ глазами его печальныхъ событіяхъ наказаніе Божіе, просилъ его письменно ходатайствовать въ молитвахъ о немъ и объ имперіи; но пустынникъ со всею свободою человѣка, совершено отрѣшившагося отъ міра и вполнѣ преданнаго волѣ Божіей, отвѣчалъ ему: «можешь ли надѣяться освободить Константинополь отъ землетрясеній и огня не-

[1] Созомен. кн. 8, гл. 27.

беснаго, когда въ немъ совершаются безчисленныя преступленія, когда беззаконіе открыто постановляется закономъ, и когда блаженный Іоаннъ, столпъ Церкви, свѣтильникъ истины, труба Іисуса Христа сосланъ въ ссылку» [1]? Въ другое время онъ писалъ ему: Ты лишилъ Церковь чистаго и истиннаго ученія, не живи безъ раскаянія» [2].

Ѳеофилъ александрійскій, главный виновникъ всѣхъ возмущеній и гоненій, вскорѣ послѣдовалъ за своими соучастниками въ могилу. Онъ обладалъ большими способностями, имѣлъ умъ, просвѣщенный изученіемъ разныхъ наукъ, былъ краснорѣчивъ, мужественъ и твердъ въ стремленіи къ предположенной цѣли; но гордость и честолюбіе, а въ слѣдъ за симъ раздражительность въ характерѣ и наклонность къ клеветѣ на противодѣйствовавшихъ его намѣреніямъ привели его къ тѣмъ постыднымъ дѣйствіямъ, которыя навсегда оставили по немъ дурное воспоминаніе въ потомствѣ. Говорятъ, что предъ смертію онъ приказалъ принести себѣ портретъ св. Златоуста; взявъ его въ руки, онъ выражалъ предъ нимъ всѣ знаки почтенія, чтобъ чрезъ это засвидѣтельствовать свое примиреніе съ этимъ святымъ епископомъ.

Земная жизнь св. Златоуста кончилась, а съ нею вмѣстѣ кончились и всѣ труды, опасенія, лишенія и страданія. При вѣсти о смерти его собралось со всѣхъ сторонъ такое множество дѣвственницъ, пресвитеровъ, пустынниковъ и всякаго званія и возраста благовѣйныхъ лицъ, что казалось, собраны были

---

[1] Нил. кн. 2 письмо 265.

[2] Нил. кн. 3 письмо 272.

какимъ-то чудомъ правовѣрные изъ Киликіи, Понта, Арменіи и разныхъ другихъ областей для того только чтобы присутствовать при его погребеніи [1].

Палладій, описывая жизнь св. Златоуста, говорилъ съ убѣжденіемъ, что онъ въ день всеобщаго суда будетъ причтенъ къ лику святыхъ мучениковъ, пострадавшихъ за св. Церковь; потому что мучениками должны быть почитаемы не только тѣ, которые умираютъ за вѣру отъ руки палача, но и тѣ, которые умираютъ, защищая какую бы то нибыло изъ христіанскихъ добродѣтелей.

Погребеніе совершено было со всевозможною торжественностію. Всѣ благочестивыя лица, собравшіяся изъ столь дальнихъ странъ, по чувству любви и уваженія къ почившему въ Бозѣ епископу, а особенно пришедшіе изъ Антіохіи и Константинополя, проливали источники слезъ: Помышляя о тѣхъ наградахъ, которыя Господь воздастъ сему святому защитнику правды, они радовались; но представляя себѣ его тѣло, пораженное смертію, навсегда закрытыя очи, краснорѣчивыя уста, осужденныя на всегдашнее молчаніе,—горько плакали. И еще болѣе лились слезы у нихъ, когда представляли себѣ, что сей святый и великій пастырь умеръ послѣ невыносимыхъ страданій труднаго пути, умеръ вдали отъ своего отечества, отъ своей любезной паствы и друзей, среди дикой, безлюдной пустыни.

Бездыханное тѣло св. Златоуста съ соблюденіемъ всей торжественности церковныхъ обрядовъ положено было близь мощей св. мученика Василиска, дабы

---

[1] Палладай тамъ же стр, 101.

онъ, принявъ участіе въ его небесной славѣ, раздѣлялъ вмѣстѣ съ нимъ подобающее почтеніе и благоговѣйное поклоненіе отъ людей и на землѣ.

Такъ умеръ, такъ преданъ былъ землѣ сей свѣтильникъ Церкви, сей великій патріархъ, непрестанно жертвовавшій собою для распространенія славы Божественной между людьми. Вѣсть о смерти его навела великую скорбь на всѣхъ; епископы и пресвитеры—всѣ оплакивали его кончину; ибо съ его смертію они теряли великаго свѣтильника вѣры, защитника истины, образецъ пастырской ревности и вмѣстѣ истиннаго друга.

Бѣдные также скорбѣли объ немъ, и немощные проливали слезы: они въ немъ теряли утѣшителя и отца.

Пустынники, дѣвственницы и вдовы не меньше предавались скорби, услышавъ о смерти его: ибо онъ былъ для нихъ и вѣрнымъ руководителемъ и нѣжнымъ отцомъ. Вся Церковь оплакивала его; ибо она въ немъ лишилась одного изъ величайшихъ святителей, одного изъ неустрашимыхъ и ревностнѣйшихъ защитниковъ святой Вѣры.

Но смерть св. Златоуста, которую почти весь міръ оплакивалъ, не тронула жестокихъ сердецъ его враговъ, не вдохнула въ нихъ чувствъ примиренія; ихъ злоба не удовлетворилась тѣмъ, что причинила ему столько болѣзней и злостраданій своими гоненіями, злословіемъ и клеветою еще при жизни его. Не имѣя возможности заставить его болѣе страдать, не могли впрочемъ оставить его въ совершенномъ покоѣ и за гробомъ, стараясь омрачить покрайней мѣрѣ его память клеветою. Намъ бы хотѣлось прой-

ти молчанiемъ порочныя и соблазнительныя дѣйствiя враговъ, но находимъ нужнымъ упомянуть объ нихъ для полноты исторiи; тѣмъ болѣе, что это можетъ послужить не только къ славѣ св. Златоуста, но и къ нашему назиданiю. Тѣ, которые прочтутъ объ нихъ, болѣе возблагоговѣютъ предъ тайными путями Промысла Божественнаго, поймутъ безсилiе человѣческое, вздохнутъ объ ослѣпленныхъ страстями и позаботятся заградить входъ подобнымъ страстямъ въ собственныя сердца.

Въ этомъ новомъ гоненiи противъ св. Златоуста мы встрѣтимъ тѣхъ же и защитниковъ и гонителей. Враги св. Златоуста, движимые страстями, желая поддержать въ другихъ убѣжденiе о законности своихъ дѣйствiй противъ св. Златоуста, не хотѣли вписать имени его въ диптихи для поминовенiя на Божественной литургiи вмѣстѣ съ именами другихъ православныхъ епископовъ, и вмѣстѣ съ этимъ взносили на него множество клеветъ, какъ на возмутителя мира общественнаго. Но на несправедливость дѣйствiй ихъ противъ святаго Iоанна негодовали всѣ благоговѣйно чтившие память его. Къ той же сторонѣ присоединились и всѣ епископы иллирiйскiе и другiе. По смерти великаго вселенскаго учителя западные епископы не прежде пришли въ общенiе съ епископами Египта, востока, Воспора и Ѳракiи, какъ узнали, что они присоединили имя св. Златоуста къ именамъ прочихъ епископовъ [1] Къ водворенiю мира церковнаго много содѣйствовало и то, что главные и сильные виновники злостраданiй св. Златоуста, императоръ Аркадiй,

---

[1] Ѳеодорит. кн. 5, гл. 34.

императрица Евдоксія и патріархъ александрійскій Ѳеофилъ также прешли изъ этой жизни, и мѣсто ихъ заняли лица благочестивыя, умѣвшія цѣнить великія добродѣтели св. Златоуста. На прочія каѳедры епископскія недоброжелателей его взошли также люди съ истиннымъ расположеніемъ ко всему доброму, которые не только у себя вписывали имя его, но и другихъ убѣждали къ тому же, и чрезъ то содѣйствовали къ водворенію мира между всѣми частными церквами, и всѣми членами Церкви, а вмѣстѣ съ этимъ и чувство благоговѣнія къ св. Златоусту проникло въ душу всѣхъ вѣрующихъ, прежде соблазнявшихся о немъ.

Но сего еще недостаточно было для совершеннаго уничтоженія соблазна и для возстановленія славы св. епископа. Въ злословіи, клеветѣ и изгнаніи св. Златоуста принимали участіе царственныя особы, вельможи, епископы, многіе изъ членовъ клира и многочисленная часть народа; онъ постыднымъ образомъ былъ изгнанъ изъ церкви изъ среды своихъ чадъ духовныхъ; но Богъ восхотѣлъ, для возстановленія и утвержденія въ народѣ благоговѣйной памяти о немъ, чтобъ онъ вошелъ опять въ Константинополь съ высшими, необыкновенными почестями; чтобы его возвращеніе было несравненно величественнѣе и торжественнѣе, нежели сколько унизительно было изгнаніе.

По смерти Аркадія престолъ восточной имперіи занялъ сынъ его, младшій Ѳеодосій. Сей новый государь одаренъ былъ превосходными качествами души, имѣлъ характеръ кроткій и человѣколюбивый, терпѣливый, смиренный и весьма расположенный къ дѣламъ благочестія. Послѣ многихъ перемѣнъ въ цер-

ковной іерархіи Константинополя, возшелъ наконецъ на епископскую каѳедру сего города св. Проклъ, епископъ кизикскій. Этому благочестивому епископу и другу св. Златоуста предназначена была отъ Бога честь перенесенія св. мощей его. Въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ, по низложеніи св. Златоуста, воспоминаніе о немъ не только не истребилось изъ памяти жителей Константинополя, но почитаніе къ нему съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастало. Св. Проклъ съ перваго года своего возшествія на константинопольскую каѳедру произнесъ слово въ похвалу св. Златоуста и тоже самое дѣлалъ каждый годъ. Но наконецъ насталъ день, назначенный Богомъ для прославленія его вѣрнаго служителя, для утѣшенія благочестивыхъ и для торжественнаго низложенія всѣхъ клеветъ на него.

Сердца всѣхъ такимъ были проникнуты благоговѣніемъ къ св. Златоусту, что лишъ только св. Проклъ предложилъ перенести мощи святаго изъ Команъ въ константинополь, императоръ Ѳеодосій, сестра его Пульхерія, Аркадій и Марина изъявили полное согласіе на предложеніе его, желая между прочимъ, этимъ поступкомъ облегчить грѣхъ Аркадія и Евдоксіи. И желая совершить это дѣло съ торжественностію и великолѣпіемъ, приличнымъ высокимъ достоинствамъ св. Златоуста, Ѳеодосій отправилъ въ Команы пословъ изъ сенаторовъ и высшихъ сановниковъ государственныхъ. Отдавъ письма отъ Ѳеодосія мѣстному епископу и жителямъ города съ распоряженіемъ относительно перенесенія мощей, посланные приступили къ исполненію полученныхъ приказаній.

Открыли могилу: но въ ту минуту, какъ только

хотѣли взять раку съ св. мощами, Господь совершилъ чудо, желая тѣмъ проявить великую святость своего служителя. Можетъ быть, нѣкоторые думали, что перенося мощи святаго—они тѣмъ оказываютъ большую услугу святому; но Господь хотѣлъ показать, что святые никогда въ насъ не имѣютъ нужды, что почести, воздаваемыя имъ отъ насъ, молитвы, возносимыя къ нимъ, нисколько не прибавляютъ ничего существеннаго къ ихъ внутреннему блаженству и совершенству, и что все, что только дѣлаемъ мы для нихъ, приноситъ пользу болѣе намъ, нежели имъ. Не смотря на всевозможныя усилія въ продолженіе нѣсколькихъ дней поднять раку, не могли ее сдвинуть съ мѣста, рака оставалась неподвижною, какъ бы прикованная къ мѣсту. Св. Златоустъ, какъ бы не хотѣлъ оставить мѣста своего изгнанія, въ которомъ въ продолженіи уже нѣсколькихъ лѣтъ покоились святыя его мощи. Посланные написали объ этомъ императору. Благочестивый государь, пораженный чудомъ, тотчасъ пригласилъ къ себѣ святаго Прокла патріарха константинопольскаго. Выслушавъ его сужденіе объ этомъ предметѣ и совѣты другихъ благочестивыхъ епископовъ, государь понялъ намѣреніе Божіе сокрытое въ этомъ чудѣ. По несправедливому суду его отца Аркадія св. Златоустъ съ безчестіемъ изгнанъ былъ изъ Константинополя; по праву справедливости, желая возвратить святаго въ городъ Ѳеодосій долженъ былъ, какъ невинно оскорбленнаго просить его объ этомъ. Поэтому онъ написалъ письмо къ святителю, въ которомъ смиренно умолялъ его сжалиться надъ имперіею, вспомнить, что Константинополь былъ его паствою, ввѣренною ему самимъ

Богомъ, и что онъ самъ императоръ, сынъ его духовный чрезъ крещеніе. Умолялъ его вмѣстѣ съ симъ забыть всю несправедливость, всѣ оскорбленія причиненныя ему его отцемъ, и не огорчать своимъ отказомъ города, который все благо свое поставлялъ въ томъ, чтобъ владѣть его св. мощами.

Лишь только посольство отъ императора прибыло въ Команы, просительное письмо положили не перси святаго изгнанника, и весь народъ провелъ ночь въ молитвѣ; правосудный и вмѣстѣ милосердный Господь внялъ смиреннымъ мольбмъ покаянія, — и на другой день гробница поднята была безъ всякаго труда.

Пресвитеры возложили священное бремя на свои плечи, и, предшествуемые посланными отъ царя и сопровождаемые многочисленнымъ собраніемъ, народа, отправились въ путь. Вѣсть о перенесеніи мощей разносилась все далѣе во всѣ концы имперіи. Пресвитеры, пустынники, дѣвственницы и всѣ вообще правовѣрные всякаго возвраста и состоянія стекались къ дорогѣ, по которой продолжалось шествіе, несли въ своихъ рукахъ зажженные факелы, воспѣвали гимны и разныя пѣснопѣнія, и воздухъ оглашался сладкозвучными и торжественными возгласами.

Когда же святое тѣло принесено было въ Халкидонъ, то весь городъ Константинополь съ многочисленнѣйшимъ собраніемъ окрестныхъ жителей, бросился на встрѣчу своему прежнему пастырю. Весь Константинопольскій проливъ покрылся многочисленнѣйшими судами, которыя въ разныхъ направленіяхъ, разсѣкая волны моря, освѣщались зажженными факелами и свѣщами. Святыя мощи перевозимы были на

императорскомъ суднѣ; и лишь только прибыли къ берегу, тотчасъ рака переложена была въ царскую колесницу и перевезена въ церковь св. Апостолъ, среди криковъ радости, слезъ и благословенія со всѣхъ сторонъ. Когда поставлена была въ храмѣ рака съ святыми мощами,—императоръ съ сестрою Пульхеріею смиренно преклонили предъ ними главу и колѣна свои; потомъ Θеодосій, снявъ съ себя всѣ знаки царскаго достоинства, подошелъ къ гробницѣ, и склонивъ къ мощамъ главу, устремивъ на лице святителя очи свои, умолялъ его о прощеніи своихъ родителей-Аркадія, а особенно Евдоксіи, какъ болѣе виновной во всѣхъ страданіяхъ святаго. Весь народъ, до глубины сердца растроганный симъ умилительнымъ зрѣлищемъ, вмѣстѣ съ императоромъ, проливалъ горькія слезы. Когда императоръ отошелъ отъ гробницы, святый Проклъ поставилъ ее на патріаршее мѣсто, и въ сіе время послышался голосъ говорившій: «святѣйшій отецъ! займи опять свой прежній престолъ»! Говорятъ, что въ это время раскрылись уста святаго и онъ произнесъ слова: «миръ вамъ». Съ тѣхъ поръ св. Церковь празднуетъ перенесеніе мощей св. Златоуста 27 генваря.

Святый Златоустъ на землѣ горѣлъ истинною любовію ко всѣмъ, и теперь самъ почіетъ въ томъ, Кто Самъ есть Любовь (1 Іоан. 4, 8.). Минуютъ годы и вѣка, много совершилось и совершится перемѣнъ въ разныхъ странахъ, но имя св. Златоуста пребудетъ вѣчно, слава и награда его не погибнутъ никогда.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Стран.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Должно читать.*
29	14	приносить	приноситъ
—	22	стремленіе	стремленіи
31	13	думаютъ	думаютъ
—	23	ихже	ихъ же
32	22	смирѣніемъ	смиреніемъ
—	27	облагавшій	облегавшій
33	1	авдвокатство	адвокатство
34	21	гимны.	гимны
38	18	непреступныя	неприступныя
—	19	рѣвъ	ревъ
41	29	помышляющій	промышляющій
46	12	вѣчныи	вѣчныя
—	19	блахъ	благъ
47	8	Христосъ	Христосъ,
—	14	Стелехія.	Стелехія,
60	25	някто	никто
62	12	называлются	называются
77	9	водворялась	водворилась
—	11	снискикалъ	снискивалъ
—	23	чистолюбивые	честолюбивые
80	1	разаражительный	раздражительный
—	6	эти	это
83	3	распространію	распространенію
102	20	облегчить	облегчитъ
110	8	такъ	текъ
129	24	непостежимости	непостижимости
146	19	безчиненіе	безчиніе
147	7	удается	удастся
—	12	счатливому	счестливому
150	28	льстецевъ,	лстецевъ,

Стран.	*Строк.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
151	2	Своихъ	своихъ
152	14	прадаяй	продаяй
—	17	Господа,	Господа
153	5	нужну	нужду
—	11	къ жизни	въ жизни
159	31	агеломъ	аггеломъ
168	10	военноначальника	военачальника
188	9	благодѣяніи	благодѣянія
195	29	возбужденіи	возбужденія
202	25	уномянемъ	упомянемъ
210	14	тѣло	тѣла
235	1	а краснорѣчива	и краснорѣчиво
250	3	сѣменани	сѣменами
256	4	непреложенную	непреложную